

A woman with long dark hair, wearing a dark, strapless dress, is shown in profile, looking down at a butterfly she is holding gently in her hand. The background is a lush, green jungle with various plants and foliage. The lighting is dramatic, highlighting the woman's features and the butterfly's wings.

Р. Трез Н. Верм

ИНСЕКТЕРА

Выжить в любви

Регина Грез
Александр Верт
Инсектерра. Выжить в любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68020730
Инсектерра. Выжить в любви / Александр Верт, Регина Грез:
Авторское; 2022

Аннотация

Спасаясь от преследования, Рита прыгнула в реку, а очнулась уже в Другом мире. Хитрый староста продал ее лесным жителям, чья колония гибнет без королевы. Ради спасения дикого клана героиня должна подарить любовь четверем членам Совета.

Принимая обожание кормисов, Марго делает свой выбор, меняя вековые устои Кормаксилона.

Медовые соблазны и ужасы, нападение жестоких врагов, смертельные бои и приключения в джунглях, самые экзотические особи Гиблого леса.

Остросюжетная мелодрама, где героев будут выручать сильный характер и чувство юмора.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	70
Глава 7	86
Глава 8	97
Глава 9	117
Глава 10	131
Глава 11	139
Глава 12	157
Глава 13	172
Глава 14	195
Глава 15	204
Глава 16	221
Глава 17	236
Глава 18	246
Глава 19	263
Глава 20	276
Глава 21	293
Глава 22	303
Глава 23	309

Глава 24	320
Глава 25	333
Глава 26	355
Глава 27	367
Глава 28	378
Глава 29	384
Глава 30	394
Глава 31	403
Глава 32	414
Глава 33	421
Глава 34	438
Глава 35	450
Глава 36	457
Глава 37	467
Глава 38	479
Глава 39	489
Глава 40	498
Глава 41	505
Сказания Кормаксилона	518

Александр Верт, Регина Грез Инсектерра. Выжить в любви

Глава 1 Воспоминания Магрит

Гиблый лес. Инсектерра

Мое настоящее имя – Маргарита, но раньше для одноклассников я была просто Марго. Никого не напоминает? Королева Марго – заметная историческая личность в моем прежнем мире. Случилось так, что я тоже стала настоящей королевой для большого количества довольных подданных.

Кормисы называли меня Магрит, пришлось привыкать. Мне ко многому пришлось привыкать в Инсектерре. Я живу здесь уже третий год. Удивительное время, хотя о времени я, кажется, забыла напрочь. Мне было не до того, чтобы следить за днями и месяцами. Я была занята любовью – их любовь ко мне и единственное, чего хотела поначалу – просто уцелеть. Выжить в искренней и преданной любви многих

восхищенных мужчин.

Если бы кто-то в школьные годы сказал, что меня ожидает такая удивительная судьба, я бы расхохоталась во весь голос. Да что во мне особенного? Я обычный человек, кстати, не очень удачливый. Хотя... Бывает гораздо хуже, жаловаться грех. Грех! Я до сих пор ненавижу это слово, в моей жизни был период, когда я слышала его почти каждый день.

Мы жили в маленьком провинциальном городке, в обычном спальном районе недалеко от центра. Все началось с того вечера, когда мама решила сходить на собрание новомодной секты. Вернулась с горящими глазами и еще с порога заявила, что мы неправильно живем. Отец сначала недоумевал, но мама взяла с собой его на следующее сборище "светолюбов", и там на моего впечатлительного родителя снизошла Великая Благодать.

В итоге телевизор мы отдали знакомым, сотовый у меня исчез, начались упреки по поводу коротких юбок и распущенных волос. Одна младшая сестренка радовалась, принимая все происходящее за увлекательную игру. Еще бы, восьмилетняя Таська купалась во внимании многочисленных гостей, ее завалили книжками с яркими картинками, вместе с новыми друзьями она распевала гимны о свете божественной милости.

А я пряталась в своей комнате и пыталась сосредоточиться на учебниках. Мечтала поступить в медколледж, потому что в Академию огромный конкурс, нужны деньги или свя-

зи. Ни того, ни другого у нашей семьи не было, значит, придется пробиваться самой.

Мне ужасно хотелось стать врачом, непременно кардиологом или хирургом. Планировала спасти людей, приносить пользу, быть нужной. И все у меня сбылось, но, увы, не в нашем мире, а там, где вообще не требуется диплом врача.

Обо всем по порядку...

На выпускной вечер по случаю окончания школы я не пошла, и это была моя первая подростковая трагедия. Мама разрезала ножницами прелестный красный сарафан на бретелях, объяснив свой поступок тем, что так вызывающе одеваются развратные женщины, попросту – шлюхи.

Мама приготовила для меня другой наряд, но в ее балахоне я не решилась бы показаться перед друзьями, у меня их и так почти не было. Ночью я убежала из дома и сидела на скамье возле подъезда, а потом пошла к Женьке.

Он старше меня на три года, мы раньше жили в соседних домах, ходили в одну школу, дружили всерьез и думали пожениться, когда вырастем. А потом его родители купили квартиру в другом районе и переехали. Женька нашел новых приятелей, мы долго не виделись. По слухам, парень с трудом доучился до девятого класса и ушел в какую-то банду, его даже чуть не "посадили", он чудом выкрутился и стал гораздо осторожнее.

Порой мы случайно пересекались на улице, Женька смотрел дружелюбно и звал гулять, я отчего-то его побаивалась

или заранее ревновала – симпатичный, говорят, у него часто меняются девчонки. Как раз перед моим выпускным мы встретились в парке, я удачно сдала экзамены и верила, что все самое лучшее ждет впереди.

Женька оглядел меня с головы до ног и пригласил в кафе, я отрицательно помотала головой, но ничего не ответила прямо. И тогда он начал жаловаться, что одинок и никто не может его понять, будто он ищет заботливую, нежную натуру, а всем девкам нужны только деньги и секс. Я смутилась, и Женька посмотрел на меня с явным мужским интересом. Потом спросил, есть ли у меня парень.

Мы гуляли в парке, вспоминали детские годы, купили мороженое. Женька не сводил с меня глаз, а я стеснялась и ела медленно, так что вскоре лакомство подтаяло и по моему подбородку потекли сладкие молочные струйки. Тогда он попытался стереть их пальцем, – я засмеялась и, кажется, покраснела, а Женька меня поцеловал или лучше сказать облизал мне губы и занырнул языком между ними.

От его действий у меня задрожало в груди, а внизу живота сразу сделалось тепло и приятно зануло. Я не умела целоваться и уж тем более стыдно было это делать у всех на виду. Тогда мы пошли к Жене домой, чтобы продолжить. Я знала, что поступаю рискованно, все может закончиться плохо, но все равно с бьющимся сердцем поднималась по грязной лестнице пятиэтажки до самого верха.

Женя меня почему-то не тронул в тот день. Мы целова-

лись, он гладил меня везде, забираясь руками в трусики и под футболку. Я вяло сопротивлялась, но мне даже хотелось, чтобы все это уже случилось. Почему-то никогда не верила в «великую любовь» и вовсе не ждала своего Единственного. Подобные сказки не про меня.

Я же обычная. Такая как мама, как соседка тетя Света, как много других женщин нашего маленького городка. После сорока лет у них усталые, обрюзгшие лица, расплывшиеся фигуры и согбенные спины. В руках пакеты с едой и дети. На работе скука, рутина, нервозность, а дома ждет ужина муж в обвисших штанах, с намечающейся лысинкой и пивным пузиком.

Кстати, дома еще и вторая работа: мыть, стирать, варить, проверять уроки, строить планы на ремонт, если хватит средств. И как единственное развлечение перед сном – красочный сериал по ТВ. Но мама моя была из той породы женщин, что терпеть не могут однообразие и жизнь по накатанным рельсам, в душе она искала приключений и новизны. Любила менять интерьер дома, увлекалась то комнатным цветоводством, то изучением иностранного языка. Хотя быстро перегорала, если встречала занятие интереснее.

Я думала, так будет и с сообществом «Свет любви», но маме очень понравился их лидер – брат Любомир. Высокий, солидный мужчина с орлиным взором и интригующей преседью в длинных черных волосах.

Думаю, мама привлекла его внимание своей еще строй-

ной фигурой и молодым блеском в синих глазах. Когда Любомир стал выделять яростную последовательницу его учения из прочих «сестер», участь нашей семьи была решена. И пролился любовный свет на все наше грешное захолустье...

А Женька мне тогда сказал, что я красивая, а со временем стану просто «обалденной». Мы лежали на его стареньком диване, и я училась доставлять мужчине удовольствие разными способами. Мою невинность Женька решил оставить себе на десерт. Ему взбрело в голову, что надо подождать, пока мне исполнится восемнадцать лет.

Но и в тот вечер я много интересного узнала о мужском теле, Женька был потрясающий экспонат для исследования. Потом откуда-то сверху мне на плечо свалился толстый, мохнатый паук, я завопила и начала его сбрасывать. Боюсь всяких пауков и насекомых. Мелких – боюсь, а вот с крупными особями Инсектерры мне повезло – никто не обидел. Но это позже...

А тогда Женька почему-то запсиховал от моих криков и велел собираться домой. Только пригрозил, чтобы я ни с кем больше не встречалась. Вот дурак! Да я почти влюбилась в него за несколько часов, что мы провели вместе после долгого расставания.

В ту ночь отец впервые ударил меня по лицу. Тася спала, мама уехала на собрание в пригород. С ночевкой уехала и потому отец был пьяный и злой. А я была такой взволнованной и возбужденной, что не могла обижаться.

Просто зашла в свою комнату, забралась под одеяло и попыталась удовлетворить себя сама. И еще красочно представляла, что со мной проделывает Женька, как он трогает мою грудь и облизывает соски... От этих фантазий я словила полнейший кайф, на какое-то время тревоги вылетели из головы, уступив место краткому удовольствию.

А через пару дней мама изрезала мой воздушный сарафанчик для выпускного. Я выбирала его сама, впервые в жизни сделала самостоятельную покупку, потому что маме было некогда.

В итоге мы опять поругались, на меня наорали и всячески обозвали, тогда я убежала к Женьке. Мы так и не дождались, когда мне исполнится восемнадцать, я стала женщиной под утро, попросила сама. Было ужасно больно и неприятно, хотя он заверил, что так только поначалу. И еще сказал, что поможет во всем дальше. И когда-нибудь мы непременно поженимся.

Утром мама ледяным тоном, без всяких криков и даже почти спокойно сказала, что "девка гуляющая" им в доме не нужна. Отец снова оказался пьян, с ним невозможно было разговаривать. Вдвоем с мамой мы решили, что мне лучше уехать, в нашем городишке только разные ПТУ и Педколледж, а я-то мечтала быть врачом.

Мама смотрела равнодушно, думала о чем-то своем, но не очень радостном. Мне на мгновение стало жалко ее до слез. Я хотела взять ее за руку, обнять, в чем-то признаться, но

она меня отстранила.

Поджав губы, обещала присылать деньги, а потом назвала неблагодарной дрянью. Сказала, что вся надежда теперь на Тасеньку и надо вырастить из нее достойного человека. Я не очень понимала, в чем моя вина, но не стала спорить.

В другой город мы приехали вместе с Женей, стали жить у его бабушки, довольно славной старушки, но почти глухой и неопрятной. Я поступила в Медколледж, поначалу все складывалось удачно.

Мы с Женей всяко разно любили друг друга ночами, я была уже умная, пила специальные таблетки, чтобы не залететь, денег тоже хватало. Это был самый спокойный период моей молодой жизни. Я, конечно, подозревала, что Женя связан с криминалом, даже уговаривала его бросить темные дела и найти нормальную работу. Он отшучивался, дарил мне цепочки, серьги, покупал красивое белье. А я так привязалась к нему, что не могла долго ныть и хотела выглядеть веселой.

Зануд он на дух не выносил, а я порой начинала бояться, что Женя встретит другую – раскрепощенней меня. Я бы, конечно, справилась, к тому времени уже нашла себе подработку, мыла полы в лаборатории и еще в кабинетах нашего корпуса, вполне могла бы снять комнату или попроситься в "общагу".

После колледжа я поступить в Медицинскую академию – старалась хорошо учиться, зубрила анатомию, а латынь так даже полюбила. За три года я только пару раз ездила домой,

там все было по-прежнему, родители жили, вроде бы, дружно, отец больше не пил, но стал какой-то апатичный, мама вышла в лидеры «любовной» секты и похоже, совсем забросила дом.

Тася была при маме, у нее нашлось много подруг среди детей таких же преданных фанатов «света». Больше всего я жалела, что нам не о чем говорить с сестрой. Мы были словно чужие люди.

Возвращалась к Жене я всегда с тяжелым сердцем, он меня утешал, говорил, что «предки» сами по себе и надо уметь обходиться без них. Я спрашивала, а как же семья, где все друг друга любят и поддерживают? Мне хотелось понимания и любви, а Женьке хотелось секса, разного, острого и заводного.

Я выкладывалась изо всех сил, но что-то стало меняться в наших отношениях. Он был уже не особенно ласков, все делал наспех и больше требовал, а я просто устала быть «пластилином» в его руках.

И еще он стал надолго исчезать из дома. Когда бабушке стало плохо, я попыталась оказать ей необходимую помощь, вызвала скорую, а потом позвонила Жене. Незнакомая девушка промурлыкала в трубку, что «малыш» занят, и я все сразу же поняла. Потом он сам устраивал похороны, оформлял документы на квартиру – его наследство по завещанию.

А когда все хлопоты улеглись, мы сели поговорить по душам за поминальным столом. Пряча взгляд, Женя объявил,

что ему надо уехать из города по работе, куда-то даже в ближнее зарубежье, возможно надолго. Я легко восприняла эту новость, тем более, что меня назначили «домоправительницей».

Он показывался теперь раз в два- три месяца, всегда неожиданно, наспех «любил» меня, что вызывало скорее досаду, чем удовольствие и снова исчезал надолго. А мне было комфортно одной, и я начинала всерьез бояться, что привыкну к такой жизни и уже не смогу создать семью. В моих мечтах не было детей.

Мне отчего-то казалось, что я буду никудышной матерью, равнодушной и замкнутой на себе, а малыши будут страдать. Уж лучше останусь одна и растворюсь в работе. Зачем? Ну, надо же как-то жить.

Сказать честно, я вообще не видела смысла в своем существовании, лишь только желание быть кому-то нужной, полезной придавало бы значение. Семья? А вдруг я не справлюсь, начну притворяться, превращусь в унылого робота или меня увлечет нелепая идея о всеобщей любви и гармонии, что заставит забыть о родных. К тому же семью нужно создавать с любимым человеком, которого уважаешь и ценишь. А где такого найти?

Уже через год нашей совместной жизни я поняла, что с Женей мы никогда не построим прочный союз, основанный на любви и доверии. Утолив желания тела, мы исчерпали взаимный интерес и расставание должно пройти безболезнен-

но. Но я медлила, боялась оторваться от привычных якорей, может, еще ждала его инициативы. В ту или иную сторону.

Три года учебы пролетели как долгий муторный сон. Продержаться еще три, получить диплом, потом годик интернатуры и можно начинать жить. Наивная. У меня не было этих трех лет... А может, и к лучшему.

Последние дни в обычном нашем мире я вспоминаю с трудом, мне хочется их забыть, стереть из памяти навсегда. Проще думать, что я тоже первозданное отродье Гиблого леса и такая же изворотливая тварь, как большинство его обитателей. Моя прежняя жизнь кажется старым фильмом, который случайно зацепился в памяти.

Вот его последние кадры...

В начале июля у подъезда нашего дома остановился черный джип. Я возвращалась из магазина, куда заглянула после ночного дежурства. У меня редкий выходной день, хотелось унять голод и провалиться в сон, потом я планировала подзубрить физиологию, скоро серьезный экзамен.

На автопилоте я обошла машину, загородившую площадку перед высоким крыльцом, достала ключи, как вдруг меня остановил знакомый голос:

– Ритуль! Солнце, совсем заработалась, уже и по сторонам не смотришь.

Я шурила воспаленные глаза на водителя, неужели приехал Женька, как не вовремя. Совсем нет сил и желания общаться. Но откуда такая крутая машина? На пассажирском

сидении вальяжно развалился немолодой грузный мужчина. Заинтересованно смотрел в мою сторону. Женька наклонился к нему и что-то прошептал, мужчина медленно кивнул, будто соглашаясь.

Я досадливо отвернулась и подошла к двери. Голова была тяжелой, хотелось только лечь и закрыть глаза. Сожитель мой зашел следом, перехватил пакет с продуктами, залетел на третий этаж.

– Ритуль, вечером едем в гости, на природе отдохнем, мангал и рыбалка.

– Прости, не смогу. Давайте без меня.

А вообще, приглашение выглядело несколько странным. Мы давно никуда не ходили вместе, у каждого своя жизнь, похоже, нас объединяла только квартира. Женьке иногда нужно было тихое убежище, где можно пару дней выспаться, перевести дух, провести ночь с симпатичной подругой. А мне отводилась роль экономки и непритязательной любовницы.

Да, иногда наши редкие встречи походили на праздник. Но «принц воров» снова уезжал, а Золушка на следующий день выносила пустые бутылки «Мартини» и «Хенесси», хрупкие коробочки из-под суши.

Не знаю, почему в тот вечер я все же поехала с ним в загородный коттедж. Наверно, захотелось нарушить рутинный распорядок будней, немного встряхнуться, хлебнуть другой жизни – сытой и беззаботной. Захотелось новых впечатле-

ний, любопытно стало заглянуть в богатый особняк, посмотреть как проводят время обеспеченные люди. Знала бы я тогда, что на этой вечеринке мне готовилась роль десерта...

Женя начал издалека и сначала довольно ласково, говорил, что попал в передрягу и ему нужна моя помощь. Денег я ему достать не могла, но вот помочь расплатиться должно быть по силам. Всего-то делов – переспать с хозяином коттеджа, каким-то Багром или Бугром, я так и не поняла.

Предложение застало меня врасплох, показалось подлым и гадким, перечеркнуло все хорошее, что нас еще объединяло, наши детские воспоминания, зарождающуюся любовь. А была ли она? Но Женя был у меня первым, я относилась к нему с нежностью, искренне желала ему добра.

Сначала я подумала, что он шутит, что это жестокий розыгрыш, черный юмор. А когда поняла, что Женька говорит всерьез, захотела его ударить-оттолкнуть, сделать так больно, чтобы он реально страдал. Я ему верила, а он предал и продал меня за свои грехи.

Разом нахлынули самые тяжкие чувства, затопило отчаянием, а Женька ничего не заметил, уговаривая меня отнестись спокойней к происходящему:

– Выручи меня, я же тебе когда-то помог. Надо отдавать старые долги. Он мужик нормальный, не «садюга» какой. Вообще, хорошо, что ты ему понравилась, иначе мне бы не отвертеться.

– Хорошо. Я все поняла. Никаких проблем. Можно, я про-

гуляюсь немного у беседки, давно уже не выезжала из города, а здесь так легко дышится. Принесешь еще красного вина? Я бы сейчас выпила.

Он не заподозрил подвоха, вообще, был нервный, рассеянный, похоже, и правда, крепко вляпался в неприятности. Но я не хотела его спасти такой ценой. Если бы Женя раньше мне сказал, что нужна крупная сумма и грозят страшные кары, мы попытались бы вместе найти выход.

Но в том-то и дело, что «вместе» мы давно уже не были, а иллюзии нашей семейной жизни в первый год после школы рассеялись как сигаретный дым на ветру. И теперь мое сердце засыпано толстым слоем рыхлого пепла, похоже, я разучилась любить, так и не осознав в полной мере это чувство.

И теперь лишь одно нестерпимое желание охватило душу – сбежать, вырваться из западни. Женя ушел, а я с невинным видом обогнула беседку, желая добраться до забора. Потом долго шла вдоль него, чувствуя подступающую панику, мне не перелезть, слишком высоко, не сумею, не найду выход.

Меня вдруг затошнило, спазмы внутри чуть не вывернули наизнанку, заставив согнуться пополам. Ненависть и отвращение, я ухватилось за эти два слова в мутнеющем сознании. И одна цель – удрать, вырваться во что бы ни стало.

Скоро я вышла к маленькой калитке на задворках ограды, она оказалось открытой и уже не важно, куда вела. Я змейкой выскользнула наружу и побежала по узкой тропе прочь от усадьбы. Опомнилась только на берегу реки, когда позади

раздались мужские голоса и пришло четкое понимание, что сбежать не получится.

А когда послышался зов Женьки, на меня нашло какое-то безумие, я бросилась в сторону, чувствуя себя загнанной маленькой зверушкой. Сначала показалось, что они потеряли мой след, я двигалась вдоль реки, не разбирая дороги, рассчитывала выйти к жилью, к трассе, пусть даже к лесной тропе. Лишь бы подальше от этих гадов.

Коттедж стоял уединенно, никаких поселений вблизи не было, до шоссе пара километров, я смогу их пройти, только бы знать направление.

Наконец впереди показался забор из колючей проволоки, и я припомнила слова Женьки о частной огороженной территории. У меня подкосились ноги, грудь будто стальным обручем сдавило, пыталась дышать открытым ртом, собраться с мыслями. Позади лаяли собаки, одна или две... И тогда я пошла к реке.

Нет, я не боялась переспать с тем мужиком, вовсе нет. Я бы это пережила, слава богу уже не маленькая, кое-что видела в жизни, пока работала на «скорой». Однажды мы забирали девушку, которая перерезала себе вены после того, как ее изнасиловали трое бомжей на окраине. Я тогда ставила себя на ее место, разве могла бы такое сделать с собой? Зачем умирать так нелепо, ведь смерть не минует никого в свой срок и еще можно столько всего успеть.

Если бы трое ублюдков поиздевались надо мной в трущо-

бах и оставили в живых, я бы все перенесла, просто огрубела бы душой, но нашла в себе силы как-то существовать, отыскала бы способ, придумала сотню причин. Хотя бы месть.

Но здесь и сейчас мне была омерзительна мысль, что я должна стать выкупом для трусливого подонка, что мой первый мужчина готов спокойно передать меня в чужие потные лапы.

Я медленно шла к реке и заставляла себя улыбалась, в котедж я не вернусь, буду учиться плавать. Когда-то мечтала научиться, но не было случая, а сейчас время пришло.

Вода была ледяной, у меня мгновенно вышибло воздух из легких. Сперва я безуспешно пыталась бороться с течением, держала голову выше, но руки немели, последнее, что помню из нашего мира – оскаленную песью морду на берегу и силуэт мужчины поодаль.

Все...

Глава 2

В Кормаксилоне

Гиблый лес. Инсектерра.

678 год от Первого Кокона

Это была непроходимая часть джунглей, самая сердцевина Инсекты. Чтобы попасть сюда с Ничейной Пустоши безумному путнику пришлось бы долго пробираться через густые сети лиан и переплетения гибких стволов тамарисса.

Но если удачно преодолеть заросли, двигаясь по тайной тропе, то уже к вечеру вторых суток можно выйти на обширную поляну, окруженную огромными деревьями, чьи темно-зеленые кроны образовали сверху подобие пышного шатра.

Именно здесь мощные стволы броксов неприступными стенами возвышались над **Кормаксилоном** – убежищем кормисов. Со стороны внушительная по размерам обитель выглядела словно изъеденный широкими туннелями гигантский конус землисто- серого цвета.

Старший воин стоял на крыше родного дома. Кадо был отлично сложен и великолепно владел всеми видами местного оружия. Его кожа сильно загорела, но отдавала и врожденной краснотой. По левой руке к груди поднимались узоры, создающие танец из черных линий. Далее штрихи пере-

ходили на грудь и расползались ровными полосками по мускулистой спине.

На правом плече Кадо находился отличительный знак в виде двух перечеркнутых наискось отрезков, окруженных ветвистым узором. Рыцари Гальсбурга считали эти древние изображения примитивными рисунками дикарей, но знаки сами появлялись на теле взрослеющего кормиса, указывая его истинное предназначение. Воин, добытчик, строитель, уборщик, наставник...

Сейчас на Кадо красовалась лишь набедренная повязка из множества полосатых шкурок летяг, украшенная поясом с медными бляшками. Старший воин с младенчества отличался щегольством и всерьез гордился нарядом, ибо каждую белку выследил и убил сам.

Кадо был явно не в духе, он хмыкал и фыркал, раздувая широкие ноздри, а потом шумно вздохнул, набирая побольше воздуха в грудь, как вдруг оглушительно свистнул. На краткий миг джунгли затихли но скоро встрепенулись сигналами воинов. Обидно, что отвечает так мало голосов...

Спустившись по мохнатой лиане, из зарослей на поляну выбрались двое мужчин. Причем, один едва мог передвигать ноги. Повязка, прикрывавшая рану в боку, набухла от крови.

Выслушав донесение собратьев, Кадо помрачнел, сурово сверкнул глазами и решительно спрыгнул вниз в один из ходов Дома. Потом пролетел по мрачному туннелю и приземлился в узком подземном коридоре. Кадо быстро миновал

его своим широким, пружинистым шагом и вскоре оказался в огромном пустом зале, где снял со стены тяжелую гладкую булаву и ударил в бронзовый гонг, созывая Верховный Совет.

Прошло немного времени и в залу спустились еще несколько высоченных кормисов. Кадо молча приветствовал их поднятой рукой, а затем привычно устроился на полу, скрестив ноги перед собой.

Теперь четверо мужчин сидели полукругом у подножья небольшой лестницы, на вершине которой располагалась плетенная из темной древесины софа, укрытая мехами. Раньше ее занимала королева Кормаксилона. Теперь она была пуста.

– Если ты позвал нас в разгар дня, Кадо, то новости совсем плохие? – осторожно предположил один из собратьев.

Старший Строитель Мано сидел на теплой шкуре танагра, поджав под себя правую ногу. Он тоже выглядел крепким, как и все кормисы. Узоры украшали его левую руку, плечи, затылок и даже лысую макушку, со спины переходили на живот и исчезали где-то под набедренной повязкой из грубой кожи сильдры. На правом плече в округлом узоре застыл треугольник с крупной точкой.

– Именно, – глухо ответил Кадо, поглядывая на остальных с чувством легкой вины.

– Почти все, кто отправились в горы за новой госпожой, были убиты дармисами.

Собравшись ответили глухим негодующим ворчанием. Дармисы были противоборствующим лесным кланом. Их колония **Дармаллак** находилась далеко в Гиблом лесу у подножия Стонущей горы. По данным разведчиков, у дармисов была Королева и несколько женщин у нее в услужении.

Одну из таких рабынь воины Кадо хотели заполучить себе, но их постигла серьезная неудача. Вернулись только двое из двенадцати лучших солдат – большой урон для колонии.

– И где нам теперь взять новую хозяйку? – спросил Мано, прищурясь.

– Может, купить? – пожимая плечами, быстро проговорил третий советник.

Он сидел между двумя собеседниками, опираясь рукой на согнутое колено. Черные узоры украшали и его тело. На правой руке темнел знак в виде чаши. Наро был главным Добытчиком и друзья ценили его рассудительность и осторожность.

– Я сразу сомневался в плане Кадо. Зачем отправлять солдат так далеко и опасно? Лучше нападём на речной поселок или купим женщину у бородатого предводителя. Я ведь прав?

Скрывая тревогу, он ткнул в пол сочным стеблем Шиксы, повел линию, но Мано, любивший чистоту и порядок больше всяких абстрактных художеств, сердито толкнул сородича в плечо.

– Эти пятна потом едва отмываются, они похожи на кровь.

Следи за собой!

– Извини, – буркнул Мано, тут же поднял стебель от пола и невозмутимо откусил кусочек, разбрызгивая вокруг алый сок. Наро любил рисовать, а еще знал множество занятных историй. Бывшая Королева часто приглашала его разделить с нею ночь – добытчик весьма ее забавлял, даже не касаясь капризной плоти.

Кадо рассмеялся, снисходительно глядя на перепалку, но серьезный Мано не позволил веселью длиться долго, ударив по полу увесистым как кувалда кулаком. На миг в общем зале стало тихо.

– Надо получить королеву как можно быстрее, а значит, придется договариваться с людьми из селения. Мы пока не готовы к новой войне.

– Так я и предлагаю купить, – воскликнул Наро, с хрустом догрызая вкусный стебель.

– Уно, чего ты молчишь? Выскажись! Или, по-твоему, причин для беспокойства нет? Колония на грани вымирания. Без королевы мы не продержимся этот сезон, – резко бросил Кадо четвертому.

Наставник Уно тоже сидел на шкурах у подножия трона. Его стопы касались друг друга, а колени легли на пол. Завидная гибкость молодого тренированного тела. Пока другие говорили, он сосредоточенно смотрел на кусочек пола между собственными пятками и краем набедренной повязки. По-обыкновению, размышлял.

Уно действительно выглядел несколько моложе остальных, хотя тоже обладал развитыми мышцами, а черные узоры великолепно подчеркивали их рельеф. Знак на правом плече кормиса скрывала повязка, и на то были серьезные причины.

– Надо спешить, – протяжно ответил Уно, наконец поднимая голову. – Яйца и коконы скоро начнут высыхать, если все мы не получим внимания новой Матери. Без потомства колония обречена. Да не мне вам рассказывать...

– Ты еще неплохо держишься, – похвалил Мано и невольно коснулся правого плеча, не сдержав жалобы:

– У меня метка третий день болит, и силы уже не те, что луну назад.

– Я привык, – вздохнул Уно. – Моя печать теперь всегда ноет.

– Так сам виноват, – фыркнул Кадо, сверкая глазами, – Вообще не понимаю, как можно назначить старшим того, кто когда-то содрал свой знак отличия.

Добытчик Наро внезапно пнул болтливого друга ногой в колено и сердито оскалился:

– Последи за языком. Его все же Камрит назначила, а тебя мы выбирали сами. Заслужи сначала признание женщины, а потом рассуждай.

– Заслужу, – спокойно ответил Кадо, шлепнув ладонь на свой выдающийся пах. – Я умею доставить женщине удовольствие.

– Надеюсь, при новой повелительнице ты не будешь барабанить себя по груди, как обезумевший гавиан, – проворчал Мано. – Прежняя женщина несколько дней боялась твоего вида и пряталась за покрывалом.

– Я что же, глупец? – спросил Кадо, шумно отдуваясь. – Я жду новую хозяйку каждый миг, я уже ее обожаю, хотя никогда не видел.

При мыслях о настоящей, теплой и живой женщине его глаза мечтательно вспыхнули. Он был весьма высокого мнения о себе и своих самцовских способностях.

– Ну и хорошо! Еще не хватало, чтобы ты нас опозорил.

– В любом случае в селение идти должен воин, – прошептал Наро, со вздохом указывая на красавца Кадо.

– Мы согласны, – растягивая слова, обреченно пробормотал Уно за всех наставников.

Для него королева в первую очередь означала благополучное созревание древних коконов, а никак не постельные улады.

– Собирай отряд сильнейших и ступайте в поселение у реки, – подтвердил Мано, кивнув головой в знак того, что долгий разговор окончен и нет причины для споров.

– Мы всегда готовы идти и брать! – заявил Кадо, раздувая ноздри как племенной бык.

– Только осторожнее с дармисами, я слышал, они теперь забредают и в нашу часть леса, – посоветовал Уно, не изменяя своей неторопливой манере выражаться.

– Да ты что? Они почти не встречаются на границе с людшками, – пренебрежительно фыркнул Кадо.

– Нам теперь нельзя терять ни единого сородича. От твоей удачи и мудрости зависит будущее Кормаксилона, воин. Помни!

– Решено! – воодушевился Кадо. – Тащите скорее добро для обмена: шкуры, веревки, сети и топоры. Купим новую королеву в селении и устроим дело миром. Тогда стражи границы не пошлют за Всадниками и не случится новой бойни. А вот когда мы станем сильнее, никто не помешает нам разорить их жалкие гнезда у речушки. У меня так и чешутся руки кого-нибудь отдубасить!

Он вскочил на ноги, грозно потрясая кулаками, но тут же схватился за правое плечо, морщась от боли.

– Совсем плохо? – сочувственно поинтересовался Наро.

– Кхрэ! Зудит третий день. И кое-кто из воинов не может стоять на ногах. Надо успеть получить женщину, пока мы еще можем шевелиться. Что там еще надо решить в Доме? Пора расходится на отдых и беречь силы.

Добытчик Наро хмуро посмотрел на главного строителя Мано.

– Ты знаешь, что у нас стена над восточными воротами треснула?

– Разве дыру еще не залатали?

– Нет.

– Мои рабочие засыпают...

– Там склад совсем рядом, не хватало еще потерять запасы зерна.

Мано глухо застонал, тяжело поднимаясь с места:

– А если перенести корзины?

– Невозможно. Вчера уснули несколько молодых. Эта участь ожидает нас всех. Дармисам не нужно будет нападать. Когда уснет последний кормис, они заберут еще живые коконы, чтобы вырастить себе рабов и разрушат дом.

– Мы этого не допустим! Я обещаю, скоро милость королевы озарит стены Кормаксилона. Кадо вернется с лучшей добычей.

Советники вышли из залы, мысленно давая указания своим подчиненным.

Кормисам предстояло решить немало важных задач в ближайшие дни.

До спячки, которая может завершиться смертельным сном.

* * *

Покинувший собрание первым, Уно давно скрылся в темных коридорах дома. Когда в Кормаксилоне была королева, всюду горели огни в глиняных плосках и узоры на стенах – искусства Наро казались особенно яркими. Когда Хозяйки не стало, мужчины обходились без света, безошибочно узнавая помещения по запаху. Кормисы обладали совершенным

звериным чутьем.

Из бокового отсека доносился тонкий сладковатый аромат питайи – там находилась кладовая, где на отдельной полке прежде хранились лакомства для Королевы. Чуть дальше было хранилище тканей, а также запасы пряжи и готовой одежды. От набега мелких вредителей вещи окуривали пряным дымом сторевших корней хамелы, поэтому помещение до сих пор приятно пахло.

Уно жадно вдохнул знакомые, будоражащие воображение ароматы, они напомнили ему о прошлом, но следовало вернуться в горькое настоящее. Юноша спускался все ниже, миновал пустые и мрачные галереи с едва уловимой горчинкой плесени – "надо бы послать уборщиков", и оказался в зале с мелкими нишами в стенах от пола до самого потолка.

Там Уно замер у огромного каменного ложа, где на перине из шерсти и душистых растений лежали маленькие округлые яйца, размером чуть больше человеческого кулака.

Их скорлупа была мягкой, красноватого цвета, с брызгами черных пятен. Яйца должны были расти, вытягиваться, становясь плотными коконами. Из каждого такого Коконна появится новый член колонии, новый житель Кормаксилона: воин, строитель, добытчик, мастер, нянька или швея.

Мужчины. Только мужчины.

Пожилой кормис, охранявший самое ценное сокровище, спрятанное в святая святых Дома, устало вздохнул, увидев старшего из наставников:

– Они угасают, – прошептал он, не скрывая отчаяние. – Мне начинает казаться, что они стали меньше. Уно, если все погибнут, то вскоре и первое яйцо зачухнет, и что тогда будет с нами?

– Знаешь, Рано, еще рано паниковать, в самом деле.

Натянуто улыбаясь, чтобы поддержать собрата, Уно осмотрел главное достояние Колонии. Воин или строитель не смогли бы по первому взгляду отличить яйца, едва хранившие искру жизни от тех, в которых уже зрел вполне сформированный маленький кормис. Но Уно сразу все понял и внутренне содрогнулся, осознав, сколько крохотных зародышей на грани гибели.

– Продержитесь еще немного, – мысленно попросил он, развязывая метку на своем плече.

В рисунке узора пряталась спираль, искаженная полосами рубцов. В юности Уно обычным камнем пытался содрать свой проявившийся знак. Ему отчаянно не хотелось быть нянькой, он надеялся оказаться солдатом или на худой конец добытчиком.

Теперь же ему было стыдно за свою прежнюю глупость. Нет большей чести, чем хранить наследие предков, бережно взращивая новые поколения собратьев.

На миг Уно закрыл глаза, подумал немного и наконец взял в руки флейту, спрятанную на маленькой каменной полке выше человеческого роста.

Рано хотел было что-то возразить, даже открыл рот, но тут

же захлопнул его, так ничего и не сказав. Старшему виднее, пускай дарит надежду хотя бы себе. Всем известно, что спасти колонию может только присутствие Королевы, а не какие-то там чудные песенки.

Уно поднес инструмент к губам, глубоко вдохнул и плавно выдохнул, одновременно перебирая чуткими пальцами. Флейта тотчас отозвалась тихим подобием свиста, жалобного, но мелодичного.

По искаженной спирали на плече кормиса пробежала алая рябь. Такой же красноватый отсвет вскоре заскользил по поверхности яиц. Метка ярко вспыхнула и стало медленно гаснуть, зато сияние яиц все усиливалось.

Вдруг Уно резко отнял флейту от губ и осел на каменный пол. Его метка почти исчезла, и теперь мерцающими черными пятнами восстанавливалась вновь.

Встревоженный Рано метнулся к старшему:

– Нельзя так мучить себя, – прошептал он, понимая, что Уно уже набрал сил, чтобы отвечать.

– Ничего, скоро у нас будет новая Мать и все наладится, – вяло отозвался юноша, хотя в глубине души все еще любил своенравную и капризную королеву, пропавшую в неизвестном направлении. Кормисы с трудом могли верить, что волоокая госпожа Камрит сбежала с пленником, которого ради ее забавы привели воины после битвы на окраине леса.

Если бы Уно знал, что никчемное, длинноволосое подобие мужчины так придется по душе поверительнице, задуб-

шил бы грязного всадника одной рукой. Мано так и хотел сделать однажды, но Камрит не позволила. Гневно сдвинула брови и велела отпустить фаворита.

Уно бешено ревновал, он надеялся, что Королева все-таки заметит его и хотя бы еще раз позовет на ложе. Но властная красавица легко позабыла «няньку», отдавая предпочтение Харо – старшему воину того времени, а то и прочим солдатам. Ей нравилось менять мужчин на своем ложе – выбор был велик, хотя чаще всего ее ласкали сразу несколько кормисов.

А потом появилась синеглазая живая игрушка, чудом избежавшая справедливой кары на поле битвы. Чем недостойный раб мог так угодить Госпоже? В каких тайных утехх был сведущ? Надо было отрезать ему яйца и скормить змеям. Следовало вырезать ему язык и сломать все пальцы, чтобы он не мог ими радовать Камрит.

Уно не был кровожаден, но он отчаянно желал свою Королеву, а она проводила ночи с жалким человеческим отродьем – ничтожным Всадником, что валялся под конем, которого пронзило копьё Харо.

Если бы кормисы знали, как дорого обойдется им это пленник, разmozжили бы ему голову еще на Ничейной Пустоши. И кто только предложил показать ей этого волосатого уроды... Посадить на кол, придумавшего столь нелепую мысль.

Уно захлестнула волна тоски, ему снова стало стыдно за

свои невысказанные чувства, но самое страшное в глубине души он даже был рад, что Королеву пока никто не заменил. Разве другая может уподобиться первой женщине в жизни Уно? Богине, снизошедшей однажды до простого уборщика в детском зале?

Их единственную ночь Уно не сможет забыть никогда. Ее гибкое, мягкое тело, умащенное маслами дурранга, ее темные волосы, разметавшиеся на широком ложе. Уно прикасался к ним с благоговением и восторгом. Ни у кого из обитателей Кормаксилона не было на теле волос, казалось, они совершенно не нужны мужчине.

Другое дело роскошная грива Королевы – ее гордость и преимущество. Притягательная и желанная, Камрит позволяла ему ласкать себя до рассвета, и Уно был неутомим. Он задыхался от любви, раз за разом обильно выплескивая семя в ее горячее лоно, он старался обращаться с ней бережно, ведь она казалось ему хрупким цветком, тонким стеблем, который можно сломать одним лишь неловким прикосновением.

Колонии, безусловно, нужна новая женщина, иначе всем грозит медленная смерть, но сердце Уно навсегда отдано первой Королеве. Пусть Кадо, Мано и Наро ждут новую Хозяйку, а Уно в глубине сердца Уно сохранит верность той, что сбежала, забрав с собой все самые чистые и искренние порывы молодого кормиса, превратив его жизнь в одинокое существование на благо колонии.

"Камрит, я люблю тебя, даже если ты обо мне никогда не вспомнишь! Я обещаю хранить память о тебе до конца своих дней..."

Глава 3

Деревня Изгоев

Ничейная Пустошь, берег реки
Маргарита

Мое тело будто парит в воздухе. Удивительные ощущения, я лежу на пушистом облаке и плыву в небесах. Вот только солнце нестерпимо светит в глаза, невозможно открыть. Откуда же столько света? Похоже, я все-таки захлебнулась в реке и попала в рай.

Вдруг меня сильно потрянуло, я завалилась на бок и предельно ударила лбом обо что-то твердое. Наконец открыла глаза, а заодно и рот. Было чему удивиться – меня несли на носилках двое мужчин, и я сразу уставилась в затылок тому, что двигался впереди.

Санитар бригады «скорой помощи»? Не похож. Судя по отросшим нечесаным космам и драным лохмотьям вместо рубахи – просто бомж какой-то. Присутствует даже соответствующий запах давно не мытого тела.

Но самое главное – меня спасли, вытащили из реки и несут к людям. Боже, только бы не обратно в коттедж! Я попыталась сесть и сразу же услышала позади раздраженный скрипучий голос:

– Тан Баруш, она очнулась! Хватит ее тащить, пусть идет сама, я устал.

Я торопливо оглянулась и теперь встретилась взглядом с угрюмым невысоким дядькой, который держал на плечах жерди моих носилок. Он тут же ослабил в виде приветствия, продемонстрировав остатки гнилых зубов, и мне пришлось перевела взор на второго человека. Ни произнеся ни единого слова, тот начал медленно опускать мое импровизированное ложе на землю, а потом подал руку, заставляя подняться и встать рядом с собой.

– Откуда ты, женщина? Неужели сбежала из леса?

Подбирая слова для ответа, я растерянно смотрела на пожилого мужчину, чьи умные выразительные глаза лихорадочно блестели на загорелом дочерна морщинистом лице. До чего же бедно он одет – застиранная рубаша и оборванные до колен штаны, босые грязные ноги. Странно все это – очень странно.

– Я гуляла у реки и случайно упала в воду. Скажите, пожалуйста, до города далеко?

Невысокий доходяга презрительно сплюнул, желая вернуть мое внимание к своей персоне:

– Горожаночка! Я так и думал. Уж больно хороша. Кому ты отдашь этот цветочек, Тан?

Я не верила своим ушам. Сбежать от одного бандита и попасть в лапы к каким-то оборванцам. Лучше бы мне плыть все дальше и дальше, не приставая к берегу... до самых

небес.

Тан Баруш был среди этих двоих вожаком, он выше ростом и массивнее, а среди низов общества все решают сильные кулаки. Тогда я обратилась к нему:

– Пожалуйста, помогите вернуться в город, я вас отблагодарю. У меня небольшая зарплата, но я вам отдам все деньги, что есть дома, еще несколько золотых украшений: два колечка, браслет и цепочка с подвеской. Вы меня спасли, я очень благодарна...

– Хватит болтать зря! В город тебе все равно ходу нет. Путь туда один – через Южную Заставу, но стража никого из этих мест не пропустит в Королевство. Мы изгнаны в проклятые земли, неужели тебе неизвестно, где ты находишься? Отвечай! Тебя выкрали из дома и продали? Как ты на самом деле оказалась в реке?

Я не знала плакать мне или смеяться, все происходящее походило на глупую шутку. «Застава», «Земли проклятые»... Здесь снимают фильм о средневековом быте? Я бы с любопытством понаблюдала за киносъемкой, но меня не поставили в известность, что я попаду в кадр. А, кстати, покажите мне оператора!

Напрасно я оглядывалась в поисках фургонов киногруппы и обслуживающего персонала. Меня ждало разочарование, все пространство вокруг было безлюдно. И если вдоль берега узенькой мутной речушки еще росла зеленая густая трава, то дальше небольшого оазиса расстилалась выжжен-

ная солнцем равнина.

Ни машин, ни реквизита, ни палаток, только вдалеке я заметила еще низкие постройки, значит, поселение все же есть. Значит, нужно попасть туда как можно скорее и найти адекватных людей.

От печальных раздумий меня отвлек новый толчок под ребра.

– Ты что, спишь на ходу? Говори сейчас же, как тебе удалось удрать от лесных тварей?

В голове будто со скрипом сдвинулись невидимые шестеренки. Он, что же, называет «тварями» обитателей коттеджа? Тогда я согласна, думаю, попадись я этому Бугру, меня бы просто так домой не отпустили.

– Да, я сбежала. Я хотела к людям выйти. Спасибо, что нашли меня и оказали первую помощь. Теперь мне нужно вернуться домой! Пожалуйста...

Гнилозубый мерзко расхохотался, но Высокий грубо одернул его:

– Не видишь, девчонка напугана, одно небо знает, что ей довелось пережить в Инсектерре.

А потом Баруш уже более внимательно оглядел меня с ног до головы:

– Не трясись! Никто не обидит тебя здесь, я за этим пригляжу... до поры. Но о городе можешь забыть. Даже если тебе повезет и ты доберешься до заставы, даже если раздвнешь ноги перед каждым стражником, тебя все равно не про-

пустят. Мы для них хуже прокаженных, поскольку общаемся с тварями, живем с ними по соседству и даже устраиваем обмен. Тебе еще повезло, что осталась жива и сбежала. Пока будешь при мне, посмотрим, на что стодишься. Но если попробуешь покинуть селение...

Он стиснул мое горло железными крючьями пальцев, я несколько раз моргнула, со всем заранее соглашаясь. «Буду кроткой овцой, буду слушаться, только хватит меня душишь». Вслух я просипела что-то похожее:

– Прошу вас, не убивайте. Я врач, умею лечить людей, буду вам полезна.

Гнилозубый криво улыбнулся, из уголка рта потекла струйка слюны, я едва могла скрыть гримасу отвращения, так он был противен в этот момент, особенно когда снова заговорил:

– Не бойся, маленькая, лишать тебя жизни – напрасное расточительство. Здесь почти нет годных юбок, одни седые старухи да слабоумные.

Баруш немедленно отпустил меня и уже черной тучей двинулся в сторону приятеля:

– Придержи-ка язык, ты – вонючий ублюдок! Я своими руками закопаю тебя в дерьме, если еще хоть слово скажешь худо о моей Райни.

На лице Мелкого отразился страх:

– Вы неверно поняли меня, Тан Баруш, я вовсе не имел в виду ваше святое дитя, к тому же Райни – первая красави-

ца в Речной долине, и я готов целовать песок, по которому ступали ее белые ножки.

– Рад это слышать, брат Хартук. Но ты должен будешь подтвердить свое смирение и потому, когда вернемся в поселок, выпьешь кружечку вечерней мочи моей Блаженной дочери. Может, и на тебя потом снизойдет благодать, и ты станешь столь же невинным и кротким.

– Почту за великую честь, – чуть дрогнувшим голосом пробормотал Хартук.

Кажется, он и сам был не рад своей неумемной болтливости. Вряд ли остался доволен свалившейся на его голову «благодатью».

Я же потупила взгляд к земле и кое-что смекнула. Судя по всему я попала в секту. Фанатики поселились на природе, питаются подножным кормом, поют гимны любви и свету, избегают цивилизации. Я уже проходила что-то подобное, до боли знакомо.

Надо ко всему здесь присмотреться, притвориться покорной и как только выпадет возможность, покинуть жуткое место. Таков был мой нехитрый план. А что можно было еще придумать?

Скоро мы втроем добрались до небольшой деревушки у излучины реки. Уже к вечеру этого дня я выяснила, что в поселке всего пятнадцать домишек разной степени ветхости. В каждом ютятся темные личности, обычно уже преклонных лет – седые изможденные старики и старухи.

Детей и даже подростков я не видела. В основном здесь жили мужчины, но на истово верующих не очень походили. Неопрятные, равнодушные, опустившиеся люди.

Сначала я решила, что здесь царит эпидемия, иначе как объяснить, что вполне вменяемых людей держат в изоляции. Но позже выяснилось, что особой заразы нет, просто все обитатели поселка – бывшие преступники, злостные воры и душегубы. Кое-кто был сослан сюда с каторги на королевских рудниках.

Тан Баруш оказался местным лидером, он поселил меня в своем доме. Хартук – правая рука Баруша и, кажется, бывший подельник. Мне сообщили, что на счету этой парочки немало загубленных жизней. Но разбойники были схвачены, биты плетью и высланы за пределы Королевства севернее реки. Да-да, я не сразу смогла понять, что эти ребята были абсолютно вменяемы и честны со мной.

Все, что меня окружало, буквально вопило о Чужом мире, куда меня угораздило попасть. Это была совершенно иная реальность, Тан Баруш называл ее красивым словом Дэриланд, рассказывал мне о надменных рыцарях и любезных трактирщицах, о своей воровской удаче и былых кутежах.

Он любил поболтать после пары глоточков браги, а я сидела, как онемевшая, только кивала головой, все более проникаясь ужасом своего положения. Понятия не имела, как мне вернуться назад и что нужно для этого сделать.

У вожака изгоев оказалась симпатичная дочка Райни, мы

легко с ней сошлись. Я догадалась, что мне оставлена жизнь и неприкосновенность только ради нее. Баруш души не чаял в своей пятнадцатилетней дочурке и хотел раздобыть ей подругу.

Я вполне подходила на роль наперсницы, но в первый же час общения поняла, что девочка слабоумная. Может, в этом было как раз ее счастье... Милое, трогательное существо, что бы с ней стало, если бы отец относился к дочери более равнодушно или напротив смотрел с вожделением? Страшно даже представить участь бедняжки.

Стоило мне показаться на улице, как Хартук начинал следовать за мной по пятам, думаю, сам Баруш поручил ему слежку. Но один лишь вид этого гаденького дурно пахнущего мужчинки вызывал во мне приступ омерзения. Я коротко кивала при встрече, стараясь тут же отводить глаза, чтобы не замечать огонек голода в ответных взорах.

Как же меня бесил этот придурок! Он таскался за мной и ныл, что изголодался по женщине, умолял разрешить ему потрогать меня за грудь или задницу, предлагал какую-то плату. А однажды выругался так, что я ничего не поняла:

– Ублажать тварей тебе нравилось больше, да? Маленькая дрянь! Сучка похотливая! Тебя привлекают краснокожие уроды с размалеванными телами? Я не хуже их, милашка, поверь! Ух, как бы я хотел воткнуть тебе между ног...

– Отстань по-хорошему!

– Ну, не бойся так, не убегай, Марга, у меня тоже есть

шрамы, смотри, у меня вся спина исполосована и два клейма, второе на животе, я сейчас покажу. Тебе может понравиться, когда-то я умел развлекать девиц.

В тот день я еле вырвалась от его липких рук и убежала в дом Старосты, так и не набрав воду в реке. Очень надеюсь, что Баруш накажет своего подельника, попрошу Райни заступиться. Она добрая, хотя и мало что понимает. Лишь бы ее отец не умер рано, иначе девочку ждет печальная судьба. И меня тоже...

Их быт оказался невероятно груб и примитивен. Я, как могла, постаралась навести порядок в лачуге, которая теперь и мне служила убежищем. Райни старательно взялась помогать, у девчушки не было матери – по рассказам Баруша, она не вынесла тягот и лишений здешних мест, пробовала бежать и ее пронзили мечами стражи Южной Заставы. Райни тогда была совсем малышкой и как ее потом воспитывали остается лишь догадываться.

Еда в деревне была скудной, бывшие каторжники, правда, обрабатывали поля с чахлой пшеницей, садили овощи, но культурные растения едва вызревали, задушенные сорняками. Работать здесь никто не любил.

Нас еще вырочала рыба, которую Баруш ловил в реке плетеными из лозы ловушками или сетью. Также неподалеку был лес, уж там точно можно было раздобыть пропитание, но в густые заросли никто из поселения не совался. Люди боялись леса, а точнее тех, кто там обитает. Охотнее всего

об этом говорила блаженная Райни:

– Нет-нет, нам туда нельзя. Там живут красные люди. У них есть Мать и они любят играть с ней. Но если Мать умрет, они придут к нам и заберут меня. Все наши знают, что меня могут забрать, и даже отец не поможет. Но я не боюсь. Я буду хорошей матерью лесным людям. Меня все будут любить и беречь. Так у них заведено. Я научу их новым веселым играм.

Девочка улыбалась, мечтательно прикрывала глаза и, задрав подол, начинала кружиться в танце по нашей убогой комнатушке. А во мне нарастало смутное беспокойство. Мне казалось, что все тут сошли с ума, кстати, Тан Баруш тоже был немного не в себе, недаром он называл Райни – «святое дитя» и требовал, чтобы все обитатели деревни ей поклонялись.

Никто не спорил со старостой, однако иногда я замечала, с каким вожделением смотрит на мою подопечную Хартук. Вот уж кто был здесь настоящим чудовищем!

Спустя неделю с того момента, как меня вытащили из реки, я научилась быстро засыпать на ворохе грязной соломы, прикрытой залатанной ветошью, а первые дни долго лежала в темноте, пытаюсь сомкнуть глаза, пока в голове мелькали обрывки мыслей, смутные образы моей прежней городской жизни.

Отчаянно хотелось исчезнуть из богом забытой деревушки, находящейся непонятно в каких краях. Иначе просто

сгину среди смрада и безумия. Держись, Марго, держись!

Сегодня Райни почистила во дворе рыбу – утренний улов отца, и теперь собиралась зажарить ее на решетке поверх углей. Пищу здесь готовили на улице, прямо на кострах. Баруш чинил сеть, а я пыталась ему помогать, разматывая нитки.

Скоро полдень, стояла невыносимая жара, староста то и дело прикладывался к бутылки с прохладной процеженной брагой. Напиток готовили из каких-то сладковатых грибов, что находили в земле у берега реки. Судя по тому, как морщился староста, редкостная гадость на вкус, но перебродив, грибочки, давали чувство легкого опьянения.

Несмотря на щедрые предложения поделиться напитком, я не рискнула даже попробовать мутную дрянь. Не хватало еще подсесть на местный допинг, а потом превратиться в бесчувственное подобие общей женщины.

Сегодня утром даже не хотелось подниматься с тюфяка, зная, что придется копошиться без толку в этом унылом месте. И вдруг до нас донесся испуганный вопль Хартука:

– Твари! Твари идут сюда! Спасайтесь!

Баруш бросил сеть и велел нам бежать в дом. Сам заскочил следом, заперся изнутри и подошел к дочери, желая ее успокоить. Райни тоненько скулила перед ним, словно маленькая собачонка, а я не могла вымолвить ни слова и только чувствовала, как бешено колотится сердце в груди.

Баруш прижал дрожащую Райни к себе, улыбаясь, погладил по голове, а потом быстрым взглядом обежал комнатуш-

ку, как будто обдумывал единственно верное для себя решение. Наконец староста отбросил ногой замызганный половик и дернул за кольцо двери, ведущей в небольшой погреб:

– Прячься сюда! – заорал он дочери, и только прикрыв дверцу в полу тряпками, обернулся в мою сторону.

Как же мне не понравился его взгляд. Оценивающий и расчетливый. Так разглядывают товар на прилавке, прикидывая, купить или выбрать что-то получше.

– Иди за мной!

Каким-то внутренним чутьем я все поняла и умоляюще залепетала:

– Вы обещали меня защищать. Прошу вас! Не отдавайте меня дикарям, прошу вас, пожалуйста, не отдавайте.

Я повалилась ему в ноги и застонала вслух. Ближайшее будущее казалось кошмаром, скорее всего, меня растерзают на виду всей деревни злобные существа из леса. Или утащат с собой в чащу и там под звуки "там-тамов" проведут дикие ритуалы. А вдруг они каннибалы? А вдруг меня принесут в жертву местному Кинг-Конгу?

Мной опять хотят откупиться! Проклятье какое-то...

Невзирая на мои жалобные крики и слабые попытки сопротивления, Баруш выволок меня из дома, как мешок с зерном и бросил у крыльца.

– Сиди здесь, пока я за тобой не вернусь. Вздумаешь уползти, раздавлю, как последнюю гадину. Ты меня поняла?

Он прошипел мне эти жестокие слова прямо в ухо, а я за-

крыла голову руками, пряча лицо от разлетающейся из его рта слюны. Меня никто никогда не бил, я даже не могла представить, чтобы мужчина ударил со всей силы, – мне бы точно пришел конец.

Глава 4

Будущая Королева

Староста Баруш еще раз грубо встряхнул девушку в подтверждение своих угроз, а потом вытащил из-под стрехи хижины остро наточенный серп – любимейшее оружие. Бывший каторжник еще раз провел заскорузлым пальцем по лезвию, удовлетворенно хмыкнул и вышел навстречу небольшой группе меднокожих людей. Ожидая достойной встречи, твари остановились у первой лачуги поселения.

Тан догадывался, зачем сюда явились дикари и что им опять требуется. Год назад он уже отдал им женщину в самом соку, привезенную с Южной заставы. Некогда прелестная Киммерина была известной столичной куртизанкой, но влюбилась в молодого смазливового воришку и ради него отравила своего старого покровителя. Влюбленную парочку вскоре поймали в дорогой гостинице, – парень отделался плетью и клеймением, поскольку всю вину Кимми взяла на себя.

Ее заковали в цепи и выслали из Гальсбурга в поселение отверженных, в трущобы изгоев на границе с Ничейной пустошью. Городская красotka была измучена телесно, но не сломлена духом и даже здесь попыталась очаровать Баруша и навести свои порядки.

Тан был не против, но вскоре пришли эти грозные парни

из леса. Они сказали, что заберут женщину силой и староста даже пытался им противостоять ради мольбы красавицы. В тот день Баруш чудом остался жить, чего не скажешь о закадычных дружках – Фране и Троне. Из прежней их удачливой шайки выжили только он и Хартук. Твари убили восьмерых из поселка и забрали визжащую от ужаса Кимми, а что с ней стало в логове «краснокожих» никому не известно.

Зато кормис Кадо был очень горд собой и потому радостно улыбался, оголяя все желтоватые острые зубы. Он впервые представлял своих сородичей вне дома, и миссия оказалось вполне успешной. Староста быстро уступил ему, правда, не малую цену выставил, однако женщину пообещал молодую и чистую.

А ведь Кадо немного боялся, что придется угрожать или того хуже просить ничтожного старика. Сам он давно решил, если понадобится, забрать добычу силой, поскольку вернуться в Кормаксилон без Королевы было просто невыносимо.

Теперь счастливый воин в сопровождении двух сородичей спешил за прихрамывающим Старостой к его лачуге. Вожаку кормисов не терпелось взглянуть на будущую повелительницу

Однако женщина, лежащая на земле у порога хижины немного разочаровала Кадо. Он слишком хорошо помнил прошлую владычицу – гордую и бесстрашную Камрит, она ни у кого никогда не валялась в ногах, а напротив любила приказывать и наказывать провинившихся.

Кадо даже боялся ее немного и отчаянно желал, а эту новую – бледную и дрожащую хотелось только пожалеть, и все же кормис торжествовал. Он надеялся, что старик сам представит ему женщину, но тот лишь бросил коротко:

Вот она. Забирай и проваливайте!

Кадо кивнул и улыбнулся еще шире, обращаясь к будущей Матери Кормаксилона:

Ясное небо над твоей головой! А уж мы позаботимся, чтобы ты впредь ни в чем не нуждалась.

Она с нескрываемым ужасом глядела снизу вверх на стоящего перед ней великана с кожей медноватого оттенка.

«Нет, только не это. Он хоть и похож на человека, но скорее всего дикарь-людоед, вон как скалится...»

А вслух с мольбой обратилась к Барушу:

Не отдавай меня, ты же обещал! Ты сказал, что будешь меня защищать.

Теперь у тебя будет охрана получше, – равнодушно процедил староста сквозь зубы.

Сволочь ты мерзкая, чтоб тебе сдохнуть, урод! – глаза женщины загорелись гневом, и она сразу показалась Кадо привлекательной.

А вот Баруш всерьез разозлился:

Ах, дрянь неблагоприятная! Надо было пустить тебя по кругу в первый же вечер! Парни затаили на меня обиду, а я все тебя жалел, глупец. Берег для себя. Знал бы, что достанешься этим... устроил бы сначала развлечение своим лю-

дям.

– Скотина!

– Заткни рот, потаскушка лесная!

Но стоило старосте замахнуться, как огромная жилистая рука Кадо с быстротой молнии вцепилась в его запястье.

#Ты знаешь, что оскорбление Королевы есть повод для войны? Прощаю твою грубость только потому, что ты ничтожный червь. Сегодня я не настроен раздавить тебя и прочую падаль, но память у меня длинная, как мой нож.

Он оттолкнул Старосту и приблизился к самой желанной добыче за всю свою не очень длинную жизнь.

– Не бойся, маленькая повелительница. Больше никто не причинит тебе вред. Назови свое имя.

– Ма-марга... рита...

– Магрит! Имя прекрасно, как ты сама, женщина. Нам пора уходить, я помогу подняться. Он коротко коснулся губами ее руки и тут же, перехватив запястье, поднял женщину на ноги, осторожно поддерживая за талию.

– Я – Кадо. Я избран главным защитником нашей большой семьи, потому именно я должен проводить тебя в Кормаксилон. Мы сделаем все, чтобы тебе было хорошо с нами.

Говорить со старшим из презренных людишек Кадо больше не собирался. Все его превосходство над местными оборванцами мгновенно проявилось, как только женская ручка оказалась в его огромной лапище. Кормисы получают новую Королеву уже через пару дней. Колония будет спасена.

– Ничего не бойся, – говорил Кадо, подводя Магрит к своеобразному подобию паланкина. – Мои воины защитят тебя от любой беды.

Он ожидал, что новая Королева сама займет свое место, но она только испуганно смотрела на плетеную лежанку, укрытую мягкой, искусно выделанной шкурой танагра.

Тогда Кадо подхватил на руки нерешительную Магрит и бережно усадил внутрь паланкина. Теперь ноги ее оказались среди распустившихся бутонов желтых цветов тамарисса, которыми была усыпана охристая поверхность шкуры. Кадо оглушительно свистнул, и по его знаку из зарослей джунглей вышло четверо мужчин, таких же широкоплечих и лысых, все словно на одно лицо.

Они так резко подхватили свою ношу и поспешили в лес, что будущая королева пронзительно вскрикнула, упав на подушки, а Кадо расхохотался.

Обернувшись в сторону зевак из поселения, он напоследок оскалится и клацнул зубами, словно мысленно откусывал кому-то из них голову. И только потом понесся вслед за паланкином, который покачивался среди густой листвы, подобно плоту в зеленом море.

Кормис знал, что вокруг них скрывается целый десяток воинов и гордился тем, что никто из них не выдал себя, точно так же, как гордился носильщиками, безупречно двигающимися вперед. Им не мешали не сети лиан, ни корни деревьев под ногами, ни колючие кустарники, ни больно жаля-

щая мошкара.

Сыновья Кормаксилона уверенно мчались вперед, и паланкин мерно покачивался, словно хотел убаюкать женщину, от которой зависело будущее Колонии.

Когда же небесное светило улеглось на покой, Кадо с поклоном преподнес будущей Королеве глиняную чашу с напитком. Настой семян амариты приготовил сам Наро, он рассудил, что женщина должна спокойно спать во время утомительного путешествия. Так и случилось.

Маленькая госпожа крепко заснула и открыла глаза только на вторые сутки во время короткого привала. Кадо спешил добраться до обители кормисов, он прекрасно знал, что каждая минута промедления грозит ослаблением собратьев. Воин уже дважды менял носильщиков, хотя это были специально отобранные крепкие, выносливые мужчины, благоговейно взирающие на новую Мать.

Но лишь к вечеру второго дня пути перед отрядом солдат возникла настоящая стена из переплетенья темно-зеленых лиан. Она поднималась на десятки метров над землей, прочно удерживаясь на толстых стволах тысячелетних броксов. Порядком уставшие стражи-носильщики со вздохом облегчения остановились перед знакомой живой преградой.

Кадо рухнул на землю, тяжело спрыгивая с какой-то ветки, а потом забрался в паланкин, не замечая, что сминает пожухлые бутоны желтых цветов. Внезапно преисполнившись покорности, он нежно поцеловал стопу будущей королевы.

– Позволь лично отнести тебя в дом, – попросил он, пожирая глазами бледную от страха Магрит.

– Дом?

– Твой новый дом, Королева. Он за этими зарослями, – смиренно, но с едва различимыми нотками раздражения ответил воин. «Почему она такая испуганная? Ей совершенно нечего бояться среди нас».

Не дожидаясь разрешения Госпожи, Кадо резко подался вперед, скользя руками по ее бедрам снизу, чтобы добраться до ягодиц, осторожно сжал их, а потом рывком приподнял Магрит и закинул на свое могучее плечо.

Одной рукой он тут же властно вцепился в женский зад всей пятерней, словно так было легче ее держать. Игнорируя всякое возмущения драгоценной добычи, а скорее даже радуясь слабым попыткам освободиться, он прыгнул на стену, вцепился в нее одной рукой и стал забираться наверх.

Словно ловкая обезьяна с ношей на плече, Кадо добрался до самой вершины зеленой ограды и встал на одну из самых толстых ветвей дерева. Отсюда хорошо был виден Дом, а рядом с ним небольшие фигурки кормисов, рассеянные вокруг жилища.

– Кран-ха-рахар! – гортанно звучно крикнул Кадо и ударил себя кулаком в грудь.

Его клич эхом пробежал по джунглям. Чем бы ни занимались кормисы в этот миг, они бросили все поручения и помчались встречать будущую Повелительницу. Сотни медно-

кожих людей высыпали на площадку возле своего Дома, чтобы взглянуть на Кадо, что с довольным видом мял своими огромными пальцами королевский зад, а потом с усмешкой поставил перепуганную женщину на ноги и резко повернул к взволнованной толпе.

– Смотри Владычица, теперь это твоя семья! – объявил он, широким жестом указывая на собратьев, а потом склонился к ней и прошептал в самое ухо:

– И все они жаждут твоего внимания.

Его губы почти касались ее щеки, а рука на талии не то поддерживала на огромной высоте, не то красноречиво заявляла о его мужском желании.

Толпа красных лесных дикарей взревела в восторге и порыве облегчения. Теперь колония устоит, а возможно, даже расцветет, но многое зависит от настроения королевы. Это понимали все, даже Уно, который один лишь не вышел к королеве, а остался в подземелье, словно ему не было никакого дела до новой хозяйки.

* * *

Магрит

Сначала я так разозлилась на Баруша, что пыталась сопротивляться изо всех сил. Правда, убежать все равно бы не смогла, но пойти с этими дикарями, как овца на заклание, тоже не хотела. Когда староста замахнулся, я приготовилась

перенести жгучую боль, но самый важный из туземцев остановил моего обидчика, а потом почтительно со мной заговорил.

Может, специальный ритуал? Сначала вежливое обращение, а потом меня уложат на алтарь и принесут в жертву своему лесному божеству? Зачем я еще им нужна...

Меднокожий человек помог подняться, мне пришлось ухватиться за его руку – жесткую, будто стальной прут. Ничего себе силища, не удивительно, что все местные боятся этих дикарей, они могли бы их запросто перерезать ночью. Но вроде собираются уйти восвояси с миром. Да они получили, что хотели, зачем разорять село. А Баруш – тряпка, гнилое бревно, – он просто отдал меня!

Ненавижу мужчин, которые продают женщин. Но теперь хочу заранее знать все, что меня ждет в лесу.

Вы меня убьете?

В желтоватых глазах Кадо мелькнуло удивление:

Зачем так говорить? Скоро ты станешь нашей Королевой и никто не посмеет даже недобро посмотреть в твою сторону.

Тут я не удержалась и бросила недоуменный взгляд на старосту, – в ответ он скривил губы в мерзкой ухмылке и медленно поклонился мне почти до земли. Хартук, стоящий поодаль, гаденько захихикал, но тоже поклонился, пряча потное лицо.

Королева! Они что, серьезно? Я – их Королева! Но поче-

му я? Неужели из-за того, что белокожая? Тут в селении тоже белые люди живут, хотя, в основном старики. Дикарям нужна именно молодая белая женщина? Для чего...

В голове у меня сейчас все перепуталось, в теле странная слабость, наверно, из-за сонного напитка. Аборигены опоили меня, я потерялась во времени! Сколько уже дней мы в пути? Ничего не понимаю. Стоит выглянуть из палатки, перед глазами мелькает листва и восторженные рожи дикарей. Куда они меня несут, неужели в свою нору?

А потом их вожак вытащил меня из уютного гамака, в котором я так сладко уснула и прижал к себе. Кажется, теряю сознание, мы поднимаемся куда-то вверх по зеленой стене... Да он настоящий Тарзан из джунглей, только зачем меня так лапать! И совсем нет сил сопротивляться, я едва ворочаю языком, остается терпеть такое обращение, когда же все кончится.

О! Здесь целый город, куда ни кинь взгляд – постройки, постройки и в центре купол, будто гигантское яйцо, наполовину врытое в землю. И это их Дом?! Боже, почему они все кланяются мне, ничего не понимаю! Мы спускаемся вниз, дух захватывает от полета.

Сейчас все вижу будто через пелену тумана. Могучий дикарь несет меня на руках и люди расступаются перед нами. Потом мы оказываемся внутри огромного серого купола, летим еще ниже по мрачному тоннелю, словно под землю, может, это сон- иллюзия?

Но вот меня принесли в помещение, выложенное блестящей плиткой, на стенах я заметила элементы мозаики и еще есть овальная глянцевая поверхность. Да это же каменное зеркало! Я не видела зеркал уже неделю, их не было в поселке Баруша. Надо же, а в диком лесу есть...

– Нет, я не буду раздеваться перед вами, пусть все уйдут, я приму ванну одна!

Они в самом деле меня слушаются, приятный сюрприз. Из комнаты убрались, вот и молодцы, хорошие ребята, хоть и странные. Какое же это наслаждение – окунуться в теплую воду, м-м-м... я никогда в жизни не лежала в такой огромной купели! Моя узкая ванна в городе не сравнится с этим маленьким бассейном, а какой чудесный запах от воды.

Лишь бы дикарям не вздумалось ко мне присоединиться. Один из них уже рядом с мочалкой стоит, протягивает ручки.

– Что такое? Я же сказала, что помоюсь сама. Не нужна мне никакая помощь. И волосы тоже я состоянии помыть, подумайте лучше об угощении для гостыи.

Самой смешно, какая я стала смелая. Будь, что будет! Похоже, они не собираются меня убивать и отдавать лесному чудовищу. Тот, что назвался Кадо, всю дорогу убеждал, что скоро Я стану их Королевой, и они будут меня уважать и почитать. Какой несусветный бред! Но это лучше, чем голодать и погибаться в грязи среди чокнутых бандитов. Я пока решила подыграть аборигенам, посмотрим, что будет потом.

А дальше я выбралась из купели, вытерла волосы куском мягкой ткани и напялила на себя приготовленный специально белый балахон. Вырез огромный, чуть не всю грудь открывает, а так вполне даже приятная одежда, к ней еще прилагается веревочный пояс с блестящими камешками.

Буду первая красotka джунглей. Интересно, а где их женщины, почему мне не привели рабынь, если я здесь госпожа, как они говорят, у меня должна быть прислуга. Надо бы все разузнать...

Только я вышла из купальни, как меня окружили рослые ребята спортивного телосложения, почтительно склонили головы и повели за собой дальше по коридору. Как у них тут все интересно устроено, настоящий подземный лабиринт. Вскоре мы оказались в просторной комнате, где находилась огромная кровать, а рядом в чашах горел огонь.

Все чисто, уютно, земляной пол укрывают пушистые шкуры и воздух довольно свежий, ага, маленькие окошечки у самого потолка открыты. А я-то думала, что меня под землю утащили.

Мне показали, что можно сесть прямо на пол, а конкретно, на груди подушек, разбросанных перед постелью. Когда я разместилась на толстой шкуре, парни принесли подносы с едой, весьма даже кстати.

Я набросилась на угощение с жадностью, пока эти чудные люди стояли чуть поодаль и не сводили с меня взглядов. Ну и плевать, пусть пялятся, мне надоело всего здесь бояться,

не знаю, что меня дальше ждет, но голодной сегодня я точно не умру.

И очень хочется пить, правда, у них тут напитки подозрительные, но мне сейчас все равно, настолько мучает жажда. Наконец я вытерла губы, липкие от сока незнакомого плода, чем-то смутно напомнившего нашу дыню, и в полном изнеможении откинулась на подушки. Снова захотелось спать, но как-то необычно, неужели снова их штучки, зачем же теперь...

Глава 5

Долгожданная церемония

Недра Кормаксилона

Молодые крепкие кормисы, безмолвно прислуживавшие новой госпоже, исчезли в темноте коридоров. Факела, освещающие зал, разом погасли, будто угадав, что сейчас требуется куда более уютная обстановка. Осталось лишь слабое пламя в больших чашах по обе стороны от широкого ложа, где покоилась одурманенная женщина.

Через какое-то время из мрака боковой двери к ней вышел Мано, держащий в руках деревянный кубок с новым настоем.

– Пей! – строго произнес главный строитель. – Тебе будет проще стать нашей Владычицей, если ты выпьешь до дна.

– Кто... ты... такой? – язык Магрит заплетался, но вместо недавнего страха душу охватила приятная нега, а тело легкое возбуждение.

"Немного поспать, а потом изучить их дом. Вкусная еда... музыка... танцы... птицы на стенах..."

Сладковатый напиток приятным теплом разошелся по всему телу. Затем наступила легкая слабость.

– Ты тоже лесной человек? – вяло допытывалась Магрит,

напрасно пытаюсь сфокусировать взгляд на массивных плечах строителя.

Однако Мано не торопился представляться той, что еще не стала его королевой.

Он осторожно опустил женщину на ложе, – огромное и упругое. На нем легко могли бы разместиться сразу шестеро здоровенных мужчин и одна хрупкая женщина, но из боковой двери вышло только трое кормисов.

– Воины всегда впереди, – сказал один из них. – Значит, сейчас я должен быть у нее первым.

Кадо подошел ближе к огню и тот осветил его красивый пояс, а также выпуклость под ним, красноречиво говорившую о крайней степени возбуждения.

– Хорошо. Ты первый, – согласился Мано, примирительно кивнув головой. – Но не торопись кричать о правах. Все мы равно достойны испить из ее источника.

Старший строитель склонился над неподвижной женщиной и тщательно обнюхал ее, прежде чем снова заговорить:

– Мы поможем тебе снять одежды и хорошо подготовим, госпожа.

Магрит промычала что-то невразумительное и расслабленно облизала губы. Не дожидаясь ее разрешения, Мано начал осторожно ее раздевать. К нему тут же присоединился Кадо. Воин не был порывист, как того требовала его натура, на сей раз он помогал сородичу с особенной осторожностью.

Может, был виноват настой амариты, но чувствительность

тела Магрит резко возросла, а желание противиться чужим ласкам сменилось покорностью. Она изогнулась и слегка развела ноги, нетерпеливо поджимая пальчики.

Кадо издал протяжный горловой звук, видя, как хороша она, будучи обнаженной. Часто моргая, Мано изо всех сил старался сохранить равнодушный вид. Он протянул в сторону руку, и тогда из сумрака вышел Наро, чтобы подать ему широкую глиняную чашу, из которой доносился приятный цветочный аромат.

Как только Мано принял ее, Наро тоже сел возле Магрит, бережно положил ее голову на свои колени и стал расплетать волосы, а потом расчесывать их без гребня, тщательно разбирая каждую прядь пальцами. Его натруженные, шершавые ладони ласково массировали ее голову, принося чистое блаженство.

Мано протянул чашу Кадо. Благодаря цветочному маслу руки воина мягко скользили по гладкой женской коже. От плеча он спустился ниже к запястью и стал поглаживать каждый пальчик, всхлипывая от вожделения.

"Я скоро возьму ее... Я глубоко и бережно войду в нектарную реку ее лона и буду покачиваться долго-долго... Остальным придется подождать. Кхре!"

Все тревоги исчезли в пряном аромате курений. Две пары сильных мужских рук ласкали податливое, мягкое тело, поглаживали грудь, осторожно разминали живот, и все это происходило в тишине, которую нарушали лишь шумное ды-

хание воина. Магрит обводила комнату помутневшим взглядом и смущенно улыбалась, она уже не различала, где один кормис, а где другой.

А их движения становились все смелее и увереннее. Мано зарылся носом между ее полных грудей, а Кадо ласкал бедра, разводя ноги и целуя низ живота. Наконец он прильнул к ней губами, обнюхивая чувствительные складочки, прикрывающие лоно и горячо целовал их, а потом лизнул, ловя первые капли женского сока.

И только теперь из темноты вышел четвертый советник. Уно не стал окунать руки в чашу, а сразу же коснулся лица Магрит, внимательно заглянув в ее огромные глаза с суженными зрачками. Большие ладони наставника были такими же сильными, как у воина или строителя, но немного мягче, ведь им не часто приходилось сжимать рукоять топора или боевое копьё. Прикосновения пальцев Уно походило на робкие поцелуи.

Недолгое время он изучающее разглядывал женщину, невольно сравнивая с прежней дерзкой королевой, которую любил всей душой. Конечно, маленькая и слабая Магрит не могла соперничать с ней, но все равно была хороша, и Уно желал ее ничуть не меньше своих собратьев.

Так Кадо постепенно входил во вкус и, окончательно осмелев, начал вдруг жадно вылизывать ее, засовывая язык далеко внутрь сочной расщелины. Скоро там же мог оказаться и его нетерпеливый член.

Тогда Мано решительно коснулся плеча воина, давая понять, что позволяет тому начать соитие первым. Приподнявшись, Кадо рывком сдернул набедренную повязку, едва не порвав драгоценный пояс, и замер, выжидательно глядя на свою будущую повелительницу.

Перед Магрит стоял красивый обнаженный мужчина с крепким телом, украшенным черными узорами. Его толстый член поднимался чуть выше пупка и отклонялся в сторону, подрагивая от желания.

Кадо осторожно погладил кончиками пальцев ее припухшие нижние губки, потом поднес руку к своему рту и обнюхал, а потом сразу приподнял Магрит и плавно вошел в ее тело на всю длину внушительного пениса. Она была так расслаблена, что легко приняла напряженную плоть и даже чуть-чуть сжала розовые створки влагалища.

Едва дыша от блаженства, Кадо начал порывисто и жадно двигаться, словно женщину в любой момент могли отобрать, хотя никто и не думал вмешивался. Остальные кормисы лишь заботливо поддерживали госпожу, поглаживая ее тело, пока собрат не излился в новую королеву.

Правое плечо ее тотчас обожгла острая, но короткая боль. Теперь там появился маленький символ воинов. Он тут же засиял и будто в ответ голубой проблеск света мелькнул на плече Кадо. Только тогда он глухо простонал, словно только теперь получил истинное удовольствие от соития. Осторожно покинув Магрит, он откатился дальше на ложе, уступая

место следующему члену совета.

Теперь настал черед Мано ласкать госпожу, чтобы после он мог уважать ее и подчиняться. Сначала он осторожно ввел два пальца внутрь ее лона, размазывая по припухшей вульве семя Кадо.

Главный строитель видел, что женщина прекрасна и считал ее достойной величайших почестей. Только как более терпеливый, он не стал показательно срывать и без того приподнятую возбуждением набедренную повязку. Склонившись над Магрит, он закинул ее ноги на собственные бедра, неспешно вошел в нее, растягивая удовольствие, а затем начал размеренно двигаться, опираясь руками на королевское ложе.

С каждым новым толчком он проникал дальше, а когда достиг заветной глубины, резко ускорился, подтягивая Магрит ближе и отбирая ее у Наро, который все это время отводил с лица госпожи влажные от пота пряди волос.

И потом еще некоторое время две крепкие руки Мано прижимали королеву к сильному торсу, пока внутри пульсировал его напряженный член, а на плече горела новая метка.

– Я благодарен и пуст, теперь твоя очередь...

– Может, она устала? Как думаешь, мы не слишком утомили ее? – прошептал Наро.

Все четверо склонились над королевой и облегченно выдохнули, заметив на ее губах сонную улыбку. Магрит зевнула, перевернулась на живот и раскинула руки в стороны,

приглашающе дернув попойкой. Наро не мог устоять и, быстро раздевшись, разместился сзади.

"Теплая, мокрая, тугая... моя королева... моя любовь..."

Третья метка возникла на плече Магрит вместе с протяжным стоном главного добытчика.

Дождавшийся своей очереди Уно сначала скользнул рукой по спине королевы, затем в бороздке меж ягодиц, погладил пальцами влажные складочки внизу живота и проник пальцем внутрь, позволяя белесоватой жидкость стечь вниз. Его вовсе не беспокоило, что трое собратьев успели вкусить сладость госпожи раньше. Он просто хотел закончить церемонию и вернуться к своей работе.

А потому почти грубо подхватил королеву, закидывая одну ногу на свое бедро и резко вошел, чтобы на пару секунд почувствовать тесноту женской плоти, замер, пробежался пальцами по ее спине, словно по любимой флейте, порывисто сжал шею сзади и опустил обратно на кровать.

Он не хотел быть с ней таким же нежным, как с первой своей королевой, но в силу доброго характера не умел быть и жестоким с более слабым существом, а потому плавно двигался в мокрой и слегка постанывающей женщине, вновь и вновь стискивая драгоценное тело.

Последняя метка едва ощутимо обожгла Магрит своим появлением, зато Уно глухо зашипел от боли. Из-под повязки на его плече тонкой струйкой потекла кровь, но королева вряд ли могла это заметить. У нее просто не оставалось

сил, – она раскинула руки и дышала часто, высоко поднимая грудь с торчащими розовыми сосками, на которые все еще облизывался Кадо.

– Теперь она должна поспать, – тихо сказал Мано, снова целуя ее запястье. – Отныне мы служим твоей воле, наша маленькая госпожа.

– Служим преданно, – подтвердил Надо, целуя ее вторую руку.

– И умрем за тебя, если будет нужно, – сказал Кадо, с превеликим удовольствием вместо руки прикасаясь губами к королевской стопе.

Уно же ничего не промолвил, он только покорно склонил голову, первым исчезая в темноте коридора. На душе его было легко, а тело с каждым шагом наполнялось прежней молодой силой.

Кормаксилон спасен.

Началась эра Королевы Магрит.

Глава 6

Пробуждение

Лучшие покои Кормаксилона
Магрит

Мне снился удивительный сон. Я занималась любовью с многоруким лесным божеством, растворялась в его могучих объятиях, таяла под его бесчисленными ласками. Он прикасался ко всем чувствительным местечкам моего тела одновременно, умело подводя к упоительному восторгу.

Это был праздник наслаждения – пиршество тысячи удовольствий. Никогда в жизни я не испытывала такого острого желания отдаться мужчине, соединиться с ним, быть настолько услужливой.

Но в своем сне я и сама задыхалась от сладостной неги, хотела кричать о с блаженстве, отвечая невидимому любовнику, однако не могла пошевелиться. Мое тело было почти безвольно, оставалось лишь чувствовать всю мощь невидимого Бога и парить в небесах его любви. Безумный сон... Сладкий сон... Самый невероятный сон.

Я потянулась на широченной постели, с хрустом вытягивая руки над головой и вздыхая, даже не хотелось открывать глаза. Как приятно ноет тело, будто перед ночным отдыхом

ему и впрямь довелось хорошенечко потрудиться.

Странно, мышцы промежности ощутимо болят, разве у меня и в самом деле была ночь любви? Может, во всем виновато зелье этих дикарей, может, я трогала себя сама, и мне привиделся многорукий лесной демон...

Все же забавно называется лес – Инсектерра и особенно их Кормаксилон. Если правильно помню, Кормой они называют дерево. Проговариваю про себя это слово несколько раз, словно пробуя на вкус, и вдруг совсем рядом раздается грубоватый мужской голос:

– Ты улыбаешься, Госпожа. Я очень рад. Значит, ты хорошо выспалась и отдохнула. Мы по очереди стерегли твой покой, и были рядом, на тот случай, если тебе что-то понадобится.

Я открыла глаза и рывком приподнялась на постели, пытаясь осознать, кто сейчас говорит со мной. На полу у кровати сидел полуголый мужчина, вчера я его не видела, хотя, может быть, ошибаюсь, некоторые из туземцев похожи, как близнецы.

Как ты себя чувствуешь, Госпожа? В твоих глазах беспокойство и страх. Но ведь тебе нечего бояться среди нас, улыбнись же снова и приветствуй начало дня в своих владениях.

– Да уж... владениях.

Я едва сдерживала раздражение.

– Интересно, а почему я голая? Кто меня раздевал? Хм-хм... странный запах и такое ощущение, будто я маслом из-

мазана, что такое... Господи! Что вы сделали со мной, пока я спала? Вы... вы меня трогали?

Я с трудом сглотнула слюну, прочищая горло, и поспешно закуталась в покрывало, инстинктивно подтягивая колени к животу. Кажется, я все поняла, – меня опоили какой-то дрянью, а после использовали, нетрудно догадаться как именно, потому что между ног было липко и влажно.

Что же делать, чего им еще нужно от меня? Я чувствовал себя в ловушке, а татуированный здоровяк не сводил с меня изучающего взгляда. Чуть не вскрикнула, когда он заговорил, протягивая ко мне огромные ручки:

Магрит, прошу тебя, успокойся! Мы должны были это сделать, чтобы выжить, иначе нельзя. Мы старались бережно прикасаться к тебе и не причинить никакого вреда, настой амариты и кумариса подготовил твоё тело к церемонии, чтобы тебе было приятно и легко принимать нас всех.

– Что? Всех... как это...

Ты не помнишь? # спросил Мано. # Что ж, прежняя королева тоже забыла подробности первой ночи, но то, что происходило дальше ей очень нравилось и Кормаксилон процветал два года, пока она правила нами. Надеемся, ты тоже будешь к нам благосклонна, Магрит. Ради тебя мы готовы на все, мы принадлежим тебе всецело.

– Подожди! Ты хочешь сказать, что вам нужно спать с Королевой, чтобы вы тут жили припеваючи? Кто придумал подобную чушь? Найдите себе женщин и создайте семьи. Я не

желаю участвовать!

Мы уже нашли женщину, и это ты – Магрит! Теперь ты благодать нашей семьи и Хозяйка Кормаксилона.

Мано почтительно склонил голову и продолжил:

На твоём плече теперь есть знаки, подтверждающий твоё высокое положение нашей Правительницы.

Кормис ещё помолчал немного, и досадливо скривился, вспоминая, что так и не представился госпоже:

Я – Мано, первый среди строителей и Старший в совете четырех.

Знаки? О чём толкует этот лысый абориген. Ужас какой! Они сделали мне татуировки, я только сейчас заметила на своём плече маленькие фигурки, одна из которых точно была треугольником.

Дверь бесшумно растворилась, и в мои покои один за другим вошли ещё трое полуголых молодцов. Ребята тащили чаши с водой и свертки с тканями, кажется, меня собираются умывать. Я бы не отказалась и от завтрака, но надо прояснить ещё пару вопросов, поэтому мне пришлось обратиться к Мано:

Вы сказали, что являетесь здесь Старшим, получается, вы король?

От такого странного предположения работяга только мотнул головой:

У нас нет короля, он нам не нужен. Мы все равны между собой и преклоняемся только перед Повелительницей.

Так преклоняйтесь! Зачем же насилловать свою Госпожу? Разве не достаточно просто видеть меня?

Меня затопило негодование. Они что же – полные психи... Наверно, нечто такое отразилось на моем лице – гнев и ненависть, потому что парни разом бухнулись передо мной на колени, лишь чудом не расплескав воду, а их якобы старший с самым благоговейным видом подполз к краю постели.

Одним словом фанатики! И я их Королева, которую они имели всю ночь, как им вздумается. Обалдеть! Но, кажется, пора задать самый важный вопрос:

Когда вы вернете меня? Когда вы собираетесь меня отпустить?

Мы не можем отказаться от тебя, Магрит. Ты поделила с нами свое тело и свое желание, мы пили твой нектар и стали гораздо сильнее. В тот день, когда ты только появилась здесь, уснули пятеро наших солдат и трое строителей. Колония вымерла бы без твоего присутствия. Мы были на грани всеобщей спячки. А сегодня у нас хорошие новости! Во-первых, никто больше не погрузился в дикий сон, а во-вторых...

Мано даже причмокнул от удовольствия первым сообщить Королеве о столь важном событии:

#... у нас подросли старые коконы и вот-вот появится партия новых кормисов. Достойная смена уснувшим собратьям. И в этом только твоя заслуга, Магрит! Ведь именно ты источник нашей силы и залог нашего благополучия. Но и мы в

ответ окружим тебя заботой и лаской.

С нами ты не будешь нуждаться ни в чем. Все самое лучшее, что можно раздобыть в Гиблом лесу ляжет к твоим ногам, драгоценная Госпожа! Потому что твоя радость – это наша радость, твое удовольствие – наше удовольствие и главная наша задача – сделать тебя счастливой с нами, прекрасная Магрит!

Звучит, конечно, интересно и даже заманчиво, но я достаточно прагматичный человек и знаю, что просто так в жизни ничего не бывает. За все хорошее нужно расплачиваться, даже за самые обычные вещи – крышу над головой и кусок хлеба. Так что же от меня требуется взамен вашей защиты и заботы?

Твое постоянное внимание к нам, Госпожа и ничего более.

Я сложила губы трубочкой и шумно выдохнула, чуть закатив глаза вверх. В помещении установилась тишина. Троица молодых парней сидела на корточках возле моей постели, и теперь ребята смотрели на меня с искренним любопытством, то и дело бросая косые взгляды на этого старшего, кто он там... Мано, кажется.

Я уже начинала заводиться, я догадывалась к чему клонит лысый дикарь и пыталась сообразить, как же повести разговор далее. Держись, Марго! Или теперь я буду Магрит? Королева Магрит! Замечательно! Всю свою маленькую жизнь мечтала стать королевой туземного племени в джунглях...

Глаза предательски защипало от слез – эти психи меня никогда не отпустят, я в самом центре их «муравейника» и отсюда мне не выбраться никогда. Только бы не устроить истерику, уж лучше с достоинством принять новые удары судьбы.

И что же мне делать? Расслабиться и получать удовольствие, да? Ублажать всех этих здоровенных мужиков? Да я скоро рехнусь от такого режима, неужели не ясно им, да я... я...

Я хочу одеться! И еще скажите, где здесь у вас туалет?

Туалет? Что ты обозначаешь этим словом?

Ха... я всего лишь хочу узнать, где мне можно избавиться от лишней воды, проще говоря, пописать!

Неужели, я должна им разъяснять такие простые вещи? Еще великое счастье, что мы каким-то чудом понимаем друг друга, говорим на одном языке.

Чаша для обычных нужд Королевы стоит под кроватью, ты можешь в любой момент ею воспользоваться, Гаро приставлен следить, чтобы она всегда была чистой.

Слова Мано звучали совершенно непосредственно, будто он говорил о том, какая сегодня погода. Мне вдруг стало смешно. Господи, да они же милые! Истинные «дети природы», открытые и простодушные во всех своих естественных порывах.

Спасибо! Про чашу я все поняла, но мне бы хотелось знать, где здесь Королевская уборная. Хорошо, обсудим поз-

же этот вопрос. А что же насчет моей одежды?

Ты хочешь прятать такое прекрасное тело? Зачем? # искренне удивился Мано. # Но, если такова твоя воля, то вот здесь, в сундуке, приготовлена одежда. Бывшая Королева ее мало использовала, Камрит нравилось ходить по своему дому голышом, радуя наши взоры.

Ух, ты! Бывшая королева, кажется, ничуть не тяготилась своим положением, может, мне попытаться взять с нее пример? А что толку лить слезы и заламывать руки! Если буду дергаться, они, пожалуй, запрут меня, накачают снотворным и станут насиловать всей толпой.

Не-ет, здесь нужно вести тонкую политику и для начала как следует подыграть "блаженным" туземцам, грамотно разведать обстановку, разобраться с порядками в Кормаксилоне. Нравится мне это слово, есть в нем что-то такое древнее и мистическое, – сами собой возникают ассоциации с пирамидами майя, с магическими обрядами и тайными ритуалами.

И обстановочка соответственная: буйная тропическая природа, глухие заросли джунглей, влажный тягучий воздух и пряные ароматы незнакомых цветов, что в изобилии встречались нам на пути сюда. Правда, я видела их смутно, когда полусонная выглядывала из легких складок паланкина, может, часть красок породило мое воспаленное воображение.

Что ж, я попробую проникнуть во все секреты этого удивительного Мира, тем более, я ведь здесь уже Королева, а

значит, нужно держать спину прямо, смотреть гордо и не кукситься.

Магрит желает умыться, примерить свои новые наряды, покушать, а после осмотреть свой Дом и познакомиться с подданными. Это возможно?

Конечно, Госпожа, я рад, что ты сама изъявила такое желание!

А потом началось самое интересное. Молодые шустрые ребята вытащили из угла какой-то плетеный короб доверху наполненный тряпками. Видимо, среди этого барахла бывшей Первой Леди мне и нужно выбрать для себя парадное одеяние. Надо признать, ткань первого же балахона, что я осмелилась взять в руки, оказалась приятной на ощупь и тонко пахла лимоном.

Отвернитесь. Я буду одеваться.

На меня уставились четыре пары удивленных глаз. Пришлось объяснять этим недотепам, что я еще не привыкла быть истинной Королевой и всего стесняюсь. Так нет же, двое бросились мне помогать пока я натягивала балахон на голое тело. Знать бы еще, что они сделали с моей прежней одеждой, особенно, какова судьба нижнего белья. Впрочем, не важно, прикажу сшить новое! Забавно звучит – «прикажу сшить!» Входишь во вкус, Магрит! Однако, не в меру услужливых молодцев пришлось бесцеремонно отстранить:

Я не беспомощная калека, слава Богу! Могу одеться сама. Так-то лучше. И вообще, не приближайтесь ко мне без

моего особого на то разрешения. Понятно вам?

Мы чем-то прогневили тебя, Госпожа?

Юноша, задавший вопрос, выглядел как взаправдешный стриптизер. Я видела такие экземпляры в популярном телесериале – высокий рост, великолепная фигура, рельефные мышцы, правильные черты лица. Ему бы еще волосы, был бы просто красавчик. Неужели, они все абсолютно лысые?

Ничем вы меня не прогневили, хотя...

Тут я выразительно посмотрела на Мано и резко задала вопрос, что не давал покоя все утро:

Кто из вас трогал меня ночью? Это был ты? И кто-то еще, верно?

Мы все брали тебя по очереди, Госпожа – все четверо и тебе было хорошо, мы это чувствовали. Знаки на твоём плече говорят о том, что теперь ты крепко связана с нами. Пока все символы светлые, мы полны сил, но, если хоть один из них померкнет – это будет значить, что ты обделила кого-то из нас вниманием и нам снова нужна твоя ласка.

Я с трудом старалась держаться спокойно, чтобы не выдать возмущения и нарастающей тревоги. Самое невероятное, что Мано не видел ничего дурного в том, чтобы купить женщину, опохмелить ее и поделить ночью на четверых друзей. Обычное дело. Речь ведь идет о королеве кормисов. Едва сдерживая дрожь в голосе, я осторожно спросила:

И вы собираетесь это со мной повторить, да? Собираетесь поить меня каждую ночь вашими чертовыми отварами и

таким гадким образом использовать для собственных нужд? И только для этого вам требуется Королева? Не завидна же ее участь... А я не могу отказаться, верно? Это же издевательство! Это насилие, это... Я не смогу так жить! Я погибну тут среди вас, вы же меня просто замучаете!

Ну, вот, выговорились... сейчас они запрут меня в какой-то клетке, еще чего доброго прикуют цепями, и я буду их игрушкой до конца своих дней. Мы с Мано смотрели в глаза друг другу и молчали. Молодой парень робким жестом подал мне пояс и я так же, молча, завязала его вокруг талии, чуть подтянув вверх балахон, он был слишком широк и длинен для меня. Наконец, будто собравшись с мыслями, Мано заговорил вновь:

Ты плохо думаешь о нас, маленькая Госпожа, но услышь мои слова сердцем: меньше всего мы желаем причинить тебе зло. Ведь если станет плохо тебе, если ты вдруг заболеешь или просто будешь в дурном настроении, колония тотчас ослабнет. Мы полностью зависим от твоего счастья, осознай же это. Теперь все мы твои, Магрит. И мне больно от того, что ты не понимаешь нас.

Без твоей заботы – мы обречены на гибель все до единого. Ты наша единственная надежда. О, если б ты хоть немного постаралась узнать нас. Если бы ты пожелала... Мы вовсе не такие чудовища, как говорят о нас те, за пределами леса. Жизнью Колонии управляют древние законы Инсекты. Еще со времен Первого Кокона так заведено, чтобы единственная

женщина своей любовью и нежностью согревала Кормаксилон.

Единственная женщина? Вы хотите сказать, что здесь живут лишь одни мужчины?

До меня только что дошел потрясающий смысл его слов. Я ведь даже не успела удивиться тому факту, что мне прислуживают юноши, хотя на парочку расторопных служанок уж точно должна бы рассчитывать каждая правительница.

От такой новости я даже раскрыла рот и только глазами хлопала, зато Мано теперь пялился на меня, не скрывая восхищения. Да они здесь все озабоченные, теперь понятно, просто изголодались по женщинам, а я должна избавить их от этого "зуда". Нашли себе Спасительницу!

Среди нас нет женщин, # гордо сообщил Мано. – Мы все между собой братья и только наша Королева имеет право находиться в Кормаксилоне. Других чужих самок мы не потерпим!

Что? Только одна на тысячу мужиков? Вы с ума сошли? А если вам докупить еще пару прелестниц, хотя бы мне в помощь?

Но Мано не оценил моей тонкой иронии, отрицательно покачав головой. Зато молодой «красавчик-стриптизер» тут же выпалил:

Мы убьем ее, если здесь появится другая! Мы служим только тебе, Магрит.

Он сообщил это с явной злобой, словно неведомая жен-

щина уже была здесь и смела соперничать с его прекрасной хозяйкой.

Ничего себе – убьем! У меня мороз пробежал по спине, значит, я одна должна тут с ними крутиться и как-то выживать, и у меня даже не будет подруги, некому будет даже поплакаться на плече. А потом Мано «выдал» такое...

Если кто-то из четырех старших членов Совета не угодит тебе, Госпожа, ты можешь заменить его на любого собрата, что привлечет твой блистающий взгляд. Ты можешь заменить даже меня, если пожелаешь. Я буду очень опечален, но твоя воля – это приказ для меня. Я не посмею ослушаться.

Скажи прямо – этой ночью все будет так же как прошлой? Вы все придете сюда, я выпью настой и начнется...

Мы не прикоснемся к тебе без твоего позволения.

Казалось, эти простые слова давались мужчине с огромным трудом, но он обязан был их произнести.

Ах, вот как! Но вчера вы не спрашивали моего разрешения?

Вчера ты еще не была нашей Королевой. Мы сделали тебя ею, и теперь тебе решать, будем мы жить или нет.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула, какой-то бред, но другой реальности у меня нет, мысль о том чтобы вернуться в поселение у реки и оказаться в доме старосты – вот это был бы реальный кошмар!

И сколько времени вы сможете продержаться... э-э-э.... без моего внимания?

В темных глазах Мано промелькнула надежда:

Если мы будем видеть тебя, чувствовать твой запах и слышать твой голос, если ты позволишь хоть изредка касаться твоей руки, – этого хватит на десять дней. А потом уснет диким сном самый слабый из нас. И мы будем смиренно просить тебя разделить ночь с тем, кого ты выберешь, госпожа.

«Десять дней. Я могу избегать постели с ними десять дней. Это же здорово! Непременно сбегу, усыплю их бдительность и сбегу, вот только куда...»

Я готова была вслух стонать от отчаяния. Некуда мне бежать! Но надо признать, все же стало чуточку легче. Никто не будет силой тащить меня в койку, жаль, конечно, что всем им придется уснуть, но я же не Святая шлюха, чтобы ублажать целую толпу ради выживания. Мне бы только выждать время и осмотреться.

Я желаю умыться! А где полотенце? Благодарю! Теперь пусть меня накормят. Что я должна сделать для этого, может, хлопнуть в ладоши? Или мне следует отправиться в пиршественный зал? Ваша Королева умирает с голоду, а вы и в ус не дуετε, ребята, непорядок – я вам скажу!

Я насмешливо смотрела на Мано, даже не пытаясь быть вежливой. Сами виноваты. Но... Меня вдруг охватило странное чувство, неужели все это всерьез и без меня они все вымрут, как некогда мамонты в моем прежнем мире. Жалко простодушных дикарей, они же по сути не виноваты, что такие беспомощные без Женщины.

В чем их вина? Может, они и правда, иначе не могут. И чтобы спасти этих славных ребят, всего-то нужно переспать с кем-то из них раз в десять дней. Выбрать самого милого, да хотя бы даже этого «стриптизера».

Я повалилась на постель, не в силах сдержать истерический хохот. Вот что значит пару месяцев без мужика, а потом «сладкий сон», который, оказывается, вовсе был и не сон... А если честно сказать, мне было хорошо прошлой ночью.

Так, может, все повторить наяву? Мне ведь прямо сказали, на сей раз будет так, как пожелаю я. И партнера я выберу сама – у меня же теперь целый гарем! Так чего же теряться? Думай, думай, Магрит, может, стоит воспользоваться моментом и в самом деле насладиться всей полнотой власти.

Глава 7

Обязанности и права

Наверно, я спятила от своих последних передрыг, если сейчас разглядывала этих впечатляющих парней с чисто женским интересом. Богатыри, как на подбор, что тут скажешь, и каждый готов угодить. Поживем-увидим.

Мы рады, что госпожа улыбается. Пусть же так будет и впредь. Баро, чего ты стоишь, неси скорее еду, королева голодна!

Сразу двое кормисов бросились за двери, оставив меня наедине со «стриптизером» и могучим «строителем». Кажется, в помещении стало жарковато, ну, чего они на меня так пристально смотрят, скорее бы хоть что-то поесть и перебраться в другую комнату.

Думаю, здесь множество любопытных апартаментов. А где я сейчас? На первый взгляд королевские покои довольно скромны, но мне сейчас не до роскоши. Особенно после лачуги каторжника Баруша.

Пока я с содроганием вспоминала охапку подгнившей соломы, что служила мне постелью в речном поселке, вернулись полуголые молодцы. Каждый из них теперь тащил в руках по вместительному подносу с едой. Почтительно поклонившись, парни поставили свои подношения прямо на мое

ложе и тут же отошли в сторону, выпрямившись наподобие бронзовых статуй атлетов.

У меня слюнки потекли от аппетитного запаха горячей пищи. Так, сейчас изучим королевское меню – какой-то подозрительный суп, маленькие птичьи яйца, похожие на перепелиные, множество незнакомых фруктов, часть из которых аккуратно нарезаны, еще глиняный кувшинчик с напитком и квадратные пористые пластинки, наподобие галет, видимо, местный хлеб. С чего бы начать?

Мои раздумья прервал вопрос Мано, и в голосе кормиса явно звучало беспокойство:

Еда выглядит не слишком привлекательной? Или королева желает что-то совсем другое?

А разве у меня есть выбор? – вздохнула я.

Пойми, мы еще не знаем твои предпочтения в еде – вот, например, прежняя королева совсем не ела птичье мясо, только рыбу, орехи и фрукты.

Нет, нет, я от мяса не откажусь, только если оно будет хорошо приготовлено, вы же не будете кормить королеву всякой гадостью?

Мне хотелось вывести Мано из себя, задеть его, подразнить. Интересно, а если я буду капризничать и топтать ножкой, – то не хочу, этого не буду, они могут меня наказать или обругать? Каковы же границы дозволенного, вот что интересно узнать.

Королева пожелала мясо! Скорее позови Наро, пусть от-

кроет хранилище запасов.

Зычный голос Мано заставил меня поморщиться. Не бережет громила нежные королевские уши, но ничего, я столько перенесла за эти дни, что один горластый мужчина в моей спальне не помешает как следует перекусить.

Скоро я насытилась – суп оказался не плох, хотя и жидковат, но в мои покои ворвался новый незнакомый мужчина. На его смуглом плече виднелся странный знак в виде чаши. Может, он местный шеф-повар? На всякий случай я благоклонно кивнула в ответ на его низкий поклон.

Счастлива приветствовать тебя, достойнейшая королева. Мое имя Наро – я Старший добытчик Кормаксилона и с пригорбьем вынужден сообщить, что мы не можем пока предложить тебе свежую мясную пищу.

Очень жаль! – мрачно заметила я.

Холодная кладовая почти пуста, у охотников в последние дни не было сил отправляться на поиски дичи, но в самое ближайшее время мы пополним запасы. Я тебе обещаю! Ведь теперь мы полны жизни благодаря твоему вниманию.

Лучше бы он этого не говорил... Я прищурилась и, кусая губы, почти с ненавистью разглядывала того, кто тоже прикоснулся ко мне ночью. Второго из «великолепной четверки». Но Наро по-своему истолковал мой взгляд и побледнел под загаром:

Если я виноват, что заранее не позаботился о лучшей пище, готов понести любое наказание.

Наро так волновался перед встречей новой Повелительницы, что слишком поздно отправил мужчин на поиски самой изысканных блюд. Вернулись лишь сборщики плодов и корне-
ньев, но охотники что-то запаздывали. И по его вине Магрит сейчас испытывает неудобства. А ведь так хотелось, чтобы ей все сразу же понравилось в Кормаксилоне. Нет, Наро до-
пустил промах и не может рассчитывать на прощение.

Что ты ему скажешь, Королева?

Я удивленно глянула на Мано. Он словно ждал от меня какого-то решения. Да почему же я должна наказать главного Смотрителя за припасами из-за такого пустяка? Но вот любопытно, как это могло получиться в принципе. И обра-
щаясь к Мано, я "сморозила" нечто совершенно глупое:

А что, если бы я велела тебе ударить его?

Мне нужно было прояснить на будущее, какую силу здесь имеют мои приказы, узнать рамки своей настоящей власти. Но при том я вовсе не хотела обижать «добытчика», хотя, может быть, стоило устроить взбучку сразу всему их Совету...

Однако твердый ответ Мано меня озадачил:

Прости, Королева. Я не могу просто так причинить боль собрату. Если бы мы устроили поединок, или это вышло случайно – другое дело. Королева сама в любое время может ударить кого-то из нас, ей никто не помешает, но мы никогда подобного не сделаем нашему сородичу. Назови иной вид наказания, Магрит.

Наро опустил голову. Он так и стоял в позе величайшей покорности, совершенно не двигаясь. А потом глухо заявил:

Если Госпожа желает, я могу отправиться в глубокий погреб и сидеть три дня без воды и света. Это будет хороший урок. Но если ты сама желаешь ранить мое тело, то можешь воспользоваться моим ножом.

Тут Наро вытащил из кожаных ножен у пояса небольшой, загнутый клинок, и подал мне, опускаясь на колени. Я похолодела от этой сцены, – мужчина серьезно полагал, что я могу царапнуть его лезвием или даже кольнуть. Что за порядки тут царят? Мне совсем не нужны подобные заморочки.

Убери нож! Я же просто спросила. Я всего лишь задала вопрос. Мне не хочется никого наказывать, тем более причина смехотворна. Надеюсь, мне не придется питаться одними орехами и плодами. Суп отличный, только я так и не поняла, из чего он приготовлен.

Самые жирные личинки америд, Госпожа! – ретиво ответил «стрипизер», и я невольно положила ладонь на живот, чудом подавив тошноту. «Лучше не представлять...». Пришлось скорее переключить внимание на Наро, который по-прежнему стоял на коленях перед постелью.

Уже поднимись, все хорошо.

Я не знала, что ему еще сказать, а тут еще эти личинки, меня сейчас наизнанку вывернет. Если честно, не знаю, как себя вести с подданными. С одной стороны, вроде бы обещали меня не трогать, но тогда всем им конец, а мне что де-

лать? Хочется им помочь, вроде, не плохие парни – заботливые, но что я могу...

#Ты простила меня, Магрит?

Вот же пристал, зануда! Королева думает. О том, как ей жить дальше среди вас, таких любвеобильных дикарей.

Самое страшное наказание для каждого из нас – это строгий запрет видеть тебя, Магрит.

Вот оно как! Мано меня только что просветил, но почему-то не полегчало.

И тут двери чуточку приоткрылись, и к нам осторожно заглянул совсем юный парень, смущенно опустил красивые сливовидные глазищи и прошептал, что принес Королеве подарок. Кажется, опять съестное. Да сколько же можно!

Если каждый из них усердно станет меня кормить, я через месяц буду похожа на довольную розовую свинку. Безделье, калорийная пища, регулярные занятия любовью... Вот мое ближайшее будущее после нескольких лет учебы и битвы за выживание в каменных джунглях чужого города. Тише, тише, рано паниковать, может, все еще обойдется.

В миске, что держал перед собой подросток, оказались аккуратные кусочки мяса в светленьком соусе с мелко нарезанной свежей зеленью. Я невольно потянула носом – пахло, конечно, вкусно, но на сей раз я строго расспросила молодого добытчика подробный состав блюда.

Польщенный моим вниманием, тот сбивчиво отвечал:

Я сам поймал жаканару, я еще утром поставил ловушку

с петлей, и все это ради Королевы, # сказал он, боясь даже взглянуть на меня от волнения и обожания.

Стало смешно и неловко, чего они все так носятся со мной? Еще и шагу ступить одной не дадут. К горлу подкатился комок, я отчаянно заморгала, чтобы прогнать подступающие слезы. Пришлось отведать угощение на свой страх и риск.

Наро пояснил, что жаканара – это местная птица вроде нашего попугая. Экзотическое деликатесное блюдо! Но я покорно макала оставшиеся сухарики-галеты в душистый соус и даже лизнула ребро ладони, на который упали маслянистые капли. Парни смотрели на меня с какой-то непонятной жадностью, может, они сами еще ничего не ели с утра.

Это было невероятно вкусно! Я благодарю вас... всех.

По моим апартаментам прокатился всеобщий вздох облегчения. Королева довольна. Какое счастье!

Но я омыла руки в специально для этого поданной чаше и деловито сказала:

Теперь мне хочется осмотреть ваш дом.

Мано тотчас важно меня поправил:

Твой дом, милостивая госпожа!

Интересно, почему это я вдруг милостивая? Не отлупила главного добытчика? Без капризов уплетала за обе щеки их скромные подношения? Привыкла уважать чужой труд. Каков у нас распорядок дня на сегодня? Хочется, еще кое-что прояснить, и я задала Маноновый вопрос:

Скажи, а что мне нужно делать, кроме как... м-м-м... дарить вам свое внимание? Как королеве, я имею в виду? У меня есть обязанности, государственные дела, балы, приемы, я должна разбирать тяжбы, еще кого-то миловать и карать? А, кстати, скажите напрямик, где ваша прежняя королева, куда вы ее дели, интересно знать?

Сказать по правде, для Мано это была очень болезненная тема, ведь дело касалось чести Кормаксилона. Ни разу за все столетия существования Колонии не случилось такого позора, чтобы королева сбежала с плененным врагом. Иначе бы мудрый Чаро оставил какие-то советы на этот случай, но Уно не нашел в его записях даже намека на столь постыдную ситуацию.

И ради сохранения доброго имени собратьев, Мано пошел на уловку, а попросту говоря солгал новой госпоже:

Прежняя королева Кормаксилона мертва, # сказал он, низко опустив голову и пряча глаза, будто вспоминая большую потерю. # Это великое горе для нас. Мы сами чуть не погибли без нее, поскольку уже привыкли к женской ласке и силе. Но теперь нам стала важна ты, Магрит. И пока ты с нами, – все, что нам нужно от тебя – твоя благосклонность, я ведь уже говорил. Ты даешь нам жизнь. Пока метки на твоём плече светлы – ты хорошая королева.

Затем Мано кратко и немного пафосно растолковал мне значение меток на теле кормисов – воины, строители, добычки и няньки. А я сидела, глядя куда-то себе на колени,

слушала его и недоумевала. Куда меня занесло...

А потом Наро напомнил, что я хотела прогуляться и наконец-то мы вышли из комнаты. Меня немного качнуло в коридоре, и Наро ловко удержал, на мгновении прижав к себе, тогда я сделал вид, что не заинтересована в подобной помощи. Все же добытчик продолжал обнимать меня.

Нельзя допустить, чтобы ты споткнулась, у нас много крутых лестниц и переходов.

Пришлось согласиться и мы медленно двинулись дальше. Я не верила своим глазам – казалось, в гигантском деревянном ангаре размещался удивительный музей – аттракцион первобытного строя. Меня провели мимо кладовых и казарм, мимо оружейной и архива, где хранились свитки с записями, мне рассказывали о численности Колонии и обучении молодежи.

У меня голова шла кругом, я попросила воды. А когда напилась, вдруг поняла, что не знаю главного – как появляются на свет новые кормисы. Мои спутники удивленно переглянулись и Наро тихо спросил:

Ты желаешь заглянуть во Чрево Матери?

А разве нельзя? И что это за место такое... чрево...

Можно. Просто бывшая Владычица никогда не бывала там. Да этого и не требовалось от нее.

Они как будто боялись, что я могу повредить младенцам. Но выяснилось, что младенцев – то вовсе и нет, поскольку оболочка созревших коконов лопается и под присмотром ня-

нек-наставников из шелухи пелен выбираются вполне взрослые мальчуганы чуть моложе того паренька, который притащил мне свою первую добычу. Никаких тебе соплей и пеленок, бери готового десятилетку и учи помогать семье.

Мне понравился спокойный неторопливый тон Мано, добродушные шуточки Наро и благоговейное молчание громил из охраны. Они все здесь считали себя одной огромной семьей. У них все было общее – и беда и радость одна на все поселение. Почтительное отношение каждого встречного кормиса поневоле заставляло меня иначе смотреть на двух моих спутников – членов Совета. Я не смогла сдержать любопытства:

А где же остальные советники?

Кадо во главе отряда с самого утра прочесывает лес вокруг, у него появились силы, он желает порадовать Госпожу головами врагов. А Уно... ты увидишь его, если не передумала спуститься во Чрево.

Почему я должна передумать? Очень интересно.

Тогда разреши мне оставить тебя на недолгое время, я распоряжусь об обеде и лично прослежу чтобы еду подали в срок.

«Боже мой! Они точно решили меня откормить...» А потом молодой кормис прибежал к Мано со срочным донесением, и Строитель поручил проводить меня вниз тому самому красавчику, которого я про себя звала «стриптизером» – он, оказывается, плелся вслед за охраной, ожидая новых ука-

заний. Или просто не в силах был расстаться со мной даже на миг... Вот чудаки! Чем я им так приглянулась?

По довольно крутой лестнице мы спускались в драгоценное Хранилище Кормаксилон – Чрево Первой Матери, где вызревали «золотые семена» – яйца кормисов. Со временем они медленно увеличивались в размерах, превращаясь в удлиненные желтоватые коконы.

А вот из них-то при благоприятном стечении обстоятельств выйдут новые обитатели Инсектерры – воины, строители, добытчики, няньки. Только мужские особи.

Глава 8

Первый

Кормаксилон
Чрево Матери

Уно сидел на краю каменного постамента у ниши и смотрел на подросшие яйца – будущее поколение кормисов. Через одну луну они уже будут выглядеть как вполне сформированные коконы, каждый со своей судьбой. Некоторые смеялись уже пожилых наставников и строителей. Размышляя над заботами дома, Уно не сразу заметил, что к нему вошли.

Это ты, # пробормотал он, хмуро глядя на королеву, потом, спохватившись, резко поднялся с места. # Не думал, что госпожа однажды придет сюда. Такого не случалось прежде, что произошло?

Магрит была удивлена прохладным приемом, но не показала вида.

"Странный парень. Моложе остальных советников, а такой серьезный. Надо бы присмотреться получше".

Я хотела увидеть ваши яйца... ну... то есть... – фраза вдруг показалась ей двусмысленной, и даже обычно внимательный Уно не понял, отчего у королевы запылали щеки, – на ваших детей... потомство.

Теперь они твои дети. Смотри, раз пришла!

Жестом, полным сдержанного достоинства, Уно показал на нишу за своей спиной, а сам отступил в сторону, пряча руки назад.

Без королевы они чуть было не погибли, но теперь снова набрали силу, через три полные луны можно ждать нового поколения.

Уно исподтишка наблюдал за женщиной, подарившей надежду Кормаксилону. Но наблюдал не с преданным восторгом, как прочие собратья, а скорее с искренним любопытством, потому что Камрит вовсе не занималась яйцами и детьми.

Внимание новой правительницы ему пока было не понятно, возможно, это лишь праздный интерес, но тогда ей и во все здесь нечего делать. Присутствие Магрит даже начинало слегка раздражать старшего наставника, и все же открыто перечить он не посмел. Лишь довольно резко задал вопрос:

Они уже все объяснили о твоих обязанностях? Уверен, тебе будет хорошо среди нас.

Миловидное лицо королевы искривила легкая гримаса, она будто вспомнила о чем-то неприятном, но, сделав над собой усилие, быстро приняла прежний спокойный вид:

#Да, кажется, я все поняла, как надо. Как надо вам! Знаешь, что я тебе скажу? Мне трудно смириться со своей ролью. Я никогда бы не согласилась сама на подобное. Вы меня купили и заставили быть вашей...

Она замялась и выплюнула ему в лицо: «Царицей!»

Королевой, – тихо поправил Уно, склонив голову к правому плечу.

Магрит хочет с ним поговорить. Неужели пожаловаться... Разве ей плохо? Прежняя Хозяйка не любила долгие беседы, ей нравилась вкусная еда, наряды и украшения, а еще развлечения и увеселительные напитки. Что нужно Магрит именно от него?

Уно хорошо делает свою работу, а значит, его не за что наказывать. Наградить? Он ведь не совершил подвига в ее честь, не убил врага, не раздобыл редкое лакомство, вроде засохшей смолы литарры...

Я только хотела спросить еще раз. Они, правда, погибнут, если я не позволю к себе прикасаться?

Правда, – Уно наморщил лоб, недовольно выпятив губу. «Какой глупый вопрос. Неужели Мано ей плохо объяснил».

Значит, благодаря мне ваши дети выживут, удивительно! Просто потому, что я здесь, рядом?

Потому что недавно я взял твою силу, и яйца чувствуют – видишь, какой у них приятный розоватый оттенок, мы все незримо связаны между собой, # прямо ответил Уно, теперь уже испытующе заглядывая ей в глаза.

И тут же исправился:

Потому что ты дала мне свою силу.

Дала силу? Когда же?

Ночью, # устало сообщил Уно, подавив нарастающее раздражение. # Потому что я, как старший наставник, был с тобой вместе с остальными Советниками.

А-а-а... И ты тоже. Ясно... Ну, так скажи, каково это было – насиловать беспомощную женщину, пока она спит? Тебе понравилось?

Как и всем остальным. Ты прекрасна, Магрит. И дала нам большое счастье. Но, возможно, сама не получила радости. Так вот в чем причина...

Он вдруг ощутил досаду и даже укол вины. Наверно, ей трудно привыкнуть к жизни в глубине леса, прежняя Камрит тоже часто вспоминала каменные улицы города, где ей приходилось танцевать на площадях. Надо узнать, откуда новая королева и почему на ее ресницах дрожат слезы. Женщина не должна плакать в Кормаксилоне.

Это неправильно, – вслух заявил Уно. – В тебе плещется тревога и неуверенность. Что тебя беспокоит? Поделись со мной, я расскажу остальным и мы вместе придумаем, как порадовать тебя.

Его наивный вопрос заставил ее разозлиться.

"Вот блаженное создание! Он даже не понял, о чем я, не обратил внимание на мою злую иронию и обвинение.

"Что тебя беспокоит?" Туземный психолог! «Вы хотите об этом поговорить?» Да о чем мне беседовать с ним? Хотела увидеть их драгоценные яйца... У меня мурашки по коже, едва представляю, что они могли заставить меня рожать им

детей.

Хорошо хоть не придется быть насадкой, Мано сказал, что яйца появляются сами из Первого яйца Первой Матери. Если я все правильно поняла – процесс похож на почкование. Способ размножения как у самых примитивных существ.

Одна плодовитая Матушка отложила кучу яичек и скрылась. А первые детишки построили домик и стали заботиться об остальных. Муравьев напоминает... Не все ли равно! Главное, мне не придется в этом участвовать. Мое дело – быть всем довольной и радовать остальных. С кого бы начать... Эх, жаль, мальчик – стриптизер остался за дверями, оставив меня наедине с этим..."

Как твое имя, я что-то запамятовала?

Уно.

А перед тобой несравненная Магрит!

Я знаю твое имя.

Уно внимательно оглядел ее с головы до ног.

«Она очень странная. И ей почему-то плохо. Так нельзя. Она дрожит от страха и хочет пролить воду из глаз, это нужно изменить как можно скорее».

Уно показалось, что волнение Магрит передалось и ему. А вместе с тем возникло острое желание помочь, защитить, как будто Королеве, действительно, могло что-то угрожать в центре Дома. Но она не считала Кормаксилон своим домом, вот что было печально.

Она не приняла свое предназначение, а лишь тосковала

по прошлой жизни. Совершенно напрасно. Ведь здесь у нее будет все самое лучшее. Каждый член Колонии, не задумываясь, готов умереть ради ее благополучия. Она должна это понять и смириться. И гордиться собой. Ведь она – прообраз Первой Матери. Она женщина. А женщина в Кормаксилоне не может страдать. Она одна на всех. Ей должно быть только хорошо.

И сам Уно сделает для этого все, что нужно. Даже попытается забыть прежнюю Госпожу, если потребуется. И молодой наставник опустился на колени, чтобы поцеловать край королевского одеяния, а потом осторожно коснулся лбом ее ног обернутых тонкой тканью.

Не плачь. Мне грустно, потому что я чувствую приближение твоих слез. Разреши мне успокоить тебя так, как я умею. Если позволишь, я буду играть тебе на флейте или гитаре, а хочешь, тихо спою, как пою детям, еще дремлющим в коконах. Хочешь, я проведу тебя в детские покои?

Там всегда тихо и тепло. Но мне кажется, я слышу, как стучат их маленькие сердечки сквозь тесные оболочки пелен. Тук-тук-тук... Множество живых сердец в одной большой комнате. Они ведь все слышат, Магрит. И терпеливо ждут своего срока. Ты сохранила им жизнь.

Я горжусь тобой и восхищаюсь безмерно. Мне было бы не страшно заснуть навсегда, но горька мысль, что они, там – под белыми плотными оковами уже никогда не увидят солнечный свет, никогда не услышат лепет родников лазурного

ущелья.

О чем ты плачешь, милая? Тебе не нужно грустить – теперь ты наша благословенная Мать и Подательница силы...

Она закрыла лицо своими маленькими ручками, но жадно внимала всему, что ей говорил кормис. И заметив это Уно продолжил:

Почему ты огорчена? Ты получишь все, что только пожелаешь, что можно раздобыть охотой или выменять. Мы будем нежны с тобой, даже если ты начнешь топтать нас ногами и ругать просто так, когда станет скучно. Мы никогда не причиним тебе боль, никогда не обидим.

Уно замолчал, пытаясь собраться с мыслями, и теперь смотрел на нее снизу вверх, как вдруг именно сейчас вспомнил о древнем пророчестве из записей высокоумного Чаро. Однажды воля печальной Королевы может изменить вековые устои Колонии, а ее выбор положит основу новому закону. И это будет великим даром Кормаксилону, знаменуя начало эпохи Благоденствия.

Может быть Уно повезет и он еще застанет это время...
Может быть, это Она...

Но Магрит явно страдала сейчас.

Да поймите же, я никого не хочу топтать, я лишь прошу, чтобы меня оставили в покое, а не обращались со мной как с вещью! Ты в не знаешь, что меня уже однажды продали в том мире, где я родилась и вот недавно подобное случилось снова. А что меня ожидает здесь, в доме, где я обязана быть

вашей царственной наложницей?

В нашем мире так не принято, ясно тебе? У нас это даже осуждается – спать со всеми подряд, меняя партнеров, словно нижнее белье.

Я бы хотела попасть домой, в свой город, но там... и там я совсем одна, а здесь вам от меня только одно нужно – ну берите, трогайте, тискайте, чего ты на меня уставился, Уно... или как там тебя зовут.

Магрит со стоном прижала ладонь к груди, словно у нее заболело сердце.

"Могу здесь в животное превратиться, если все пойдет дальше по их сценарию, я этого не переживу, так чего медлить.

Ничего не поделаешь, должна принести себя в жертву, только не умереть, а научиться наслаждаться их вниманием и обожанием, купаться в их сумасшедшей любви. Мне нужно выжить здесь. Выжить в любви, какое странное сочетание слов...

А может, мне попросить еще дурманящего напитка и пару раз в неделю устраивать оргию? Я ничего не буду помнить, они будут сыты, а детишки их подрастут. Но я и в самом деле не хочу ничего помнить? Или скрываю самую малость лукавства и хочу себя проверить".

Магрит вдруг почувствовала нарастающее возбуждение. Большой крепкий мужчина стоял перед ней на коленях, готовый покорно выполнить любой приказ.

"Нет, я больше не буду хныкать о своей никчемной судьбе. В Инсектерре правят совсем другие правила и законы. Попробую в них разобраться и сделаю шаг навстречу".

Хочу, чтобы ты поцеловал мои ноги.

По спине Уно пробежал легкий озноб, но его тут же сменила горячая волна предвкушения чуда. Он еще хотел что-то спросить, но только крепче стиснул зубы. На самом деле ему казалось, что она поступает не совсем правильно, ведь обычно первая благосклонность Королевы достается лучшему воину. Но стоило ли рассуждать об этом сейчас...

Уно коснулся рукой ее коленей, прикрытых платьем, потом скользнул пальцами по икрам, вниз к тонким обнаженным щиколоткам, и лишь затем кончики его пальцев пробрались под ее одежду, начиная медленное путешествие наверх.

Еще!

Магрит приподняла край своего одеяния и откинула голову назад, пытаясь сосредоточиться на светильнике у самого потолка. Ее шея казалась особенно хрупкой и беззащитной.

Уно посмотрел на нее с недоумением, уж не намерена ли она его подразнить и покинуть, но жар в крови прогнал сомнения, заставляя прижиматься к женской плоти щекой и губами.

И вот он плавно, но решительно заставил ее раздвинуть ноги, поцеловал внутреннюю поверхность одного бедра, затем другого, поднимаясь все выше и выше, с трепетом ожидая грозного окрика, что заставил бы его сразу остановить-

ся. Магрит притихла, словно ждала, что будет дальше.

Не встречая сопротивления, он отнес королеву в широкое углубление по обе стороны от которого, наполовину утопая в пушистом мхе, лежали крупные яйца.

Там он жадно целовал Магрит и тут же заглядывал в ее глаза с некоторой тревогой. Возможно, ожидал, что королева скоро остановит его, прикажет уgomониться или даже ударит за такую неумную прыть и дерзость.

Наконец Уно коснулся языком ее влажного лона, готового раскрыться для него, словно цветок мираблуса, что зацветает лишь по ночам в глубине джунглей. Магрит ахнула, запрокинув голову назад и тогда он осторожно лизнул ее открывшееся лоно, как котенок Большой Вайши слизывает капельки сладкой росы с узкого листочка литарры.

"Теперь она точно меня ударит и все закончится" # обреченно подумал он про себя, но прерывисто дыша, королева еще шире развела бедра и чуть приподняла ягодицы.

Ты разрешишь мне любить тебя сейчас? – прошептал Уно.

Я хочу чтобы ты был нежен, хочу чтобы ты меня успокоил. Да уже все равно... продолжай, только осторожно, не торопись, я хочу понять себя.

И тогда ему показалось, что он тоже кое-что понял.

Уно поднялся, поспешно развязал сбоку узел набедренной повязки и бросил кусок плотной ткани на выложенный моховой дерновиной пол.

Я могу сам решить, как мне продолжать? # спросил он почти жестко.

Попробуй, но если я скажу остановиться – ты остановишься.

Уно только фыркнул в ответ, принимая условие, затем склонился к ней и коснулся губами уголка ее губ, затем щеки, носа и сразу шеи. Он был глубоко убежден, что ласкать королеву надо долго и тщательно, начиная уж вовсе не с тех мест, куда рвутся такие, как Кадо.

Для начала женщина должна совершенно расслабиться и возжелать ласки, как гласили древние тексты, а для этого нужно превратить ее в трепетную бабочку.

Начитанный с малых лет, Уно стал бережно целовать гладкую шею Магрит, а руками пробирался все выше под балахон, но не торопился к груди, а гладил живот, постепенно поднимая ткань вверх.

Он все теснее прижимаясь к ней, позволял королеве чувствовать, как наливается кровью его пенис, превращаясь в твердый упругий ствол, готовый к соитию.

Задрав подол ее одеяния до самой груди, Уно поймал один из сосков и стал легонечко посасывать его, сжимая вторую грудь рукой. При этом он покачивал бедрами, скользя основанием возбужденного члена меж влажных складочек там – внизу.

Я возьму тебя, когда ты сама попросишь. В ответ она легонько шлепнула его по напряженной ягодице. Уно засме-

ялся, поймав веселый блеск глаз Магрит.

Сладкий сон наяву продолжался так долго, что набухший член стал нестерпимо болеть. И будто расслышав его беззвучную мольбу, королева пробормотала, что он может лечь на нее, поскольку давно уже была мокрой, горячей и распахнутой.

Она жадно дышала приоткрытым ртом, чувствуя, что не может больше сдерживаться – самое тайное местечко ее тела жаждало глубокого проникновения.

Их взгляды снова встретились в полумраке, и она подавалась навстречу, чтобы поцеловать его первой, а потом выдохнула навстречу его беззвучной мольбе:

– Да...

Ее «да» значило многое, и окончательно осмелевший Уно прильнул губами к ее губам и тут же превратил это соединение в поцелуй, скользя языком внутри ее рта, приглашая к древнему танцу, и только затем резко вошел в нее, прижимая к моховоому настилу.

Уно почти любил ее сейчас, пьянея он болезненной жаркой волны в разодранной метке.

Слабый свет стал прорываться сквозь окровавленную повязку и плотная скорлупа яиц тоже замерцала красноватыми бликами. Но тесно сплетенные телами, мужчина и женщина не замечали уже ничего вокруг, занятые только собой.

Внезапно Уно оторвался от ее губ и, не давая опомниться, перевернул королеву на живот, придерживая грудь, что-

бы она могла упереться руками о ложе. Уно не желал слышать возражений и вообще слышать ее возмущенный голос.

Я хочу еще, только не останавливайся...

Она отдала еще пару приказов, значения которых Уно не понял, но смутно догадался, что королева ждет от него настойчивости и напора.

Уно нависал над ней так, чтобы она достаточно ощущала, какой он большой и сильный, хоть и еще так молод по сравнению с Мано или Наро. И даже худощав, если взять Кадо за образец мужественности.

Шумно дыша, и не прекращая двигаться в ней отрывистыми толчками, он вдруг зашептал быстро и уверенно, словно позабыв привычку растягивать слова:

Я научусь любить тебя, как ты хочешь. Я сделаю все, чтобы ты стала самой счастливой из матерей Кормы.

И когда Магрит вскрикнула в момент наивысшего удовольствия, красноватый отблеск яиц превратился в полноценное рубиновое сияние.

Неожиданно он испытал гордость, осознав, что именно наставнику, а не воину достался первый дар милости королевы после церемонии. Такое везение могло смениться равнодушием и забвением, но сейчас следовало использовать шанс.

И Уно снова довел ее до полного иступления, заставив громко всхлипывать и благодарно стонать.

Только убедившись, что Магрит довольно улыбается, раз-

мазывая по животу капли их общего пота и мужского семени, Уно позволил себе лечь рядом и немножечко подремать.

Кажется, она действительно была другая, раз выбрала его первым.

Она будет особенной королевой и подарит много удачи
Семье.

Уно уже сейчас это знал.

Магрит

Какое-то время я лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к ровному дыханию спящего рядом Уно. Вот и все... Осталось забыть – кто я и откуда взялась, привыкнуть к новому имени и представить, что я появилась на свет в глубине джунглей.

Инсектерра. Интригующее название. Любопытно будет выбраться на поверхность и увидеть их родной лес вокруг гигантского "муравейника". Наверное, он очень красив.

Прежде я никогда не бывала в тропиках, мы всей семьей ни разу не ездили на море, вечно что-то мешало – ремонт, болезнь, кредит, а то рождение Таськи. А ведь сколько прочитано книг и просмотрено фильмов о райских островах – в другом мире, в другой жизни.

В своих полудетских мечтах я представляла, как вырасту, стану работать и тогда уж точно смогу накопить денег на путешествие к пальмовым берегам. А на самом деле не смогла даже закончить учебу и стать врачом. Зато дикие джунгли сбылись...

Какой же тонкий, едва уловимый запах в затемненном помещении. Сходный, но более терпкий аромат исходит от моей подстилки. Что-то морское и одновременно хвойное, думаю, в дебрях загадочной Инсектерры обитает множество

удивительных растений, животных и разумных существ. И одно из таких существ сейчас спокойно спит рядом со мной. Устал...

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на него – он же просто мальчишка! У него юное, но при том строгое и волевое лицо, словно и во сне он думает о чем-то серьезном и важном. Может быть, о своих подопечных. Весь в работе.

Обвожу взглядом нехитрое убранство комнаты: полукруглые арки и вытянутые овалы ниш. Еще во время прогулки по дому заметила, что кормисы не любят острых углов и резких форм. В моих покоях и здесь – во Чреве Матери, все двери плавно закруглены.

Даже предметы обихода имеют вид полушарий, например, чаши, в которых горит огонь, посуда и корзины. И то оружие, что я мельком видела у стражи – изогнутые кинжалы. Интересно, это медь или железо? А каким богам поклоняются кормисы?

Надо бы расспросить Уно, когда он проснется. Я наклоняюсь к нему и долго всматриваюсь в расслабленные черты одухотворенного лица. После нервного порыва к близости я неожиданно успокоилась. Мне было хорошо с ним, и теперь я заново хочу жить. Отчаянно окунуться в самую гущу событий их невероятного мира. Постичь его законы, стать частью Кормаксилона.

Я все смогу. И совершенно не нужно плакать о прошлом. С неудачницей Маргаритой покончено, теперь я – Магрит.

Не понимаю, почему плачу сейчас, но слезы облегчения бегут сами по себе, а я становлюсь воздушной и невесомой, кажется, скоро научусь летать. Меня переполняет необыкновенное чувство, похожее на восторженное волнение, я встаю на колени и опираюсь локтями о край ниши, куда Уно меня уложил.

Мне хочется потрогать большие – в две мои ладони, словно светящиеся изнутри яйца. Их теплая скорлупа совсем не похожа на ту, что имеют яйца домашних птиц – более упругая, словно кожистая. А внутри таится до поры живой человек, будущий воин или мастер. Чудо природы загадочного мира, в который меня принесла река.

Я обязательно должна увидеть коконы, а вот если бы угадать сам момент появления нового кормиса. Осторожно вынимаю ближайшее яйцо из моховой подстилки и подношу к лицу:

Здравствуй, малыш! Говорят, я твоя новая мама. Без меня ты не сможешь вырасти.

Улыбаюсь забавной шутке и прикладываю яйцо к своему голому животу. Будут ли у меня самой дети? Неизвестно. А для кормисов я уже мать многочисленного потомства.

Яйцо стало светится в ответ, будто услышало мой призыв. Не веря глазам, я воскликнула:

– Уно, почему оно светится?

– Ты же с ним говоришь. Они все понимают.

– А как ты меня услышал? Я же тихо-тихо спросила, ду-

мала, ты спишь.

– Я услышал.

Что со мной такое! Я снова хочу его прикосновений, у меня только от звука его голоса стало тяжело и влажно внизу живота, еще стоило мельком вспомнить, как этот «мальчишка» овладел мной едва ли не час назад. И вот он смотрит на меня с улыбкой, будто все, что между нами произошло было самым обычным делом.

У него невинные глаза и сам он сейчас похож на юного буддистского монаха – бритоголовый, смуглокожий, гладкий... Я хочу, чтобы он обнял меня, прижал к себе и ничего более. Это наваждение. Но я устала всего бояться, а с ним рядом совсем недавно чувствовала себя желанной.

Опускаю голову, чтобы он не заметил, как жадно смотрю на него и кусаю губы. Не надо показывать свой интерес, я почти не знаю Уно, но почему-то он кажется мне самым близким человеком на свете. Я могла бы ему доверять.

А еще я бы не отказалась от обеда. Или уже время ужина?

Уно мягко погладил меня по щеке.

– Королева голодна?

– Ты угадал мои мысли. Ты телепат?

– Что означает это слово?

Мне захотелось его поцеловать и многое-многое сделать еще. Я сошла с ума. Мы сидели голышом друг напротив друга в окружении светящихся изнутри красноватых яиц и это было прекрасно. Он вдруг нахмурился и принялся меня уте-

шать.

– Больше не плачь! Я всегда буду рядом. Только позови и я приду к тебе.

Он изогнулся и поцеловал мою открытую грудь слева, а мне почудилось, что коснулся сердца.

– Уно...

– Да?

– Ты меня любишь?

– Конечно. Ведь ты – моя королева.

Я медленно отвожу его ладонь от своего лица и поднимаюсь на ноги. Пора одеваться и уходить.

Глава 9

Будни Кормаксилона

Главный строитель Мано спускался по крутой лестнице, ведущей вниз к Архиву Древних, где бережно хранились ценные записи Кормаксилона, сделанные на глиняных дощечках и тростниковых свитках. Придерживая факел, кормис искал проблески света в коридорах и нишах, мимо которых проходил. Но заглядывая в тесные коморки добытчиков и рабочих, отдыхающих после трудового дня, он так и не нашел второго Советника.

– Наверно, опять рисует... Конечно, в Архиве еще остались свободные стены

Беззлобно ворча Мано оказался на самом нижнем уровне Дома и бесшумно приоткрыл двери в обширную залу. Главный добытчик как раз вытирал перемазанные охрой пальцы.

Мано покачал головой.

– Сразу видно, что у тебя снова появились силы! А ведь ты уже целую Луну не брался за краски.

Наро ничего не ответил, даже головы не повернул в сторону собрата, так был увлечен своим любимейшим занятием. Он сейчас стоял между двух жарко горящих светильников, а вокруг были расставлены небольшие емкости с густой жижей различных цветов. На краю каждой такой чаши лежала

мягкая кисть, созданная из шерстинок сигаруса.

Наро расписывал стену. На его картине нагая королева отдыхала под деревом, вкушая сочный плод питаи, сок которого стекал по губам и белой груди. Наро был явно в ударе сегодня и гордился своей работой, а вот появление Мано его слегка озадачило.

– Скоро ночь. Что ты бродишь, словно голодная Вайша по лесу? – пробормотал он, очищая от остатков краски кисть, осторожно постукивая ею о край чаши.

– Все готовятся спать, – согласился Мано, усаживаясь на небольшой выступ каменной стены, похожий на валун, который при строительстве никуда не сдвинули, и часть его так и осталась выглядывать в коридор.

Подобные гладко обтесанные камни здесь иногда встречались и очень нравились Главному Строителю, словно великие произведения древнего искусства, еще помнящие руки предков. Устроившись поудобнее, Мано продемонстрировал другу глиняную бутылку, закупоренную пробкой из мягкой пористой сердцевины дерева дармадал.

– Будешь со мной?

– Нет, я лучше продолжу, – ответил Наро, вздыхая, – но все равно, кажется, завершу лишь завтра. Надеюсь, она оценит мой труд.

Зеленой краской Главный Добытчик стал тщательно прорисовывать ажурную листву брокса над головой королевы.

– Как тебе новая хозяйка? Понравилась? – спросил Мано,

ловко вскрыв бутылку.

По зале поплыл густой дух фруктовой бражки, и Наро поморщился. Сейчас веселящий напиток мешали сосредоточиться на рисовании.

– Она хороша, разве нет? – ответил Наро вопросом на вопрос, стараясь не отвлекаться от своего занятия.

– Конечно хороша – гладкая и тугая, но я не о том.

Мано звучно отхлебнул содержимое объемной бутылки, крикнул от удовольствия и вытер губы рукой, снисходительно поглядывая на усердного товарища. Он действительно считал Магрит самой сочной и сладкой из трех Владычиц, которых повидал на своем веку, но не одна из тех прежних не вызывала в нем столько тревоги.

– Что тебя беспокоит? – спросил Наро, снова меняя кисть.

Нужно было набрать алой ягодной мякоти для прорисовки спелого плода в маленьких ручках Магрит.

– Она другая, – задумчиво провозгласил Мано свой вердикт.

Он и сам толком не понимал, что было не так в новой Королеве, но явно чувствовал, что с ней достанет хлопот. И оправданно ли все это... Не повредит ли в итоге Колонии. Мано был консерватор и немножечко тугодум. Превыше всего для Мано было расширение и расцвет Семьи. И Наро сразу понял его беспокойство:

– Мне нравится ее интерес к нашей жизни, она задавала много вопросов во время прогулки, – признался он. – Кажет-

ся, ей не безразлично, как устроен наш Дом, чем кормят воинов, где мы набираем воду. Она даже пожелала спуститься во Чрево. Это лучше, чем просто отставленный зад.

Высказав свое мнение, художник зажал кисточку зубами и быстренько схватил другую, чтобы вплести в волосы нарисованной Магрит лучи заходящего солнца.

– Лучше, – согласился Строитель, – но я не потерплю, если она начнет указывать нам, как укреплять стены и с кем воевать, знаешь, не королевское это дело.

– Не умаю, што она нашнет, – прошепелявил сквозь зубы Наро, потом вынул изо рта кисточку и продолжил, уже обернувшись:

– Магрит кажется мне очень разумной, а ее интерес полезным. Да и как ты можешь ей перечить? Она живо сменит тебя.

Мано презрительно фыркнул:

– Ну, разумно-то, конечно, разумно, но мне было бы гораздо спокойнее, если бы она подобно Камрит лишь охала и стонала, когда ее вылизывают по очереди двое мужчин... Пока третий готовится лечь между ее раздвинутых ножек.

Наро рассмеялся, явно припомнив какой-то забавный момент из прошлого:

– Да, а еще она шлепала бы тебя по заднице, если ты чем-то ей не угодил... Успокойся, выпей и иди лучше спать. Да, она будет другой, но кто сказал, что именно худшей?

Добродушно посмеиваясь, он снова вернулся к работе, а

Мано поднялся с каменного выступа, но никуда не ушел, а снова задумчиво спросил приятеля:

– Что ты думаешь про ее первый выбор? Мне только что сообщили, что Магрит легла с Уно. Как это могло произойти? Почему именно с ним?

Наро пожал плечами, стараясь сохранять безразличный вид, хотя новость здорово удивила его.

– Стоит ли волноваться? Уно молод и хорош собой, да и говорить он умеет складно. Если, конечно, захочет. Повезло парню, порадуйся за него и надейся однажды тоже быть замеченным королевой.

Он небрежно махнул кисточкой, разбрызгивая краску на пол. Мано недовольно буркнул что-то еще, но всерьез ругаться не стал, хотя эти пятна на полу, оставленные «стенотарателем» обычно здорово его раздражали.

– Прежние хозяйки всегда для начала выбирали воинов, – произнес он значительно. – Оно и понятно, их много, они самые крупные, самые сильные, а тут нянька-переросток, с чего бы вдруг? А если предания не врут и предпочтения Королевы могут изменить уклад и развитие Дома, что будет с нами?

Наро замер, обдумал услышанное, потом отложил кисточки и подошел к товарищу, чтобы ободряюще похлопать по плечу:

– Сколько бы ты не думал, а встать на пути ее желаний мы не сможем. На все воля Предвечной Матери на Лунных

небесах и Королевы в Кормаксилоне. Ты сам знаешь – это любимейшее изречение Чаро. Так просто живи...

Маню разочарованно выдохнул, еще раз отхлебнул из бутылки и передал ее Наро. Ядреная настойка дурранга ударила в нос добытчику. Он невольно поморщился, но все равно отведал подношение, а после вернул Маню посудину и тихо спросил:

– Скажи-ка мне прямо, брат, тебя беспокоит не сама женщина, а ее возможная связь с Уно? Верно я понял? Ты боишься, что она предпочла его остальным и теперь станет проводить с ним больше времени, наберется его глупых идей и захочет здесь перемен?

Маню высокомерно кивнул, одним мощным глотком допил содержимое бутылки и поставил ее на пол у ног. Щепетильный насчет выпивки Наро осуждающе покачал головой:

– Так послушай, что я тебе скажу. Уно – славный малый и дело свое знает. В такое суровое время все коконы сохранил и яйца и молодняк поддержал. У нас здоровые мужчины свалились, а во Чреве Матери все осталось как прежде, хотя мы с тобой помним, что нянькам перепадает мало внимания от Владычицы. Помнишь? Камрит Капризная лишь один раз велела привести Уно поиграть перед ней на флейте. Она случайно услышала его музыку и захотела посмотреть на... как это она сказала тогда «менестреля».

– Говорят, он все время без королевы давал силы яйцам, играя для них на своей флейте.

– И это подтверждает его преданность Дому и мастерство наставника. Успокойся, друг! Уно не подведет. Мы ведь больше не позволим нашей королеве сбежать, правда?

Мано чуть не зарычал от гнева и потряс в воздухе кулаками, а Наро одобрительно усмехнулся.

Наро всегда заступался за молодого наставника. Однажды он спас Уно жизнь и с тех пор опекал, но это давняя история.

– Давай поговорим с ним прямо, вот хотя бы ты, Мано. Он уважает тебя, ценит благополучие Дома и нашей семьи. Он прислушается к нам, только что ты ему скажешь? «Уно, ты странный, держись подальше от Королевы»?

Мано скривился и презрительно засопел, давая понять, что не видит в пылком юноше весомой угрозы.

– Позволь всему произойти так, как нужно, – посоветовал Наро, возвращаясь к своим кисточкам.

– Ты все еще считаешь, что нет ничего страшного в том, что он сделал тогда с собой? Никогда раньше никто не срывал с себя знак Предназначения – это плохой поступок!

Наро недовольно заворчал, скаля зубы. Долгий разговор изрядно ему надоел.

– Что ты почувствовал, когда появилась твоя метка, Мано? – спросил он у Строителя, приглядываясь к рисунку на стене.

– Я обрел призвание. И был очень рад.

– Вот видишь, а Уно обрел лишь болезненный значок на плече, потому что страстно желал другую метку. Неужели

было бы лучше, если б мальчик умер тогда?

Маро нахмурился и опустил глаза, словно его уличили в чем-то постыдном:

– Нет, я не хотел такого. Он ведь один из нас, а потому должен жить.

– Ну так вот, я предлагаю довериться новой Госпоже. А если она начнет сомневаться – мы подскажем ей, как лучше вести себя в Доме. И даже если случатся вдруг перемены, кто сказал, что все будет плохо?

Он усмехнулся, успокоенный своими рассуждениями и, укусив одну кисть, другой стал вырисовывать пухлые губы Магрит. Мано терпеливо ждал пока приятель закончит, чтобы вместе с ним подняться наверх и проведать перед сном королеву. Может, кому-то сегодня еще повезет. Может, мальчишка не сумел как следует ее ублажить, и она выберет на ночь кого-то покрепче. Мано мечтательно прикрыл глаза, кровь прилила к паху...

Он почти не сомневался, что когда –нибудь ляжет с ней. А почему бы нет, ведь даже юность и задор может порой надоесть, и тогда Магрит должна будет оценить возраст и опыт. А этого-то у Старшего строителя хватало в избытке. Не даром бывшая Госпожа выбирала его несколько раз... За два года.

Наро с любопытством и даже некоторым ехидством поглядывал на задумчивого собрата, будто понимал, что за мысли крутятся у того в голове. Сам-то он привык довольствоваться малым. Ему везло на ласки Камрит Капризной не

больше, не меньше остальных, но он никогда не рассчитывал на особое внимание королевы, лишь бы она была всем довольна в Кормаксилоне.

А потом оба высокопоставленных кормиса словно по команде остановились и разом уставились в конец коридора, слабо освещенный настенными светильниками в полушариях чаш. Зрелище не могло не привлечь внимания Советников – молодой наставник бережно нес на руках маленькую спящую женщину. Магрит склонила голову к плечу Уно и словно прятала руки на его мускулистой груди.

Наро благожелательно улыбнулся, но вот реакция Мано вышла несколько неожиданной:

– Что он такое с ней сделал, если она даже не может идти сама? Глупец! Я так и знал, что не сумеет правильно повести себя с ней на ложе. Он слишком утомил нашу Госпожу.

– Не преувеличивай... Может, она лишь приятно устала. И к тому же сегодня у Магрит был насыщенный день, мы же обошли почти весь дом и едва не добрались до Архива, это не шутка! Притом, она даже отказалась от еды во время обеда и теперь, наверно, совсем без сил. Я позабочусь о ней.

– Почему ты? Пусть решит сама, – с досадой заметил Строитель.

– А тебе не кажется, что она уже все решила?

Уно медленно приближался, и с каждым шагом на его лице все шире расплывалась счастливая улыбка.

– Королева уснула, пока я нес ее сюда. Она споткнулась

на лестнице, и я взял ее на руки. А теперь она спит.

– Передай женщину мне! – повелительно провозгласил Мано, протягивая свои мощные узловатые лапищи к драгоценной Хозяйке. Но Наро его остановил, резонно заметив:

– Пусть в постель ее отнесет тот, кому первому она доверилась здесь. Уно смог ее успокоить и порадовать, я в этом не сомневаюсь. А потому именно он заслужил право провести ночь возле ложа госпожи.

Мано неодобрительно посмотрел на растерянного Уно – «мальчишка и сам не понимает как ему повезло, может ли он оценить...», но спорить не стал. Только кивнул двоим стражникам, молчаливо следовавшим за наставником. На сегодня их служба окончена – могут отдыхать.

Теперь Уно шел впереди со своей прекрасной ношей, а прочие советники почтительно следовали за ним. У самых дверей королевской опочивальни Мано не выдержал:

– Ты хотя бы хорошо с ней обращался? Она же такая хрупкая. Я помню, как прикасался к ее телу в ту ночь. К нашей Магрит нельзя применять слишком много силы, учти это, если тебе еще раз выпадет такой случай. Редкая удача для няньки! Не понимаю, почему первым после церемонии оказался именно ты.

Слова прозвучали почти как обвинение, и Уно вскинул голову, раздувая ноздри учатившимся дыханием подобно норовистому жеребцу. Однако он не чувствовал за собой никакой вины, а потому лишь вопросительно глянул на Наро,

ождая поддержки. И не ошибся.

Тот слегка развел в стороны большие ладони, перепачканные разноцветной глиной, и вдруг совершенно неожиданно подмигнул собрату.

В твоём возрасте забыться в постели с женщиной – совершенно нормально. Если уж она тебе это позволила. Он ласково коснулся плеча Уно, а потом, будто усомнившись в чем-то, прищурился.

– Ведь она сама захотела лечь с тобой, ты не заставил ее?

Захотела, # прошептал Уно, осторожно опуская спящую Магрит на покрывало из пушистых рыженьких шкурки сигаруса.

Этих мелких зверьков с бархатистым коротким мехом потребовалось не меньше дюжины, чтобы сшить достойное полотно для королевского ложа.

И все же удивительно, что первая милость Госпожи выпала именно тебе, # еле слышно прошептал Наро, оглядывая комнату взглядом опытного хозяйственника. Вряд ли его кто-то услышал.

Еще во время прогулки по Дому было послано распоряжение украсить лучшие покои свежими цветами и принести ароматных палочек кафры. Но если запахи покажутся Королеве слишком насыщенными, можно окурить помещение корешками хамелы – лучшее средство для спокойного сна.

Итак, кажется, все здесь в порядке – ночной горшок чист, а на низеньком столике в углу на утро уже готов кувшин с

чистой водой и чаша для умывания, а также ткань, что легко собирает лишнюю влагу с тела.

Королева останется довольна их заботами.

Да хранит Первая Мать сон своей преемницы – благословенной Магрит.

Двадцать седьмой по счету Владычицы Кормаксилона.

Рис. А. Верт (2018 г.)

Глава 10

Сны «Менестреля»

Покинув комнату королевы, наставник Уно долго не мог успокоиться. Сердце размягчилось от женской ласки, но томилось от неясного чувства вины. Ведь он обещал хранить в памяти светлый образ былой хозяйки, но поддался обаянию Магрит. Он желал лишь помочь ей, но вышло так, что смог и сам испытать неведомые доселе чувства единения и наслаждения с женщиной.

И вот оставшись один, Уно хотел разобраться в себе и нарочно вызывал воспоминания о прежней королеве. Они тоже были приятны, но слишком далеки по сравнению с тем, что произошло сегодня. Уно не желал быть предателем первой любви, он злился на себя и упорно вызывал в сознании вдруг потускневшие образы.

Пару лет назад Камрит захотела его видеть и позвала в свои покои. Эта новость поразила и даже немного напугала неприметного няньку. Украдкой он, конечно, давно наблюдал за королевой. Прекрасная женщина ходила нагая по залам Дома, дразня стражников и приводя в священный трепет простых рабочих, попадавших на ее пути.

Она частенько прикасалась то к одному кормису, то к другому – лишь ради забавы и все время смеялась – ласково

или вызывающе – надменно. Уно считал ее самым чудесным существом на свете, готов был простить любое поведение, а вот теперь она обнаженная лежала перед ним на животе, соблазнительно болтая ногами.

Стоило юному наставнику увидеть ее округлый зад, как во рту сразу же пересохло, и он невольно облизал губы. Почувствовав его нарастающее волнение, Камрит приподнялась и потянулась как самка Вайши в период течки.

При этом она нарочно отставила пышную попку и без малейшего стыда продемонстрировала гостю розовые складочки чуть приоткрытой интимной щелки. Однако тут же уселась прямо, спрятав ноги под собой.

– Подойди ближе. А правду говорят, что ты лучше всех играешь на этой дудке? – раздался ее вкрадчивый голос, тягучий, словно смола ятариса.

– Я нне зн-а-а-ю, – неуверенно, сильно растягивая последнее слово, ответил смущенный Уно.

– Тогда просто начни играть – я послушаю, подумаю и, может быть, награжу тебя.

Уно судорожно сглотнул и поудобнее взял в дрожащие пальцы флейту. Легкая мелодия должна была символизировать теплый ветер, скользящий по траве и блуждающий в распушенных волосах королевы. Юноша воодушевленно прикрыл глаза, настраиваясь на знакомый мотив и внезапно вздрогнул, сбиваясь с ритма – это Камрит коснулась пальцами ног его колена и скользнула вверх.

Уно открыл глаза и оборвал мотив, понимая, что ее нога поднялась слишком уж высоко и едва ли не касается паха. А королева с улыбкой наблюдала, как краска смущения заливает бледные прежде щеки младшего наставника.

Но самое невероятное было еще впереди – ее узкая ступня вдруг повелительно легла на объемистый бугор в области приподнятой повязки:

– Я пока не разрешала тебе останавливать игру. Продолжай!

Уно хотелось честно признаться, что не может заниматься музыкой в таком состоянии, но не он не посмел перечить королеве, зажмурился и заставил инструмент издавать новые звуки. Мелодия несколько изменилась. Теперь это был озорной танцевальный наигрыш, под который Камрит, от души смеясь, продолжала тереть ножкой напряженный тяж, едва прикрытый скромной тряпичной повязкой.

А затем уже вторая голая женская ступня приподняла ткань и скользнула под нее, чтобы погладить вздыбленное достоинство Уно, перекатывая его и прижимая к телу. Дыхание наставника совсем сбилось, мелодия все чаще прерывалась, а потом Уно с отчаяньем оторвался от флейты, чтобы хрипло застонать вслух, не выдержав чарующей пытки.

– Да-да, я, наконец, поняла... ты действительно знаешь, как обращаться со своим инструментом, – томно промурлыкала Камрит.

Она немного отстранилась, еще раз скользнув мягкими

розовыми пальчиками по внутренней стороне бедра юноши, а потом заползла дальше на постель, удобно устраиваясь среди разбросанных подушек.

– Но знаешь ли ты, что нужно делать с женщиной? – спросила она, благосклонно взирая на стоящего перед ней парня подобно тому, как голодная самка Алифы разглядывает маленького жалкого танагра.

– Я надеюсь, – ответил Уно, из всех сил стараясь держаться спокойно. – Это описано в древних текстах. В «Бутоне Гармалиса», например, или... или в других трудах Высокоумного Чаро, хотя там больше говорилось о нектаре спокойствия и созерцании чистых заводов духа...

Камрит громко рассмеялась, запрокинув голову, а потом неспешно развела ноги, скользнула длинными пальцами между ними, чуть выгибая спину, и заговорила вновь:

– Посмотри-ка сюда, малыш, и уже избавься от тряпок на своей дубинке. Я хочу оценить ее размер.

Уно невольно ахнул, мгновенно понимая тайную суть ее женской просьбы. Неужели она позволит ему прикоснуться... Юноша аккуратно положил флейту на пол, а сам присел на кровать, склонившись над ее бесстыдно распахнутым лоном.

– Ты такой забавный, – внезапно выдала она, пылко обнимая его шею лодыжками.

Уно смутился и удивленно взглянул на нее, сомневаясь, что быть забавным это хорошо. Но мысли уже покидали его

высокий и безупречно гладкий лоб.

– Покажи мне сейчас, что там еще говорят твои древние тексты, – попросила Королева, продолжая улыбаться. – Что ты можешь?

Уно кивнул, а потом робко коснулся ее руки, мягко поцеловал ладонку и продвинулся дальше, осыпая поцелуями запястье.

– Ох, как трогательно! Продолжай.

И Уно продолжал иступленно целовать ее руку, плечо, шею, а Камрит поймала его член свободной рукой и стала грубовато и властно мять его, поглаживая большим пальцем уже скользкую головку. Это было на грани боли и наслаждения, а она смеялась, чувствуя, как целуют ее живот и грудь, выступы тонких ключиц...

Ее шаловливые пальчики все быстрее бегали по напряженному стволу Уно, пока тот не излился ей на руку.

– А теперь оближи, – велела Камрит, поднося к лицу паренька свою изящную ладонку, щедро вымазанную вязкой полупрозрачной массой.

Уно послушно поймал губами ее указательный палец, и преданно глядя в глаза госпоже, выполнил приказ.

– Какой послушный! За это я подарю тебе целую ночь, надеюсь, у тебя хватит сил выполнить все мои пожелания, дикий менестрель. Конечно, до рыцарей Гальсбурга тебе далеко, но ты хотя бы не такой чванливый и грубый. Конским потом от тебя не воняет, и соленой рыбой. И ты не теребишь

соски до кровавых ссадин...

Миленкий, гладенький ягненок, сегодня я буду твоя!

* * *

Избавляясь от жаркой дремоты, Уно резко дернулся всем своим длинным телом. Поднявшись на ноги, он нечаянно столкнулся одно из яиц, но успел ловко подхватить его, не давая упасть на мох, устилавший пол.

"Зря я уснул в той же нише, где еще недавно возлежал с Королевой. Может, вообще не стоило приходить сюда из ее спальни посреди ночи?"

Но Уно никогда не оставлял своих крошечных собратов надолго и, сидя возле спящей Магрит, вдруг почувствовал тоску о них. Потому и пришел навестить – убедиться, что все здесь хорошо.

А вот теперь, держа в руках хрупкий бесценный предмет, Уно замер, восстанавливая сбившееся дыхание. Вчера яйца долго мерцали, пока здесь была новая Госпожа, кажется, им понравилось ее присутствие. Вот и славно.

Они сразу приняли ее и даже будто не могли смириться с тем, что Магрит так быстро ушла, словно уже скучали. По крайней мере, так почувствовал Уно. Потому и лег среди них сейчас, чтобы успокоить. А потом этот странный сон как видение прошлого. Спрашивается, зачем?

Старший Наставник погладил яйцо в своих руках, ровно

так же, как гладил бы нежную будто лепесток мираблуса щеку королевы.

– Прости меня, я не виноват, что картина сама забрела в голову. Я скажу тебе прямо – я даже почти забыл ее – жестокую Камрит. Она бросила нас всех, так почему я должен любить ее вечно?

Он поцеловал яйцо, словно ребенка в макушку и мягко убаюкал на своих ладонях, а потом положил среди прочих, подальше от края. Нужно возвращаться к новой хозяйке. Нужно быть рядом, беречь и ее покой. Теперь Уно точно не будет спать до утра. Он будет сидеть в изножье ее широкого ложа и смотреть на Магрит. Красива ли она? Уно до сих пор этого не понимал. Да внешность ее и не важна.

Она – дарительница жизни для Кормаксилона. А, значит, сердце Уно теперь принадлежит ей. Прошлое потому и прошлое, что уже прошло. Что толку думать и вспоминать? Новая Королева дала силу потомкам Кормаксилона. И Уно будет предан Магрит пока жив. Даже если она больше никогда не захочет его видеть. Так уже было прежде. Так повторится сейчас. Что может он изменить? Даже если захочет, если измучается желаниями, истомится тоской...

«Смирись и трудись ради общей пользы» – так гласит четвертая заповедь «Поцелуев небес». Этот трактат Высокоумного Чаро юноша давно выучил наизусть. Там много красивых стихов, но прежняя королева язвительно посмеялась, когда Уно хотел ей о них поведать.

Чаро предупреждал:

«Сердце женщины переменчиво как ночное светило. Оно – то круглое и полное, подобно спелым плодам питаи, то формой напоминает изогнутый лук воина. А порой прячется среди высоких лугов, там, где не ступала нога мужчины и не сумеешь отыскать даже следа.

А потому не стоит доверять женщине, ибо из уст ее сочится сладкий яд, схожий с обильной слюной хабиры, а глаза манят, как огни проклятого болота. Ласкай женщину щедро, но не забывай, что руки ее – сети, а живот – чаша твоих страданий...»

Еще бы Уно этого не знать.

Глава 11

Невероятные дни

Магрит

Иногда мне казалось, что я – это уже не я, а кто-то совсем другой в моем теле двигается, смотрит и говорит. Иначе откуда взялись во мне смелость и спокойствие, с которыми я принимала открытое обожание целой толпы странных мужчин, что сделали меня своей королевой.

Больше всех за первые дни я сблизилась с Наро. Он здесь главный добытчик, ведает припасами и кухней. Мне было легко с ним общаться, он сразу же показался дружелюбным и веселым. Порой даже думала, что он относится ко мне как к младшей сестренке, хочет постоянно опекать и заботиться. Так ведь не он один! Еще занудливый Мано – строитель постоянно вертится возле меня с самым серьезным и обеспокоенным видом.

Я потихоньку разведала, что в Совете кормисов есть еще и некий Кадо – старший над воинами и он тоже присутствовал во время церемонии... эм... посвящения меня в царственные особы. Но сейчас его не было в Доме, он обходил дозором окрестности.

А что касается Уно – я приняла решение меньше видеться

с ним. Между нами что-то произошло тем вечером, когда мы легли вместе посреди Чрева Матери. Утром я увидела его спящим на шкуре возле моей постели, и у меня мучительно сжалось сердце.

Будто почувствовав мой взгляд, Уно проснулся, и я первая отвела глаза. Он смотрел прямо в душу – видел меня насквозь, мое прошлое и будущее, но я для него была лишь королевой. Живой Богиней, которую нужно оберегать и хранить от бед, потому что иначе их Кормаксилону придет конец.

А если вдруг со мной случится несчастье, что ж поделать – Уно будет любить другую госпожу. Что думают прочие – все равно, но мне отчаянно хотелось, чтобы именно этот большой сильный мужчина со взглядом ребенка понял меня настоящую и был ближе. Мне хотелось рассказать ему о себе, но боялась, что ему совершенно не нужны мои откровения.

На рассвете Уно лишь поклонился, спросил, хорошо ли мне спалось и попросил позволения уйти к своим подопечным. И я, конечно, позволила, стиснув зубы. Мне было чем заняться. В комнате уже с утра появилась куча народа, и всем хотелось видеть и слышать Прекрасную Магрит.

Впрочем, меня еще нужно было сделать прекрасной и потому я равнодушно позволила себя умыть, расчесать и одеть. Да, конечно, для начала что-то вроде бодрящего массажа – вместе зарядки, чтобы королева не переутомилась.

Я расслабленно лежала на животе, едва прикрыв попку

куском ткани, пока Наро разминал мои плечи и спину, руки, шею, ягодицы, бедра и ступни ног.

– Скажи, а Уно тоже умеет так делать?

– Конечно. Все наставники хорошо знают, как улучшить течение крови под кожей и сведущи в невидимых путях, по которым движется сила, благодаря которой кормис вынослив и крепок. Уно тоже умеет правильно распределять силу по разным частям тела. От мест, где она в избытке туда, где ее не хватает. Но и я в этом деле очень хорош. Или ты хочешь, чтобы руки Уно касались тебя сейчас?

Наро был очень догадлив. А я не видела смысла лгать. Королева я тут или нет? И мое хорошее настроение для них много значит.

– Да, я хочу, чтобы он гладил меня по утрам. Не потому что ты хуже, а просто... – я замолчала на миг, пытаюсь верно подобрать слова.

– Я понял тебя, госпожа. Все будет так, как ты пожелаешь. И всегда говори мне о своих желаниях. Я тебе помогу. Можешь обо всем мне говорить. Я твой друг.

С Наро мне повезло. Казалось, он самый добрый из всей их «великолепной четверки». Неужели мне снова придется заниматься с ним любовью? Я перевернулась на спину и не стала поправлять сбившееся покрывало.

Наро улыбнулся краешком губ и, как ни в чем не бывало, продолжал мягко массировать мои плечи, поглаживать кожу вокруг груди, а потом спустился к животу и отодвинул

ненужную тряпку в сторону. Теперь я лежала перед ним совершенно обнаженной и ничуть того не стеснялась. Однако кое- что начинало меня раздражать.

– Наро...

– Да, Госпожа!

– У вас есть какие-то средства, чтобы удалить лишние волосы с тела – здесь и вот здесь. Я хочу быть гладкой.

– Сегодня ты примешь ванну, и я сам об этом позабочусь. Подготовлю порошок из суремы и частичек азалиса. Ты будешь нежной и гладенькой, как новорожденный кормис, только наша кожа быстро грубеет, ведь мы мужчины – мы трудимся и сражаемся, а ты останешься розовой и чистой, потому что тебе не нужно долго находиться на солнце и ветру. Ты – наше сокровище, Магрит, и я счастлив, что ты, наконец, оценила наши заботы.

– А у меня был выбор? – хмыкнула я.

– Боюсь, что нет. Но разве тебе плохо среди нас? Хочешь, сегодня покажу тебе наших лучших солдат и строителей, а ты выберешь себе достойного на ночь?

– Прелестная перспектива! Это так необходимо? Я пока еще могу отказаться. Хм... а почему не предлагаешь себя?

Я слегка раздвинула ноги, пока Наро усердно разминал внутреннюю поверхность моих бедер. Он улыбнулся еще шире, и без того смуглое лицо потемнело от притока крови к щекам.

– По твоей милости я трогаю тебя каждый день и мне пока

достаточно. К тому же надеюсь, что ты скоро привыкнешь, и однажды разделишь со мной целую ночь. Тебе ведь нравятся мои руки? А представь, что может сделать мой язык и мой ствол.

– Ах, неужели именно «ствол»?

Я не могла сдержать смеха и даже прикрыла рот ладонью. Наро просто чудо и при том весьма хитрый малый. Вот сейчас сидит передо мной такой весь большой и соблазнительный, а на лице самая обаятельная улыбка. Люби – не хочу...

И я поднимаю ножку, чтобы прикоснуться ступней к его широченной груди. Глаза Наро восторженно расширяются, он доволен моей инициативой. И внезапно осипший голос выдает волнение:

– Скажи, чем порадовать тебя? Я много чего умею.

– Просто будь собой, – я почти промурлыкала эту фразу, продолжая водить пальчиками по выдающимся мускулам его пресса и задержалась на приподнятой набедренной повязке.

Что на меня нашло с самого утра? Просто расслабилась. Хорошая еда, отдых и мужское внимание делают чудеса с женской психикой. Еще немного и я здесь совершенно освоюсь. Только если не будут чрезмерно досаждают с любовью. Если я сама все буду решать. Я же здесь главная. Или только иллюзия... Есть сомнения на этот счет.

Не сводя с меня ласкающего взгляда, Наро освободился от одежды, чтобы я рассмотрела во всей красе его физические достоинства. Не знаю, насколько далеко бы зашла моя

утренняя шалость, но в комнату грузно ввалился Мано и, густо покраснев, сообщил, что все готово к прогулке.

Два предыдущих дня мы гуляли вдоль северной стены и даже выбрались за огромные ворота, сложенные из потемневших от времени бревен железного дерева. Джунгли... Дикая нетронутый лес предстал передо мной во всей своей первобытной прелести. Манящий мир для человека, ни разу не бывавшего прежде в тропиках. Опасный для слабой женщины.

Но ведь со мной были лучшие охотники и воины Инсектерры – те, кого бродяги в поселке у реки называли тварями Гиблого леса. И если я у них вроде царицы, так кто же теперь я?

Полагаю, мне уже не вернуться в свой привычный мир, а, значит, нужно как можно лучше устроиться здесь. У меня есть все для спокойной размеренной жизни, не лишенной забав и удовольствий. Так чего же я жду? Вперед!

– Перед прогулкой неплохо бы подкрепиться. А что у нас сегодня на завтрак, Аро?

Аро – тот самый красавчик – «стриптизер» и по совместительству мой личный камердинер. Вот и сегодня принес мне утром горшочек желтых разваренных зерен, обильно сдобренных медом, еще крохотные птичьи яйца и фрукты. Потом Аро сам заплел мне волосы и украсил их цветными нитями и жемчугом.

Да-да, я ведь не королева бедняков, у меня имеются и дра-

гоценности. Говорят, Камрит Капризная буквально сходила по ним с ума. У нее скопились целые шкатулочки и сундуки такого добра, правда, когда мне принесли все это великолепие, я немного растерялась.

Никогда в жизни не видела сразу столько блестящих колец и связок бус всевозможных цветов и форм. А уж тем более не держала их в руках. Вчера после обеда я пару часов развлекалась тем, что примеряла на себя серьги и диадемы, крутилась у зеркала так и сяк под одобрительные возгласы Наро и парочки охранников. Этой смене повезло – у меня было отличное настроение.

Я даже не особенно стеснялась менять перед ними наряды, только отворачивалась к стене, стаскивая очередной балахон. Пусть любуются на мой зад, с меня не убудет. Ну, раз один только вид королевы способствует их благополучию на какое-то время... Надо помогать людям, особенно если эти люди кормят тебя и носят на руках. О будущем старалась не думать, пусть все идет своим чередом.

После завтрака и выбора наряда на день, в сопровождении советников Мано и Наро, а также кучи телохранителей я, наконец, отправилась гулять. Чтобы не задохнуться от восторга перед разнообразием открывшегося мне вида, я внушила себе, что нахожусь в Ботаническом саду огромнейшего масштаба. К такому зрелищу нужно еще привыкнуть.

Перед моим взором предстало множество причудливых растений от величавых броксов до гибких лиан тамарисса,

чьи желтые маленькие цветы издавали приятный запах ванили.

Рядом с домом внутри обширной ограды произрастали два дерева ятариса, их шершавые стволы постоянно сочились каплями смолы, которая быстро твердела и напоминала крохотные золотые слитки, сверкающие на солнце. А сам забор представлял собой естественную зеленую стену сплошь увитую лозами дивных растений, рождающих крупные грамофоны цветов нежно-розового и молочно-белого цвета. Какой же вокруг стоял аромат!

Для прогулки мне предложили паланкин, но я решила пройтись пешком, и палатка, поддерживаемая крепкими парнями, просто скользила рядом, готовая к моим услугам в любой момент. Наро объяснял мне названия встреченных плодов и трав, а еще подражал голосам птиц, в изобилии порхавших в зарослях. Пестрые окраски, причудливые формы, яркие длинные хвосты, напоминающие фазаньи или гораздо длиннее вызывали у меня ребячий восторг.

Я предложила выбраться за ограду, и Мано тут же велел удвоить охрану, громко ворча, что Кадо слишком увлекся беготней по лесу вместо того, чтобы уже предстать перед королевой и порадовать ее хорошими новостями. Воины полны сил, Колонии ничего не угрожает.

Настораживает меня этот Кадо.

Генералы любят командовать, как бы он не начал предъявлять свои требования насчет получения скорейшей мо-

ей благосклонности. А ведь еще придется осчастливить и кого-то из строителей. Мой взгляд невольно поискал среди окружавшей меня толпы милашку Аро. На его плече тоже был треугольник с точкой. Думала ли я, что когда-то меня станут занимать вопросы подобного толка – с кем из сотни здоровенных услужливых парней провести ночь.

А пока я с трепетом прошла через ворота Кормаксилон на навстречу зеленой стихии. Вдруг захотелось вспорхнуть вслед за стайкой испуганных большеклювых птиц, напомнивших мне наших туканов. Но вокруг стояли непроходимые дебри и только узкие тропы показывали, что кормисы интенсивно освоили эту часть Гиблого леса. Впрочем, почему же Гиблого? Я пока не замечала никакой опасности.

Конечно, в любых джунглях должны обитать и хищные звери и ядовитые змеи, но нам они вряд ли угрожают, нас много, наши мужчины сильны, вооружены и хорошо обучены. Наши мужчины.

Мои мужчины. Они все мои! Я рассмеялась сокровенным мыслям, и радость волной прокатилась по настороженному окружению. Королева довольна! Кормаксилон будет процветать.

Наро сообщил мне на ухо, что никто из его людей не впал в дикий сон и такая же обстановка у нянек. Но вот Мано жалуется, что строители стали немного вялыми и все потому, что я избегаю главного из них. Вот же напасть!

Поморщась, я выслушала доклад, и с досадой оглянулась

на Маню. Он, конечно, не урод, но всегда такой собранный и хмурый. Мне скучно с ним, я немного побаиваюсь его строгости. Оказаться в одной постели голышом... бр-р-р... не хочу.

– Выбери другого строителя! – подсказывал Наро. – Представь на его месте того, кого и вправду желаешь!

Наро опять угадал мои мысли. Я опустила голову, и перед глазами появился высокий стройный юноша с прозрачными глазами. Он обещал сыграть для меня на флейте. Я могу позвать его сегодня же вечером.

Странный треск над головой отвлек от фантазий, и я невольно глянула вверх. О, нет, невозможно! Такого просто не может быть – люди не умеют летать.

– Наро, что это за существо? – воскликнула я, ухватившись за руку главного добытчика.

– Это пикар, я думаю, дедулы гораздо крупнее.

– Он – человек?

– Можно и так сказать.

– Но у него крылья как у стрекозы.

– А что такое стрекоза? – задумался Наро.

– Хищное насекомое, но это не важно. Наро, а куда он летит?

– К воде, конечно, пикары часто собираются у воды. Скорее всего, у него там свидание.

– А здесь рядом есть водоем? Можно посмотреть? Что ж ты раньше не сказал. Я очень люблю воду.

Вот же зануда, ему понадобилось посоветоваться с Мано, достаточно ли у нас охраны, чтобы углубиться в лес. Пришлось бросить на строителя многообещающий взгляд и томно вздохнуть. Кажется, суровый советник растаял и разрешил продолжить прогулку по незапланированному маршруту. Через недолгое время мы вышли к небольшому озеру, которое хрустальной чашей лежало в зеленых ладонях леса.

Мы двигались по узкой тропе, и потому я находилась в середине отряда. Меня это совершенно не устраивало, я бы с большим удовольствием побродила здесь в компании одного Наро. Привыкай, Рита, уединение не является привилегией королев. Без охраны здесь меня, кажется, вообще никуда не отпустят.

Я досадливо хмурилась, поглядывая на мощную спину Наро, идущего впереди, так я все самое интересное пропущу. Все-таки какие великаны ребята-кормисы по сравнению со мной. Я на их фоне совсем малышка. Любой воин мог посадить меня себе на плечо и даже не замедлить ход. И еще они симпатичные.

У них правильные черты лица, они чем-то напоминают наших полинезийцев, – точеные фигуры, темная, но не черная кожа. Правда, совсем нет волос на теле, кроме ресниц и едва заметных бровей. Я снова вспомнила полукруглую тихую комнату, усыпляющие и в то же время свежие ароматы курений и будто заново ощутила своей спиной мягкость мха. Я снова хочу оказаться во Чреве Матери наедине со

старшим наставником Уно. И кто может мне помешать это осуществить...

Над ухом раздался громкий шепот Наро:

– Так я и думал! Тихо там. Не надо тревожить влюбленных.

Я встрепенулась и выглянула через плечо Наро на водную гладь. Ничего особенного: лилии и тростник. А потом перевела взгляд на берег неподалеку и ахнула про себя и тут же простонала в немом восхищении. На огромном поваленном стволе дерева крылатый мужчина любил крылатую женщину. Она стояла на коленях, широко расставив длинные ноги и крепко вцепившись руками в широкие борозды коры.

А он прилепился сзади и размашистыми толчками входил в ее тело. У меня закружилась голова, и все поплыло перед лицом. Я повисла на спине Наро, обхватив его шею, чтобы не упасть. Это было завораживающее зрелище, совершенно естественное во всей своей дикой красоте.

Женщина тоненько вскрикивала при каждом движении, лица ее мне не было видно, короткие жесткие волосы опущенной головы его скрывали, но я замечала, как сладострастно вздрагивают ее точеные плечи и порывисто двигаются бедра навстречу каждой новой атаке.

Чтобы немного прийти в себя я отвела взгляд в сторону, мне почудилось, что я в доисторическом Эдеме. Здесь все живые существа наслаждаются жизнью, черпают ее полной мерой, страстно любят друг друга и не стыдятся проявлений

своих чувств.

Здесь все настоящее, все искреннее и даже мужчины, готовые заслонить меня собой при малейшей угрозе и даже Мано... Я сейчас была готова броситься ему в объятия и расцеловать. Он тоже частица мира, в котором царит гармония дикой природы и нет место хитрости, пошлости и коварству.

Эти понятия остались в моей прошлой жизни. Здесь меня никто не предаст – я среди своих, так почему бы мне не полюбить их всех, ну, хотя бы мысленно для начала. Прочь сомнения и дурацкий стыд, я больше не желаю строить из себя недотрогу, я хочу... нет, я жажду любви и любви именно телесной.

Откровенные картинки сами собой заполонили мое воображении, я представила себя на месте этой крылатой «самочки», что так изысканно выгибалась для своего крылатого партнера, а вот на его месте...

– Осторожнее! Берегите Королеву, они летят.

Я не успела даже пискнуть, как Наро подхватил меня на руки и утащил вглубь нашей шеренги. Нас тут же закрыли овальными кожаными щитами. Теперь я прижималась носом к гладкой груди Добытчика и едва могла дышать, сердце отчаянно колотилось. Что за опасность могла нам угрожать? Позади слышались чьи-то хрипловатые голоса и странное потрескивание или жужжание.

Наконец Наро немного ослабил хватку и стал тихо переговариваться с ближайшим воином. У меня затекла шея, я

решила привлечь к себе внимание единственным доступным сейчас способом – прикусила Наро кожу чуть выше соска. Он вздрогнул, и на меня тотчас взглянули два внимательных серых глаза.

– Я причинил тебе боль?

– Самую малость. А я тебе?

На смуглом лице Наро расцвела улыбка, он чуть наклонился ко мне и заговорщически прошептал:

– Можешь делать со мной все, что пожелаешь. Я лишь буду благодарить Первую Мать за такое великое счастье.

– А где же первый отец? – не без иронии спросила я.

– Кто?

– Ну, раз есть мать, должен быть и отец, ты не думаешь?

– Да... Уно расскажет лучше. Он наизусть знает все свитки Высокоумного Чаро.

Но нам не дали договорить. Начальник нашей охраны сообщил, что дедулы улетели. Я попросила объяснить мне причину столь поспешного бегства с озера и никто иной как сам Мано вызвался меня просветить. Оказалось, что Дедулы – сильный клан летающих тварей, и они вечно враждуют с Пикарами за территорию у воды.

Влюбленной парочке, за которой я наблюдала с таким волнением, предложили убраться по добру по здорову, но мужчина-пикар захотел продемонстрировать своей паре, что тоже не лыком шит, одним словом завязалась потасовка.

– Его ранили?

Мано открыл было рот, но Наро его опередил:

– Ей не следует это знать! Она очень тонко все чувствует и непременно расстроится.

Я быстро переводила взгляд с одного знакомого лица на другое:

– Его убили? А крылатая женщина? Ужас какой! Почему же вы не вмешались, Наро, почему?

– Это не наше дело. Мы не враждуем с дедулами и конфликт на пустом месте нам точно ни к чему. К тому же пикар сам виноват, ему, видно, любовь ударила в голову, раз он решил спорить с тремя взрослыми особями дедулов из патруля.

Я приложила ладони к лицу, мне вдруг стало жутко:

– Но что стало с его подругой?

– Ее забрали, она не стала улетать, хотя могла бы. Но ей вряд ли что-то грозит – заставят прислуживать да и только.

Обратную дорогу к Кормаксилону я не запомнила, меня одолевали тягостные мысли, грудь сжимала тревога. Роскошный зеленый покров джунглей таил в себе тысячу зловещих убийц, и только мой высокий статус обеспечивал должную защиту. И я только сейчас осознала это в полной мере. Если кормисам не выжить без меня, то я-то без них и дня не продержусь здесь. Мы просто необходимы друг другу.

У главного входа в Дом меня ожидал небольшой сюрприз. Наставник Уно – собственной персоной! Приветствовал меня церемонным поклоном, но я сухо кивнула, стараясь не

показать, как рада видеть его милую физиономию.

– Ты меня звала? Я был нужен тебе?

– Что-то не припомню!

– Мне показалось, что тебе страшно и нужна помощь.

Мано резко выступил вперед:

– Рядом с Магрит были лучшие солдаты, ей ничего не могло угрожать.

– Но она боялась! И звала меня, я же слышал... – Уно упрямо продолжал настаивать, не отводя от меня странно расширенных глаз.

Я плюнула на свою гордость и захотела вмешаться:

– Да, я думала о тебе. Хотела послать за тобой вечером, но ты оказался догадлив. Пришел сам. Это хорошо. Твоя флейта с собой? Может быть, ты мне сыграешь?

Но Мано окончательно решил испортить мне день, конечно, лишь из благих побуждений.

– Не лучше ли тебе отдохнуть и подкрепиться, моя госпожа? Прогулка была утомительной и тревожной, ты огорчена разбоем, случившимся на твоих глазах, и нуждаешься в покое. Уно может порадовать тебя позже.

– Да, я хочу отдохнуть в своей комнате. Но одно другому не мешает. Уно пойдет со мной.

На сей раз никто не возразил, и мы неспешно спустились вниз по специальному «королевскому» лазу, что лично мне напоминал длинную и завитую дугу аквапарка. Потом скучный обед...

– А где Аро?

Со вчерашнего вечера не видела моего «стриптизера», обычно он приносит еду, не заболел ли часом. Хочу быть заботливой Владычицей и вежливо навожу справки. Вот те раз – у Аро проявилась метка на плече, он строитель, и что с того?

Я видела у него на плече треугольник с точкой в центре, очень ему идет. Но Мано с нескрываемым удовольствием сообщил, как только молодому кормису открывается его истинное призвание, как парня тут же забирают работать по специальности.

В самом деле, я только сейчас вспомнила, что все мои юные пажи еще не имели меток, и замысловатые черные узоры на их телах едва только начинали проявляться. Все понятно насчет Аро, но к чему так открыто радоваться Мано? Неужели ревность одолела? А если я затребую новоиспеченного работника на свое «царское ложе»?

Неволью пришло сравнение с одной русской императрицей – любвеобильная женщина была, судя по слухам. Ладно, возьму вопрос с Аро на заметку, но сейчас мне не до того. Надо немного перекусить, хотя сегодняшняя прогулка не способствовала хорошему аппетиту, а скорее наоборот. А тут еще и симпатичного юношу от меня забрали...

Но местные повара сотворили чудо, и я отведала все поданные блюда и даже фруктовое желе на десерт. Ну – с, теперь ваша госпожа расположена к музыке и дружеской беседе.

де. А если сказать честно, все это, конечно, напускное – бравада и самоирония. Мне хотелось выгнать всех мужчин из моих покоев и остаться с Уно наедине. Он бы сыграл мне, а я лежала и смотрела на него. И больше ни о чем не спрашивала. Я ведь все-все уже поняла. Кормисы любят только мой статус, мое женское естество.

Но едва я собралась отдать приказ, чтобы помещение освободили от посторонних, как в королевские апартаменты без какого – либо представления ворвался здоровенный лысый амбал в развевающейся юбке. Нет, это у него такая оригинальная пушистая повязка с яркими бусинами на поясе.

Да он просто пижон, этот их главнокомандующий! А что такое у него на груди и руках – красные капли, неужели кровь...

Что за день сегодня!

Привыкай, Магрит, ты среди своих.

Местные законы суровы. Ведь это законы природы, а у нее свои желания и методы. Свои поощрения и наказания. Свой удивительный язык, осталось лишь выучить его досконально.

Но я справлюсь.

Глава 12

ЛУЧШИЙ ИЗ ВОИНОВ

Кадо бешено мчался по коридору в королевские покои. От его тяжелого шага дрожали стены, обитые деревянными рейками и укрепленные резными столбиками. Старший из воинов спешил порадовать госпожу своими подвигами.

– Мы разбили у реки отряд дармисов, потому что теперь у нас есть силы! – браво гаркнул он еще с порога.

А после лихо подскочил к удивленной королеве и опустился перед ней на одно колено.

– Все мои победы ради тебя, прекрасная Магрит. Прости, что я исчез надолго, но должен был показать черным гадам... – тут он взмахнул сжатым кулаком, на котором круто проявились тугие жилы, – ... что будем защищать свою землю и не позволим им здесь появляться.

– Похвально, конечно, но вряд ли стоило волновать королеву подобными событиями сразу после обеда, – тихо проворчал Уно.

Неожиданное появление дерзкого воина вызвало у него приступ странной досады. Кадо же, как ни в чем не бывало, продолжил своим зычным голосом приветствовать Магрит:

– Да! Это не совсем то, что я хотел сказать тебе, королева!

Он склонил голову, изображая покорность, но тут же сно-

ва горделиво вздернул подбородок и сверкнул глазами, желая поведать о самом важном и наболевшем:

– Воины превышают числом прочих кормисов в доме, а, значит, им больше, чем остальным нужны силы. Прошу тебя как можно скорее выбрать мужчину среди нас. Необходимо, чтобы ты одобрила или отвергла меня, как первого среди воинов, ведь меня назначали, когда королевы у нас не было.

– Что значит подтвердила или отвергла? – растерялась Магрит, и в поисках подсказки посмотрела на Наро.

– Старших назначает королева, – спокойно пояснил тот. – Мы с Мано давно в Совете. Уно назначила Камрит Капризная, хоть он и молод, а Кадо мы выбрали сами, вот ему и требуется твое одобрение. Ты имеешь право сменить любого из нас, если найдешь более достойного.

– Но как я могу понять, что Кадо достоин? Я же о нем почти ничего не знаю.

Этот вопрос откровенно поразил Наро. Ничего подобного от прежней королевы он никогда не слышал. Она любила разглядывать мужчин и оценивать по своему вкусу, приказывала раздеться, могла потрогать крепкое тело, оценить формы и размеры и только затем делала выбор. Характер кормиса и рабочие навыки ее совершенно не интересовали

Новая госпожа похоже не собиралась устраивать подобное представление. Ей, видимо, нужно было узнать иные достоинства мужчины, нежели только параметры его тугого ствола.

– Я могу доказать свое мастерство! – уверенно заявил Кадо. – Дайте мне любого противника, я его одолею.

– Любого? – робко уточнила Магрит. – Но где же здесь взять противника?

– Можно устроить показательный бой, – услужливо прошептал Наро, уже заранее предвкушая потеху.

Кадо был непобедим. И все прекрасно это знали.

– Тогда, может быть... с Уно?

Решение госпожи вызвало небольшое замешательство среди присутствующих.

– Гм... королева, позволь заметить, что мы все умеем сражаться, среди нас каждый возьмет в руки оружие в случае беды. Кормисов обучают с детства разным умениям. Но у воинов к борьбе больше таланта, чем у остальных, – мягко вмешался Наро. – Подобная схватка не будет равной.

– Мне не нужна кровавая битва, – взволнованно пояснила королева, отчего-то вдруг начиная стремительно бледнеть. – Простая демонстрация силы, только и всего.

Кадо скептически посмотрел на Уно, а потом перевел взгляд на Магрит. Испытание показалось ему насмешкой. Поставить против молодой, хоть и способной «няньки» опытного воина – сущее безумие. Зачем это нужно? Разве что поразвлечься, тогда задумка хороша.

«Уно, конечно, не согласится опозориться перед хозяйкой Кормаксилона. Он просто откажется и уронит себя в ее глазах», – тут же не без тайной гордости решил он.

Однако Старший наставник был совершенно спокоен и только с возросшим любопытством посмотрел на Магрит. Все же она снова поразила его своим мышлением. Зачем-то выбрала именно его для показательного боя с самим Кадо.

Разминая плечи, Уно стянул повязку, чтобы открыть все еще мерцавшую голубым сиянием разодранную метку.

Прежде Уно мечтал быть воином, а в глубине души был уверен, что в нем есть и талант бойца, хоть сам он выглядел не таким уж высоким и широким в плечах по сравнению с гигантом Кадо.

– Я буду твоим противником, если таково желание королевы.

Схватка была не смертельной, но оба кормиса страстно хотели победить – один чтобы доказать владычице, что он силен и достоин быть Старшим, второй чтобы доказать себе, что он способен быть равней воину и... порадовать женщину зрелищем красивой борьбы.

Кадо сразу отступил в сторону, оценивающе окинул Уно взглядом, затем кивнул, принимая старшего из нянек в качестве своего соперника. Сжав кулаки, он скрестил перед собой руки, а потом медленно развел их в стороны. Его мышцы медленно напряглись, усиливая рельеф. На плечах выступили прожилки из крупных вен. Кадо устрашающе улыбнулся или лучше сказать – оскалился, затем резко подался вперед и первым нанес удар.

В два быстрых шага он преодолел расстояние между собой

и Уно, пытаясь достать собрата кулаком в правый висок. По замаху было очевидно, что удар был произведен вполсилы, но Уно, мгновенно сжался и проскочил под его рукой, сделал два шага по дуге и, криво улыбнувшись, вернулся в прежнюю боевую стойку.

Теперь Кадо куда более серьезно посмотрел на противника. Уно был еще мальчишкой, когда он уже считался хорошим солдатом, но ловкость движений и скорость «няньки» давали понять, что перед ним кормис, который непременно воспользуется ошибкой, если воин ее допустит.

Второй раз он уже не набрасывался на Уно, как ураган, а осторожно, словно крадущийся тигр, приблизился, чтобы провести умелый захват.

Магрит ахнула, вцепившись в подушку и мысленно жалея о своей затее.

– Они не покалечат друг друга? – тихо спросила она у Наро, стоящего рядом, наподобие каменного истукана.

– Нет, я уверен, что Кадо не собирается бить собрата всерьез, – сказал он немного рассеянно, увлеченный борьбой. – Они лишь хотят покрасоваться перед тобой.

Наро не смотрел на Магрит, когда отвечал, зато внимательно наблюдал за тем, кого еще недавно считал мальчишкой. Именно Наро пришлось однажды спасти будущего наставника, когда тот пожелал избавиться от неудобной ему метки. Но это давняя история...

А посередине комнаты накал страстей нарастал. Двое

крепких мужчин обменивались короткими ударами и оба уклонялись или отражали новое нападение. Уно был немного быстрее, но заметно уступал противнику в силе. Очень скоро они пустили в ход удары ногами, никто не хотел сдаваться.

Возможно, будь на месте Уно реальный враг, Кадо не стал бы медлить и церемониться, а сразу свалил неприятеля на землю, придавив мощным телом, а затем быстро свернул ему шею. Но здесь и сейчас в присутствии королевы нужно было только победить, не причиняя сопернику особого вреда.

Такое противостояние могло длиться долго, но вот Кадо поймал ногу Уно, резко дернул в сторону, заставляя собрата рухнуть на пол, и тут же сам оказался сверху.

– Не думал, что ты хорош в драке, – произнес Кадо, торжествующе раздувая ноздри, – но свой промах ты совершил и проиграл.

Уно только порывисто выдохнул, подавив яростное рычание. И по тому, как бурно двигалась его грудная клетка, было очевидно, что он не смирился с поражением, а даже готов продолжать борьбу.

Но поединок считался оконченным. Воин отпустил наставника и подал ему руку, помогая встать. По плечу Уно снова потекла кровь из слегка померкнувшего знака, хотя Кадо не стал язвить на этот счет, а просто обернулся к Королеве с видом победителя.

– Признаешь ли ты меня достойным, Магрит? А если так,

то позволь сегодня согреть твою постель и доставить тебе радость. Я знаю тысячу способов, как именно тебе угодить, но ты можешь предложить свой.

Королева же будто оцепенела и только быстро-быстро моргала, чем и выдавала переполняющее ее волнение.

– Это необходимо именно сейчас? – прошелестел ее голос, обращенный к Наро.

– Хм... если тебя не устраивает этот воин, ты можешь выбрать другого. Кадо сам приведет тебе лучших мужчин и ты...

– Нет. Никого не нужно. Все должно быть честно. Он выиграл бой и получит свою награду.

– Но это можно отложить. Магрит, ты белая, как крайняя стена в Архиве. Тебе не хорошо, Магрит... ты слышишь меня?

– Ну, конечно. Я только хотела сказать... попросить... Уно может остаться здесь и быть рядом?

– Как ты пожелаешь. Прежняя Королева могла одарить любовью сразу нескольких мужчин за одну ночь.

– Я не желаю больше ни слова слышать о прежней Королеве в своем присутствии. Ни-че-го! Вы меня поняли? Вот и прекрасно!

Она через плечо бросила короткий взгляд на солдата, который, не скрывая своего горячего интереса, терпеливо ожидал ее решения.

– Ты можешь подойти.

Едва сдерживая горделивую улыбку, Кадо двинулся к ней. Магрит только глубоко вздохнула, ощутив, как тяжелые руки воина осторожно легли на ее плечи. Сейчас она смотрела только на Уно, будто чего-то ждала от него и тот, уловив беспокойство в ней, нахмурился, обращаясь к Кадо:

– Ты ведь будешь особенно осторожен? Она очень нежная и слабая. Я мог бы тебе показать, как лучше всего прикасаться...

– Я сам знаю, как позаботиться о госпоже! Могу и тебя поучить. Божественная Магрит, почему ты дрожишь, разве ты меня боишься?

Она закрыла глаза и ничего не отвечала. Кадо был раздрадован, но прежде всего думал о своих подчиненных. Им всем требовалась милость королевы, а значит, он должен проявить некоторую настойчивость, даже если Магрит не совсем готова к любви.

– Я не кажусь тебе привлекательным? Ты не хочешь меня? Но нам нужно твое тепло, чтобы мы были сильны и могли защитить свой народ, свой Дом и тебя саму. Если я почему-то не подхожу, то могу привести к тебе самых молодых и сильных мужчин среди нас, чтобы ты могла выбрать. Пойми, я хочу, чтобы ты была довольна и счастлива здесь. Мы все принадлежим тебе.

Сомнения грустной королевы, конечно, обижали Кадо. Он искренне решил, что отчего-то не радует ее взор и с горечью был готов уступить другому. Но только воину. Ина-

че сейчас нельзя. По счастью, Магрит вынесла свое решение быстро:

– Не нужно никого приводить. Ты мне нравишься, и я выполняю свой долг перед... моим народом.

Кажется, последние слова она произнесла с запинкой, и это не ускользнуло от внимания Кадо. Однако вдохновленный позволением, он неуверенно обнял Магрит со спины. Было в этой женщине что-то сбивающее с толку. Когда он видел Королеву прежде, то определенно знал, что хочет как можно быстрее войти в нее. И теперь это должно случиться, раз уж Кадо получил ее одобрение, но почему-то немного робел.

Поглаживая талию и живот Магрит, он скользнул носом по ее шее, прижимаясь всем телом к ней сзади.

– Ты все же боишься меня? – Кадо почти шепотом повторил свой вопрос и немного отстранился.

– Нет, – тихо ответила она, продолжая смотреть на Уно, как будто это «нет» предназначалось именно ему.

Молодой наставник сидел на краю ее огромного ложа и спокойно наблюдал. В нем, похоже, не было ни волнения, ни ревности, ни даже зависти, но его лихорадочно поблескивающие глаза внимательно следили за большими руками Кадо.

Все еще напряженная и натянутая как струна, Магрит позволила воину стянуть подобие своего платья вниз так, что оно окружило ее щиколотки, но после этого невольно прикрыла руками обнаженную грудь. И тогда Уно, не дожидая-

ьясь ее испуганного вздоха, внезапно встал и коснулся ее перекрещенных ладоней. Магрит испытующе заглянула ему в глаза и позволила взять свою руку.

Почему-то рядом с Уно ей было не так уж тревожно и страшно. И пока он касался ее, блуждающие по обнаженной спине лапищи Кадо не казались уже столь пугающими. Немного расслабившись, она непроизвольно качнулась в сторону Уно. И тогда тот снова уселся на ложе, привлек к себе Королеву и бережно обнял. Он внезапно понял, зачем был ей нужен сейчас.

– Смотри на меня... Я с тобой. Я рядом. Я помогу.

Его лицо оставалось безразличным, но руки и голос действовали расслабляюще. Поглаживая ее бедра, он целовал грудь, скользя языком по нежно-розовым ореолам и ловил губами быстро твердеющие соски.

Уно нравился ей, манил и привлекал, а потому, Магрит окончательно доверилась ему и даже не вздрогнула, когда грубая, шершавая рука Кадо скользнула на ее ягодицы. Воин немного боялся прикоснуться к новой королеве, опасаясь, что она снова отпрянет, но она больше не выказывала неприязни.

И тогда несколько осмелев, воин стал бережно массировать ее тело, спускаясь пальцами к бедрам, а потом к нежным чувствительным складочкам между ее ног. Сбросив набедренную повязку, он прижался к ней всем телом. Его член, уже давно готовый к подвигам, дразняще скользнул в бороз-

де меж ее ягодиц, но Кадо не спешил.

Одной рукой он поглаживал ее плечи и шею, а другой прикоснулся к быстро увлажнившемуся естеству. Королева определенно лучше реагировала на ласки Уно, что дразнило и обижало импульсивного Кадо. Он толкнулся своим толстым пальцем в ее мокрую "расщелинку" и начал нежно исследовать ее изнутри.

Уно тоже спустился рукою вниз ее живота. Двумя пальцами он скользнул меж большими и малыми «нижними губками», случайно задевая руку Кадо, и тут же поднялся вверх к розовой возвышенности, чтобы нежно погладить и сокровенный женский бугорок – бережно поиграть с ним, глядя Магрит прямо в полуприкрытые глаза.

Наконец она тихо застонала, мгновенно становясь влажной не то от изысканных ласк обоих мужчин, не то от внимательного взгляда младшего из них. Она сразу стала податливее.

– Я сказал не совсем верно... Ты очень сильная. И красивая, – едва слышно прошептал Уно, покусывая ее грудь.

Он действительно прикасался к ней зубами, но не впивался в нежную плоть, а только дразнил, тут же горячо целуя места своих укусов.

Теперь Кадо смог проникнуть в нее и вторым пальцем. Его свободная рука откровенно начала блуждать по телу Магрит, оглаживая ее бедра, ягодицы, спину, плечи, руки, грудь и живот. Он нигде не задерживался долго, в отличие от Уно,

медленно доводившего каждую часть ее тела до чувствительного пика, прежде чем перейти к другой.

Так же требовательно и немного жестко Кадо ласкал ее внутри. Он не пробирался глубоко, боясь причинить боль, но его пальцы были уже мокрые от ее сока, что возбуждало сильнее тихих стонов. Воин ненадолго отпустил королеву, облизывая собственные пальцы, и Уно, будто того лишь и ждал, жадно потянул ее на себе, заключая в крепкие объятия. А затем он нежно уложил дрожащую от нетерпения королеву на подушки.

– Не уходи, не оставляй... – попросила Магрит, решив, что он готов снова отступить в сторону.

Она вцепилась в его руку, отчаянно чувствуя какое-то родство с этим молодым кормисом.

– Я не уйду.

Уно уселся на кровать, положил ее голову себе на колено и крепче сжал ее доверчиво протянутую ладонь.

Кадо сейчас целовал ее ноги, тоже расположившись на постели рядом. Это было немного щекотно и очень приятно. От подобных прикосновений по телу Магрит пробежали волны томительной дрожи. Воин снова осыпал ее ноги поцелуями, забрасывая их на свои плечи, а сам, добравшись, наконец, до влажного приоткрытого лона, проникал в него языком и скользил по чувствительным стеночкам. Ему нравился вкус этой женщины. Он пьянил его, доводя до безумия.

И не желая более продолжать сладостное испытание, Кадо

приподнялся, перехватывая ее ноги своей огромной рукой. Он свел их вместе и поднял вверх, тут же подставляя к распахнутым "створкам" головку своего внушительного члена.

Ему хотелось рывком войти в нее, ворваться сразу же глубоко, но взволнованный взгляд Магрит не позволил поступить грубо. Повинуясь ее порывистым вздохам, он медленно проник внутрь одной лишь головкой, прижимая стройные ноги к своей широкой груди.

Кадо целовал выпуклые косточки ее голеней, осыпал поцелуями гладкие пяточки и даже лизал маленькие пальчики, медленно погружаясь в нее до предела и явно растягивая это невероятное удовольствие. Она была такой сочной и тесной одновременно...

Магрит откровенно стонала, изгибаясь под его напором, но при этом смотрела только на бесстрастного Уно, продолжая сжимать его руку. Удовольствие на грани... Желать одного мужчину и чувствовать плоть совершенно другого внутри... Войдя в нее целиком, Кадо замер, словно раздумывая, а потом тут же начал резко двигаться, прижимая к себе ее бедра.

Он двигался уже торопливо и несдержанно – так, что все внутри ее мгновенно начинало сжиматься в ответ, вызывая новые приливы чувственного восторга.

Тогда, немного переведя дух, Кадо развел ее ноги шире и снова закинул на свои бедра, одновременно поглаживая ее талию и низ живота. Могучий кормис начал двигаться чуть

медленней, словно смакуя выпавшее на его долю изысканное лакомство. Он был слишком близок к завершению, причем так рано, что хотел сдержаться изо всех сил.

– Поцелуй меня, – попросила Магрит, обратившись к Уно.

Он тотчас склонился над ней, переплетая ее пальцы со своими и поцеловал в губы так, словно они много лет были парой – нежно и страстно одновременно.

Этот поцелуй так взволновал и распалил ее, что по телу побежали волны жара и невероятного возбуждения, она сама крепко сжала ногами Кадо и непроизвольно двинулась ему навстречу, заставляя того моментально ускорить темп.

А когда воин иступлено прорычал что-то сквозь стиснутые зубы, изливаясь в нее быстрыми горячими толчками, Магрит вскрикнула прямо в полуоткрытый рот Уно, а тот благоговейно поцеловал в ответ ее лоб, стирая губами капли испарины.

Метка Кадо сияла. Он тяжело дышал и не спешил выходить из королевы, словно боялся, что такая удача более не повторится.

– Ты будешь великой правительницей, Магрит, – наконец вымолвил он хрипловато, опуская ее ноги на мягкое ложе и отодвигаясь в сторону.

– Она уже стала ей, – с поклоном добавил Наро, – еще один безмолвный свидетель этой восхитительной сцены королевского расположения.

Воины вправе гордиться своим командующим.

Он сегодня весьма преуспел в получении милостей госпо-
жи.

Воистину, Кадо – лучший из воинов Кормаксилона!

Глава 13

Мой новый дом

Магрит

Они смотрели тепло и преданно, без малейшего следа похоти и насмешки во взглядах, что я не знала как правильно себя вести. Меня охватило легкое смущение. В комнате было трое возбужденных мужчин, я же была полностью разде- та и хотела немедленно помыться. А потом остаться одной. Наверно... одной.

Может, приказать им всем уйти. Нет, пусть Наро останет- ся. Почему-то я стеснялась его меньше прочих, даже стран- но. Правое плечо немного ныло, две метки на нем прояви- лись отчетливей прочих – знаки воинов и наставников. Уди- вительно!

– Велю приготовить ванну для тебя и скоро вернусь.

Я с благодарностью посмотрела на уходящего Наро, мед- ленно вытянула свою ладонь из руки Уно и села на постели, сведя ноги. Нужно была что-то сказать и Кадо, но в голове у меня была одна звенящая пустота. То что сейчас произошло, оказалось совершенно новым опытом для меня.

Мне... понравилось.

И я еще не знала, как следует к этому относиться. Дело в

том, что они были другими – эти лесные мужчины. Они касались меня с уважением и восторгом, что не могло не льстить моему женскому самолюбию. Наше соитие с Кадо в то время как меня ласкал Уно было совершенно естественным для всех, ровно как и присутствие Наро.

Я улыбнулась Воину и настороженное выражение тотчас исчезло с его лица, сменившись откровенной радостью – королева довольна.

– Благодарю тебя, ты можешь идти к своим людям.

Это было единственное, что я сумела произнести, обращаясь к нему. Кадо порывисто обнял мои колени, запечатлев на каждом из них долгий прощальный поцелуй и удалился так же стремительно, как появился здесь.

Я расслабленно рухнула на ложе, раскинув руки в стороны и посмотрела на Уно. Мы остались в комнате одни, через маленькие окошечки наверху пробивался рассеянный свет, белые цветы на низком круглом столике начали издавать терпкий вечерний аромат. Рядом раздался тихий голос наставника:

– Тебе было хорошо? Он не сделал больно?

Волны незнакомой прежде нежности и желания накрыли меня и понесли за собой, не позволив даже опомниться.

– Уно, ты меня любишь?

– Да, моя Королева. Мы все любим тебя. Неужели ты сомневаешься? Почему?

Что ж... Пусть будет так, как ему кажется правильным.

Все так все. Я рассеянно погладила его смуглую руку, спокойно лежащую на скомканном покрывале.

«Невинное дитя леса. Ты будешь любить меня вместе с остальными, а я буду любить одного тебя. Мне это нужно, понимаешь?»

«Нет. Расскажи»

«Не сейчас. Потом... может быть».

И только когда Наро вернулся сообщить, что купель готова для меня, я вдруг сообразила – мы понимали друг друга, не произнося ни единого слова вслух. Но подобие чуда уже не удивляло, почему-то на душе было светло и тихо.

Кажется, я и в самом деле, стану им хорошей королевой. Доброй и заботливой матерью для каждого воина, наставника, строителя, добытчика. Матерью и женой... Как это возможно? Зачем думать, если можно просто радоваться, даря счастье другим. Кормаксилон будет процветать, потому что теперь я тоже этого хочу. Всей душой и всем телом.

– Хочешь, я сам тебя помою? – ровным тоном предложил Уно, словно речь шла о самых привычных будничных делах.

Но я мягко покачала головой в знак отказа.

– Ты, наверно, волнуешься о своих подопечных, ты никогда не оставляешь их надолго. Можешь вернуться к себе.

Между сомкнутых бровей Уно пролегла тонкая морщинка, казалось, он колеблется, желая еще что-то мне сказать или попросить. Но я уже повернулась к Наро, который испытующе поглядывал в нашу сторону, прижав к широкой гру-

ди ворсистую ткань, которая, видимо, должна служить мне полотенцем.

– А мы пока искупаемся!

Одним гибким движением наставник покинул мое ложе, низко поклонился и, бесшумно ступая, выскользнул за дверь. Вот и хорошо. Мне стало гораздо легче. Уно – это моя маленькая тайна. Я сохраню ее в своем сердце и не буду требовать большего. Я уже все решила для себя и смирилась с будущим.

Теперь мой дом здесь и мне следует как можно лучше его изучить. Впрочем, как и обстановку вокруг Кормаксилона. Я неожиданно почувствовала невероятный прилив сил. Может, не только я дарю свою милость этим мужчинам, но и они, в свою очередь, делятся со мной своими способностями. Я вовсе не против стать немного сильнее и энергичнее, приняв частицу воинской мощи. Здесь столько интересного вокруг, мне просто не сидится на месте.

– Какая жалость, что нам пришлось быстро покинуть то красивое озеро. Я бы с удовольствием искупалась. Наро, а где моются наши мужчины, и ты сам? Не думаю, что у каждого есть такая роскошная ванна, как у меня.

– О, все кормисы любят плескаться в воде, к тому же в нашем распоряжении огромная подземная купальня.

– Что ты говоришь! Я хочу посмотреть прямо сейчас. Неужели огромная? А мне можно там окунуться?

Наро задумчиво почесал голую макушку, всерьез раз-

мышляя над моим вопросом:

– Я, конечно, мог бы тебя отвести, но... Думаю, вода покажется тебе слишком холодной и сейчас там могут находиться мужчины. Сегодня день стражников – они вечно подолгу торчат на берегу, отдыхая после дневной смены.

– Но мне бы только увидеть, что это за место...

– Обычная пещера в одном из лабиринтов подземной обители.

– Звучит заманчиво, Наро, мы идем прямо сейчас!

– Но тебя ждет теплая вода и мои руки...

– Наро, массаж и ванна потом, сначала я хочу посмотреть на ваше озеро.

Внезапно меня охватила жажда движений, я прикрылась подушкой и прыгала на кровати, разметав волосы по плечам. Мне хотелось смеяться и петь, а Наро стоял передо мной такой высокий и представительный, но одновременно и немного смешной в своей кокетливой повязочке на мускулистых бедрах, что я просто расхохоталась во весь голос от такого зрелища и запустила в него подушкой, тотчас хватая вторую.

А все кончилось тем, что, вторя моему смеху, Наро просто сгреб меня в охапку и закружил по комнате. Было приятно ощущать себя пушинкой на руках такого великана. Потом он вдохновенно чмокнул меня в нос и, усадив на смятую постель, начал одевать для предстоящей прогулки к подземным водам. Ну, конечно, Госпоже должно быть уютно и тепло. Самое главное – это комфорт королевы.

– Я немного обеспокоен, – признался Наро, заплетая мои волосы в причудливую косу. – Кадо совсем не опытный мужчина, он не навредил тебе?

– Нет!

К чему сейчас подобные расспросы? Я наслаждалась мягкими прикосновениями его пальцев к моей голове – люблю, когда меня гладят и ласкают, а уж когда перебирают волосы, осторожно потягивая их, чтобы соединить пряди... ммм... мурашки по коже. Не хочу отвлекаться на разговоры.

В комнате стало темнее и прохладнее, приближался вечер. Наро гортанно крикнул что-то, повернув голову к двери, и через мгновение к нам зашел молодой парень без метки на плече. Они переглянулись с Наро, после чего юноша прикрыл плотной тканью круглые оконца – на комнату опустился полумрак. Но не надолго – Гаро зажег огонь в чашах на полу и по стенам тотчас замелькали тени огненных языков.

– Просто картины... – не удержалась я от восклицания.

– Если хочешь, я мог бы показать тебе и свои рисунки на стенах.

Кажется, Наро немного смущался, предлагая мне оценить его работы. Но я была очень заинтригована, особенно, когда узнала, что последняя из картин посвящена именно мне.

– А где сейчас твои шедевры?

– Ты говоришь про рисунки? Они в Архиве, где же им еще быть. Все стены в Хранилище нашей памяти изрисованы, а в ларях собраны древние тексты на глиняных дощечках

и свитках. Полное собрание изречений Высокоумного Чаро и записи, найденные нашими предками на развалинах Асписа... О, царица Васков предлагала нам высокую цену за эти ценные находки!

– А кто такие васки?

– Крылатые создания. Они весьма агрессивны – их Мелисан находится в полудне пути отсюда. Конечно, если двигаться по лесу медленно и нести тебя на руках.

– У васков есть своя царица? Как интересно...

– Она уже знает о тебе и не прочь встретиться. Мы давно заключили перемирие с васками, хотя нашим предкам случалось враждовать.

– Сколького я еще не знаю о вашем мире? Наро... ты должен рассказать мне все. И твои картины на стенах древней библиотеки я непременно хочу увидеть. Но сначала вода, идем уже к озеру, я готова.

– Королева решила спуститься к нижнему озеру, иди вперед и проследи, чтобы там никого не было, – прошипел сквозь зубы Главный добытчик, обращаясь к моему «пажу», и Гаро ответил кивком головы, а после исчез за дверью.

Наро помог мне обуться, громко сетуя, что иначе моим нежным ножкам будет неудобно идти по острым камням на берегу. Я еле сдерживала нетерпение. Мне казалось, что я в настоящей сказке и скоро окажусь в самом центре захватывающих приключений.

Мы долго шли по слабо освещенным коридорам, и я опералась на руку своего высоченного спутника, чтобы не споткнуться. Некоторые галереи переходов были узки и извилисты, Наро запросто прижимал меня к себе, чуть приподнимая над полом, а потом отпускал, снова ставя на ноги.

– Почти на месте, – наконец предупредил он, снимая со стены факел и показывая на темную арку впереди. – Держись крепче за мою руку, Магрит, плиты бывают скользкими, немало кормисов сегодня уже прошло здесь босыми мокрыми ступнями.

Наро был готов подхватить меня в любую минуту, но я ловко шагала с камня на камень, понимая, что впереди скоро откроется настоящая подземная пещера, освещенная огнями с берега. Кто-то заранее развел здесь костры. Вдруг до меня донесся взволнованный молодой голос:

– Я сказал правду, госпожа скоро прибудет сюда!

– Ой, малый, отстань. Какая Королева? Что ей здесь нужно? Забудь! – грубовато отвечал ему хрипловатый бас.

– Мы только вернулись из патруля, а значит, заслужили право вымыться, поесть и лечь спать! – вторил другой.

Затаив дыхание я остановилась, а потом выглянула из арки, стараясь оставаться незамеченной как можно дольше. Хотела понаблюдать исподтишка.

Первым я увидела перед собой огромного мужчину, по щиколотки стоящего в воде. Он был совершенно обнажен, демонстрируя широкую спину, сплошь покрытую длинными узорами и шрамами, которые, впрочем, не могли испортить очевидный рельеф мышц. Но спина его казалась такой огромной, словно под кожей он прятал свернутые крылья.

Наро хотел было что-то сказать, но успел только открыть рот, как я зажала его своей ладонью.

– Молчи!

И вот первый красавец наклонился, демонстрируя округлый подтянутый зад и мускулистые ноги, поднял из воды здоровенную щетку, насаженную на длинную палку, и начал интенсивно тереть себе грудь, удовлетворенно побрякивая.

– Говорят, королева у нас теперь чудная, – сказал он, обращаясь к товарищу, едва уступавшему ему по габаритам.

– Ну да, одежду требует, а вот прежняя обходилась без тряпочек, – возмутился второй кормис, сидевший на камне.

Парень вдохновенно тер себе пятки растрепанной мочалкой.

Его поза прекрасно позволила рассмотреть могучий торс, причем, кроме выдающегося пресса под ребрами виднелись тугие лесенки мышц. Мой взгляд беззастенчиво скользнул ниже. А что такого? Подумаешь, привлекательное мужское тело, я все-таки почти врач, и могла бы стать неплохим хирургом.

Конечно, я знала, что кормисы безволосы и даже в паху...

ого! Моему взору открылся расслабленный мужской член, размеры которого все равно меня поразили. И такая же штучковина имелась у Кадо, недавно я смогла оценить. Отругав себя за пристальные взгляды и фривольные мысли, я обратила внимание на третьего воина.

Он сидел в воде, прикрыв глаза – отдыхал, сразу ясно. Мимолетного взора на одну только шею кормиса было достаточно, чтобы понять, насколько он был крепок и силен. По расслабленной позе воина можно сказать, что теплая вода в приятно снимала усталость после дежурства.

– Я видел королеву, – внезапно заговорил первый воин.

Взмахнув щеткой, он стал рисовать в воздухе какие-то замысловатые фигуры.

– Но с ее нарядами ничего не поймешь, – разочарованно выдохнул он и снова потер широкую грудь с узорами, похожими на множество зигзагов.

– Зато как сладко воображать, что скрывается под тряпичами, – мечтательно прошептал второй.

Откинувшись назад и разведя ноги, он вскоре что-то невнятно промычал, явно представляя себе мои прелести. И я здорово смутилась, увидев, как его член чуть приподнялся в ответ на мысли «хозяина».

– А самое главное, – заговорил кормис, сидевший по грудь в воде, – Вы слышали? Говорят, первым после церемонии она выбрала няньку. Разве не обидно?

– По мне так скорее смешно, – буркнул сидевший на кам-

не воин.

Он как раз перекинул ногу и начал очищать другую. Завидное упорство, не все мужчины так щепетильны относительно чистоты своих конечностей.

– Я с ним из одного выводка, и точно знаю, что с прошлой королевой Уно провел всего одну ночь. Подумаешь, парню снова разок повезло. Я с прежней Госпожой был трижды.

– Ха! – презрительно фыркнул собеседник. – Уно был с бывшей Королевой наедине, а ты в составе тройки.

– Зато она брала мой «ствол» себе в рот и даже причмокивала, когда сосала, а тебе никогда не выпадало подобной милости.

Воин скривился и согласно качнул головой. Его явно не обижал выпад товарища. Что скрывать – такой радости в его жизни действительно не было.

– Главное, что Кадо уже взял свое, я почувствовал это сразу, как будто с ней был я сам, – сказал первый, явно собираясь покинуть водоем.

Он с удовольствием потер светлую метку на плече и усмехнулся.

– Приятно снова быть сильным.

Мужчина развернулся полностью, но внезапно увидел меня и растерянно рухнул на одно колено в воду.

– Простите, королева, мы не поверили, что вы придете сюда в такое время, – спешно проговорил он, опуская голову и пряча глаза.

На его лбу оказались несколько темно- багровых шрамов, явно оставленных когтями дикого зверя.

Остальные воины, дружно опомнившись, дружно преклонили колени.

– Я старший этого отряда, мое имя – Сахо, – представился мужчина со шрамом. – Простите, если мы задержались и заставили вас ждать.

Наро вздохнул. Он именно этого и опасался, помня возмущения королевы после первой ночи, добытчик был почти уверен, что вид голых воинов и их болтовня отнюдь не позабавит Магрит – новая Королева оказалась на редкость стыдлива.

– Я вас с радостью прощаю.

– Быстренько исчезли отсюда, – приказал Наро.

– Зачем? – удивилась я. – Неужели тут нет укромного уголка, где я могла бы искупаться, никому не мешая? Если эти солдаты охраняли нас днем, то они заслужили право уйти отсюда чистыми.

– Мы в дозоре уже третий день, – веско заметил Сидевший в воде.

– Тем более!

– Такое местечко здесь есть, – утвердительно кивнул Наро, похоже, довольный, что я не выказала особого раздражения и даже будто бы с удовольствием подслушала разговоры солдат.

Он взял меня за руку и осторожно отвел чуть в сторо-

ну, там за большим каменным валом была спокойная водная гладь и теперь никто из троицы стражников меня не увидит.

– Тут не глубоко, – пояснил Наро. – Да вот только вода здесь, и правда, холодная для такой неженки, как ты, Магрит.

– Не такая уж я неженка, с чего ты это взял?

Я досадливо вырвала руку из его жесткой ладони. Мне очень уж хотелось доказать, что крепче, чем они обо мне думают, но бросаться в воду я не стала, а для начала осторожно потрогала ее кончиком ступни.

Кормисы за валуном притихли, и я слышала только одиночные всплески и приглушенные голоса. Мне хотелось немного ободрить этих славных парней, сказать, что я вовсе не сержусь на их присутствие неподалеку, но было неловко, да от меня, похоже, и не ждали особого расположения.

Тем более королевская благодать сегодня уже перепала их предводителю. Интересно, где сейчас сам Кадо? Я невольно поежилась, вспоминая прикосновения его огромных рук к своему телу. А все, что он делал со мной потом... На глазах двух других.

Главный добытчик снова отправил молодого Гаро в неизвестном направлении, только на этот раз жестами. Показав что-то на пальцах, он даже погрозил мальчишке в след кулаком. Что бы это могло значить?

Я водила по темной воде пальцами правой ноги и понимала, что не могу назвать ее слишком холодной, но все еще медлила раздеваться. Наро бережно обнял меня, отстранять-

ся я и не пыталась. Его руки на моей талии лишь одновременно согревали и успокаивали.

– Если Королева хочет войти в воду, прошу позволения сопровождать, – сказал он. – Я мог бы вымыть тебя и проследить, чтобы ноги не запутались в траве, которая устилает дно.

Пока он говорил, двое юношей притащили для меня разные купальные принадлежности, приволокли пустой чан, большое полотно, черепашки с ароматными маслами и глиной, разнообразные щеточки и мочалки... Кажется, сейчас здесь для меня организуют настоящий спа-салон в подземной пещере. И чем ты только заслужила такое блаженство, Марго!

Но одна беспокойная мысль юркой ящеркой забралась мне в голову и требовала ответа.

– Скажи, а Уно... Я верно поняла, что прежняя королева а приглашала его к себе на ночь?

– Уно неплохо играет на флейте и умеет петь – редкий дар среди нас. Камрит желала послушать.

– Значит, он с ней спал?

Глупый вопрос, но я не могла сдержаться.

– Один раз Камрит Капризная подарила ему свою милость и после назначила старшим среди нянек, то есть наставников. Но Королева любила брать на ложе новых мужчин.

– Уно переживал, да? Он очень ее любил?

– Мы все любим свою Королеву. Пока она является тако-

вой.

Ого! Я невольно поежилась, будто в подземелье пронесся сквозняк.

– Я слышала, что ваша прежняя... Ты сказал, Камрит умерла, так ли это на самом деле? Тут говорят, она просто сбежала.

– Не верь глупой болтовне мальчишек! Камрит умерла для нас. Она пренебрегла нашими заботами и была растерзана зверями в Гиблом лесу. Это все, что я знаю о ней.

Внезапно у меня пересохло во рту.

– Значит, все-таки сбежала! Но вы пытались вернуть ее? Наро, ответь прямо, что бы вы сделали, догнав беглянку?

Какое-то время он внимательно смотрел мне в глаза, а потом на лице кормиса появилось отчужденное и даже несколько жесткое выражение, быстро сменившееся на обычную приветливую улыбку.

– Я лично приготовил бы ей ванну и вымыл волосы.

Мне осталось лишь разочарованно вздохнуть – "какие же они добренькие", но я спросила с надеждой во взоре:

– И у тебя не возникло бы желания даже выдрать ей пару прядей, ну... или отшлепать хорошенько негодницу?

Наро вдруг подхватил меня под мышки и поднял высоко над головой:

– Хочешь знать, что будет, если ты убежишь, а мы тебя догоним?

Я трепетала в его руках, чувствуя, что не имею никакой

возможности освободиться. Наро подкинул меня еще выше и сразу поймал, опуская меня почти к своему лицу, так, что я ощутила на щеке его горячее дыхание:

– В ту же ночь мы все четверо любили бы тебя до полного изнеможения, пока ты сама не стала громко умолять о пощаде. Но мы бы сделали вид, что не слышим твоих приказов.

– Это слишком жестоко! И Уно тоже? Я не могу поверить. Он бы меня защитил.

– От братьев? О, нет! Думаю, Уно счел бы такое наказание вполне справедливым. Но ты можешь быть спокойна, Магрит. Наказание тебе не грозит. Ведь у тебя просто не получится нас покинуть. Второго позора Кормаксилон не допустит.

У меня дыхание перехватило. Вот тебе и королевская власть... Я могу править, только будучи паинькой для них всех. Даже здесь кормисы проявили заботу, что ждет меня, надумай я убежать в джунгли? А потому, сиди и не рыпайся – кормят, моют, носят на руках, готовы развлекать. Что тебе еще нужно, неблагодарная дрянь?

У меня немного испортилось настроение и расхотелось купаться. Наро чутко следил за моими эмоциями, и я старалась скрыть, что не на шутку испугана его откровенностью. С неким вызовом я избавилась от одежды и шагнула в озеро.

Плевать, что меня видели двое подростков, а Наро я и не думала стыдиться. Мой личный массажист уже не раз созерцал меня голышом. Эге! Так ведь не долго докатиться и до

привычек их бывшей Владычицы... Ты быстро набираешься опыта, Марго.

Нет, теперь я – Магрит, и даже привыкла отзываться на странное прозвище.

Водная прохлада приятно бодрила. Здесь действительно было не глубоко, а на дне стелились мягкие водоросли. Они вбивались в щели между округлыми камнями, создавая под ногами подобие ковра. Зайдя до самой груди, я поняла, что глубже места мне не найти, но и этого было достаточно, чтобы немножко поплавать.

Некоторое время я с удовольствием бултыхалась в воде, правда, стоило нырнуть с головой, как по коже прошелся озноб. Зря намочила волосы, у меня была такая милая прическа... Но я не спешила выбираться на берег. Мне хотелось испытать дискомфорт и замерзнуть, чтобы избавиться от чувства горечи, изгнать из воображения картины, на которых юноша со строгими глазами ласкает некую женщину, избалованную мужским вниманием.

А вообще-то, какое мне, собственно, дело, кого Уно целовал и любил? Да и любил ли он свою Камрит... Нет, конечно, только ее статус, а что, если ошибаюсь и его чувства к ней были гораздо глубже? Почему я постоянно возвращаюсь в мыслях именно к этому молодому дикарю? Не пора ли уже свыкнуться с ролью благосклонной Хозяйки гарема.

А как еще это назвать? Тысяча преданных мужчин ради меня готовых на все. И дался же мне один юный наставник,

любящий музыку и чтение древних фолиантов. Зачем мне о нем тосковать, когда рядом такой добрый и искренний великан. Ах, Наро... Догнал меня и бережно обнял.

– Я же говорил, что ты замерзнешь. Плыдем к берегу. Или я сам тебя доставлю, держись за меня.

Стуча зубами, я послушно обняла друга и прижалась к нему, слегка впившись ногтями в кожу крутых плеч. Наро был обнажен, как и я, но я настолько продрогла, что не придавала этому особого значения. Как и тому факту, что моего живота сейчас касался весьма возбужденный «ствол» кормиса. О, Боже, как все-таки смешно звучит это слово в представлении о мужском члене, какие же они непосредственные дикари. Истинные дети природы.

Наро вынес меня из озера и тотчас опустил в широкую бадью, вода в которой уже нагрелась на специальном костре – парнишки постарались, пока я занималась экстремальным плаванием. Но так непривычно было лежать в ванной, что стоит на горячих углях...

Я невольно забеспокоилась:

– Ребята, не сварите из меня суп!

Наро только посмеивался, распуская мои волосы с явным желанием их намылить.

– Мы же не дармисы! Это у них заведено поедать себе подобных, и не только врагов.

Я содрогнулась, сидя в горячей воде, и приподнялась на пятках, желая узнать подробности.

– Скажи, а дармисы выглядят как вы, да? И у них тоже есть своя королева?

– Поверни голову... Хорошо. Теперь привстань, я намажу тебя средством, что избавляет от волос на теле, ты хотела быть гладкой. Да... Королева у них есть, но она ничего не решает. Она просто дает силу и служит как украшение и забава для Генерала.

– Ничего себе порядки!

– В Дармаллак всегда была сильна каста воинов. Они самые многочисленные и агрессивные. Их командующий, обычно, и правит Домом, а вот строители и добытчики у них рождаются редко, поэтому дармисы нападают на другие Колонии и забирают себе рабов. Так было всегда.

– А нам они могут угрожать? У нас достаточно сил, чтобы противостоять этим чудовищам?

– Кормаксилон неприступен. Но за его пределы тебе лучше не показываться.

– Именно мне?

Наро обхватил мое лицо своими большими ладонями:

– Дармисы относятся к женщинам немного иначе по сравнению с нами. Если тебя захватят и приведут в Дармаллак при живой Королеве, ты, конечно, сможешь стать ее рабыней. Но если понравишься Генералу, он заставит тебя разделить с ним постель. А ты ведь очень красива, Магрит, и Закрис ни за что не откажется от такого лакомства. Но мы сделаем все, чтобы тебя защитить. Теперь мы сильны и наши

воины начеку. Тебе не нужно бояться.

Я возвела глаза к темным сводам пещеры. Пожалуй, стоит благодарить судьбу за то, что из поселка Изгоев меня выкупили все же кормисы, а не их враги. В голове сами собой поплыли обрывки каких-то старых фильмов о лидере одного небольшого африканского государства. Его имя, кажется, было Бокасса и однажды он поужинал своей любовницей.

Наро благодушно ворчал:

– Успокойся и дай мне ножку, а ее хорошенько потру. Магрит! Пока мы рядом, ты в безопасности. Помни об этом всегда. А сейчас отпусти тревоги и просто отдыхай. Я напрасно тебя огорчил. Больше не будет таких разговоров.

Наро вертел меня в своих руках как тряпичную куклу, спокойно и бережно касаясь моих интимных местечек. Он натер меня чудодейственными пастами и пахучей розоватой массой, приятной на вкус. Да, я не удержалась и лизнула ту часть, что попала мне на лицо – похоже на клубничную маску для улучшения цвета кожи.

Сомневаться не приходится – скоро я стану самой красивой правительницей, буду жить долго и счастливо в окружении таких великолепных «фрейлин».

Наконец, с омыванием было покончено, и Наро вынул меня из теплой купели, чтобы осторожно промокнуть своеобразным баннным полотенцем. А потом меня уложили на покрывало, расстеленное поверх мягчайшей шкуры, что лежала на берегу. Ну, конечно, осталось только намазать меня

ароматическими маслами и травяными бальзамами. Натуральная косметика из самого сердца природы.

– Ты просто волшебник, мне так хорошо...

Пока я млела, лежа на животе, Наро поглаживал мою спинку, втирая в нее свои зелья, потом его руки опустились на ягодицы, все уже так привычно и необыкновенно приятно разминая их. По моему телу пробежала волна желания, немного некстати... но я ничего не могла с собою поделать.

А тут еще один из подростков, видимо, по приказу Старшего, взялся массировать мои ступни. Да что же они вытворяют! Я сейчас попрошу, чтобы Наро прикоснулся ко мне между ног, я больше не выдержу, я желаю, чтобы...

– Ай!

Рядом со мной раздался удивленный и даже несколько ликующий возглас. Я немедленно повернулась и села на покрывале, перекидывая влажные волосы на грудь. Парнишка, еще мгновение назад трогавший мои щиколотки, сейчас сидел на коленях перед шкурой и, вытянув руку, разглядывал свое правое плечо. На смуглой коже появилась метка – чаша добытчика.

Я бросила на Наро вопросительный взгляд и получила в ответ восторженное сияние темных глаз Старшего.

– Благодарю тебя, прекраснейшая Магрит! Твоя благосклонность ко мне очевидна. Теперь у Кормаксилона есть еще один кормилец. И не без твоего участия.

– Объясни!

– Это же просто. Тот кормис, с которым ты ласкова, которого желаешь и ценишь, словно купается в твоей милости и передает ее всем особям своей касты. После твоей ночи с Уно в Доме прибавилось нянек и очень кстати, их всегда не хватало в прежние времена.

А сегодня, надеюсь, увеличится число воинов и добытчиков. Правда, Мано будет обижен, но строители пока не собираются засыпать. Думаю, ты сумеешь найти себе приятного друга и среди них, если Мано тебе не подходит.

Я сдержанно улыбнулась, принимая от второго юноши королевское одеяние. Ну, что ж, значит, у меня и в самом деле есть все шансы стать хорошей Матерью для них. И мне даже не придется нянчиться с малышами, мои «сыны» – богатыри от рождения. И все жаждут моей любви.

Наро сам отнес меня в спальню и распорядился насчет роскошного ужина, но я так утомилась от всех этих водных процедур, что хотела немного утолить голод и лечь в постель. Одна. На эту ночь я пожелала остаться одна в комнате. И пусть это будет самая спокойная ночь в моем новом Доме. Кажется, я заснула, едва голова моя коснулась подушек. И мне снился непроходимый тропический лес...

А через оконца, затянутые тонкими прозрачными полотнами слышались вскрики разноцветных птиц с непомерно большими хвостами и клювами, гомон маленьких обезьянок, устраивающихся на ночлег в густых кронах броксов и что-то похожее на рычание и стоны.

Ночь в Инсектерре хранила множество своих тайн. Но мне сказали, что Кормаксилон неприступен.

Я верю в свою большую, дружную семью.

Глава 14

Содранная метка

Убедившись, что королева сладко заснула, Наро отправился на поиски Уно и вскоре заглянул в каморку, где тот проводил свои ночи, отдыхая или читая старые записи – одно из его любимейших дел.

Наставник приветствовал вошедшего почтительным поклоном. Хотя было довольно поздно, он еще не ложился спать и даже пытался поужинать у себя, но отвлекся на чтение.

Наро уселся на вытертую до мездры старенькую шкуру лужи и настроился на непростой разговор.

– Опять ты тратишь огонь и утомляешь глаза... Хочу поговорить с тобой.

Уно согласно кивнул, отложил развернутый до половины свиток и встал с места за низеньким столом, чтобы пересесть ближе к гостю.

– Что-то случилось?

Наро медлил, осматриваясь вокруг, а может, просто раздумывал, с чего бы лучше начать. В этой комнате вот уже много лет ничего не менялось. У дальней стены находилась лежанка из веток и высушенной травы, накрытая лоскутным покрывалом. Даже подобие подушки Уно так себе и не завел.

Круглый столик на деревянном чурбанчике и листы для записей. Говорят, Высокоумный Чаро тоже жил скромно, отказывая себе во всем, но не гнушался никакой работой. Кажется, Уно старается быть на него похожим.

Другие члены Совета обитали в более богатых покоях. Комната Кадо, например, напоминала музей, набитый военными и охотничьими трофеями. Мано натаскал в свою нору всякую всячину, от строительных инструментов до брусочков разных пород деревьев.

Этот любопытный кормис проводил опыты на мягкость и устойчивость древесины, оттого весь пол был усеян золотистыми и красноватыми стружками, зато в комнате стоял неповторимый запах смолы и влажной листвы.

Сам же Наро превратил свои покои в мастерскую художника и гончара: всевозможные кисти, куски полотна, разноцветные глины, ломтики слюды и готовая посуда, еще требующая обжига и росписи.

Вздыхнув, главный добытчик указал на тарелку с недоеденной кашей:

– Почему ты опять не со всеми?

– Я опоздал на ужин, а потом решил не задерживать собратьев своим присутствием на кухне, – спокойно ответил Уно, опуская глаза.

– Как всегда, – кивнул Наро, доброжелательно поглядывая на подопечного.

Уно только склонил голову чуть в бок и виновато улыб-

нулся.

– Хотел поговорить о Королеве, – прямо заявил Наро. – Мне показалось, что она нуждается в тебе больше, чем в остальных.

– Я чувствую себя другим рядом с ней, – вдруг пылко признался Уно, – но она не звала меня сегодня, а я сам... – он посмотрел на Наро почти умоляюще, словно тот мучил его этим разговором, – ... сам не могу запросто приходить к ней.

– Отчего же?

– Твоя работа быть рядом с Магрит, да и Мано может себе позволить отвлекаться от дел, строителей и добытчиков много, а нас – нянек всего пара десятков. Правда, в последние дни приходят новые. Это удивительно и приятно. Но я не могу быть все время с ней, понимаешь?

Пока Уно говорил, медлительность его тона быстро исчезала – он едва ли не тараторил, а обычное спокойствие его лица сейчас выдавало откровенное волнение, словно он был в чем-то виноват.

– Перед кем ты сейчас оправдываешься? – прямо спросил Наро.

– Я хочу всегда быть с ней и боюсь...

– Все хотят быть с Королевой.

– Нет! Не так, совсем не так! Ты не поймешь.

Уно посмотрел в пол и нахмурился. Ему показалось, что он готов признаться в чем-то страшном.

– Я хочу, чтобы вся ее сила и нежность были моими. Я не

ожидал, но в прошлый раз мне было мало ее. Она вся мне нужна, я не могу остановиться. Это, наверно, плохо. Но ведь я не хочу никого обделять, не хочу прослыть жадным.

Схватившись за голову, он устало выдохнул:

– Меня надо держать от нее подальше.

– Не думаю, что нужно прятаться. Рядом с тобой она сильнее всех наших прежних женщин. Я заметил, – Магрит выделяет тебя. Так о чем беспокоиться?

Уно задержал дыхание и беспомощно посмотрел на старшего собрата. Так и не дождавшись вразумительного ответа, Наро поднялся на ноги с явным намерением уйти:

– Приходи завтра утром пожелать Королеве хорошего дня. Я настаиваю. Даже если она не пошлет за тобой сама, просто появишься в ее спальне с приветствием. Так нужно. Ей это нужно, понимаешь?

И примирительно коснувшись ладонью плеча молодого наставника, Наро вышел, чувствуя, что становится свидетелем чего-то по-настоящему волшебного. Он давно подозревал, что Уно отличается от прочих братьев. Еще с того самого дня, когда нашел истекающего кровью мальчика на полу вблизи кладовой.

Для Наро это была обычная вылазка ночью в хранилище запасов еды. Так уж вышло, что новоиспеченный Старший Добытчик так переживал за свое членство в Совете, что под грузом ответственности уже вторую неделю почти не спал. Зато когда весь Кормаксилон погрузился в сон и бодрство-

вать продолжали лишь стражи, на него нападал неумный голод.

И вот тогда-то Наро спускался вниз в кладовую, брал что-то из сушеных фруктов и возвращался назад в свою коморку подле покоев королевы, недавно одарившей его своей милостью. Но в тот раз он не успел дойти до кладовой, а замер, наострив уши. В темном коридоре ему послышались стоны и тихое, прерывистое дыхание, немного усиленное эхом.

Наро осмотрелся и, крадучись, пошел на необычные звуки. Впереди не было и проблеска света, а потому добытчик нахмурился и выше приподнял факел.

– Кто здесь?

Никто не ответил, и даже стоны, кажется, прекратились.

– Кра-амп, – ворчливо выдохнул Наро. – Не хватало, чтобы у нас тут завелись маршики...

Он снова прислушался. Звук по-прежнему был где-то рядом, будто кто-то скреб ногтями по камням, поддерживающим потолочные балки. Если бы в дом каким-то образом пробрался зверь, он бы давно убежал и затаился или напротив – напал, а неизвестное существо в темноте лишь тихо вздыхало, будто корчась от боли.

«Может, сквозняк? Может, где-то стена повреждена?» – думал про себя Наро, шагая в сторону слабого шума.

На всякий случай он даже достал нож, но скоро факел осветил босые ноги подростка. У стены в коридоре лежал мальчишка-кормис, такой щуплый и маленький, что едва ли

доставал бы огромному Наро до пояса.

Старший добытчик снова выругался, а потом, опомнившись, подхватил едва живого собрата на руки и побежал в другую сторону, желая скорее попасть в крыло нянек.

– Что с ним могло случиться... – недоумевал Наро, пока Бадо – на ту пору старший из Наставников, перевязывал разодранное плечо паренька.

Вскоре в помещение собрались четверо членов Совета.

– На нас напали? – предположил Мано. – Кто мог совершить подобное злодейство?

Старший воин Радо отрицательно покачал головой.

– Это не может быть нападением. Ни одна живая тварь не проскользнула мимо стражи. Я лично проверяю посты.

– Хочешь сказать, что мальчишку ранил кто-то из своих? – гневно спросил Наро так, словно это предположение оскорбляло лично его.

– Не просто мальчишку, а юного наставника, – поправил Бадо.

– Что? – переспросил Мано. – Он же почти ребенок.

– Маленький, но у него недавно появилась метка. Я с трудом различил ее среди ран. Паренек без сознания лишь потому, что знак повредили.

Пояснение Бадо окончательно сбilo всех с толку.

– Боюсь, мы не поймем, что случилось, пока он сам не расскажет, – сухо заключил воин, собираясь уйти.

– Если выживет, – прошептал Наро, глядя на бледного

подростка, показавшегося ему холодным, как камень в ночь после дождя.

Добытчику больше остальных было тревожно за мальчишку, а потому он приходил каждый день справляться о его самочувствии.

– Не очнулся, – одно и то же говорил тугодум Бадо, отвлекаясь на свои многочисленные дела.

Его нарочитое спокойствие пугало Наро, зато сам он сиделся у постели ребенка и подолгу разговаривал с ним.

– Знаешь, для Семьи важен каждый, – часто повторял он. – Так что не умирай, ладно?

Но ему никто не отвечал – долго не отвечал... Пошло уже три дня, а мальчик так и не открыл глаза. Его холод сменился жаром, слабое дыхание все чаще превращалось в беспомощный сиплый хрип.

– Хватит валяться, ты нужен нам, проснись и живи! – однажды приказал Наро, садясь на пол у кровати, и вдруг с удивлением заметил, что Уно внимательно смотрит на него глазами, полными слез.

Наро тут же вскочил на ноги, пытаясь решить, нужно ли звать прочих нянек или остаться с мальчиком.

– А ты молодец! Совет волновался, нам очень важно знать, кто это с тобой сделал? Ты можешь ответить? Если на тебя напал кто-то из своих...

Он не договорил, понимая, что мальчик пытается ответить, с трудом разлепив запекшиеся, сухие губы:

– Я...

– Ты? Что ты?

– Я сам ранил себя, – теперь уже уверенно повторил Уно.

Он прикрыл глаза, и по его правой щеке тут же покатилась крупная слеза:

– Я всегда мечтал стать воином, защищать свой Дом, а не возиться с неразумными малышами...

– Крахх, чего же тут не понятного, – быстро заговорил Наро, – только не плачь, слышишь? Ты остался жить и это самое главное. А кем будешь – зависит от тебя. Ведь можно работать нянькой и быть воином в душе, никто не может тебе запретить. Просто поверь. Я-то знаю...

– Я думал, если срежу знак, то все можно изменить, но не ожидал, что будет настолько больно и кровь польется рекой. Оказалось, что переписать предначертанное еще труднее, чем убить себя насовсем.

– Надо признать, кое-что у тебя получилось. Даже не припомню, чтобы какой-то юный кормис открыто жаловался на свою метку. Может, у Чаро есть об этом запись в «Поцелуях небес».

– Меня накажут?

– Разумеется. Я лично заставлю тебя выучить наизусть все наставления Высокоумного. Одно из них так и врезалось мне в память: *«Избери благом своим благо всего Дома и будешь вознагражден преданностью Семьи»*. Нравится тебе это изречение?

Или еще одно: *«Самый маленький листочек дорог корням, и они будут усердно питать его своей живительной силой. Даже если придется для этого всю жизнь рушить камни в подземном мраке, не видя света»*. Тебе все понятно, дружок?

Мальчик не ответил вслух, лишь коротко кивнул, улыбувшись. Сил на длинные разговоры у него еще не было, а потому он тут же закрыл глаза и снова погрузился в сон.

С той минуты Наро смутно понял, что обрел сына. Хотя, вряд ли кормис в полной мере осознавал, что это такое – стать отцом своего дитя. Обитатели Кормаксилона делились на юных, зрелых и старых, на нянек, воинов и добытчиков.

Все мужчины и только одна женщина – Королева.

Глава 15

Пока дышат звезды

Магрит

Какой странный сон... Будто я все это вижу наяву – вижу, слышу и чувствую. Тяжелый густой воздух леса. Переплетение лиан, широкие листья с узкими прорезями – «глазками» и крупные мясисто-красные цветы прямо на стволах деревьев. Трескотня мелких зверушек и щелканье птиц где-то вверху, напряженное безмолвие затаившихся хищников.

Не пойму, то ли ранее утро, то ли эти алые всполохи на небе – следы заката. Я раздвигаю руками зеленые стены и выхожу на поляну с высокой густой травой. Она влажно холодит мои голые ноги, поднимаясь почти до середины бедер. Почему я совсем раздета и не чувствую никакого стыда?

Ах, да... Я же часть этого леса, плоть от плоти его и моя одежда – это шкура, перья и чешуя. О, как же приятно ощущать себя одновременно каждым из больших и малых творений Инсекты! Я могу летать, ползать, плавать и прыгать с ветки на ветку, мои мускулы полны нечеловеческой силы под лоснящейся кожей, я почти сыта и готова к новой охоте, пружинисто подбираюсь для прыжка и вдруг замечаю незнакомую женщину.

Она сидела под толстым корявым стволом дерева. Длинные черные волосы ее струились по смуглым плечам, достигая земли, смешиваясь с травой и красноватой глиной, лицо было опущено и, выпрямившись, я поспешила подойти ближе, чтобы разглядеть лучше.

О, Боги! Она ждала дитя, обнаженный живот ее выдавался настоящим шаром.

Я не сдержала удивленный возглас, и наши взгляды встретились. Я села на колени подле нее и смотрела в упор, но так и не могла понять, как выглядит незнакомка. Ее внешность менялась с невероятной скоростью, сначала на меня смотрела «маска» стрекозы, потом безгубая рыба, затем тупоногая морда огромной жабы.

И вот уже ящерица и птица, оскаленная пасть тигрицы и наконец я четко различила перед собой человеческое лицо и снова закричала в ужасе. Сейчас я будто бы смотрелась в зеркало... Ведь это была я сама!

Мне отчаянно хотелось проснуться, избавиться от навяздения, оказаться среди привычных вещей прежнего мира. Я только и смогла выдохнуть, ворочая непослушным языком:

– Кто ты? Что тебе от меня нужно?

Женщина-фантом с моей внешностью мягко улыбнулась в ответ. Ее голос звучал повсюду, казалось, он исходил прямо из-под земли и спускался с небес, вторя шелесту веток и стуку капель дождя о ладони чашеобразных листьев:

– Я хочу жить среди вас. Мне наскучили гимны и ароматы сожженных смол – я хочу знать любовь плоти. Я голодна и в то же время полна силой, как никогда прежде. Я выбрала тебя и через твое тело снова приду в их мир, но уже не одна. Посмотри-ка сюда... она будет такой же красивой и смелой, как ты, Магрит.

«Мое» лицо на чужом теле в метре от меня исказилось судорогой боли, – я отпрянула назад, запуталась в мокрой траве и повалилась на землю. Раскат грома всколыхнул окрестности. Небо разорвала кривая вспышка молнии и все вокруг мгновенно потемнело. Мне хотелось найти дорогу к дому, позвать на помощь, но я только беспомощно открывала рот, не издавая ни звука.

А потом оглянулась назад... Женщина теперь стояла вровень с огромным деревом, но отчего-то не выглядела устрашающей великаншей. Она вымученно улыбалась и протягивала мне руки, в которых держала что-то запелёнатое в белую ткань или кожуру. И самое жуткое – крохотный сверточек шевелился и даже слабо пищал.

– Возьми мой дар и передай кормисам. А крылатого ты родишь сама. Только позже... гораздо позже... А сейчас иди к тому, кого желает твое сердце. Ночь коротка. Успевай, пока дышат звезды.

Я размазывала по лицу слезы вперемешку с дождевой водой, казалось, небесная чаша опрокинулась на лес и скоро мы все утонем. На мои колени опустились две окровавлен-

ные большие ладони, и я вынуждена была принять непонятный подарок. Потом сознание мое заволокло мутной холодной пеной, и я снова повалилась в траву, крепко прижимая красно-белый кокон к груди.

Новый раскат грома и отчетливый шум ливня за маленькими окошками. Я подскочила на постели и, едва сдерживая дрожь, завернулась в одеяло. У меня зуб на зуб не попадал, никак не могла согреться. И вдруг бедра коснулось что-то теплое и упругое, я сейчас же засунула руки обратно под покрывало и ахнула.

Вот уж не могла бы поверить в то, что рядом со мной окажется настоящее яйцо, похожее на то, что я видела во Чреве Матери. Какое уж тут продолжение сна!

Я выкинула из плетеного ларя все тряпки и торопливо оделась сразу в два балахона, чтобы чувствовать себя более защищенной под несколькими слоями одежды, потом закутала свою необычную находку в платок, обнаруженный среди прочих нарядов, и выглянула в коридор.

Два лысых амбала у моей двери тотчас вытянулись по стойке смирно. Я перевела дыхание, принимая царственный вид, и с превеликим достоинством произнесла:

– Мне нужно увидеть старшего наставника Уно. Проводите меня к нему!

Я честно старалась запомнить маршрут, по которому мы двигались – все вниз, глубоко под землю, где свет давали только редкие факела на стенах. Сопровождающие меня кор-

мисы молчали, и я немного жалела, что рядом не было Наро – так привыкла к его пояснениям. Но в душе была даже рада, мне хотелось сохранить события этой ночи в тайне, чтобы поделиться ею лишь с одним другом, как того требовало мое сердце.

Вступив в округлую пещеру Чрева, я велела воинам оставаться снаружи, а сама уверенно прошла вперед, разглядывая уже немного знакомую обстановку. Уно я здесь не заметила, но не стала громко звать его. Может, он сам услышит мои шаги и появится.

Как здесь спокойно и уютно. Будто и впрямь я сейчас находилась внутри Богини Праматери и надежно защищена от всех бед и опасностей внешнего мира. Именно такое чувство захватило меня полностью, заставило позабыть пугающие сны.

Я развернула яйцо, что принесла с собой, и аккуратно положила его к остальным. Тут ему самое место. Улыбаюсь и ласково поглаживаю соседние яйца. Некоторые кажутся больше и немного темнее. Может быть, они уже готовы переродиться в коконы и потому их скоро унесут в другую залу.

– Ты пришла.

Я повернулась на голос и увидела Уно. Он смотрел на меня своими большими ясными глазами и отчего-то немного хмурился. Разве не рад мне? Тогда я просто спрошу, как дела и уйду, только и всего. От странного предмета, найденного в своей постели я уже благополучно избавилась. Пристроила

прямо по назначению, яйцу лучше всего находиться среди яиц.

Надеюсь, из него выведется хороший наставник или воин... Хотя от девчухи-подружки я бы не отказалась, ноу кормисов не рождаются девочки, вряд ли ради меня боги Инсекты изменят свои законы.

Пока я размышляла, не стоит ли вежливо откланяться и вернуться в свои покои, Уно стремительно подошел ко мне и опустил на колени, обнимая мои ноги. Ну, зачем все это? Да, я что-то к нему чувствую, но для Уно я лишь живое воплощение Первой Матери и сама по сеье ничего не значу. Никто не позволит нам стать парой и уединится хотя бы в этом Чреве.

Такова доля всех Королев – исполняй свой долг и грехи втихаря. Но я ненавижу слово «грех», я в него не верю.

– Ты не можешь заснуть, Магрит? У меня бывает такое, и тогда я поднимаюсь наверх и смотрю на звезды. Хочешь, я их тебе покажу?

Я наклонила голову и уставилась в его словно сияющее лицо, поднятое ко мне.

– Да-а... Кажется, хочу.

Он порывисто встал, бесцеремонно схватил меня за руку и потащил за собой. Мы выбрались из пещеры через низкую дверцу, откуда Уно и появился, а потом немного прошли по широкой галерее, оказавшись перед настоящей шахтой с подъемным механизмом. Я рот разинула от удивления,

не такие уж они дикари, раз придумали лифт в своем «муравейнике».

Впрочем, народы майя и ацтеков тоже были весьма развиты, а современные ученые до сих пор не могут понять, как шло строительство египетских пирамид. А тут, подумаешь, плетеная корзина на просмоленных канатах и простенькие рычаги.

Уно помог мне забраться в примитивную «кабинку» и дернул пару каких-то веревок, одну из которых продолжал крепко сжимать в руках. И наше устройство стало двигаться вверх, вот это аттракцион! Я едва не пищала от восторга, у меня дух захватывало, неужели мы сейчас попадем на крышу, почему же Наро раньше мне об этом не сказал.

Мы стояли друг напротив друга и улыбались, как дети. Уно держал меня за талию свободной рукой, вторая по-прежнему туго натягивала правильный канат. Устройство двигалось почти бесшумно. Словно отвечая на мои мысли, наставник заметил:

– Мы пользуемся подъемником только для перевозки грузов, кормисы не катаются на нем просто так.

– А что мы делаем сейчас? – улыбнулась я.

– Сейчас особенный случай. Мы поднимаемся, чтобы увидеть звезды.

Он сказал это с таким покровительственным видом, что мне немедленно захотелось его поцеловать. Я с трудом могла подавить желание прижаться к нему, обхватить руками силь-

ное, гибкое тело и спрятать лицо на его груди. Он мне нужен.

Так же, как я необходима им всем. Я напряженно вглядываюсь в темноту земляных стен, мимо которых плавно скользит наша корзина и мне становится грустно. Странная грусть-предчувствие, будто что-то исподволь вызревает в моей груди, грозясь стать непомерно большим и раздвинуть пределы своей темницы. Что тогда будет со мной...

И вот мы уже прибыли на место. Уно подхватил меня на руки и перенес из шаткой корзины на твердый пол, интересно, из чего он сделан, похоже на деревянный настил. Я замечаю узкую полоску света, что сочится через щель на потолке – он невысок, можно запросто дотронуться рукой, но своды раздвигаются от моего робкого движения, и я вижу небо.

– Уно, где мы сейчас?

– Это вершина Дома. Крыша КормаксилонаА.

Он произнес эти слова с гордостью, будто речь шла о «крыше мира», впрочем, так оно и было для кормиса.

– Уно, а что означает выражение: «Пока дышат звезды...»

– Я где-то об этом читал, кажется у Чаро или в старых скрижалях Асписа. Ты разве не знаешь, что у каждого из нас есть свои звезды и пока они дышат, мы живы? И нужно чаще смотреть на них и стараться дышать им созвучно. Если поймешь их ритм, то они продлят твои годы. Попробуй, Магрит... Я хочу, чтобы ты жила долго.

Мы сидели на вершине спящего Дома и смотрели в густо-фиалковое небо, казалось, такое теплое и бархатистое на

ощупь. А небо смотрело на нас множеством дышащих глаз, величественно и благосклонно.

Вокруг благоухали джунгли – доисторически глухие, опутанные непролазными сетями лиан. Их заповедные дебри таили немислимые тайны любовных и смертельных поединков. Неподалеку раздался яростный рев раненого чудовища, отвечало же ему хриплое сдавленное рычание умирающего хищника. Похоже, в этой ночной схватке победителя уже не будет.

Опираясь на руку Уно, я выпрямилась во весь рост и окинула взглядом окрестности. Надо мной свисали плоские кожистые листья броксов, в глубине ветвей копошились сонные птицы и обезьянки – не хочу никого будить. Я только попытаюсь дотянуться до своих звезд, чтобы полнее ощутить их дыхание, потому что я должна жить долго. Я здесь нужна.

– Уно, расскажи мне о Первой Матери.

Мужчина встал за моей спиной и обнял, близко прижимая к себе, осторожно обхватывая большими руками. Его лицо прижалось к моим распущенным волосам, а горячий шепот раздавался прямо над ухом:

– Когда-то очень-очень давно среди дикого леса лежала большая красивая женщина. Она была открыта миру и хотела принять мир в себя. Зов ее был услышан, ибо плоть ее уже созрела и готова была взрастить в семена. Тогда с небес спустился крылатый мужчина и соединился с ней во то время, когда над землей бушевала гроза и ливни хлестали лес,

вторя порыву его страсти.

А когда кончился сезон дождей, женщина принесла Первое яйцо, давшее начало Первому кокону. За ним вскоре появились еще три... Из первого вышел Воин, потому что Мать нуждалась в защите. Из второго вышел Добытчик, ведь Мать нужно было кормить. Третьим явился Строитель – Матери нужно убежище. А четвертым Наставник, для того, чтобы опекать новых детей.

Так возник Совет четырех кормисов. И была провозглашена первая повелительница. А домом ей был выбран окаменевший ствол дерева Корма, твердый и крепкий снаружи, но податливо мягкий внутри для выжигания ходов и лазов, для устройства спален и кладовых – истинный Кормаксилон.

Крылатый мужчина убедился, что возлюбленная будет в безопасности и покинул ее. Он вернулся на небо, потому что Крылатые не могут оставаться на земле долго. Женщина это поняла и не держала обид. Она растворилась в детях. А дети запечатлели своих создателей на стене в Архиве. Ты там еще не была?

– Что? Архив... Нет...

– Ты меня слушала? Или думала о своем?

Я улыбалась, различая явные нотки раздражения в его голосе. Разве так можно разговаривать с Королевой? Непостижимая личность! Недавно стоял передо мной на коленях, а сейчас почти грубит. Я змейкой вывернулась в его руках и теперь мы оказались лицом к лицу тесно прижатые друг к

другу.

– Уно, спасибо тебе!

– За что же?

– За то, что показал мне весь этот Рай под звездами.

– А что такое Рай?

– Это... – я рассеянно водила пальцами по выдающимся косточкам его ключицам, пытаюсь собраться с мыслями, – это такое место, где много ярких цветов среди буйной зелени и гроздьях водопадов, на струях которых в жаркий полдень играет радуга. Туда после гибели тела отправляются души людей, которые хорошо вели себя при жизни: не ели на ужин своих любовниц, не предавали друзей, не бросали детей.

Я больше не могла говорить. Я задыхалась. Внезапно я ощутила себя такой одинокой и маленькой здесь, будто это порозовевшее на востоке небо всего лишь свод огромной пещеры с нарисованными кляксами звезд. И нет ничего выше. Мы все здесь одни. И я больше не Маргарита Созинова. И даже не Королева Магрит. Я – никто. То самое Никто, что способно при желании стать Всем. Но я ничего не хочу. Или все-таки...

– Спаси меня! Мне страшно сейчас, кажется, я скоро умру. Уно, что такое со мной?

– Не бойся. Все хорошо. Ты просто научилась дышать вместе со своими звездами. К этому не сразу привыкаешь, но уже не захочешь иначе. Я понял давно. Но никому не мог рассказать. Только тебе.

– И что делать теперь?

Я умоляюще заглядывала ему в глаза, я ничего не понимала, меня начала бить нервная дрожь, да когда же наступит утро, ночь длится целую вечность, я больше не выдержу...

– Надо спуститься вниз. Я отведу тебя в мою комнату. Поставлю на свою кровать и покажу любимые записи. Все твои страхи сразу рассеются, вот увидишь. У меня остался от ужина кусочек вяленой рыбы, я тебя угощу, а еще припрятан мешочек с арсалисом – это сушеные ягодки с крохотной косточкой внутри. Они красные, как твои губы после моих поцелуев.

Мы тихо смеялись, и звездные чары таяли вместе с темной. Я обхватила шею Уно, и он поднял меня на руки, чтобы отнести обратно в корзину. Но и там не позволил мне стоять самой, продолжая держать на груди, пока сам закреплял веревку. А я водила полуоткрытыми губами по изгибу его шеи, там, где она соединяется с плечом и слышала, как в ответ ускоряет бег его сердце.

Потом мы оказались в комнатке рядом со Чревом, и Уно опустил меня на свою жесткую кровать, и вытащил из холщового мешочка горсточку сморщенных ягодных шариков. Даже не спрашивая позволения, он засунул парочку из них мне в рот, приказав тщательно разжевать, чтобы почувствовать сладость. От сушеной рыбы я отказалась, но сделала пару глотков напитка, по вкусу напоминавшего минеральную воду без газа.

– А ты был прав. Лучший способ избежать небесного плена, – это спуститься ближе к земле. Она здорово избавляет от всяких заумных мыслей.

– Да, да! – закивал он, соглашаясь. – Чаро тоже так говорил, потому сам таскал бревна и копал землю, хотя мог просто писать. Он был первым зрителем Архива. Давней королеве понравились его «Поцелуи небес», и она позволила ему заниматься только составлением текстов. Но по мне так эта работа не легче строительства или охоты. Иногда нужное слово ищешь целый день, проливая пот и горестно вздыхая.

– Согласна.

Мы смеялись, как дети, но я чувствовала в себе знакомый прилив желания и не хотела бороться с ним.

– Уно... ложись со мной.

Его глаза широко раскрылись, а щеки стали пунцовыми. Он потянулся ко мне, но я уперлась рукой ему в грудь, давая понять, что хочу находиться сверху.

– Сними повязку.

Теперь он лежал передо мной обнаженным, а я сидела на его вытянутой ноге, приподняв края своей несуразной хламиды, от изящного плетеного пояска я тоже избавилась, а белья мне здесь и не полагалось.

– Ты мокрая... – хрипло проговорил он.

– Да, я готова тебя принять. Но не хочу спешить.

– Скажи мне...

– Тс-с... Я все знаю сама. И все сделаю сама в этот раз.

Ну, хотя бы начну.

– Магрит...

– Тише. Не расплескай звездное молоко. Ты полон им до краев и я желаю, чтобы оно все досталось лишь мне одной.

Я стащила через голову свой полотняный мешок и бросила его на кусок старой шкуры у постели.

– Скажи, я красива?

– О, да...

Он тяжело дышал и улыбался открытым ртом, протягивая ко мне руки. И я наклонилась, позволив моей груди лечь в его расслабленные ладони, а потом опустила на него всем телом, чувствуя, как к животу прижимается напряженный пенис. Какое-то время я медленно ворочалась на нем, дразня и распаяя, а потом подняла голову и скользнула языком по нижней губе Уно.

Теперь его руки обхватили мои ягодицы и ласково сжали их, но я продолжала играть с его губами и языком, еле сдерживаясь самой, чтобы просто не раскрыться для него, впуская в себя упругую плоть. Я очень хотела ощутить его движение в глубине моего тела.

– Подобная Солнцу и Луне... белее цветов озерной кафры... мягче пуха новорожденного луури... единственная для меня...

Смеясь, я целовала его плечи и грудь, потому что хотела узнать его губами, глазами и пальцами. Изогнувшись лозой, я спустилась к смуглому животу в плотной броне развитых

мышц, я целовала его и там, а потом лизнула подрагивающую у моего лица головку пениса и услышала удивленный возглас Уно.

– Что ты делаешь? Разве я это заслужил?

– Я так хочу.

Он приподнял бедра навстречу, и я взяла его пенис глубоко в рот, торопливо и жадно, потом позволила ему выбрать-ся и снова толкнуться внутрь.

– Ма-гри-и-ит!

Я упиралась одно рукой в его бедро, а второй осторожно сжимала мошонку, перекатывая яички внутри, – он порывисто вздрагивал и всхлипывал, едва я усиливала или замедляла темп. Его «ствол» был такой плотный, гладкий и скользкий у меня во рту, что одни эти ощущения доставляли мне не с чем ни сравнимое удовольствие. Но мое тело искало другой ласки.

Я откинула волосы, липнувшие ко лбу, и села на него сверху, принимаясь ритмично подниматься и опускаться, одновременно крепко сжимая его внутри. Уно вскрикивал, то широко открывая глаза, то откидываясь назад, и жмурясь. Я ликовала и гордилась собой. Сейчас он для меня повелитель, и я буду заботиться лишь о его восторгах. Когда он излился, приподнявшись и до боли стискивая мои бедра, наши глаза встретились.

– Ослепительная Магрит!

Сидя на его постели, мы все еще составляя одно целое, не

в силах разъединиться. Мне было хорошо, а потом он заговорил...

– Ты не получила удовольствия. Ты подарила радость мне и не успела сама. Я хочу еще послужить тебе, но я не смогу сразу. Хочешь, я позову того, кто поможет?

И тогда я ударила его по лицу раскрытой ладонью. Во-все не сильно, но, возможно, обидно. Я не хотела причинять боль, но слушать дальше было невыносимо, так же как и смотреть в его невинные, огорченные глаза.

– Я сделал что-то не так? Ты сердишься, но я не пойму в чем моя вина. Я давно знаю, ты хочешь от меня нового, и чтобы я угадал сам, верно?

– Прости. Это трудно объяснить в двух словах.

– Но мы не торопимся. Ты можешь ударить еще и гораздо сильнее. У тебя маленькая ручка, я даже ничего не почувствовал.

«Зато почувствовала я...»

Он тихо засмеялся, будто прочитав мои мысли, и мне пришлось натянуто улыбнуться. Прощание вышло скомканным, я притворилась уставшей и сбежала в свои покои.

А к полудню следующего дня, Наро разбудил меня великолепной новостью:

– У десятерых юношей проявились новые метки. Теперь в Доме еще пять наставников, три добытчика и два воина. А во Чреве Матери прибавилось яиц, и несколько из них заметно отличаются от остальных.

Наверно, это будут особенные собратья. Кормаксилон празднует свое возрождение и чувствует Благословенную Маргрит.

Глава 16

Королева умеет все

Магрит

Спросонья на меня напала несусветная лень. Какой там еще обед? Разве уже время обеда? Хорошо – хорошо, я уже встаю, не ворчите на вашу бесценную королеву.

– Наро, ну, что ты делаешь?

– Если госпожа позволит, я сам заплету волосы.

– Как всегда...

– Но сначала их надо тщательно расчесать.

Я прикрыла глаза и приготовилась к неземному блаженству. Наро очень ловко стал расчесывать мои спутанные локоны, словно это было любимым его занятием помимо рисования и сортировки запасов. Деревянный гребень несколько раз пробежал от макушки до кончиков волос, заставляя меня сладко постанывать.

Потом руки Наро скользнули по моей шее к затылку и стали нежно касаться головы, разбирая прядь за прядью. Его чуткие, прохладные пальцы легонько задевали мои уши, подхватывали локоны с висков и со лба, будто невзначай касались чувствительной кожи. Я благодарно сопела и улыбалась.

Затем Наро разделил мои волосы на две части, создавая четкий пробор посередине, сделал два тугих жгута, переплел их в один в крупный узел чуть ниже макушки, свернул спиралью и закрепил, воткнув в густую «копну» две заостренные палочки с блестящими шариками на концах.

– Ну, вот и все... Как ты прекрасна, Магрит!

– Наверно, я похожа на японскую гейшу, если бы глаза сузить и лицо набелить...

– Зачем набелить лицо? – удивился он.

– Милый Наро, я просто шучу, ты все равно не поймешь.

Не удержавшись, я обняла друга и поцеловала в щеку, а потом спрыгнула с ложа и подбежала к зеркалу, чтобы изучить свой сегодняшний образ. Никогда бы не думала, что мужчина вроде Наро может сделать нечто подобное с моими непослушными кудрями.

– Спасибо, – сказала я голосом, чуть дрогнувшим от волнения, – королева довольна.

Старший добытчик церемонно поклонился.

– Вчера ты говорила, что хочешь осмотреть кладовые. У нас с утра приготовлено много вкусных вещей и я не знал, что именно ты захочешь попробовать.

– Ура! Мы идем на кухню! Я голодна как стая волков.

– Волки – это мелкие или крупные твари? – уточнил любопытный Наро.

– Похожи на собак. Брр... У них острые клыки и когти, они догоняют добычу и рвут на части.

– Как ларпусы?

Я на секунду задумалась, но спорить не стала. Ларпусы так ларпусы, век бы их не видать. Невольно поежилась от воды для умываний, и Наро забеспокоился.

– После дождя здесь стало свежо, тебя нужно скорее напоить горячим ишу.

– Да, было бы неплохо... Надеюсь, в его составе нет каких-нибудь личинок? – подозрительно спросила я.

– Только травы и ягоды.

– Так дайте же мне скорее глоточек ишу! А оно сладенькое? – облизнулась я.

Заслышав в моем голосе надежду, Наро сначала сделал строгое лицо, а потом засмеялся, поправляя на мне новое платье.

– Ты любишь все сладкое, я знаю. Скажу растопить в ишу смолу литарры, тебе понравится, моя плейпи.

– Кто-кто я? Ты сказал «бейби»?

– Нет! Плейпи... Милые, летающие создания, любят цветочный сок и душистые плоды, треснувшие от своей спелости.

– Ммм... тогда я точно плейпи! Только лохматая, толстая и не умею летать.

Мне было спокойно с Наро. Я знала, что он не станет приставать без позволения. Общаясь с ним я поняла, что меня здесь никто не обидит, ни веселый гигант Кадо, ни угрюмый Мано, ни задумчивый Уно. Что-то теплое поднимается в ду-

ше при воспоминании о прошлой ночи. И капелька горечи падает на самое дно. Видимо, без горчинки не создать достоверный вкус любви.

Наро привел меня в большую светлую залу, где в центре располагалось круглое возвышение, похожее на стол, только создано оно было цельным изваянием из того же материала, что и стены. Возможно, серый известняк.

Меня усадили в маленькое креслице возле стола, поспешно набросив на него груботканую скатерть. Я не успела даже разглядеть и потрогать материал – мне сразу же выдали большую миску, из которой валил пар. Мясной бульон? Что ж, попробуем.

Я вертела в руках деревянный черпачок и глазела по сторонам. Стены просторной комнаты представляли собой полки с самой разной глиняной и деревянной посудой. Тут были большие пиалы и маленькие мисочки, вымытые и аккуратно сложенные одна в другую, также резные кубки для особых напитков и чаши попроще, черпаки от мала до велика, внушительные ножи и простенькие терки.

Рядом находилась приставная деревянная лесенка, ее, видимо, использовали, чтобы достать до верхней полки. Но человеку с моим ростом она бы явно не помогла.

А еще на меня смотрело по меньшей мере четыре пары внимательных глаз. Поварами здесь были крепкие мужчины без намека на какую-либо растительность на теле. Один из них размешивал в большой кружке аппетитное варево, а по-

том передал напиток Наро, почтительно кивнув мне.

– Выпей, Магрит, – попросил Главный добытчик, ставя кружку перед моим носом. – Это вкусно, и ты сразу согреешься.

Я не спорила. Наверно, это и есть их загадочный ишу. Мне нравился запах. Он напоминал тонкий аромат растопленного меда, а на вкус оказался словно терпкий зеленый чай, только тягучий, густой, как ликер. Теплая жидкость быстро растекалась внутри меня, действительно бодря и насыщая. Наро присел на корточки перед столом и взял в ладони мою голую ступню, освобождая от туфельки, искусно сплетенной из мягких полосочек кожи.

– Согрелась! – во всеуслышание сообщил Наро, целуя мои пальчики, а мне вдруг стало не по себе.

Все-таки в этом есть какое-то извращение и абсурд. За что они меня обожают? Вроде бы, все понимаю, но не могу привыкнуть, да и не хочу. Странная мысль завертелась в голове, а если Уно согласится сбежать со мной?

Даже страшно подходить к нему с таким предложением, вдруг сразу расскажет другим членам Совета. Еще одного предательства я не переживу. А значит, не стоит и думать о побеге вдвоем. Уно ни за что не бросит Кормаксилон ради меня. И разве мы сможем выжить одни в этих дебрях... Нет, надо отбросить рискованную затею. Некуда нам бежать.

– Магрит, ты чем-то огорчена? Тебе не понравился ишу? Недостаточно сладок?

– Все замечательно, я просто... просто вспомнила свой прежний дом. Тот, где я родилась и провела детство.

На лице Наро появилось прежнее благодушное выражение. Но он не задал мне больше ни единого вопроса. Похоже, кормисам не было дела до моего прошлого. Они живут только своими заботами и своей историей, а я интересна им лишь как часть традиций.

До меня донеслись облегченные вздохи. Я только теперь поняла, как сильно переживали кормисы, что их старанья не оценит королева. Местные повара даже бросили отжимать какую-то траву на длинном разделочном столе у противоположной стены. Чувствуя себя виноватой, я уткнулась носом в кружку, продолжая украдкой поглядывать по сторонам.

Недалеко от моего стола располагались ниши, в которых горел огонь. На его жаркой рыжей плоти грелись большие чаны с похлебкой или кашей. Вернувшись к своим делам, дюжие кухари вновь стали что-то нарезать на разделочных столах и помешивать в чанах, добавляя в варево содержимое разных корзиночек и мешочков.

Все это здорово походило на опыты в средневековой химической лаборатории. Симпатичные парни, все как на подбор – атлеты, ловко нарезали коренья и разноцветные плоды, рубили мясо и бросали в чан вымытые клубни или грибы. Кадр из фантастического фильма.

Наконец передо мной разложили кусочки вареной рыбы и еще что-то длинное, непонятное... подозрительное.

– Это змея?

– Нет, что ты! Всего лишь сальпа – жирный земляной червь, – ответил Наро, немного растерянно поглядывая на мою реакцию.

Час от часу не легче! Как бы мне не хотелось обижать ребят, но я не смогла откусить и кусочка от багровой "кишки на плоском блюде. Да, верю я, верю, что у нее великолепный вкус... и листочки зелени смотрятся гармонично с этой красной штукой.

Я лучше рыбу поем и аналог жареного картофеля. И орехи, пожалуй, попробую, и рассыпчатые козинаки. Торопливо утолив голод, я поняла, что жажду бурной деятельности.

– Ребята, чем вам помочь? Я тоже хочу принять участие в приготовлении пищи.

– Зачем? – удивился Наро. – У тебя нежные руки, тонкие пальцы, не твое это дело. Прости, Магрит, еще я думаю, ты не справишься.

– Но тогда мне бы хотелось чему-то поучиться у ваших мастеров, – настаивала я. – Внести свой вклад в приготовление пищи, так сказать, разве я не стану есть вместе со всеми?

– Для тебя мы готовим отдельно, чтобы было не только вкусно, но и красиво. Сытное грубое варево в котлах только для простых кормисов.

– Но я бы тоже хотела участвовать...

– Королеве скучно?

Эх! Я уже успела понять, что мне вежливо отказывают.

Да-да, некоторые великие повара считали, что женщине не место на профессиональной кухне. Неужели так думают и эти лесные ребята? Ну и снобы! Они, безусловно, высокого мнения о себе и своих талантах, даже кулинарных.

Спорить не хочу, я сыта, мое любопытство удовлетворено и сейчас я не против прогуляться на свежем воздухе. Идею тут же подхватил Наро, и вскоре мы выбрались на поверхность дома, чтобы лично посмотреть, как завершается надстройка южной стены ограды.

Я сдержанно поздоровалась с Мано, стараясь, впрочем, не замечать жадного блеска его темных глаз. Мне стало немного не по себе, когда я представила, что мне надо будет одаривать «милостью» и его. Когда-нибудь... Уж лучше бы на его месте оказался хорошенький молодой кормис, вроде того «стриптизера», который мне прислуживал. С ним бы я смогла поладить, просто разрешив прикасаться к своим ногам, например, и не более того. А, кстати, надо бы узнать, где Аро сейчас...

– Королева! – раздался знакомый юношеский голос откуда-то сверху.

Я резко обернулась, узнавая красавчика, что прежде входил в мою свиту.

– Привет, Аро! А я по тебе скучала, приятель! Как твои дела?

И ведь я совсем чуть-чуть покривила душой, но парнишка, кажется, этого не заметил и расцвел, польщенный внима-

нием. Теперь он радостно махал мне рукой, стоя на некоем подобии строительных лесов возле очищенной от подгнивших бревен части стены.

Я улыбнулась и ответила ему тем же, и тогда он подпрыгнул, подхватив одну из лиан и, подобно мартышке, забрался выше лишь для того, чтобы сорвать большой алый цветок, свисающий с ближайшей ветки.

– Он старается ради тебя, Магрит, – проговорил стоявший рядом Наро, снисходительно поглядывая на проделки молодого строителя.

Конечно, я восторженно захлопала в ладоши, от души желая похвалить Аро, который уже спускался с цветком в зубах обратно на свой деревянный помост.

– Слава Королеве! – воскликнул красавчик, хватаясь за столб опоры и посылая мне воздушные поцелуи.

– Стоять! – рявкнул вдруг Мано и бросился от нас к стене, бесцеремонно расталкивая окружающих.

Но Аро его не расслышал, он все так же раскланивался и улыбался, взмахивая цветком, когда вдруг деревянные доски зашатались под его ногами, и юноша стремительно полетел вниз. Все мы с ужасом наблюдали за тем, как строительные леса сложились, будто домик из карточной колоды, оставляя неудачливого строителя погребенным под грудой бревен и жердей.

Помню, я закричала, обернувшись к Наро, и вслед за моим воплем начала рушиться часть прохудившейся стены,

осыпая деревянный завал еще и камнями.

– В сторону! Увести Королеву!

– Нет, я останусь здесь. Я – врач, и знаю, что нужно делать.

Какой-то пожилой кормис решительно схватил меня за руку, чтобы увлечь за собой, но я так огрызнулась, что тот испуганно отшатнулся. Хватит меня таскать туда-сюда, как тряпичную куклу. Мне не пять лет, я уже давно сама стою на ногах и многое умею. Не обращая внимания на увещевания Наро, я двинулась к месту обвала, где уже собралась толпа.

Мано во главе небольшой группы строителей быстро разбирал завал.

– Самоуверенный глупец, – ворчал он себе под нос, быстро откидывая в сторону округлые камни.

Не жалея своих рук, он как настоящий титан мгновенно расчистил подход к Аро и попытался вытащить незадачливого работника из-под досок. Двое кормисов помогли ему, и вскоре раненый юноша оказался на траве подле меня. Но как только они склонились над ним, я спешно воскликнула:

– Подождите! Его нельзя трогать. Сначала я осмотрю.

Мне стало страшно, вдруг мальчик сломал шею или, того хуже, позвоночник? Кормисы грубовато передвинули его и окончательно покалечат.

Опускаясь на колени возле неподвижного Аро, я судорожно вспоминала все, что знаю о травмах – все, что мы проходили в колледже на тему первой помощи пострадавшим. Лицо юноши было изодранно ссадинами от мелких камеш-

ков, а еще одна из досок хорошенько приложилась к виску. Лишь бы он выжил...

Я осторожно стала проверять рефлексy, нажимая на особые точки его тела, заглянула под прикрытые веки и облегченно вздохнула. Жизни Аро, кажется, ничего не угрожало всерьез, но его левая нога была неестественно вывернута в сторону, что походило на вывих или даже перелом.

– Срочно позовите кого-то из наставников! – скомандовал вслух Мано где-то совсем рядом.

– Я здесь, – воскликнул поблизости Уно.

Как же он узнал о случившемся так скоро... И его следующие слова прозвучали будто ответ на мой мысленный вопрос.

– Я услышал крик Королевы и поспешил сюда. Магрит, ты не ранена?

Пару секунд мы просто смотрели друг другу в глаза, а потом я снова опустила голову к Аро. Мне стало немного неловко. Заботиться следует вовсе не обо мне.

Уно понял это и опустился на колени рядом, чтобы вместе со мною продолжить осмотр. Вскоре мы обнаружили, что справа на груди Аро медленно расплываются багровые следы от ушибов, возможно, имеются закрытые переломы ребер. Бедный красавчик! Как же тебе досталось. Я внимательно прислушалась к его тяжелому, чуть свистящему дыханию – ритм не сбивался и это уже хорошо.

Потом я проверила пульс, он был частым, но артерия под

пальцами ощущалась упругим тяжем, значит, давление не упало. Смущало лишь то, что парень был без сознания, хотя реально страшных повреждений я не заметила. В таком случае могут быть внутренние повреждения или имеется сотрясение мозга. Сильнейший болевой шок тоже не следует исключать.

На вывернутую ногу Аро надо было срочно наложить шину, потому я тихо попросила ближайшего кормиса подобрать подходящие доски. О гипсе здесь пока быть не могло, но нести парня в Дом без надежной фиксации голени было не лучшей идеей.

– Он ведь будет жить? – спросила я Уно, хотя, сама подзревала ответ, мне просто хотелось услышать подтверждение моего первичного диагноза.

Старший наставник утвердительно кивнул.

– Он сильно оглушен, но Аро крепкий и справится. Не волнуйся, Магрит.

Тогда я спросила, как они обычно поступают с подобными травмами.

– Нужно поставить ногу на место и хорошо закрепить, – спокойно пояснил Уно и пересел, чтобы оказаться ближе к неестественно повернутой части тела.

У меня сердце сжималось при виде того, как чувствительные пальцы наставника пробежали по телу кормиса, а потом Уно дернул ногу, чуть поворачивая ее в сторону. Аро глухо застонал и открыл глаза.

– Тише, тише, все уже хорошо, – утешала я.

– Я видел только тебя, Королева...

– Знаю, ничего не говори, я сама все знаю.

Мне хотелось ему помочь, и, не сдерживаясь, я коснулась его окровавленного рта, потом щеки, лба и носа.

– Мы позаботимся о тебе, мы будем рядом, ты скоро поправишься.

Сердце мое переполняла жалость и боль, я с трудом сдерживала слезы, увидев рваную рану за его ухом, но нужно было сохранять хладнокровие, чтобы не тревожить его лишней раз.

– Магрит...

Он все силился мне что-то сказать, но будто не хватало воздуха. Взгляд помутнел, и скоро глаза закрылись.

– Аро! Ты мне нужен, слышишь? Не смей умирать!

Мы быстро смастерили подобие шины для его голени, обмотав ногу мягкой тряпкой и привязав к ней обломки двух досок. Также я сама старательно соорудила тугую повязку на его груди и еще раз поцеловала Аро в лоб, как больного ребенка.

– Помни, что я тебя жду.

Метка раненого внезапно наполнилась голубоватым сиянием. Аро глубоко вдохнул, приподнимаясь, насколько ему позволила плотная перевязь на груди, и открыл глаза, уже вполне сознательным взглядом обведя собравшуюся вокруг него толпу.

Я заметила, что теперь все почему-то благоговейно уставились на меня, но я же не сделала ничего особенного, лишь кое-как перевязала и только.

– Ты вдохнула в него жизнь. Теперь я спокоен.

Уно кивнул, словно ставя окончательный вердикт в медицинском осмотре, а я думала с тоской, что милый юноша, возможно, пострадал из-за меня. Он же хотел покрасоваться, вот и полез наверх, а потом не заметил расшатавшихся досок. И я сейчас просто выполнила свой долг, как уж сумела.

– Можно погрузить его на носилки, только осторожно, – попросил Уно, отступая в сторону.

Подошли еще двое наставников и, повинувшись жесту Старшего, унесли Аро внутрь дома.

Я медленно выдохнула, чувствуя прилив внезапной усталости и мучительную жажду. Но, глянув на Мано, заметила кровь также и на его руках.

– Нужно обработать твои ладони, промыть ссадины и тоже перевязать.

– Не стоит... это совсем мелкие порезы – они не заслуживают твоего внимания, – неловко пробормотал Мано, пряча свои разодранные лапищи за спину.

Трагическая сцена, что развернулась перед ним, откровенно поразила его. Вместо того, чтобы уйти, брезгливо морщась при виде чужого изуродованного тела, Королева не только осталась наблюдать за тем, как оказывается помощь заурядному строителю, но и сама утишала боль юноши, про-

являя немалую выдержку и умение.

– Это самая добрая и мудрая Правительница из тех, что были в Кормаксилоне. Наша новая Королева умеет все, – заключил Мано.

Глава 17

Художник и его Муза

Остаток дня Магрит провела у постели Аро, одним лишь присутствием вселяя в него надежду на скорое исцеление.

Добытчик Наро был немало расстроен ее печалью и предложил отвлечься новой прогулкой по большому дому.

– Не вини себя. Мальчик пострадал из-за собственной небрежности, ты подарила ему свою любовь и он непременно встанет на ноги, вот увидишь. А сейчас, если ты, конечно, не очень устала, можем спуститься в Архив. Я давно хочу показать тебе наше хранилище Памяти. Или на сегодня прогулок достаточно и ты просто будешь отдыхать? Решай, Магрит.

– Я пойду. Все равно не смогу уснуть. К тому же я хочу посмотреть на твои рисунки.

– Да-да, я надеялся, что ты вспомнишь и об этом...

Наро подал руку, чтобы королева привычно ухватилась за нее, поднимаясь с постели.

– И давно ты расписываешь стены? – спросила Магрит, спускаясь вниз по крутой лестнице, укрепленной старыми деревянными перильцами.

– Давно, – охотно признался Наро. – Я понял, что готов украшать дом еще до появления метки добытчика. Сперва

я пробовал расписывать глиняную посуду – учился владеть кистью, а потом мне позволили перейти на колонны. Теперь я рисую только в залах. Не потому что я старший кормилец, нет... просто, по мнению собратьев делаю это достаточно хорошо.

– А сам разве сомневаешься?

– Настоящий мир прекраснее моих изображений. Даже ты, Магрит, куда ярче и сочнее, когда живая стоишь передо мной, заставляя сердце биться быстрее.

Королева рассмеялась, польщенная неловкой лестью от пылкой души кормиса. Приближаясь к расписанной стене, она ожидала увидеть что-то вроде рисунков пещерных людей, например, человечков, похожих на палочки, зверей как пятна с глазами, но вскоре замерла в неподдельном восторге.

Перед ней были две вытянутые фигуры, слившиеся в поцелуе. Женщина с длинными темными волосами и белой кожей имела на своем теле причудливые узоры, похожие на переплетение острых лилий, которые украшали мужчин Кормиксолонна. Но ее знаки цвета молочного шоколада скорее походили на кружева. Глаза женщины были закрыты, а руки с длинными пальцами покорно лежали на груди партнера.

Он, несомненно, был истинный кормис, только на его плече вместо уже знакомых Магрит знаков в центре круга была одна точка и больше ничего, а за плечами как у огромной стрекозы, были сложены прозрачные длинные крылья.

– Это тоже нарисовал ты? – спросила Магрит, затаив ды-

хание от изумления.

– Нет, королева! Когда появилось это изображение, возможно, не было даже яйца, из которого я появился. Перед тобой Первая мать Кормаксилона и сам Крылатый Отец.

Наро отступил влево, приподнимая факел повыше, чтобы лучше осветить стену.

– Посмотри правее, я рисовал здесь тебя. Нравится? Только ответь правдиво, я хочу знать.

В голосе Наро звучали легкое волнение и одновременно гордость за свой шедевр». Королева взглянула на женщину, лежавшую под деревом с фруктом в руках и невольно вздрогнула.

– Значит, такой ты меня представляешь?

– Да, повелительница.

По коже Магрит пробежали мурашки. Себя она с трудом узнавала, но цвет глаз и волос, в которые художник любовно вписал блики солнца, а главное, взгляд были ей несомненно знакомы.

И вообще, в портрете ей виделось лишь откровенное обожание.

– А почему я оказалась нарисована рядом с первой Матерью?

– Стена круглого коридора закончилась. Теперь нужно будет расписывать противоположную или перейти на двери, – спокойно сообщил Наро. – Правда, я считаю добрым знаком, что это произошло именно с твоим изображением, почтен-

ная Магрит.

Окончательно смутившись, она скользнула взглядом дальше и увидела еще одну королеву. Она сидела на руках двух дюжих кормисов, у пояса которых висели изогнутые мечи. У нее были большие зеленые глаза и темные волосы, украшенные сверкающей диадемой.

Еще один кормис на картине подносил Зеленоглазой блюдо с фруктами, а другой чашу с драгоценностями. А чуть поотдаль на камне сидел парнишка – флейтист с грустными влюбленными глазами.

У Магрит больно сжалось сердце от того, насколько точно было прорисовано лицо молодого исполнителя.

– Это ваша прежняя королева? – спросила она, глядя на мальчика, в чьем взоре ясно читались немое восхищение и тоска. – Я слышала, ее называли Камрит.

– Камрит Капризная, – натянуто пробормотал Наро.

– Она была лучше меня? Раз уж изображена в окружении стольких мужчин, то, наверно, была очень благосклонной. Ее, наверняка, все любили...

– Она действительно была благосклонной, – честно признался Наро, улыбаясь уголками губ, и после краткой паузы продолжил:

– Камрит всегда уделяла внимание не одному лишь кормису за день, да и ночью часто выбирала сразу нескольких для любви. Только сравнение ни к чему – ты лучше нее.

Магрит быстро обернулась на собеседника:

– Почему же я лучше?

– На церемонии мы получили от тебя куда больше сил, чем рассчитывали. Нам хватило на восстановление и на полноценную жизнь. Сама взгляни, метки на твоём плече ещё не начали тускнеть. А Камрит хотя и часто была с нашими мужчинами, но обычно смеялась над нами, она презирала нас и боялась одновременно, она...

Наро хотел было уже сказать правду, что бывшая Хозяйка просто бросила их, сбежав с жалким рабом, но не решился.

– ... она была другая. Улыбалась змеиной улыбкой и держала камень в груди, а твои глаза не скрывают слезы. Вот и сейчас у тебя на лице соленая вода. Мне грустно это видеть, Магрит. Позволь мне ласкать тебя. Я не сделаю ничего, что ты не захочешь.

* * *

Магрит

Я вовсе не хотела плакать, для этого нет серьезных причин. Очевидно, та женщина была первой королевой для Уно, и он никогда её не забудет. Волоокая Камрит явилась причиной сильного чувства нежности и привязанности, а также душевной боли. Как такое изгнать из памяти? Зачем?

Некоторые люди и в нашем мире любят перебирать воспоминания, тревожить затянувшиеся раны, чтобы заново пе-

реживать прошлые эмоции обиды, гнева, страха, радости и разбитой надежды.

Разве я сама не так поступаю? Нет. Я бережно укладываю ветошь старых чувств на дно сундука с надписью «прошлое», навешиваю замок покрепче и смело шагаю вперед. Так откуда же соленая вода на моем лице...

– Позволь мне показать, как сильно я предан тебе, Маргрит! Поверь, я буду осторожен.

Я смотрела на мужчину, чье лицо казалось совсем темным в свете факела над головой, и не могла понять, что он хочет от меня сейчас. В его глазах тоже плясали огоньки-отражения соседнего светильника. Наро коснулся ладонью моей щеки и вдруг второй рукой властно притянул меня за талию, заставляя прижаться к его груди.

Это порывистое движение вызвало во мне гамму противоречивых ощущений. Я хотела возмутиться и даже оттолкнуть кормиса, но тело откровенно заявляло, что ждет продолжения. А что, если позволить Наро ласкать меня прямо здесь и сейчас?

Что, если дойти до конца своего морального падения, отключить ум, стоящий на страже каких-то невнятных принципов и радостно праздновать все желания плоти, всецело отдаваясь удовольствиям, которые пусть не так разнообразны, зато вполне естественны и послужат всеобщей пользе?

Симпатичный мужчина желает меня ласкать, и я тоже этого хочу. Так зачем же себе отказывать? Долой слезы и рев-

ность, на которую я не имею права. Да здравствует благосклонная и щедрая правительница Магрит!

Наро заключает меня в объятия, его большие жесткие ладони уверенно оглаживают мою спину, а полные губы шепчут у самого уха:

– Забудь ту, что была до тебя, забудь и себя прежнюю. Ничего нет. Только твоя нынешняя сила и красота. И наша любовь.

Его последнее слово заставило меня вздрогнуть, но я только сильнее втиснулась в твердую грудь мужчины:

– Я хочу забыть, многое хочу забыть... Помоги!

Закрыв глаза, я наслаждалась его прикосновениями, а они становились все более настойчивыми и требующими. Руки Наро теперь опустились до моих ягодиц и стали сжимать их сквозь тонкую ткань то с робкой осторожностью, то вызывающе дерзко. А я становилась все более влажной и доступной.

– Может, ты хочешь подняться наверх?

Едва осознав тихий вопрос, я отрицательно качнула головой:

– Здесь! Люби меня здесь и не бойся быть грубым. Заставь меня подчиниться. Я так хочу.

Наро издал довольный гортанный возглас, будто давно ожидал моего разрешения и немедленно собирался воплотить в жизнь все потаенные грезы, связанные со мной. Для этого он развернул меня к стене и заставил упереться в нее руками. На мгновение приоткрыв глаза, я снова заметила ри-

сунок мальчишки с флейтой. Такой трогательный и невинный.

Меня охватили досада и злость.

– Наро, быстрее! Грубо... Я хочу грубо и больно. Не сдерживайся.

Я чуть не пожалела о своей просьбе, когда ощутила, как сильные пальцы задирают подол моего одеяния до самой шеи, заставляя трепетать и вздрагивать. Я прикусила нижнюю губу и прижалась виском к прохладной стене у самых ног нарисованной Камрит. Теперь мы с юным Уно «смотрели» друг на друга в упор и это сводило меня с ума.

– Наро, быстрее, прошу тебя!

Он пренебрежительно скривился. Ему вручили спелый фрукт и просили выдавить сок за пару движений. Другого толкования королевским указанием он не мог подобрать, однако спорить не хотел, к тому же был достаточно опытен, чтобы найти для себя ответ.

– Если госпожа передумает, то сможет меня остановить.

Я зажмурилась, чувствуя, как он вжимает меня в стену, наклонив так, как было удобно ему и резко проникает в мое тело, но не на всю длину своего могучего пениса, а только, чтобы слегка приоткрыть влажные розовые створки.

Краткая боль граничила с удовольствием, и я нетерпеливо задвигала бедрами, умоляя о большем. Но Наро был беспощаден – он освободил свое напряженное орудие и стал скользить им между моих ягодиц, помогая себе рукой, то прони-

кая в мою дрожащую дырочку, то выбираясь наружу, срывая с моих губ стоны разочарования.

– Прекрати играть! Просто возьми меня, войди глубоко, как ты можешь... Наро...

И вот когда, не сдерживая довольный смешок, мучитель все же исполнил королевскую волю, я уже истекала соком и громко всхлипывала. А потом сама начала круто вертеть задом, насаживаясь на его большой упругий член так, как считала нужным.

Я вскрикивала и мычала от нарастающего блаженства. Мне хотелось принимать мужскую плоть еще и еще, пусть наши откровенные стоны слышит каждая тварь Гиблого леса.

"Только держи меня крепче, только сильнее люби меня – ты, чье лицо я сейчас не вижу за спиной и ты – что смотришь на меня со стены невидящими печальными очами.

Боль и неистовая похоть – я предаюсь вам с полным осознанием того, что творю, и мне нравится предвкушать новые восторги, ожидающие впереди, стоит лишь поманить пальцем. Наконец-то, я поняла свое истинное предназначение.

Я – святая шлюха Магрит!

Королева и рабыня Кормаксилона.

Зачарованная пленница таинственной Инсектерры.

И я не буду больше роптать на судьбу. Это все равно ничего не изменит.

Надо двигаться дальше в своем русле.

Глава 18

Сезон удовольствий

Магрит пылала незримой, но весьма ощутимой силой. Недаром метка Наро горячо пульсировала на плече. Он безумно желал свою королеву, хотя все еще считал, что происходит что-то не совсем ей нужное и приятное. Однако все сомнения исчезли, когда Магрит начала двигаться в одном ритме с ним, издавая возгласы откровенного одобрения.

То ли дело было в удобном положении, то ли Наро действовал именно так, как хотелось бы ей в данный момент... Он погружался в нее осторожно и плавно, постепенно проникая все глубже, по-хозяйски осваивая тайники нежного тела. Услышав, как она сладко вскрикнула, Наро окончательно осмелел и начал двигаться быстро, направляя ее бедра так, как считал нужным.

Понимая, что скоро изольется в щедро раскрытое лоно, кормис замедлился, желая растянуть сладкое мгновение насколько возможно. Метка сияла, а голова кружилась, но расставаться с королевой так быстро он не хотел.

– Продолжай, – всхлипнула Магрит, боясь открыть глаза и снова увидеть перед собой мальчика, играющего на флейте перед жеманной красоткой, и Наро с готовностью выполнил ее пожелание.

Тогда ей казалось, что чувство наполненности внизу живота вполне сможет заменить пустоту и ноющую боль в груди. Магрит благодарно поцеловала смуглое плечо кормиса и тот облегченно выдохнул. Похоже, непостижимая королева на сей раз осталась довольна.

А во Чреве Матери от легкого жжения и тепла в собственной метке проснулся наставник Уно. Молодой кормис сдернул с плеча повязку и удивился тому, что отличительный знак мерцал, переливаясь голубым сиянием. Волны силы прокатывались по нему с каждым вдохом.

Уно задумчиво потер свою метку пальцами, ощупывая старые шрамы, сейчас они выглядели куда бледнее, чем обычно и словно немного разгладились. Сердце замерло от предчувствия скорого праздника, на который он еще даже может успеть.

А в последующие дни подтвердили его смутные ожидания. Королева изменилась. Это заметили и обсудили все члены Совета. Выражение ее лица, прежде печальное и отрешенное, стало умиротворенным. С ночи в Архиве Магрит часто улыбалась и много говорила.

Она просыпалась рано, некоторое время валялась в постели, невинно кокетничая с Гаро или другими юными помощниками, потом быстро накидывала простую одежду, велела собирать свои длинные волосы в узел, чтобы не мешали, и начинала носиться по дому.

Она заглядывала то в залу для приготовления пищи, то в

кладовые, или просиживала весь вечер в кладовой. И тогда Наро уже спящей приносил ее в постель, а потом сам ложился рядом, не в силах расстаться с обожаемой хозяйкой и долго еще расплетал ее замысловатую прическу, целуя каждую отдельную прядку.

Строитель Мано, конечно, страдал. Но Магрит много внимания уделяла выздоравливающему Аро, болтала у его постели, держала за руку счастливого парня, целовала в лоб, в губы и шею. Пела ему песни... Порой Мано искренне жалел, что не его самого вытащили из-под завалов у стены, возможно, сейчас он мог бы наслаждаться ее лаской.

Хотя ей нравятся мальчишки, всем уже ясно. Правда, сейчас она избегает Уно, зовет его только днем и никогда не оставляет на ночь. И вообще, никого не оставляет, но ее любви чудесным образом хватает на всех. Поистине, удивительная Королева. Ни одна прежде не была так любопытна и деятельна, как Магрит Благословенная.

Кормаксилон ликовал.

Новая правительница хотела знать о Колонии как можно больше. Его устои и традиции, его историю, которая, как оказалось, насчитывает уже много веков. Но годы в Инсекте тянулись однообразно, сезоны дождей сменялись периодами засухи, облетали кожистые листья броксов и лопались новые почки, являя миру бледно-зеленые молодые побеги.

Желтел тамарикс, и расцветала благоуханная питайя, а законы Дома оставались неизменны, ровно как и сам быт древ-

ней, но не слишком развитой цивилизации кормисов.

Пусть Кормаксилона освещался смолистыми факелами, и строительство здесь шло при помощи простейших устройств вроде рычагов и системы круглых маховиков, не говоря уже о кирке и лопате, но большой дом имел свой надежный водопровод и отличную систему канализации. Магрит даже не пришлось пользоваться ночным горшком, когда услужливые парни показали королевскую уборную с настоящим смывом.

Стены этой комнаты были расписаны изображениями водных растений, что тотчас напомнили ей лилии и кувшинки. А некоторые рисунки указывали на несомненное сходство фауны Инсектерры с миром, где родилась королева.

Первое время Магрит нарочно задерживалась в небольшом помещении, чтобы как следует рассмотреть изящных стрекоз на листьях водокраса или в который раз удивиться точности, с которой неведомый художник прорисовал мельчайшие узоры на крыльях бабочек. Здесь их, кажется, называли плейпи.

Магрит попросила у Наро кусок листа для записей и специальную «пачкающую» жидкость, а дело в том, что королева лично хотела оформить перечень услышанных ею новых слов, обозначающих наиболее распространенных обитателей Гиблого леса.

Зубастые ларпусы и грациозные вайши, хрупкие крылатые плейпи, мощные дедулы и пронырливые пикары...

Однако вскоре ей потребовались серьезные консультации

Добытчика. Магрит откровенно путала разумных существ и тварей, живущих лишь первобытными инстинктами, хотя в Инсектерре было трудно провести между ними четкую грань. Сознание было щедро разлито в природе этого мира, пульсировало в гуще листвы, клубилось туманами в долинах.

Так в одну из прогулок неподалеку от Зеленой стены королева стала свидетельницей уникального и редкого явления – брачного танца четы опринов. В подобные моменты эти темнокожие обитатели Гиблого леса бывают особенно уязвимы, поскольку не замечают ничего вокруг, занятые лишь друг другом. Оттого и прячутся как можно дальше от любопытных глаз.

Видимо, одна смелая пара несколько пренебрегла полным уединением и была так уверена в безопасности, что решила провести свадебный ритуал поблизости от Кормаксилона.

Затаив дыхание, Магрит и ее спутники наблюдали за тем, как высокий, жилистый мужчина, созданный будто из одних равномерно развитых мускулов, впрочем, скорее худощавый, чем крупный, грациозно двигался рядом с обнаженной женщиной, не в пример ему маленькой, но такой же стройной.

Казалось, жировая прослойка полностью отсутствовала на их плоти. Сейчас темнокожая пара была полностью увлечена танцем, и джунгли вокруг перестали для нее существовать.

Гибкое гладкое тело мужчины лоснилось, словно смазанное жиром. Черные миндали лопаток сходились вместе, ко-

гда он запрокидывал горло вверх, откидывая назад напряженные струны рук. При этом мужчина широко открывал рот, из которого не вылетало ни звука. Песнь любви слышало только сердце избранницы.

Природа порой отличается милосердием. Если бы оприны привлекали к себе внимание еще и воплями, то, безусловно, стали бы легкой добычей дневных хищников, что не столь щепетильны в отношении влюбленной парочки, пожелавшей скрепить союз неистовым танцем посреди крохотной поляны в чаще леса.

Женщина тоже двигалась стремительно, но грациозно, словно лоза оплетая партнера собой, подчиняясь лишь им одним ведомому ритму, созвучному биению их сердец. Однако тела любящей пары полностью не соприкасались, хотя многие элементы танца имитировали интимный акт соития. Возможно, он был запланирован как кульминация танца...

И вот самка обхватила скрещенными кистями шею своего избранника и запрыгнула ему на талию, крепко сжимая бедрами, как опытная наездница.

Магрит широко распахнула глаза, вздрогнула и невольно ухватилась за руку Кадо – сегодня именно ему выпала честь сопровождать королеву вместо Наро. Воин расценил жест, как испуг той, которую он обязан защищать е ценой своей жизни.

– Не бойся, Благословенная! Они сейчас не опасны, хотя в Инсектерре не много воинов, способных одолеть взрослого

оприна в честном бою.

– Я не боюсь. Они великолепы!

Убедившись, что королева дрожит не от страха, а скорее впечатлена открывшимся перед ее взором танцем любви, Кадо решил воспользоваться ситуацией и обернуть ее в свою пользу. В голосе воина отчетливо слышались голодные нетерпеливые нотки, что вполне отвечало его страстной, порывистой натуре:

– Моя обожаемая госпожа! Позволь ночью навестить твою спальню. Я хочу служить тебе так же горячо и преданно, как этот оприн дарит радость своей оприне. Поверь, я буду неутомим, исполняя твои желания. Ты останешься довольна и захочешь позвать меня снова.

– Хорошо...

Магрит отвечала рассеянно, едва понимая, о чем он ее просят, поскольку внимание целиком было приковано к паре, слившейся в экстазе на освещенном солнцем кусочке земли. Женщина откинулась далеко назад, ее лицо с плотно зажмуренными глазами исказила гримаса удовольствия.

На плечах оприна от чрезмерных усилий перекачивались вздутые мышечные шары. Он не только поддерживал на весу тело своей разгоряченной спутницы, но одновременно еще и насаживал ее на свой крупный половой орган, что требовало определенной сноровки в таком положении. Но вот еще несколько судорожных толчков и темнокожий богатырь глухо простонал, скаля ослепительно белые зубы, среди кото-

рых явно виднелись грозные заостренные клыки.

На пару мгновений они еще оставались крепко соединенными, потом женщина обмякла и сделала попытку опустить ноги на утоптанную дерновину поляны. Оприн бережно отпустил спутницу и, внезапно встав на колени перед ней, принялся размазывать по внутренней поверхности бедер возлюбленной семенную жидкость, только что выплеснутую им в тесную щель ее лона.

Сама же оприна самодовольно улыбалась, чуть покачиваясь на непослушных ногах, ласково гладила партнера по жестким на вид, слегка вьющимся иссиня-черным волосам.

Танец любовного торжества был завершен серией из множества поцелуев, которые мужчина подарил округлому животу довольной подруги. Наконец, сплетая пальцы рук в надежный замок, обнаженная парочка скрылась в зарослях. Женщина смеялась, то и дело касаясь полными губами плеча мужчины, а он в ответ наклонял голову и что-то гортанно говорил ей, вызывая новый прилив веселья.

Магрит тяжело вздохнула, смаргивая с ресниц невольные слезы. Воистину этим миром правит любовь и неважно, возвышенная любовь духа или безумные порывы плоти. Лишь бы любовь вела к взаимному удовольствию, тогда, возможно, и души смогут соединиться вслед за телами.

– Я хочу разделить с тобой эту ночь! – настаивал Кадо, поглаживая колено Магрит своими длинными ручищами.

– И не ты один. Наро вовсе не покидал бы мою постель.

А Мано, говорят, пребывает в унынии от недостатка моего внимания. Что же до самого молодого члена Совета...

Кадо нахмурился, а потом увидел в светлых глазах Магрит насмешку. Королева хочет поиграть? Он совсем не против. Пусть только объяснит правила и скоро узнает, как умеют побеждать настоящие воины Кормы.

– Мы можем все вместе служить тебе. А ты выберешь лучшего среди нас.

– Какой сложный выбор! Вы все одинаково дороги мне. Я равно ценю вас всех, – шурилась Магрит, доводя его до иступленной дрожи. Толстый член набух еще во время наблюдения за опринами.

– Значит, просто установи меж нами очередность! Но первым возьми на ложе меня. Я полон сил и могу долго ласкать тебя.

Губы Магрит раскрылись в улыбке. Ноздри капризно дернулись. За последние пару недель она несказанно похорошела. Каждое ее появление перед народом Кормаксилона вызывало взрыв всеобщего восторга. И кажется, слухи о милой правительнице кормисов распространились далеко за пределы Дома.

Едва Магрит вернулась со столь примечательной прогулки, как ее ожидал новый сюрприз. Оказывается, крылатый посланник привез дружеский привет от царицы васков, а, кроме того, церемонное приглашение посетить Мелисан в ближайшее время. Жалко, что сам посол так и не дождался

возвращения королевы, а просто передал свиток с печатями и улетел. Пришлось срочно собирать Совет.

На Гиблый лес опускались мягкие крылья ночи, когда Магрит усадили на подобие трона в зале для совещаний, а сами кормисы разместились у ног Королевы на пушистых шкурах танагров. Строитель Мано был очень категоричен:

– Магрит нельзя покидать Дом. Я носом чувствую опасность. Она на каждом шагу за пределами Зеленой стены. Следует отправить в Мелисан щедрые дары и поблагодарить за приглашение. Но и только!

Королева бросила умоляющий взгляд на Наро:

– Со мной пойдут надежные воины. И ты говорил, что дворец васков всего в паре дней пути. Мне бы очень-очень хотелось познакомиться с Альбирой, так, кажется, зовут их Царицу? Я целую вечность не видела женщин, я просто хочу с ней поговорить. Неужели мое желание столь неосуществимо? Кадо! Поддержи меня, я не ожидаю от тебя иного ответа. Мы же не боимся прогулки по лесу, правда?

Могучий кормис лишь досадливо крякнул. На самом деле он тоже был против сомнительного путешествия, но не хотел прослыть трусом перед лицом сиятельной госпожи.

– Если хорошенько подготовиться...

– Кадо, очнись! Что на тебя нашло? Безопасность Магрит будет под угрозой, а, значит, рискует весь Дом.

Мано бушевал, а главный добытчик Наро только тяжело вздохнул, бросая острый взгляд на женщину, к которой

успел привязаться всем сердцем. Он знал, что его слово имеет вес, а потому тщательно взвешивал все «за» и «против».

– Нужно пустить вперед разведчиков. Пусть две группы прочешут заросли. Если не отыщется ничего подозрительного, можно двинуться в путь. Я так сказал, но пусть теперь Уно поделится мнением.

Магрит вскинула подбородок, окинув молодого кормиса ледяным взглядом. Старший наставник выдержал его, а потом тихо ответил:

– Я хочу, чтобы королева осталась в Кормаксилоне. Но она хочет увидеть и другие Дома. Можем ли мы лишить ее этой радости? Мое сердце будет болеть во время отсутствия Магрит, но я буду знать, что ей хорошо.

Мано зарычал вслух, а Кадо ревниво оскалился, заметив, как на лице королевы появилась улыбка. Теперь она смотрела на Уно весьма благосклонно и при этом мечтательно покусывала свои соблазнительные губки. Неужели опять надолго оставит мальчишку у себя?

Так уже было дважды. А в остальные ночи ее убаюкивают умелые руки Наро, может, он также ласкает ее языком и проделывает еще кучу приятных вещей, потому ему и позволено спать в ногах ее постели. Почему ему, а не Кадо?

Только этот увалень Мано, кажется, смирился с тем, что Магрит просто дружески беседует с ним, а целует беднягу Аро, который уже начал вставать. Возможно, позже королева захочет и его взять на ложе. Какая несправедливость, но

разве есть смысл роптать...

Дом никогда прежде не был так сплочен и крепок, охотники приносят богатую добычу, корзины собирателей гнутся от фруктов, кладовые переполнены запасами съестного. И самое важное, – каждый день во Чреве Матери появляются новые яйца, значит, Колония растет. Какое еще подтверждение силы Магрит требуется Кадо?

Но он желал бы служить госпоже более тщательно, вот в чем дело. Жаль, что его способности мало ценят, а его могучий потенциал не используют полностью.

– Я так полагаю, что вопрос с Мелисаном решен, и мы все можем расходиться? Или есть еще темы для обсуждения?

В голосе Магрит звучали неуверенные нотки, хотя держалась она прямо и с достоинством. Просто Совет прежде обходился без ее присутствия, не желая тревожить по мелочам. А теперь она чувствовала, что именно от нее ждут завершающего слова.

Наро поспешил на помощь Королеве:

– Драгоценная Магрит, я не хочу тебя отговаривать. Васки наши союзники и никогда не причиняли большого зла Семье, ровно как и мы не вредили им, но путь в Мелисан не увеселительная прогулка. Если ты решила отправиться в путешествие, тебя будут охранять сильнейшие воины, однако и сила порой уступает коварству дармисов.

Он нежно сжал ее ладонь и погладил большим пальцем запястье.

– Подумай еще...

– Наро, – перебила его Магрит, радуясь, что именно с ним достигла полного взаимопонимания. – Я действительно хочу побеседовать с другой женщиной. Просто поболтать с ней, послушать рассказ о своей жизни, обсудить, в конце концов вас – мужчин.

Наро снисходительно усмехнулся:

– Если ты считаешь, что тебе нужно увидеть Альбиру, чтобы быть счастливой, то мы сделаем все для легкой дороги к ней.

– А ты поедешь со мной?

На лице Главного добытчика отобразилось явное удовольствие.

– Королева желает, чтобы я сопровождал ее. Это большая честь и ответственность. Я польщен.

– Королеве нужен верный друг даже в гостях.

Наро с благодарной улыбкой склонил голову, приложив руку к груди. Для него предложение-приказ было настоящей наградой, особенно потому что сам он почти никогда не уходил далеко от Дома, а Мелисан не видел даже издали. А ведь в душе Наро был тот еще бродяга, к тому же во время этого визита можно увидеть столько новых сюжетов для своих картин.

– Я непременно отправлюсь с тобой, – заключил он и тут же поспешно добавил, видимо, больше для остальных членов Совета:

– Мне так будет гораздо спокойнее.

Магрит кивнула, понимая, что он немного лукавит и, считая эту тему закрытой, несмотря на сердитое сопение Мано, сочла своим долгом напоследок спросить также о другом:

– Как обстоят дела с нашим потомством? Мне сообщили, что Старший наставник обеспокоен слишком быстрым ростом новых коконов.

По правде говоря, именно Уно как раз вчера поделился с королевой своими сомнениями на этот счет, но сейчас требовалось отвечать перед Советом. Уно даже поднялся, чтобы выглядеть внушительней:

– Во Чреве Матери происходит что-то странное. И вы все должны это знать.

Кадо фыркнул, заранее предвкушая юношескую глупость и устроился поудобнее, жалея лишь о том, что не прихватил чего-нибудь пожевать. Скорее всего, парень откопал новый свиток в Архиве, и ему пришла в голову идея, которая окончательно выведет из себя Старших.

– Они другие.

Эти слова наставника заставили Кадо насторожиться. Мано заметно напрягся, а Наро затаил дыхание, но первым совладал с собой и тихо переспросил:

– Что ты имеешь в виду?

– Яйца, – с запинкой проговорил Уно. – Их много и некоторые совсем другие. Не те узоры, не то ощущение. Словно...

Он не договорил, потому что его внезапно повело в сторону. Мано, сидевший к нему ближе всех, поддержал его не давая упасть.

– Эй, Уно, ты что? Наро, кажется, ему нужна помощь!

– Со мной все хорошо, – прошептал Уно, усаживаясь прямо.

Мгновение назад он чуть не потерял сознание, и, заметив тревогу в глазах побледневшей королевы, пояснил:

– Я связан со всеми яйцами, впрочем, как остальные няньки. Когда яйца растут, они потихонечку тянут нашу силу, а эти – новые растут быстро и как будто рывками, я иногда не успеваю распределить свое внимание равномерно, так много им надо. Несколько подобных яиц уже начали формировать коконы и я... – тут он запнулся и, прочистив горло сдавленным кашлем, поправился:

– Мы не знаем чего ожидать.

Советники переглянулись в полном недоумении.

– Кхрэ-э-э! – взвыл Кадо, и эхо его зычного голоса немедленно отразилось от сводов залы. – Да не молчите вы! Скажите, что в текстах Великонудного Чаро об этом написано хоть что-нибудь полезное. Старичок умел заглядывать вперед.

– Великоумного Чаро, – медленно поправил Мано сквозь стиснутые зубы. – Прояви уважение.

Строитель немедленно попытался переломить ситуацию с поездкой Королевы в свою сторону:

– Насколько я осведомлен, в древних текстах ничего не сказано о необычных коконах. Но я знаю одно – Магрит не может оставить Дом в такое беспокойное время.

В зале установилась полная тишина, лишь сухо потрескивал факел, уже начинавший чадить. Кадо пренебрежительно фыркнул.

– И что мы должны предпринять? Сидеть вокруг странных яиц и ожидать, когда появятся наши необычные собратья? Может, у них будут волосы на голове или глаза – синие, как воды озера, что здесь страшного? Зачем лишать Королеву радости, она заслужила несколько дней отдыха и развлечений.

Я слышал, Царица Альбира – та еще лакомка, а васки всегда славились, как отменные кухари. Пусть Магрит попробует новые чудесные кушанья, к тому же у нас много лет прочный мир, васки – умелые воины и вблизи их дома любой враг носа не осмелится показать.

Мано остался в одиночестве. Совет постановил, что через две ночи и один день Королева Кормаксилона должна была совершить поездку в Мелисан, дабы почтить дружеским визитом правительницу Альбиру. Но время до отъезда надлежало использовать для блага Дома, а потому сразу же после совещания Большого Совета Королева решила отправиться в комнату для омовений.

Магрит должна была хорошо подготовиться, ведь этой ночью ей надлежало подарить свое расположение сразу четы-

рем лучшим кормисам. Эту мысль осторожно высказал Наро и громогласно поддержал Кадо.

Сама же Магрит только почему-то спросила, что думает на этот счет Старший наставник Уно, но он молчал, немного растерянно глядя на нее своими большими ясными глазами, и тогда королева гордо усмехнулась и сказала:

– Прекрасно. Жду вас в своей спальне и попрошу не опаздывать.

Мано осмелился только переспросить, хочет ли Королева видеть и его тоже, на что получил быстрый ответ:

– Ну, разумеется!

Старший строитель не верил своим ушам, и даже не поморщился, когда Кадо в порыве безграничного счастья наградил его дружеским пинком. Эта ночь обещала четырем кормисам великие удовольствия. Лишь бы не передумала Благословенная Магрит.

Глава 19

Накануне отъезда

Магрит

Начинаю входить во вкус своего положения. Даже не удивилась, когда Наро предложил напоследок устроить оргию. Это совершенно необходимо. Королева на долгое время покидает Дом и должна щедро поделиться своей любовью с Семейей.

Я согласна. Я поделюсь. Я здесь именно для любви, так берите и наслаждайтесь! Но я тоже хочу участвовать... Падаю на кровать и выползаю из широкого ворота балахона, как змея из своей старой шкуры. В бесшабашном распутстве, определенно, есть что-то захватывающее.

– Принесите сладкого вина! Того дурманящего напитка, после которого остаются лишь самые приятные воспоминания.

Но тут же отменила приказ:

– Я передумала. Не хочу забываться, а хочу наслаждаться. И для этого настал самый подходящий момент.

Наро садится рядом и ласково поглаживает мое обнаженное бедро, как же я люблю его сильные руки... Кадо подкрадывается с края постели ближе ко мне, его глаза не могут

ничего скрыть, он явно вожделеет меня. Милый Кадо! Такой искренний, непосредственный и забавный.

Все эти дни ты меня веселил, думая, что защищаешь от каких-то непонятных опасностей, как же мне нравилось тебя дразнить. Непостижимый Уно размещается в изголовье лужа, пожалуй, я дам знать, что ты и сейчас будешь первым.

Нет... С какой стати, я и так уделяю ему много времени, это не справедливо. И кто такой Уно? Всего лишь нянька при бестолковых малышах, которые, впрочем, слишком быстро растут. Первым сегодня будет Кадо. Я поворачиваюсь к воину задом и встаю на четвереньки. Любопытно... А если попробовать совместить сразу троих мужчин.

Я отодвигаю край повязки с бедер Уно и поглаживаю его напряженный член, потом облизываю розовую головку, чувствуя, как кто-то проделывает со мной нечто похожее. Меня ласкают сразу четыре руки, трогая и сжимая грудь, пока воин смачно целует нижние мои губы, влажные и набухшие от возбуждения.

Даже представить не могла, что это будет настолько волнительно и приятно. И я наклоняю лицо к паху Уно, даже не задумываясь над тем, кто именно сейчас ласкает мои бедра и чьи нетерпеливые пальцы скользят у меня внизу живота. Ах! Вот так сразу...

Какой он большой и упругий – заполнил меня всю и будто попытался толкнуться еще глубже.

Я отпустила пенис наставника и просто положила голо-

ву на бедро Уно, перебирая пальцами мошонку. Хотела сосредоточиться на необычных ощущениях, что доставлял мне кормис, на которого я так и не решалась посмотреть.

Наро? Кадо? Мано! Вот так сюрприз для нас обоих. Заметив мою лукавую улыбку, он жалобно скривился и с тихим стоном закончил раньше, чем собирался.

Меня заливали волны возбуждения от того, что кормисы проделывали со мной, я потеряла счет времени, не различала обстановки комнаты, передо мной мелькали блестящие от пота мужские тела, чьи-то жесткие руки оглаживали меня и сжимали, чьи-то губы посасывали мою грудь, а я лежала на спине с раскинутыми ногами и принимала уже Наро или Кадо – все равно кого, мне было одинаково хорошо.

Потом я держала в каждой руке по крепкому мужскому «стволу», пока член Уно скользил у меня во рту. Я была наполнена моими мужчинами до пределов возможностей моей плоти, ни одна моя узкая дырочка не осталась без внимания. И сейчас я с подлинным ликованием осознала одно из важнейших своих предназначений – быть источником удовольствий мужчин моей большой семьи. Может, пора называть их мужьями?

Это было что-то запредельное, они брали меня по очереди, и Наро едва успевал выгнать сперму, стекающую с моих бедер. Когда уставал один, на его место тотчас вставал другой возбужденный супруг, и они то поднимали меня на руки, передавая друг другу, то укладывали на колени один

другому.

Я задыхалась от восторга, несколько оргазмов слились для меня в одно длинное, не отпускающее удовольствие. Я стояла и хныкала, совершенно не стыдясь своих эмоций, я кусала их смуглые плечи и царапалась, ободренная их порывистыми вздохами, а мужья целовали меня снова и снова, обнимали и шептали на ухо слова восхищения.

Кажется, мы так и уснули все вместе. Нет, Кадо скоро ушел, кто-то же должен проверять посты. Потом удалился Мано, он и так меня весьма впечатлил. Уно я отправила сама, он, наверняка, успел соскучиться по своим питомцам. Зато Наро расположился в ногах моей постели на манер верного пса, но перед этим еще протер меня влажным полотенцем и заботливо расчесал волосы.

Уже засыпая, я поблагодарила его за что-то и вскоре погрузилась в непобедимую дремоту. Все получилось отлично. Теперь я могу спокойно путешествовать, моей Семье не придется терпеть недостаток сил в отсутствие королевы.

Добрая Магрит обо всем подумала заранее.

* * *

Утром пришлось удивиться. Обычно моего пробуждения ждут «приближенные», но сейчас рядом не было никого. Что бы это означало... Но мое недоумение длилось недолго, тут же растворилась дверь и залетел Наро, оказывается, весь Дом

взволнован скорым отъездом, нужно было успокоить кормисов, не желающих расставаться с такой милостивой Повелительницей.

Также следовало подготовиться к путешествию в Мелисан. Оно должно пройти удачно и никак иначе. Кадо лично отбирал воинов для моего сопровождения, кстати, сам Кадо должен быть доставить нас с Наро до царицы Альбиры, разбить лагерь в лесу и встретить на обратном пути.

Таким образом, лучший наш вояка будет находиться неподалеку от Дома и в то же время сможет защитить и меня в случае необходимости. Я догадывалась, что приоритетом для кормисов все же оставались их драгоценные яйца. Королеву было заменить проще.

Итак, день накануне путешествия прошел в хлопотах. Что взять с собой: наряды, подарки, провизию, лекарства? Уже к полудню я откровенно зевала от суеты и спряталась в Архиве за чтением, точнее, за рассматриванием картинок – я еще не научилась как следует разбирать затейливую клинопись кормисов.

На самой мягкой шкуре танагра я свернулась в клубочек и попыталась в который раз полистать «Поцелуй небес» того самого Чаро, о котором насмешливо отозвался Кадо на заседании Совета. Уно не раз читал мне эти записи вслух, – чем-то напоминает философию буддистов или выражения из Екклезиаста, все очень доброжелательно и немного грустно.

Я даже немного поплакала, во всех подробностях вспом-

нив одну особенно звездную ночь на крыше Дома, но не навзрыд, а по женски легко, потом будто бы задремала, выронив свитки из рук. Или это вернулось прежнее наваждение...

Почему-то стены Архива вдруг заколебались, и женщина со старой картины освободившись из объятий крылатого мужчины, шагнула в мою сторону. Мне даже почудилось, что тонкая прозрачная рука коснулась щеки, вытирая слезы.

– Не плачь. Уже скоро. Мы все будем с тобой. Но лучше остаться среди своих верных защитников. Пока еще не поздно – откажись... Вас ждет большая опасность. Прольется испупительная кровь.

Скрипнула дверь, пропуская мальчика – «пажа», кажется, Наро искал меня и просил подняться наверх для новых распоряжений. А вот кое-кому другому до меня, видно, совсем нет дела... Что ж, надо идти, готовиться к завтрашним приключениям. Я тряхнула головой, желая забыть странные слова предостережения из недавнего сна, что значит «откажись»? Похоже на дурное пророчество. Должно быть просто сон, надо ли ему верить...

Наконец были отданы последние приказы, готов торжественный, надежный паланкин, собраны баулы и корзины в дорогу, теперь нужно хорошенько отдохнуть за ночь, потому что утром нас ждет чудесная прогулка по Гиблому лесу.

Думаю, это неподходящее название для такого милого уголка дикой природы. Сказочно-красивый и загадочный лес звучит, конечно, банально, но по-моему более достовер-

но.

К нешуточному разочарованию Кадо, последнюю ночь я решила провести без любовных забав. И на сей раз никто не осмелился оспаривать мою волю. Королеве нужно набраться сил и как следует выспаться.

Оставшись одна, я не могла уснуть и смотрела на красные блики огня, стараясь ни о чем не думать. Это было просто... Наро я сегодня тоже отпустила, обойдусь без массажа, ничего не хочу. Но воображение разыгралось.

Какая она – правительница чужого племени васков, сколько у нее фаворитов, как она распределяет между ними свое внимание? Каково устройство Мелисана, он также наполовину скрыт в земле, как наш Дом или он висит на огромной ветке огромного дерева? Я никогда не отличалась чрезмерной разговорчивостью, смогу ли подружиться с Альбирой...

Когда за дверями раздалась тихая мелодия флейты, я улыбнулась. Протяжные звуки сплетались с тишиной спящего Кормаксилона, становясь настоящей колыбельной. Но я давно не дитя. Сердце мое трепетало. Я завернулась в покрывало и босиком прошлепала до дверей, однако наигрыш тут же стих.

Уно сидел в коридоре на полу, прислонившись спиной к стене почти у самого входа в королевскую опочивальню. На молчаливую стражу никто из нас не обращал внимания.

– Я разбудил тебя?

– Вовсе нет.

Мне даже захотелось сесть с ним рядом, но он поднялся, сжимая флейту в руках:

– Мне показалось, что я тебе нужен. Я хотел помочь.

– А я нуждаюсь в помощи?

Уно опустил голову и прошептал еле слышно:

– Признаю – это мне было нужно тебя увидеть.

– Ты волнуешься из-за странных яиц? Но мы пока ничего не знаем о них, может, Кормаксилон ждет радостное событие. Что толку думать, да гадать, если ничего не изменить?

– Я пришел к тебе. Я бы просто играл, а ты спокойно заснула.

– Правда?

– Ты скоро уедешь, а я останусь. Это будет... мучительно для меня.

«Для меня» – он именно так сказал, заставив вздрогнуть, будто от сквозняка.

– Может, мы найдем способ не разлучаться. Ты тоже пойдешь с нами.

Я радовалась в душе, хотелось петь и прыгать на месте, а потому я не обратила внимание на то, что Уно отрицательно покачал головой. Ведь самое главное – последней ночью он пришел ко мне сам, без моих приглашений и не за моей милостью, а лишь для того, чтобы успокоить и это было чем-то вроде откровения.

Я коснулась его руки, пробежала пальцами по тыльной стороне ладони, и он тотчас развернул кисть, позволяя на-

шим пальцам переплестись.

– Пойдем в комнату...

Уно кивнул и первым шагнул в мои покои, увлекая за собой. Почему-то на этот раз между нами не было привычного возбуждения – одна лишь тихая радость от того, что мы вместе, мы рядом и так нужны друг другу. Уже перед самой кроватью он приподнял меня за талию и уложил на смятую постель, осторожно стягивая с моих плеч некое подобие платья, а сам устроился рядом.

Мне отчаянно хотелось быть еще ближе, потому я сама прильнула к нему, не стыдясь наготы. Мы уже давно знаем каждый участок нашей плоти: он – моей, я – его. И сейчас нам хочется лишь теплых рук, нежных объятий и тишины. Уно полностью разделял все мои желания, он чувствовал меня, как никто и никогда прежде. Он меня знал...

А потому просто обнял, прижал к своей груди и уткнулся носом в мои волосы на макушке.

– Ты все для меня. Я это понял сегодня, когда ты намерилась отправиться в лес. Мне страшно, что ты не вернешься ко мне. Зачем тогда жить?

– Я вернусь... А если нет, ты пойдешь и найдешь меня. Пообещай!

– Я обещаю...

– И не забудешь?

– Как такое возможно... Я же... я же люблю тебя, Магрит... моя... Магрит... люблю...

А потом он замолчал, и я увидела, что он улыбается с закрытыми глазами. Я смотрела на него долго, а потом поняла, что он просто спит. Но я продолжала смотреть.

Такой мягкой почти детской улыбки я никогда прежде не видела на его обычно серьезном и задумчивом лице. Мне хотелось заплакать, не от боли, а от восторга, но я каким-то чудом сдержала слезы и устроилась поудобнее, уткнулась лицом в шею Уно и тоже закрыла глаза. Все будет хорошо. Сейчас в это невозможно не верить.

А потом наступило новое утро, и мы голышом сидели на кровати, завтракали вкуснейшей воздушной запеканкой, что была закутана в подгоревшие листья хамелы и умиротворенно болтали. Уно был непривычно разговорчив:

– О! Согласно древним писаниям, Мелисан – очень красивое место. Я много читал о нем. Васки прекрасные строители и любят роскошь. А еще они охраняют медовую реку и заповедный луг.

– Читал? А видел ли сам хоть раз?

Уно грустно вздохнул, расправляя по плечам мои волосы. Он почти не притронулся к еде, зато заботливо вынимал из моей миски какие-то чешуйки и веточки. А я даже не пыталась представить себе все ингредиенты рассыпчатой каши – меньше знаешь, с большим аппетитом ешь. Одна из полезнейших заповедей Кормаксилона. Для меня, по-крайней мере.

– Я никогда не покидал Дом, – объяснял Уно. – за Зеленой

стеной был всего несколько раз и то не очень далеко, а ты говоришь – Мелисан. Это воинам положено изучать окрестности, разведывать лес, а наставники должны защищать Чрево Матери и не оставлять его надолго.

– Ну, так поедем со мной! Тебе понравится прогулка, я знаю.

Мне казалось, он обрадуется, вот Наро – тот был просто счастлив моему предложению. Но улыбка сползла с лица Уно, губы вытянулись в тонкую нитку и сжались, кривясь по уголкам.

– Я не могу оставить детей, – прошептал он сдавленно.

– Не может быть, чтобы без тебя не могли обойтись меньше десятка дней.

Я отодвинула в сторону поднос с остатками еды и всем телом прильнула к Уно, тщетно надеясь, что он переменит решение.

– Прошу тебя... Ты же все понимаешь, ты знаешь, как мне хочется осмотреть этот лес с тобою вместе. И пока мы путешествуем днем – сможем наблюдать, как кружатся плеппи над цветами арсалиса, а по ночам ты станешь играть на флейте, мне понравилось засыпать, прижавшись к тебе. Разве я многого прошу?

В глазах Уно промелькнула тоска, но тут же опустил веки, пряча от меня взгляд. Ответ его был печален:

– Слишком много именно для меня. Прости, я не могу отправиться с тобой.

Я хотела притворно рассердиться и даже отстранилась, но он стал осыпать поцелуями мое лицо.

– Прости... Я хочу быть рядом с тобой всегда, но мой долг велит остаться здесь.

– Я твоя королева и могу приказать! Или нет...

Возможно, это звучало почти как угроза. Наверно, я совершаю ошибку, настаивая. Думаю лишь о своем удобстве, а наставник беспокоится о том, чтобы должным образом исполнялось дело всей его жизни.

– Среди няnek много новичков. Каждый день появляются новые яйца и коконы – удивительные, необыкновенные коконы. Все это благодаря тебе. Ты наполнила Чрево Матери силой, а мой день трудами. Но это приятные заботы, что может быть прекраснее новой жизни, которой ты помогаешь явиться в мир. Я должен быть рядом с ними, сейчас нельзя покинуть свою Семью, как бы сильно я этого не желал. Даже ради тебя.

Уно говорил уверенно, но мягко и нежно, старательно пряча бурю эмоций, что уже второй день бушевала в груди. Конечно, ему хотелось поехать с ней. Безумно хотелось, чтобы все случилось именно так, как мечтала Магрит – засыпать с ней в обнимку, рассказывать ей истории, держать за руку, когда она будет испуганно вздрагивать от шума ночного леса, играть ей на флейте колыбельные.

А еще было бы интересно посмотреть на Мелисан и чужую Госпожу, вообще увидеть Гиблый Лес, о котором написано

столько сказок разными умными кормисами. Но сердце еще больней сжималось от подобных мыслей, имел ли он право на столь личные желания... Разве достойно думать только о себе, если это может нанести вред Колонии?

– Прости, – прошептал Уно и в последний раз ласково поцеловал ее плечо, а потом вскочил и убежал прочь из королевских покоев, чувствуя, что задыхается от невыносимого желания забрать Магрит себе и никуда не отпускать вовсе.

Уно давно понял, что эта маленькая женщина перестала быть для него просто обожаемой Королевой, а превратилась в сладчайший яд, день за днем болезненно разъедавший душу. И станет еще хуже, когда она покинет Дом.

Уже очень скоро...

Глава 20

Дорога в Мелисан

Магрит

Мы выступили из Кормаксилона, когда солнце поднялось уже высоко, но под густым пологом леса его палящие лучи мало тревожили наш отряд. Я раздвигала гибкие складки паланкина то с одной стороны, то с другой, мне хотелось увидеть как можно больше, запечатлеть в памяти каждый миг первого большого путешествия по Инсектерре.

А ведь я всю жизнь была домоседкой и даже не предполагала, что меня могут ожидать подобные приключения. Пока все спокойно, впереди нашей колонны идут крупные мужчины с резаками, они расчищают дорогу, прорубаясь сквозь заросли лиан.

Наро сказал, что это старая охотничья тропа, поэтому мы еще сравнительно легко и быстро движемся вперед. По обе стороны едва приметной дорожки стеной стоят высоченные деревья, похожие на наши акации и веерные пальмы, земля усыпана слоем гниющей листвы.

Иногда среди едкой зелени встречается белый умерший ствол – похожий на мачту затонувшего корабля. Мне становится чуточку жутко, и я прячусь в свой маленький тряпич-

ный «шалашик».

Лучше буду прислушиваться к болтовне обезьянок, к гомону потревоженных птиц над головой, к настойчивому разговору перистых листьев вокруг. А еще перед Зеленой стеной через одного молодого наставника Уно передал мне мешочек с сушеными красными ягодами и обрывок грубого листа, на котором были написаны какие-то знаки.

Я немного поколебалась, а потом попросила Наро прощенья. Оказалось, это были всего-то два слова – «Береги себя». И еще символ, обозначающий сердце или жизнь корми-са. Таким образом, послание можно было трактовать как – «Береги себя, моя жизнь» или даже «Береги свою жизнь». Впрочем, смысл ясен, чего тут мудрить...

Наро сегодня был сдержан и суров. Казалось, он уже немного жалеет, что опрометчиво оставил дом и всерьез волнуется за исход нашего путешествия. Зато Кадо, дважды подбегавший к моей палатке, чувствовал себя полностью в родной стихии. Он был настоящий охотник и воин – отважный и деятельный первопроходец, я очень гордилась им.

И так миновал день. На ночлег мы остановились у небольшой мутной речушки.

Я еще успела вдоволь полюбоваться полетом красивых бело-розовых птиц, похожих на наших цапель или фламинго. Длинноногие, с вытянутой изящной шеей – я следила за ними, пока птицы не скрылись за вершинами высоких деревьев с кружевной нефритовой листвой. Как прекрасен этот див-

ный мир, где царит гармония и нега!

Пока воины разводили костры, мы с Наро еще немного прогулялись близ желтоватой воды, слушая яростный треск цикад и несмолкаемый гам лягушачьих концертов. А когда совсем стемнело, наш лагерь атаковали светлячки.

Тщетно пыталась я поймать в руку крохотные мерцающие огоньки, они ускользали от меня и еще ярче вспыхивали в свисающей кроне низкорослой акации на берегу. И уже засыпая на груди старшего добытчика, я нашла в себе силы улыбаться, предвкушая чудеса завтрашнего дня.

Я была почти счастлива... Мне не хватало лишь знакомой мелодии флейты.

Инсек

болото

арахнис

медвежий
источник

дармал

гиблый

Гиблый лес.

Дармаллак. Покои генерала Закриса

Черный дармис вбежал в залу, где отдыхал его суровый повелитель и сразу же у двери рухнул на одно колено, застывая наподобие каменного истукана. Высокий мускулистый мужчина тяжело дышал и капли пота струйками стекали по его руке, которой он упирался в пол, низко склонив голову.

– Надеюсь, ты побеспокоил меня по важной причине? – раздался холодный голос со стороны огромного ложа, где отдыхал неофициальный владыка колонии.

– Да, мой генерал.

Уверенность солдата вызвала на лице Закриса довольную улыбку. Он грубовато отодвинул от себя женщину, сидевшую на его колене, и резко встал, не заботясь о том, насколько удачно та опустилась на постель.

– Говори!

– Мы получили важное донесение от разведчиков, – взволнованно сообщил воин.

Густые лохматые брови Закриса удивленно приподнялись, а ноздри крупного носа хищно затрепетали.

– Продолжай!

– Королева покинула Кормаксилон.

– Неужели снова сбежала? – в голосе первого среди дармисов звучала нескрываемая издевка.

– Нет, Владыка. В сопровождении большого отряда вои-

нов Магрит движется к реке. Преданные нам пикары помогают сверху отследить маршрут.

Закрис хищно осклабился, его руки сами собой сжались в пудовые кулаки.

– Передай мой приказ солдатам. Кормисов пока не трогать, только наблюдать. С их Матерью ничего не должно случиться. Она нужна мне живой и без единой царапины. Ясно тебе?

– Да, генерал.

– Можешь идти!

Воин встал и, не поднимая голову, согнувшись, как старик, опрометью выскочил из комнаты. Закрис же обернулся и посмотрел на свою собственную королеву – хозяйку Дармаллака. Загорелая нагая женщина похотливо облизала пухлые губы и призывно раздвинула бедра. Еще некоторое время назад он с удовольствием прикасался к ней, а теперь она вдруг показалась ему надоевшей старой игрушкой, прохудившимся башмаком, который стоило просто выкинуть.

– Исчезни, Харима! Я тебя не хочу.

Позвякивая золотыми браслетами на лодыжках и запястьях, королева сползла с ложа и прильнула к ноге Закриса, но тотчас отшатнулась в страхе наказания. Однако ему пришла в голову новая интересная мысль. Он грубо намотал длинные волосы Харимы себе на руку и приблизил ее раскрасневшееся лицо к напряженному паху.

И пока королева самозабвенно улаживала его, Закрис рисо-

вал в воображении новую пленницу, с кожей белой, как козье молоко, с испуганными блестящими глазами горной лани, с грудью упругой и спелой, как плод питаи.

Ммм-ахрр... он ни перед чем не остановится, чтобы ее получить.

Гиблый лес

Пара дней пути до Мелисана

Магрит

Наро разбудил меня незадолго до рассвета. Оказалось, кормисы уже свернули лагерь и готовы снова двинуться в путь. Старший добытчик терпеливо ждал, пока я протру глаза и умоюсь, но я не хотела никого задерживать и отложила завтрак до следующего привала. Наро держался вполне спокойно, все же я угадывала смутное волнение, охватившее его сердце.

На берегу заканчивалась знакомая охотничья тропа, дальше были малоизведанные земли дедулов и пикаров. Кормисы обычно старались не уходить так далеко от Дома, – продовольствия и материалов для строительства в избытке хватало вблизи Кормаксилон.

Сейчас нам предстояло двигаться по ориентирам карты, оставленной посланником васков. Ему-то хорошо, он умеет летать... А нам придется продираться через непроходимые заросли, прокладывая путь местными мачете. Какой уж

тут паланкин! Я немедленно отказалась от подобной роскоши, сменила обувь на более плотную и закрытую, чтобы идти вместе со всеми по новому маршруту.

Теперь мы двигались заметно медленнее и осторожнее. Кадо уже не шутил, угрюмо озираясь вокруг – местность впереди была ему не знакома. Пару раз мы натыкались на змей, потом какие-то злобные зверюшки закидали нас гнилыми фруктами с вершины дерева, один из кормисов провалился в яму и чудом не сломал себе шею, расцарапав тело о колючие растения, выстилавшие нору.

Я шла в середине людской цепи и в душе на чем свет стоит ругала себя за необдуманный порыв. Если кто-то из парней пострадает, – это будет только моя вина. О том, что сама могу быть укушенной ядовитым гадом с лапками или крыльями, даже не думала. Хотела приключений – получай!

В Кормаксилоне, нежась в мягкой постели или развалившись на шкурах танагров у горящих светильников, наша прогулка представлялась совсем иначе, а сейчас я всерьез могла попроситься назад, но не решалась озвучить свои сомнения.

До сумерек мы двигались по намеченному пути. То и дело разведчики залезали на высокие ветки, оглядывали лес. По их мрачным лицам я поняла, что наш отряд еще долго будет блуждать в зарослях. За день я натерла ногу и смертельно устала. Какое-то время Наро нес меня на спине, потому что носилки еще больше замедлили бы всю цепочку кормисов.

Наконец воины зажгли факела и стали искать место для нового ночлега. Мечта оказаться в Мелисане до наступления полной темноты окончательно рухнула. Но самое жуткое началось, когда впереди раздался грозный рык крупного зверя, отчего мы тотчас сгрудились под кроной раскидистого дерева и приготовились отражать атаку.

Наро прижал меня к шершавой коре и напряженно всматривался в кружево ветвей над головой, не ждаль ли опасности сверху. Я слушала, как бухает в груди колокол сердца защитника и страдала от своей никчемности в случае битвы. Остальные кормисы торопливо сооружали костры, – все хищники боятся огня, на него и надежда.

Скоро доблестный Кадо сообщил, что большая Вайша прошла мимо в поисках более слабой добычи. Я так поняла, что он имел в виду тигра или местную рысь. Мы немного расслабились и уже веселее расположились вокруг костров. Самое время немного подкрепиться и отдохнуть. Завтра нас ожидает последний рывок, и ворота Мелисан раскроются для желанных гостей.

Признаться, я почти успокоилась. Сидящей между Воином и Добытчиком, мне нечего было опасаться и даже незнакомые звуки джунглей уже вызывали интерес, а не безотчетный ужас. Темный мир вокруг рычал, стонал, ухал и попискивал сотнями голосов.

Лес вокруг скрипел и шуршал, но кормисы будто не замечали близости невидимых существ. Мужчины кратко пере-

говаривались между собой, кое-кто с любопытством поглядывал в мою сторону, а я так умаялась за сегодняшний день, что хватало сил только на слабые улыбки.

Потом Наро приготовил для меня некое подобие постели в самом центре нашего «лежбища» и я провалилась в сон, едва опустила голову на свернутый плащ Кадо.

... Она снова пришла ко мне в эту ночь. Большая красивая женщина с длинными волосами, струившимися по крутым изгибам тела до самой земли. Ее мягкие пальцы коснулись моей щеки, а голос звучал отовсюду: хрустальным звоном – с небес и глухим рокотом из-под земли.

– Спаси обреченную и однажды она поможет тебе.

Я вздрогнула от того, что кто-то настойчиво щекотал мою шею, а когда открыла глаза, увидела бабочку размером с чайное блюдце. Едва сдержав крик, я вскочила, пытаюсь сбросить с себя назойливое существо. Разве я медом намазана, чего она по мне карабкается?

От моего движения тотчас проснулся Наро. Но самое удивительное ожидало нас, когда мы огляделись вокруг. На деревьях сидели бабочки – самых разнообразных цветов, размеров и форм. Некоторые порхали в паре метров выше над лагерем, одна кружилась у меня над головой, издавая забавный треск.

– Наро, что это такое?

– Нас посетили малышки плейпи. Не нужно бояться, Маргрит, они совершенно безобидные создания. Но их что-то

очень тревожит сейчас. Они просят о помощи и зовут нас за собой.

– Малышки?! Тогда я – бегемот.

Вряд ли Наро оценил мою шутку, да и не хотелось тратить время на объяснения. К тому же, откуда мне знать, возможно, и в нашем мире встречаются такие вот гиганты из отряда Чешуекрылых. Но что этим нужно от нас?

Кадо был настороже:

– Мы не свернем с выбранной дороги. Смотрите – они же заманивают нас дальше в лес. Это опасно. Я против того, чтобы следовать за ними.

Наро был согласен и предложил просто игнорировать «крылатые цветы». А они продолжали летать вокруг, натыкались на спины воинов, сгребавших золу, садились мне на голову, одна «крошка» даже запуталась в моих волосах и так жалобно запищала, что я попросила Наро осторожно ее освободить и протянула руки, давая понять, что предлагаю мир.

Плейпи опустила на мои ладони, поводила усиками по запястью, а потом явно взволнованно забормотала-заскрипела, щекоча меня ворсистыми лапками.

Но самое трогательное было еще впереди – бабочка махала крыльями, ухватив мой палец так, словно желала сдвинуть меня с места в определенном направлении.

– Наро! Им нужно помочь. Уверена, что это не займет много времени. Посмотри, какое милое существо, что она

может сделать сама, такая слабенькая и беззащитная?

Наро лишь тяжко вздохнул, расправляя сдвинутые брови. Через несколько минут мы уже двигались вслед за пестрым караваном плейпи. Меня вдруг охватило странное возбуждение, откуда-то пришла четкая мысль, что надо спешить. Я помчалась вперед, хотя Кадо вскоре перехватил меня за талию, закидывая себе на спину.

Скоро я потеряла счет времени, и даже не обращала внимания на царапины от острых краев листьев, на укусы каких-то мелких насекомых, на стертые ноги и проснувшийся голод. Впереди кто-то захлеб молил о помощи, пребывая в крайней степени ужаса и отвращения.

Но когда деревья впереди наконец расступились, я сама не смогла сдержать дикого вопля. Нет, не от вида цветущего луга, что раскинулся перед нами. Тут было кое-что другое...

Между крайними деревьями оказались натянуты мощные тросы, удерживающие крупноячеистую сеть. И в этой странной конструкции сейчас едва трепыхалось человеческое существо в ярком одеянии, замотанное веревками, будто паутиной. О, Боже! Как я сразу не поняла – перед нами самая настоящая паутина, где каждая «нить» размером с добрый корабельный канат.

– Кадо...

Я задыхалась от одной мысли о том, каков тогда должен быть хозяин всей этой ловчей сети. Воин, похоже, владел гораздо большей информацией, потому что мигом передал ме-

ня на руки подоспевшего Наро, а сам вынул из-за пояса изогнутый клинок.

Повинуясь кивку предводителя, рядом встали еще двое кормисов, они медленно приблизились к ловушке и в несколько точных движений уронили жертву на росистую дерновину окраины леса. Наши спутницы – плейпи тотчас окружили своего сородича, освободить которого собственными усилиями они бы никак не смогли.

– Нам нужно уходить! Скорее!

Я даже не успела посмотреть, что будет дальше с пленником паутины, который сейчас лежал на земле подобно мумии, но Наро заверил меня, что ему помогут на лугу. Осталось убежать как можно дальше от этого зловещего места, так мы и поступили. Я была так напугана и взволнована, что не сразу поняла – мы находимся в зеленой долине, окруженной со всех сторон лесным массивом.

Кормисы окружили меня на открытом месте, закрывая своими спинами, и настороженно прислушивались. К несмолкаемому щебету птиц теперь присоединился шум текущей воды и Кадо заметил, что где-то рядом есть небольшой водопад. Также мне объяснили, что мы стоим у подножия горных отрогов, которые ведут к Стонушей горе. Если двигаться вдоль каменистой гряды в сторону, что указал Кадо, можно попасть в Дармаллак.

Я невольно поежилась при упоминании этого места. Нет уж, Мелисан мне гораздо предпочтительней логова канни-

балов, а значит, нужно поспешить именно туда. Оставалось лишь помочь странному существу, безнадежно пытавшемуся выбраться из липких тенет.

Несколько воинов, наконец, стянули остатки паутины с нарядной фигуры существа, которого мы, судя по всему, спасли от неминуемой гибели. Каково же было мое удивление, когда я увидела, что это женщина, но, пожалуй, самая невероятная женщина из всех, что могут существовать!

У нее были роскошные яркие крылья. Немного помятые смертельными объятиями паутины, но поистине огромные и сильные по сравнению с тщедушным тельцем. Я растерянно улыбалась в ответ на церемонные поклоны удивительного создания и буквально пожирала ее глазами. Одежды на малютке не было вовсе, но все тело покрывали золотистые волосы, наподобие мягкой на вид коротенькой шерстки.

Волосы на голове были разделены на пробор посередине, гладко зачесаны и собраны в две длинные косы, также рыжеватого оттенка. Выразительные глаза явно принадлежали разумному существу, а крохотный ротик вскоре открылся, чтобы поблагодарить нас за спасение.

– О, Мать Кормаксилона, я безмерно счастлива видеть тебя в наших краях! Конечно, я покажу вам самую кратчайшую дорогу к васкам. Их обиталище совсем недалеко и я уверена, что вскоре вас встретит сторожевой отряд Альбиры.

Мне очень хотелось прикоснуться к ее маленькой изящной ладошке, но я не осмелилась. Зато теперь точно знаю,

как выглядят самые настоящие эльфы. И знаю, как звучит из речь – быстрая и звонкая, как ручей, залиvistый колокольчик, или задорная птичья трель.

Но всего восхитительней были ее крылья. А когда девушка-плейпи взмыла вверх в окружении своих маленьких, безмерно радостных спутниц, мне казалось, я вижу танец фей на лугу.

Также хочется рассказать о невысоком водопаде, что ронял воду в небольшую заводь, из которой вытекала узкая говорливая речушка. Здесь мы утолили жажду и, немного передохнув, отправились дальше.

Словно сговорившись, мы даже не вспоминали о том чудовище, что обитало на краю леса, подстерегая невнимательных обитателей Инсектерры. У меня мороз пробирался по коже, едва я начинала представлять печальную участь красавицы Пелионы – таково было имя нашей новой знакомой «эльфочки».

Итак, мы двигались в сторону, противоположной от Стонущей горы и мрачного Дармаллака. Нас ожидали цветущие луга, медовая река и расположение царственной Альбиры.

Почему-то я считала повелительницу васков суровой, пожилой дамой, вроде Екатерины Второй в зените славы. А Мелисан представляла настоящим дворцом с мраморными колоннами и «версальским парком». Но все мои сумбурные ассоциации померкли перед сочетанием природной целесообразности и разума древней цивилизации крылатых су-

ществ.

Мелисан имел форму вытянутого шара-яйца гиганских размеров и располагался над землей, будучи приклеенным к каменистому выступу горной цепи. Позже я убедилась, что заросший кустарником и густой травой холм рядом имеет множество лазов и туннелей, наподобие жилища кормисов. Там находились кладовые и детские васков, склады оружия и своеобразная лаборатория по изготовлению разнообразных ядов растительного, животного и минерального происхождения.

Накануне пышного приема мне даже показали, каким образом солдаты мастерят отравленные стрелы. Ничего сложного – нужно лишь найти в местном болоте подходящую жабу и сделать парочку ловких надрезов, омочив наконечник стрелы в бурой жидкости слюнных желез земноводного. Готовые изделия нам любезно преподнесли в подарок, думаю, Кадо останется доволен смертоносным оружием.

А я больше оценила платье, которое мне предложила Альбира. Оно походило скорее на экзотическую выдумку прославленного кутюрье моего прежнего мира. Я не очень разбираюсь в моде, но, кажется, у мэтра Гальяно в Париже когда-то был показ платьев, напоминающих букеты цветов.

Мой роскошный наряд ручной работы несомненно снижал бы уважение известного модельера. А когда двое цирюльников-васков завили и уложили мои влажные локоны в некое подобие корзины, я и сама стала напоминать выдран-

ный из земли розовый куст. Напоследок меня осыпали чем-то вроде ароматной пыльцы, – я чихнула всего пару раз, а потом пришла в отличное расположение духа.

Царица, любящая украшения и дивные запахи, не могла быть злокой. Сидя на мягкой софе мы непринужденно болтали с Альбирой, уплетая медовые орешки и халву. Стройные молодые васки играли на лирах и выводили незатейливые мелодии рожками. Тронный зал освещали сотни восковых свечей, от тонких ароматов ванили и резеды щипало в носу.

Оставалось непонятным, правда, как Альбире удастся сохранить такую тонюсенькую талию при отменном аппетите, но, возможно, все телесное излишество дамы переместилось в бюст необъятных размеров и грузное седалище.

Царица васков была весела и хороша зрелой красотой юга, сохраняя, впрочем, все атрибуты неограниченной власти: надменный взор и снисходительную улыбку женщины, у которой есть все, о чем можно только мечтать в Гиблом лесу, а возможно, и за его пределами.

Глава 21

Медовые страсти

Инсектерра

Мелисан – обитель васков

Первую ночь в Мелисане я проспала, как убитая. Настолько устала от тягот путешествия и обилия впечатлений во время вечерней трапезы с Альбирой, что не смогла раздеться сама, целиком поручив себя заботам Наро.

Мой верный кормис ревниво отказался от услуг местных пажей, и сам уложил меня в пуховую постельку, пристроившись рядом. Он еще хотел что-то обсудить, но я только вяло покачала головой, давая понять, что засыпаю.

А вот Наро, напротив, был слишком возбужден от вида таинственного Мелисана, не потому ли даже сквозь сон я чувствовала, как руки старшего добытчика скользят по моей спине, ласково сжимают грудь и осторожно разводят бедра.

Кажется, он целовал меня везде и тяжело дышал, тщательно вылизывая между ног, а я вздрагивала от удовольствия, не в силах отказаться от интимного массажа. Кажется, между нами было что-то еще...

Он предусмотрительно не лег на меня сверху, чтобы не разбудить, а просто широко развел колени и, убедившись,

что я полностью готова принять его внушительный объем, стал медленно двигаться, причем одной рукой поглаживая мой живот, а другой опираясь на постель рядом.

Смутно помню, как я прикусила губу и крепко зажмурилась от восторга, взлетая вверх вместе со свитой из разноцветных плейпи. Я парила в небе и купалось в теплых воздушных струях, я целовала солнечные лучи и барахталась в пушистых облаках, а рядом почему-то раздавались хрипловатые мужские стоны и вдруг стало так горячо внутри.

Ах, Наро... Разве ты тоже умеешь летать... Это хорошо.

На следующий день меня подняла с постели сама царица Альбира. Я растерянно приветствовала ее, стараясь поскорее принять деятельный вид. Наро, оказывается, уже давно бодрствовал и сейчас склонился в почтительном поклоне, опустившись на одно колено перед хозяйкой Мелисана. А та смотрела на меня с насмешливым интересом:

– Я вижу, ты отлично провела ночь, Магрит. Твое ложе пахнет любовью. Идем, я тоже хочу порадовать нашу дорогую гостью. Тебе все понравится.

Жаль, что тогда я не обратила внимание на похотливые огоньки в ее светло-золотистых глазах, пока Альбира откровенно рассматривала мое обнаженное тело.

Мы плотно позавтракали, но сегодняшние блюда и напитки мне показались чересчур сладкими: сваренные в меду фрукты, густой плодовой кисель и крупные ягоды, набухшие от забродившего сока. Приторно до тошноты!

Я выбрала на квадратную тарелку фигурки из теста, вполне безобидные на вид, но стоило мне надкусить, как в рот тотчас брызнул липкий сироп. Честно сказать, я бы сейчас не отказалась от бутерброда с сыром и колбасой, плюс чашечка кофе со сливками.

Зато вскоре мне пришлось испытать ностальгию. Васки-повара внесли в обеденную залу подносы с дымящимися чашами, и по характерному запаху я тотчас догадалась об их содержимом. Это же настоящий горячий шоколад!

Изысканное лакомство цариц и... королев, разумеется. Я по достоинству оценила терпкий густой напиток, много его не выпьешь, но даже пары глотков достаточно, чтобы поднять настроение. Значит, где-то вблизи Мелисан произрастают какао-бобы.

Вскоре мы с Альбирой уже смеялись, шутили и общались почти на равных. Однако я старалась держаться скромно, потому как между нами была значительная разница. Хотя бы в возрасте.

Альбира выглядела отлично, но была давно не молода. И когда я сделала ей комплимент по поводу внешности, царица обещала немедленно раскрыть секрет своей неувядающей прелести, а для этого требовалось прогуляться к Медовой реке.

Поначалу, когда мы шли по анфиладе комнат внутри самого Мелисана, свет проникал внутрь помещения через множество мелких ячеистых окошечек, но затем охране из

васков пришлось зажечь факела, потому что теперь следовало войти внутрь каменистой гряды, на которой держалась внешняя «приемная» часть Дворца.

Альбира велела своей страже и сопровождающим меня кормисам остаться снаружи, а сама запросто подхватила меня под руку и повела за собой внутрь высокой пещеры. Теперь она была освещена не факелами, а будто бы крохотными электрическими лампочками вдоль всего сводчатого потолка. Моему удивлению не было предела, когда выяснилось, что это сахарные светлячки – постоянные обитатели медовых хранилищ Мелисана.

Я едва поспевала за царицей, которая устремилась вперед с невероятной скоростью. Альбира запыхалась и покраснела, а я же, глядя в ее блестящие глаза и любуясь нежным овалом лица, чуть было не решила, что весь секрет молодости и красоты заключен в ежедневных пробежках вдоль огромных чанов с медом самых различных сортов. Ничего нового – движение и здоровая еда.

Ну, и регулярные занятия любовью, конечно. Не думаю, что у царицы с этим проблемы. Мужчины-васки выглядят привлекательно и брутально. Многие из крылатых стражей на голову выше лучших солдат – кормисов. Признаться, я не удержалась от некоторых фантазий насчет возможных пристрастий Альбиры. Интересно, она предпочитает одного фаворита за ночь или сразу троих, удобно ли мне задать ей столь личные вопросы...

Надеюсь, мой Кадо благополучно вернулся к водопаду на цветущем лугу и удачно разбил там лагерь со своим отрядом. Старший воин ни в какую не согласился войти вместе со мной и Наро в Мелисан и ожидал нас, как мы и договорились, на окраине Гиблого леса в небольшой долине.

Между тем мы с Альбирой быстро миновали величественную кладовую, и меня привели во второй зал, где размещались во всю стену пчелиные соты. Собственно, это помещение и представляло собой некое хранилище ячеек, в каждой из которых мог запросто поместиться среднего роста человек, да хотя бы я сама.

Альбира замедлила шаг и с благоговением погладила длинный желоб, выточенный будто из цельного ствола дерева. Причем, желоб этот был толщиной с плечо Кадо и располагался как раз под нижней границей ближайших к полу ячеек.

– Подойди ближе и будешь вознаграждена.

Невольно затаив дыхание, я приблизилась к правильным рядам сот, чтобы встать возле царицы васков. Тогда она приотворила матовую пленку одной из ячеек и оттуда прямо в желоб пролилась густая остро пахнущая жидкость.

– Это незрелое утробное молоко. Священная влага Васкарионы, дарующая вечную молодость и красоту. Ах, все это лишь красивые слова! Ничто не вечно под обоими светилми. Но ты можешь продлить свои годы и надолго сохранить свежесть тела на радость благодарным подданным. Ты

же любишь их радовать своим естеством, Магрит?

– Думаю, так же как и ты.

Ответа разумнее я бы сейчас не подобрала но, похоже, мои слова понравились царице. Она зачерпнула вязкую жидкость своей сухой узенькой ладошкой и поднесла к моему лицу.

– Пей!

Я совершенно не хотела этого делать. Меня смущал странный запах. Очень уж он напоминал «флюиды» мужского семяизвержения. Но и отказаться я сейчас не посмела, пришлось сделать глоток. На вкус мутноватая масса оказалась такой же малоприятной, как я и предполагала, но, едва сдерживая тошноту, мне пришлось наклеить довольную улыбку. Альбира внимательно следила за выражением моего лица, а потом вздернула вверх стрелочки черных бровей и звонко расхохоталась.

– Можешь не притворяться, обманщица! Я же знаю, как это противно. Ах, Магрит, Магрит...

Потом царица одним ловким движением вымазала мои щеки и лоб остатками жидкости, а когда я задрала подол, намереваясь утереться, попросту перехватила мои запястья.

– Перестань, она высыхает очень быстро и завтра ты сама удивишься, как разгладилась и посвежела кожа. Преданные мужчины оценят тебя.

– Поверь, моим мужчинам я нравилась и раньше. И прошу, впредь позволь мне решать самой, нужно мне сейчас

омолодиться или нет. Прости, Альбира... Я не желаю показаться грубой, но мне хочется все это исторгнуть из себя на пол.

Я с трудом пыталась стереть с лица липкую гадость, вымывала себе все руки и уже чувствовала подступающую злость. Что эта дама себе позволяет! Привыкла, что местные самцы пачками валяются у ее точеных ножек, значит, теперь все позволено. Но я – гостя и королева, ко мне следует обращаться уважительнее.

Альбира заливисто смеялась и вдруг поцеловала меня в губы, крепко обхватив ладошками мой затылок. Я почти с ужасом увидела напротив ее янтарные глаза, чувствуя, как шаловливый язычок скользит по моим зубам вправо и влево, проникая все глубже и бесстыднее. Но царица тут же отпустила меня, напоследок с явным наслаждением лизнув щеку.

– Чего ты боишься, Магрит? Или стыдишься... Неужели самцы тебе еще не надоели? Мои руки гораздо нежнее. Ведь ночью тебе нравились мои ласки.

– Ночью? Я крепко спала и, кажется, только Наро был рядом.

– Твой мужчина любил тебя, а я наблюдала и тоже прикасалась к твоему телу. У тебя мягкая кожа, но ей не хватает упругости и белизны. Сейчас мы это исправим!

Я ничего не успела ответить, а только пыталась представить в воображении картинку, – Наро склонился надо мной, а сластолюбивая царица прилегла рядом и гладит нас обоих.

Бррр... или... ничего особенного? Я же когда-то наблюдала за тем, как оприны совокуплялись в Гиблом лесу после ритуального танца, я видела двух соединившихся крылатых пикаров. Может, Альбира тоже обожает подглядывать?

Но сейчас мне приходилось только быстрее переставлять ноги, чтобы поспеть за ней. Мы пробежали до конца залы мимо всех сот и оказались перед маленьким бассейном, в который из более широкого желоба сверху стекала та самая подозрительная жидкость, но только уже из ячеек, что упирались в потолок и на вид выглядели заметно меньше и темнее. Да и пахло верхнее молочко настоящим, чуть подогретым медом.

– Сними одежду и окунись в живые воды Васкарионы. И ты не узнаешь себя завтра, Магрит.

– Подожди-подожди, я подумаю...

Не дослушав мои возражения, царица сдернула с меня тунику и шлепнула по оголившейся ягодице.

– Я хочу искупаться с тобой. Не смей мне отказать!

Но самое пугающее ожидало впереди. В середине бассейна на дне оказался лаз, прикрытый деревянной крышкой. И пока я топталась по колени в тягучей массе рыжеватого оттенка, Альбира сорвала пленку с нескольких ближайших ячеек на уровне наших плеч, чтобы в бассейн хлынули струи новой пахучей жидкости.

Я еле успела увернуться, как царица открыла лаз на дне и толкнула меня к нему, заставляя провалиться вниз и словно

по извилистой трубе аквапарка умчаться дальше с потоками мутной воды.

Мне казалось – еще немного и я захлебнусь, с ног до головы покрытая липкой пастой. Я барахталась и пыталась очистить нос, чтобы хоть немного вздохнуть. Отчаяние уже почти настигало, когда я вылетела из трубы на мягкую ворсистую поверхность.

Не сразу разлепив склеенные ресницы, я шарила руками вокруг, чувствуя, что лежу в чем-то отдаленно напоминающем песок. Но он оказался сладким и таял на языке подобно сахарной вате. Боже! Боже! Разве такое возможно!

Я готова была закричать от восторга, но только разевала рот, как рыба, выброшенная из воды. И лишь когда с торжествующим визгом рядом приземлилась Альбира, я вновь обрела дар речи и способность нормально дышать.

Мы сидели внутри гигантского живого цветка. Сопоставив размеры и формы, я решила, что это местная лаватера или гибискус. Ярко-красный граммофон с длинными тычинками и бревноподобным пестиком посередине принял нас подобно маленькой корабельной каюте и теперь плавно раскачивался по инерции, осыпая нас новыми порциями душистой пыльцы.

Альбира знала толк в наслаждениях. Она развалилась на желтоватом покрывале и блаженно закрыла глаза. Наши тела были сплошь покрыты миллионами крохотных пыльцевых зернышек. Итак, мы вымазались в меде и вывалялись в цве-

точном пуху. Похоже, именно здесь кроется разгадка долголетия и неувядающей царской красоты – я была поражена и взволнована своим открытием.

И даже когда Альбира внезапно подсела ближе и принялась деловито слизывать с моей груди вкусные капли, я попыталась воспринять это как часть церемонии, но в душе всерьез начинала бояться темпераментную царицу. Любопытство мое было полностью удовлетворено, я искренне хотела домой.

Глава 22

Великая новость

Инсектерра.

Кормаксилон. Чрево Матери

Уно сидел посреди комнаты на полу в самой привычной позе – раздвинутые в стороны колени и соединенные стопы. Старший наставник сосредоточенно наблюдал за самым крупным и зрелым коконом из десяти особенных. Все они выглядели светлее остальных, на них не было чешуек и бороzd, хотя размеры мало чем отличались.

С того дня как паланкин Магрит исчез за Зеленой стеной Уно избегал собратьев – забирал еду и ужинал в одиночестве, почти все время проводил во Чреве Матери, снова и снова поудобнее раскладывая яйца, часто навещал пещеру-хранилище с коконами. Особенности он сразу разместил в отдельной нише и каждый день следил за тем, как они растут.

Такое поведение наставника немного тревожило прочих «нянек», но они понимали, что Старший также как и все кормисы взволнован из-за новых яиц, что слишком быстро преобразовались и могут дать удивительное потомство.

Однако Уно беспокоили не только необычные коконы. Он просто скучал по своей королеве. Фраза за фразой разбирал

в голове их разговоры, вспоминал черты лица любимой женщины, ее голос и смех, а сердце наполнялось необъяснимой тревогой и тоской. В голову Уно сейчас приходили незнакомые прежде мысли и желания.

«Как я не понял ее... Она хотела принадлежать одному мне, потому что наши звезды дышат одновременно. Но она нужна всем нам, разве я могу один любить ее и пользоваться вниманием в Семье, где все равны...»

Эти вопросы сводили Уно с ума, он считал дни, стгорая от нетерпения вновь увидеть Магрит, поскорее остаться с ней наедине и высказать все, что прячет душа. Поведать о своей огромной любви, о том, что он на все готов ради ее благополучия и счастья.

В их последнюю ночь Уно видел слезы на ее щеках, значит, и ей было тяжело расставаться. Как больно... как же больно... Уно застонал, в порыве яростного сожаления сжимая свои кулаки и склоняясь к полу гибким мускулистым телом.

Он только сейчас осознал, что встреча с Магрит – это самое чудесное, что могло произойти в его жизни. Непостижимая, трепетная женщина была в его руках, спала на его груди, дарила свою нежность и тепло, доверчиво раскрывала перед ним тайники чистого тела, а он же порой будучи рядом витал в облаках, думал о новых нишах для яиц и мысленно раздавал поручения младшим. Жалкий глупец!

Нужно было пойти с ней и ни на мгновение не оставлять

одну. Нужно было вовсе запретить ей этот опасный поход. Магрит бы послушала его, Уно подозревал, что имеет особенное влияние на ее решения и наверняка мог бы заставить передумать.

Но он слишком легкомысленно отнесся к королевской причуде и теперь невероятно страдал. Даже записи Высокоумного Чаро не способны были утешить в минуты отчаяния. Уно наугад брал один из многочисленных свитков и читал первые слова, что зацепят его взгляд.

Сегодня в "Поцелуях небес" он наткнулся на следующее поучение:

– Все вокруг и ты сам есть такое, что было создано прочно, но всегда способно меняться. Научись сдержанно встречать перемены и сделай им шаг навстречу. Тогда плохое обтечет тебя, не причинив вреда и уйдет прочь, а хорошее поселится в твоём сердце, пустит корни, даст плоды и рассыплет новые семена в свой срок.

Уно вздохнул, отложив тексты в сторону. Он желал перемен и был готов меняться. Но пусть Магрит всегда будет рядом – та Магрит, что он любит и ждёт.

Некоторым кормисам Уно и прежде казался странным из-за любви к уединению и склонности к долгим размышлениям, а потому поведение наставника сейчас никого не удивляло. Так же сдержанно Семья отнеслась к появлению Коконнов из необычных яиц.

– Уно поймет, что нужно делать. Он справится, потому

что чувствует их сильнее, чем мы. У него особая связь с детьми, – говорил один из старых нянек и все соглашались, оставив Старшего наедине с будущим потомством.

А сам Уно, слыша эти разговоры, испытывал тяжкие муки совести, ибо думал он сейчас больше о Магрит, нежели о своей работе. Целыми днями он ждал Королеву, ловил руками воздух так, словно искал любимые пальцы, а порой намазывал на собственную ладонь ленту, взятую из ее волос. Этот кусочек тряпки уже не хранил ее запаха, но был единственной вещью, что Уно смог вынести из королевских покоев в память о ночи с любимой.

«Когда она вернется, я никому ее не отдам»,

«Прекрати. Ты не можешь запретить другим касаться ее, не можешь запретить им желать и любить. Ты не имеешь права на подобное. Лучше забудь»

Уно вздрагивал и тихо стонал от внутреннего спора. Это было нестерпимо больно, до нервной судороги больно где-то там глубоко в груди так, что в потрепанную ленту хотелось вцепиться зубами и взвыть от невыносимого желания бежать по следам Магрит в чащу леса.

«Уно – ты хороший кормис, ты старший среди наставников, ты не имеешь права пренебречь своими обязанностями. Ты должен позаботиться о коконах, о новом поколении, для этого ты и рожден. Не следует забывать свое призвание и долг перед Семейей».

Распростершись на полу перед нишей, Уно в который раз

пытался сконцентрировать внимание на продолговатых серых предметах перед собой, но внезапно расслышал сухой треск лопающихся пелен самого крупного кокона.

Резко дернув головой в сторону знакомого звука, наставник заставил себя подняться. Светлые стенки кокона медленно зашевелились и стали раскрываться, расслаиваясь, так же как весенний бутон тамарикса.

Уно смотрел, затаив дыхание и отлично понимал, что должен позвать кого-то еще для свидетельства, но слишком боялся пропустить самый важный момент. Обычно коконы шумно трескались и тотчас рассыпались, являя миру юного кормиса, а в этот раз наставник заметил, что в середине полураскрытого кокона, свернувшись калачиком, спала девочка.

Изумленный Уно отпрыгнул назад, растерянно взмахнув руками. Его быстрый разум представил, что в каждом странном коконе спит дочь Кормаксилона, которая также может давать силу и вести Семью к процветанию.

"Тогда Магрит будет только моя?" – робко спросил сам себя Уно и тут же ответил, утвердительно. Осталось лишь дожидаться возвращения королевы, а пока следует поведать о чудесном событии остальным:

– Девочка! Знак особого расположения Матери, доверившей нам свою маленькую дочь. И это счастье пришло в наш Дом через Магрит. Это она смогла пробудить женское начало в яйцах, она подарила дому свои маленькие подобия. Де-

вочки! Сестры, подруги, возлюбленные...

Уно рассмеялся, заранее представляя удивленные глаза Мано и остальных кормисов. Разве может быть новость лучше?

«Когда ты вернешься, я тебя никуда больше не отпущу... И сам стану твоей тенью, Магрит – дивная, желанная, божественная...»

Скоро оживут и другие коконы, а новорожденную девочку стоит бережно омыть и смягчить болезненность первого пробуждения. В конце концов, Уно был более чем уверен, что даже крохотные женщины нуждаются в особом отношении.

К тому же кормисы быстро растут и достигают зрелости, вероятно, это же будет происходить и с девочками. И совсем скоро в Доме зазвучат нежные голоса девушек. А потом появятся пары, и сила любви пробудит к жизни новые зародыши дремлющих яиц.

Полный радужных надежд, Уно торопливо созывал помощников, готовясь принять на руки первую дочь Кормаксилона.

Глава 23

Прощание с Мелисаном

Магрит

Я мягко отстранилась от Альбиры и покачала головой, пытаясь выглядеть убедительно-любезной:

– Прости, но я не привыкла к такому обращению со стороны женщины, а твоя настойчивость немного смущает. Я себя чувствую десертом на праздничном столе – этакий вымазанный в меду кусок бисквита. Удивляюсь, как на меня еще не слетелись пчелы. Ай!

Я прикусила язык, внезапно подумав, что как минимум одна сладострастная пчелка уже готова меня попробовать. Но как бы хотелось избежать столь пристального внимания царской особы...

– Дорогая Альбира, я бы очень хотела помыться и чем-нибудь перекусить. А еще меня неудержимо клонит в сон. И какие-то тревожные мысли досаждают с самого утра. Мне кажется, что нам стоит пораньше вернуться в Кормаксилон. Меня ждут мои люди. Я не могу оставлять их надолго. Ведь ты все сама понимаешь, ты очень заботливая Правительница, это заметно с первого взгляда. Позволь нам завтра же покинуть твой дивный Мелисан.

Мне стоило немалых трудов выдержать пронзительный взгляд ее глаз, что казались при ярком солнечном свете каплями янтаря с черными крапинами сузившихся зрачков.

– Ты очень странная, Магрит. Разве я собираюсь тебя держать? Хотя ты же не видела и сотой доли того, чем я могла бы поразить твое пугливое сердце.

– Мое сердце желает лишь одного – благополучно добраться до дома, где меня ждет любящая Семья.

Я искренне верила в то, что сейчас говорила, а вот Альбира выглядела разочарованной и даже не хотела этого скрывать.

Царица на четвереньках подобралась к самому краю упругого лепестка, служившего нам своеобразным диванчиком, и высунулась по плечи наружу. Потом я услышала тонкий вибрирующий звук, и вскоре рядом раздалось шуршание крыльев. Кажется, Альбира таким образом подозвала слуг.

Мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру и голышом взгромоздиться на спину второго мужчины-васка. Долой стыд, пусть на свою хозяйку пускают слюни! Да и вряд ли я могу прельстить их взор, мои объемы выглядят куда более скромно по сравнению с внушительными прелестями крутобедрой царицы.

Я крепко ухватила руками за шею крылатого мужчины и с замиранием сердца огляделась вокруг. Мы были на широком лугу с другой стороны каменной гряды. Наш цветок был здесь даже не самым большим и красивым. Мне неволь-

но вспомнилась страна великанов из приключений Гулливера. Там запросто могли быть растения – исполины. Так, значит, это и есть Заповедный луг, что завещано хранить племени васков.

Ой-ой, жутковатое ощущение стремительного полета! Я все сильней прижимаюсь к вытянутому телу своего проводника, стараясь не поднимать головы. Надо мной сейчас расправлены самые настоящие крылья, жесткие и одновременно такие хрупкие на вид, что я с трудом могу подавить чувство страха, когда вижу, как именно они соединены с телом.

Бесподобное существо – летающий человек-пчела! Или оса... Кто их тут разберет. Главное – человек, готовый отнести меня на себе к небольшой заводи с чистой водой.

Мы сделали круг почета над прудом и вскоре меня бережно опустили на берег. Неподалеку приземлились еще несколько васков – персональная охрана царицы и слуги, которые обеспечат нам одежду после мытья. Похоже, я вовсе перестала стесняться чужих взглядов.

Спокойно захожу в воду и тщательно смываю с себя присохшую пыльцу и медовую пленку. Какая гладкая кожа под слоем этой шероховатой маски, нежная, бархатистая – Альбира была права. Я в который раз окунулась с головой и отжала волосы, собираясь направиться за полотенцем. Напоследок бросила еще один взгляд на успокоившуюся водную гладь. Разве это я?

Из воды на меня смотрела молодая и очень привлекатель-

ная девушка с изумленным выражением лица. Я рассмеялась и взбаламутила ногами воду. Альбира уже стояла на берегу, позволяя васкам бережно осушать свое великолепное тело. Я невольно залюбовалась ею и даже позавидовала, но совсем немного.

Она родилась в любящей семье и с самого начала знала о своем высоком предназначении, росла как оранжерейный цветок, окруженная заботой и негой. Не ведала никаких лишений, а теперь обладает почти безграничной властью в окрестностях Мелисана. В оазисе ярких красок и ароматов ванили, смешанных с нотками мяты и лемонграсса. Райское местечко...

Но меня ждет Кормаксилон. Ждет красивой и полной сил, чтобы радовать моих мужчин.

– Альбира! Ты можешь подарить мне немного «зрелого молочка», что чудодейственно влияет на кожу? Я буду с большой благодарностью им пользоваться у себя в Доме, буду вспоминать два дня проведенные здесь, как одни из самых чудесных в жизни.

– Конечно! Я предложила бы тебе этот дар и без твоей просьбы, маленькая Магрит.

Ну, вот опять – «маленькая»! Подумаешь, я ниже царицы всего на голову и нечего так важничать. Но мне пришлось отвлечься от размышлений поскольку два васка направились ко мне с явным намерением растереть куском полотна. Я старалась не бросать взгляды в сторону Альбиры, она слишком

горячо целовала одного из своих старательных помощников, пока второй...

Ну, разве можно смотреть спокойно, как два сильных и здоровых существа облизывают друг друга под открытым небом? Кажется, все в Инсектерре готовы совокупляться прямо на глазах у толпы без малейшего стыда. Одна я брожу неприкаянной тенью и мечтаю о любителе древних трактатов и флейты.

"Что ты делаешь в этот самый момент, Старший наставник Уно? Наверно, опять любишься своими чудными коконами и вряд ли вспоминаешь королеву... Свою маленькую, печальную королеву.

Я соскучилась по тебе. Хочу видеть тебя и больше уже никогда не разлучаться. Но ведь придется снова делить на всех "королевскую милость" и тебе достанутся только жалкие крохи моего внимания. Знаю, ты будешь и этому рад, а я сделаю вид, что все хорошо. Я уже научилась".

Усилием воли прогоняю грустные мысли и стараюсь поскорей натянуть платье на влажное тело, чтобы скрыть наготу от пытливых мужских глаз. Слава Богу, царица слишком увлеклась общением с верноподданными и немного забыла обо мне. Я тихо попросила ближайшего васка доставить меня к Наро и мою просьбу незамедлительно выполнили.

Правда, на сей раз мне пришлось лететь не голышом на крепкой спине крылатого парня, а в маленькой, легкой беседке, которую несли сразу четверо летунов.

Растрепанный Наро встретил меня в вестибюле гостевых покоев.

– Мы должны как можно скорее покинуть Мелисан. На этом далеком расстоянии я с трудом могу слышать зов Кормаксилона, но чувствую, что там требуется наше присутствие. Случилось нечто странное, Кадо тоже это осознает, наша связь неразрывна.

– Я полностью разделяю твое беспокойство. Мы выходим завтра же поутру.

Меня тревожил еще один щекотливый вопрос, и я подошла ближе, уставившись взглядом в центр груди друга:

– Наро... Мне нужно знать правду. Этой ночью ты был один в моей комнате? Может, пока я спала, к нам входил кто-то еще?

Я подняла глаза, желая сразу увидеть выражение его лица, но Наро ничуть не смутился:

– Ты уже засыпала и я позволил себе немного приласкать тебя. Потом я почувствовал запах сладковатого дыма от сжигаемых корней хамелы и твердой смолы ятариса. И еще был какой-то незнакомый пряный аромат, он сперва щекотал ноздри так, что я чуть не расчихался, а потом замутил мой разум. В комнате появилась царица и приложила палец к губам, она несла в руках курительницу и прошептала, что это поможет тебе видеть чудесные сны. Магрит... Она...

– Продолжай! Я хочу знать все, что случилось ночью.

Наро вздохнул и попытался меня обнять, но я отпрыгнула

назад. Мужчина виновато опустил голову:

– Я знаю, что поступил плохо. Я не должен был позволять ей касаться тебя, но она говорила так, что ей нельзя было не поверить. И я вдруг очень сильно захотел быть с тобой, а ты приглашающе улыбалась во сне и была очень благосклонной, Магрит...

– Довольно! Что именно делала Альбира, пока ты пользовался моей благосклонностью?

– Я был одурманен, и плохо помню. Прости.

Разве можно на него сердиться? Я провела достаточно времени с царицей, чтобы понять, на что способна эта женщина ради удовлетворения своих тайных желаний. Наро оказался лишь инструментом в ее руках, и есть немало моей вины в том, что мы с другом оказались в такой ситуации.

– Будь спокоен. Я не держу на тебя обиды.

Темные глаза Наро вспыхнули, кулаки сжались:

– Я приму любое наказание, но лишь когда мы вернемся домой.

– Начинаю считать часы. Мелисан слишком хорош для истинных кормисов... и их маленькой Королевы.

Наконец я разрешила ему себя обнять. Было заметно, что он расслабился от моих слов и выдохнул с облегчением. Похоже, ночные события полдня давали ему недобрую пищу для раздумий. А я просто махнула на все рукой. Подумай, какая-то особа царских кровей подсмотрела как мной страстно овладел один из моих супругов.

Подумаешь, чужая женщина и сама немного приняла участие в этом процессе, надеюсь, оно того стоило, мне определенно плевать, я все равно помню, что меня трогал только Наро.

А вот ему бы следовало понять, каково это, когда тебя накачивают дурманом и пользуются по своему усмотрению. Я могла бы кое-что припомнить главному добытчику, но меня охватила лень. До вечера я просто валялась в отведенных мне покоях, лакомилась новыми яствами, что принесли васки, примеряла наряды и украшения.

Вечером состоялся прощальный й ужин с Альбирой и вялое обсуждение нашего завтрашнего отъезда. Царица выглядела уставшей и несколько располневшей. Я не верила своим глазам, но ее живот округлился под просторной хламидой, а движения стали медленными и плавными. Думаю, сейчас она бы не смогла так лихо бегать вдоль стен кладовой, как утром.

На меня Альбира обращала куда меньше внимания, чем полдня назад, и я скоро я смогла покинуть пиршественную залу Мелисан, чтобы отправиться на последнюю экскурсию. Видимо, особому расположению царицы в мой адрес пришел конец и сейчас меня сопровождал почтенный пожилой васк, чья голова была покрыта седым ежиком волос. Я не выдержала и забросала его вопросами, о которых стеснялась спросить рассеянную нынче царицу.

Именно в последний вечер я узнала о Мелисане много но-

вого, например, васки не рождаются лысыми, а тщательно бреют головы наподобие некоторых монахов нашего мира, лишь сановные старики лишены этой нудной обязанности. Так стало ясно, чем статуснее местный васк, тем длиннее его бородка и выше растительность на голове.

Мы посетили оружейные и ювелирные мастерские, где мне и Наро снова разрешили выбрать себе подарки. Я, конечно, не смогла отказаться от тонких браслетов на каждое плечо выше локтя, а мой кормис получил отличный боевой топорик. Васки хорошие умельцы, мы по достоинству оценили их труды и вручили кожаные пояса с клеймами Кормы.

Наконец, сопровождающий привел нас в то самое помещение, где еще в начале дня меня угораздило принять медовые ванны. Я была довольна результатом, моя кожа словно сияла изнутри, казалась бархатистой и мягкой на ощупь.

Как замороженная, я наблюдала за руками нашего экскурсовода, пока он приоткрывал пластинку ячейки, чтобы нацедить новую порцию «молочка» в изысканную посудину из древесной коры.

Наверно, всему виной было мое горячее любопытство, но старческие пальцы дрогнули и крышка соты отвалилась напрочь, заставив всю влагу вытянутого отсека моментально расплескаться по полу. Но вместе с водой в желоб плюхнулось черное сморщенное тельце.

Я отшатнулась, не сдержав крика, все же я училась на врача, и мне приходилось видеть нечто подобное в банке с фор-

малином. Никаких сомнений – передо мной в деревянном желобе сейчас лежал человеческий эмбрион, погибший на середине срока своего развития. Я перевела возмущенный взгляд на васка:

– Что это такое? Отвечайте!

Мне остро не хватало воздуха, хорошо еще Наро встал рядом, чтобы я могла опереться на него и продолжить:

– Зачем вы держите здесь умерших детей? Как они сюда попадают?

Васк совершенно не понял мой праведный гнев и, видимо, приписал мое возмущение собственной неуклюжести. Его рассказ меня поразил настолько, что я отказалась от «эликсира молодости» и попросилась на поверхность, где могла бы увидеть лес и луга перед Мелисан.

В каждой ячейке этого особого хранилища были крохотные замершие васки. Их развитие могло бы продолжаться в специальном Детском помещении, но рост этих малюток остановили нарочно, просто залив их «домики» слабым медовым раствором в смеси с другими тайными компонентами.

– В этом нет ничего страшного, госпожа. В Мелисан рождается гораздо больше детей, чем требуется Семье. Наша плодовитая царица каждую Луну приносит сотню новых зародышей, их разносят по сотам, но лишь избранной части потомков дадут дозреть до конца, остальные станут ингредиентом «утробного молочка».

– Того требуют ваши традиции?

– Так было заведено еще со времен владычества Васкарионы. Она прожила три сотни лет и завещала секрет долгой молодости каждой матери Мелисан. Во славу Дома васков.

Я повисла на руках Наро и уже не помнила, как он доставил меня в гостевую спальню. В ту ночь я не смогла заснуть, мой желудок выворачивало наизнанку. Удалось задремать лишь на рассвете, но стоило увидеть чашу с водой для умывания, как перед глазами снова возникли сотни длинных ячеек, в каждой из которых плавал забальзамированный в медовой смеси трупик маленького васка.

– Наро! Какое счастье, что меня взяли к себе именно кормисы. Наро, я вас всех очень люблю и постараюсь быть для вас самой лучшей Королевой.

Пора возвращаться домой.

Глава 24

Нападение

Отряд кормисов покинул поселение васков незадолго до рассвета. Царица Альбира равнодушно простилась с Королевой Магрит и отправилась досыпать, придерживая руками заметно увеличившийся живот. Ничего удивительного, через пару недель в Мелисане ожидалось новое пополнение.

Магрит нездоровилось, она отказалась от еды и даже воду пила будто с опаской, маленькими глотками. Наро был задумчиво-хмур, его второй день терзали недобрые предчувствия. Зато Кадо встретил собратьев с открытой улыбкой, похожей на звериный оскал. Впрочем, Магрит успела привыкнуть к взрывному темпераменту старшего воина и лишь слабо улыбнулась в ответ.

Хотя они расстались не надолго, королева успела немного соскучиться по грубому прямолинейному Кадо, а потому даже не возражала, когда он приблизился в два прыжка и схватил ее своими большими руками.

– Я рад видеть тебя! К нашему возвращению все готово, сопровождающие отряды на своих местах, мы находимся в центре оборонительного клина.

– Так командуй, сильнейший из воинов! – воскликнула Магрит, смело обнимая воловью шею могучего кормиса.

Чем дальше позади оставался противоречивый Мелисан, тем все больше оживлялась королева, вслух мечтая о том, как скоро окажется в стенах знакомого Дома, увидит двух прочих Советников, а ночью прижмет к груди симпатичного молодого музыканта.

После краткого отдыха у Водопада на лугу настроение Магрит еще более улучшилось. Она искренне радовалась дороге Домой, вспоминала посуду с округлыми узорами, спиральками и завитками, ярко расписанные стены Архива, диковинную пищу и заботу юных «пажей». Путь пришлось начинать пешком, но очень скоро Кадо подхватил королеву на руки и, предупреждая вероятное возмущение, быстро проговорил:

– Не запрещай держать тебя у сердца. Даже день без моей госпожи длился вечность, а сейчас мне нужно прикоснуться к тебе и чувствовать твой запах, чтобы быть сильнее. Я хочу добраться до реки к ночи.

– А разве есть причины для спешки? – взволнованно спросила Магрит.

– Только одна. Кормаксилон скучает по своей королеве.

Воин горячо поцеловал ее в щеку и потерял носом о плечико, с которого удачно сползла ткань. Некоторое время Кадо со свое ценной ношей следовал вперед, не сбавляя темпа, а потом внезапно замер, подняв вверх руку со стиснутым кулаком. Магрит вздрогнула, заметив, как переменялось друга.

– Что случилось?

– Оставайтесь здесь и берегите королеву, – строго велел Кадо, быстро передавая ее в руки Наро.

Тот легко принял госпожу, понимая, что чуткий воин мог отреагировать лишь на приближающуюся опасность или явную угрозу.

– Где? – тихо спросил Наро, желая иметь представление о надвигающейся беде.

– Влево от Солнечного убежища один из кормисов ранен, я чувствую его боль как свою, – ответил Кадо, и тут же рванул в джунгли, отозвав с собой пару солдат.

Остальные воины сгрудились вокруг Магрит, заслонили ее щитами и выставили копья. На краткое время в лесу установилась гнетущая тишина, несвойственная столь обитаемой части джунглей. Но вдруг поблизости оглушительно завопили птицы и запищали сигарусы. Наро лихорадочно озирался вокруг, сжимая в руках длинный тесак – подарок умелых васков.

С тонким свистом пролетел дротик, и крайний кормисов рухнул на землю, корчась от боли.

– Они могут быть повсюду, закройте Магрит! – гремел Наро, понимая, что отряд угодил в ловушку.

Едва дыша от ужаса, Магрит успела лишь обхватить старшего добытчика за пояс, как высоко над ее головой зашумели ветки под грузными телами и полетела листва, вперемешку с тучей отравленных дротиков. Над ухом раздался душевраздирающий вопль:

– Дармисы!

Кроны деревьев заполонили мужчины с темной кожей. Издавая пронзительный свист, они обрушили на мирный отряд толстые сети и сами прыгнули следом на поверженных кормисов.

– Прости, что оказались не готовы, – прошептал Наро, закрывая ее своей широкой спиной. – Попробуй укрыться в лесу.

– Я вас не оставлю. Я разделю все, что будет с тобой.

Грубый рывок за волосы заставил ее крикнуть, и Наро развернулся, желая наказать обидчика королевы, но согнулся от удара клинка в правый бок.

Испуганная Магрит пыталась сопротивляться, когда огромные черные руки подняли ее с земли и грубо встряхнули. Заметив Наро, лежащего неподвижно с помутневшими глазами, королева прекратила бесполезную борьбу.

– Харра... Это было слишком легко.

Едва не теряя разум от сцены развернувшегося на ее глазах побоища, Магрит смотрела на высокого дармиса, перед которым ее поставили на колени. Он имел пепельного цвета безволосую кожу, массивные желтые браслеты на руках и длинный плащ грязно-красного оттенка. Широкое лицо генерала Закриса сейчас выражало одну лишь первобытную радость от удачного исхода военной вылазки.

– Так вот ты какая, новая Мать Кормаксилона! Мой лучший трофей за несколько лет. Но я сильно разочарован. Ты

маленькая и худая, надолго тебя не хватит.

Он коснулся кончиками пальцев ее щеки и тут же громогласно рассмеялся от того, как отчаянно Магрит дернулась в сторону.

– Ничего, ничего, скоро ты привыкнешь и к моим ласкам. Нам некуда спешить, мать трусов.

Его последнее слово звучало как откровенная издевка, но именно оно напомнило Магрит о своем истинном статусе и придало сил для ответа:

– Что бы ты не сделал со мной, скотина, тебя ждет расплата. За нас жестоко отомстят! Клянусь солнцем этого мира, ты подохнешь в грязи, как бешеное животное. И пусть я этого не увижу, заранее плюю на твой обезьяний труп.

Эффектно завершить речь не получилось – во рту пересохло и Магрит пришлось чуть ли не до крови прикусить губу, чтобы вдобавок не разрыдаться от животного страха, который скрутил нутро, заставляя «тряпичное» тело еще больше клониться к земле.

Вокруг раздались гневные голоса, но поднятая рука Закриса заставила его людей умолкнуть. Генерал медленно присел на корточки рядом с дрожащей, но не сломленной жертвой и с любопытством заглянул в синие глаза женщины. Потом запустил ручищу в ее волосы, заставляя выгнуть шею и повернуться к нему. В то же время его другая ладонь скользнула по молочно-белой шее Магрит и пробралась под одежду к груди.

Последними крохами рассудка королева заставила себя не отводить взгляда от ненавистного лица, когда Закрис приблизился вплотную и лизнул ее нижнюю губу. А потом проделал то же самое с ее верхней, опаяя рот Магрит тяжелым возбужденным дыханием.

– А ты горячая и острая, как свежая сакила. Я буду пить тебя целую ночь, пока не стану совсем пьян. А потом отдам каждому из своих людей. Если ты не убедишь меня, что согласишься на что-то большее.

Он впился в ее губы новым, мучительным поцелуем и тогда Магрит что есть силы стиснула зубы, смутно предпочитая быструю смерть мучениям плена. Закрис взревел, как раненый зверь, за волосы отрывая от себя женщину, осмелившуюся его укусить. Магрит сжалась на земле, ожидая нового удара, но услышала над собой лишь хрипловатый надсадный смех.

– На сегодня хватит. Я получил достаточно доказательств того, что в тебе течет королевская кровь. Ты заслужила мое внимание, женщина, и займешь достойное место на моем ложе. Эй! Мы возвращаемся в Дармаллак, заберите тех кормилов, кто еще может идти сам, они потребуются для развлечений на арене. Хотя бы как полуживое мясо.

Еще несколько быстрых приказов-распоряжений и Магрит закинули на спину какому-то амбалу. Краем глаза Королева увидела, как один их черных мужчин бьет по лицу Наро, заставляя того подняться с земли. «Он жив... Кадо то-

же... Надежды терять нельзя...».

– Никого не добивать! – шипел рядом Закрис, то и дело раздавая оплеухи черным солдатам.

– Кормисы слишком хорошо чувствуют боль своих братьев. Они не бросят раненых, так пусть сначала отволокут их домой, а уж потом пробуют вернуть свою потаскуху. А уж мы хорошенько их встретим! Харра!!!

Женщине хотелось заткнуть уши от диких разноголосых воплей вокруг, но генерал одним движением руки призвал сородичей к тишине и прислушался. Вдалеке прозвучали ответные вопли, но они, кажется, отнюдь не порадовали Закрису.

– Нам надо спешить! Но сначала найдите мне того, кто посмел выстрелить раньше срока!

Повиснув на спине черного грома, Магрит искоса наблюдала, как к генералу привели молодого дармиса – совсем еще подростка на вид. Грубым толчком парня поставили на колени так, что он уткнулся носом в размокшую зелень у ног командующего:

– Ты нарушил приказ, – холодно сказал Закрис.

– Да, генерал. Пощади...

Голос у парнишки дрожал и сбивался от откровенного ужаса перед неминуемым наказанием.

– Ты еще смеешь дерзить, куцый марасс! – рывкнул Закрис и внезапно вытянул вперед руку. – Целуй!

Мальчишка покорно коснулся руки губами, а та внезап-

но отклонилась и резким ударом прошла по лицу, словно плеть.

– Как только вернемся в крепость, бросить его в яму – сгодится для игр на разогреве у Оприна, – сухо велел Закрис и тут же замолк, переходя на язык жестов.

Дармис, несший женщину, грубо встряхнул ее, словно куль с зерном, укладывая поудобнее на широком плече. И через пару мгновений отряд черных людей скрылся в зарослях, оставив на поляне мертвых и раненых сыновей Кормаксилона.

Кадо понял свою ошибку, когда еще не добравшись до атакуемого отряда ощутил вдруг множество болезненных уколов в область груди и шеи. На какое-то время мужчина замер, оценивая обстановку, следовало помочь своим разведчикам, которые бились с неведомыми врагами уже неподалеку и как можно скорее возвращаться обратно к Королеве. Она в большой опасности!

Из-за ближайшего дерева на Кадо бросился дармис, норовя снести голову огромным клинком. Пришлось проломить ему череп булавой, а потом смертельно ранить второго чернокожего воина.

Нервно вспарывая живот третьему, Кадо отлично понимал, что должен мчаться обратно – это нападение – просто отвлекающий маневр, дармисы никогда бы не рискнули бросить вызов вооруженному отряду столь малым числом людей. Они любили кидаться толпой и безжалостно истреблять

все живое на своем пути. «О, Первая Мать, защити Королеву!»

Еще двоих неудачливых дармисов уложили храбрые спутники Кадо, они же торопливо перевязали выжившего разведчика-кормиса. Теперь нужно было вернуться на поляну, где осталась Королева. Но едва Кадо сделал пару шагов назад, как глухо застонал от невыносимой боли десятка его собратьев, оставшихся сейчас охранять Магрит.

Озверевшие мужчины мчались по своим следам в обратную сторону, как ларпусы, почуявшие кровь. Но там, где должна была оставаться Повелительница ждали лишь неподвижные тела меднокожих и черных людей. Рыская по истоптанной поляне в поисках выживших собратьев, Кадо пытался разработать удачный план освобождения Магрит.

Она несомненно жива и будет невредимой доставлена в Дармаллак на потеху этим мерзким тварям. Ее нужно спасти, даже если придется объявить войну дармисам, если придется поднять на битву весь Кормаксилон.

При мысли о Доме мужчины до хруста костей стиснули кулаки. А что если черные уроды разделились и сейчас пытаются обманом проникнуть за Зеленую стену? Эти вопросы сводили Кадо с ума. Раненых на поляне было довольно много, в Кормаксилон их быстро поставят на ноги, а двигаться с ними в погоню за похитителями просто невозможно. Оставить их здесь на ночь?

Они слишком слабы, чтобы защитить себя в случае новой

беды. Гиблый лес не прощает бессилия. Тысячи голодных глаз и жадных ртов нависают над едва тлеющим огоньком жизни, желая насладиться его последним дыханием, прежде чем разорвать плоть, не способную дать отпор.

– Мы доставим наших братьев Домой, а потом вернемся за Королевой. Я сам убью Закриса, я вырву его язык и скормлю сармидам, я раздавлю его глаза, я вытащу его сердце... О, Хранители Леса, пошлите нам крылья, чтобы скорее добраться до Кормаксилона!

Кадо рычал сквозь зубы молитвы и проклятья вперемешку с приказами и словами поддержки раненым. Только через несколько дней кормисы смогут попытаться вырвать свою Госпожу из лап черных ублюдков.

Несколько страшных дней должна провести маленькая Магрит в темнице Дармаллак или на ложе генерала Закриса. И чтобы отвлечься от душевной боли, Кадо в муках рванул зубами кожу на своей руке – он не мог даже представить, что было бы страшнее для его Королевы.

* * *

Весть о возвращении соплеменников разнеслась по Кормаксилону быстрее ветра и, наконец, докатилась до Чрева Матери.

– Королева скоро будет здесь! – задыхаясь от счастья, бормотал Уно себе под нос, наводя порядок в Покоях, что На-

ставники отвели специально для девочек. Трое малышей уже начинали говорить, быстро осваивая-вспоминая слова, некоторые даже пробовали петь, чем приводили в восторг и умиление своих «нянек».

Уно с большим удовольствием занимался новыми обитателями Дома, хотя прочие кормисы в первый день смотрели на девочек с опаской. Подобных детей здесь еще не бывало. Но Старший Наставник верил, что произошедшее чудо лишь укрепит Семью. Вот вернется Магрит и назовет малышей своими дочерьми и разом умолкнут все споры, улягутся сомнения.

Когда наверху раздались громкие крики, Уно бросил работу и стрелой помчался по коридору, чтобы как можно быстрее выбраться на поверхность и одним из первых приветствовать желанную Госпожу. Но Уно слегка опоздал, а добравшись до Зеленой стены, просто рухнул на землю от ужасной новости.

«Магрит похитили дармисы!», «Закрис утащил Королеву в Дармаллак!» О, лучше бы небеса Инсектерры обрушились на бедного Уно и лишили жизни прямо сейчас. Нет же ... Нет! Уно должен спасти свою женщину, Уно помнит ее последние слова: «Если я не вернусь, ты пойдешь и найдешь меня!» Так чего медлить?

Вокруг раздавались воинственные и негодующие крики – уставшего Кадо окружала толпа разъяренных мужчин. Каждый кормис желал отомстить за смерть сородичей, но сле-

довало сначала помочь раненым воинам, а затем тщательно продумать план нападения на Дармаллак. А это было под силу только большому и хорошо вооруженному отряду.

– Где Наро? – испуганно спросил Строитель Мано, оглядываясь по сторонам. Он был так взбешен известием о пропаже Королевы, что не сразу вспомнил о друге.

– Его тоже забрал Закрис, – прошипел сквозь стиснутые зубы Кадо и сплюнул в сторону, выражая тем самым полное негодование, что он испытывал к предводителю черных дикарей. – Возможно, он уже мертв. Они травят пленников на арене, никто не сможет долго продержаться в смертельных боях.

– Надо выбрать кого-то на его место, – медленно выдавил из себя Мано, не желая показать открыто, какой болью наполнила его сердце весть о судьбе Советника.

– Может, сразу и новую королеву поискать? – Уно выпалил эти слова, даже не заботясь о том, как они могут быть восприняты.

– Не надо, – резко ответил Кадо, сверкая глазами. – Мы пойдем в Гиблый лес и отвоюем нашу Магрит!

Воин выдохнул, дернул головой, собирая все свои растерянные за утомительный переход силы, и громогласно заявил:

– Я требую объявления войны Дармаллак!

Сотни голосов яростно завывали вокруг, и сотни рук одобрительно вскинулись в воздух. Кажется, весь Кормаксилон в

едином порыве готов был немедленно ринуться за полюбившейся Правительницей, во что бы то ни стало получить ее обратно.

– Я тоже... Я тоже иду с вами! – задыхаясь от переполнявших его чувств выкрикнул Уно, прижимая кулак к груди.

Кадо только кивнул, удаляясь в подземные Хранилища Дома. Старшему предстояло созвать военный совет, проверить запасы оружия и хоть немного отдохнуть, настраиваясь на новый поход за своей Королевой.

Эту ночь Уно не сомкнул глаз. Он ходил кругами по детской обители, поправлял покрывальца на мирно спящих малышах и беззвучно молил Высшие Силы защитить любимую женщину. Наставника охватывала безумная ярость при одной лишь мысли о том, что может ожидать Королеву в руках такого чудовища, как Закрис.

Вся Инсектерра была наслышана о его безжалостном нраве. Чужая жизнь для генерала была не более, чем предметом личного развлечения. И к такому существу попала их нежная, хрупкая Магрит...

О небеса, дарующие свет Кормаксилону!

Лишь бы она дождалась спасения.

Глава 25

Дармаллак

Со мной обращались грубо, но не причиняли боли нарочно, даже не скрутили веревками руки, не засунули в рот кляп. Я скоро поняла, что меня стараются доставить в их логово целой и невредимой, например, тащат на спине, а не волокут по земле, как двоих пленников, что неловко упали, подгоняемые пинками.

Наро я уже не могла разглядеть за вереницей чужих, пугающих лиц. Но заставила себя верить, что он выжил и его сейчас ведут в конце колонны.

Несколько раз я ловила на себе пристальный взгляд генерала Закриси. Вот же чертова образина! Все мысли и желания написаны на лице: настороженность, подозрительность, презрение, хищная радость и похоть.

Вроде чернокожий, но физиономия не имеет характерных негроидных черт и курчавых волос – Закрис лысый, как и мои ребята. Фигура мощная, руки длинные, как у орангутана, а челюсти такие, что ими можно камни жевать, при том глаза совершенно дикие.

Хочется зареветь, но слез нет, будто меня высушили за последние часы как абрикосину, и я безвольно подпрыгиваю на плече дикаря, когда тот делает резкие шаги вперед. Этот

дармис со мной не церемонится – начинает грубо поправлять, боится, что свалюсь под ноги идущим позади солдатам.

Во время короткого привала я попыталась отпроситься «в кустики», но мой надсмотрщик стоял рядом и с каменным лицом глазел, как я делаю свои личные дела. Так хотелось ему вмазать, куда следует и убежать, но я не рискнула, меня сейчас же поймают, свяжут, еще и надают оплеух.

Понимаю, что не выжить одной в лесу, зато быстренько схватит голодный зверь, а в Дармаллаке из меня сделают фирменное людоедское блюдо – «Королева под мятным соусом». Или они предпочитают острые приправы... Не все ли равно в каком котле погибать?

Когда меня заставили идти пешком впереди амбала по узкой тропе, я нервно расхохоталась:

– А вы не боитесь, что ваш ужин придет к очагу измученным?

Мою шутку никто не оценил, зато я привлекла внимание «полководца» в красном плаще, тоже мне – Македонский недоделанный... В итоге пришлось идти рядом с самим Закрисом, я постоянно натыкалась на его руку или спину. О, почему я не василиск, взглядом прожгла бы в нем огромную дырку!

Пару раз генерал пробовал меня приобнять и залезть ручищей в вырез платья, от его приставаний я дернулась в сторону и завалилась на гигантский муравейник рядом с тропой. Никогда в жизни так не орала, пытаюсь подняться и

сбросить с себя тысячи красно-бурых насекомых, облепивших с ног до головы. Но муравьев сорвали с меня вместе с платьем, да еще и хорошенько полапали, избавляя от маленьких страшилищ.

Мой стыд к тому времени потерялся где-то далеко, в итоге Закрис закутал меня своим мятым плащом и снова заставил идти впереди себя. Наверно, мои обнаженные прелести его не вдохновили, а может, он понял, что рагу из тощей королевы будет не ахти каким сочным.

Пожалуй, Закрис теперь решит меня откормить, а за это время Кадо попытается нас спасти, лишь бы Наро продержался до победы, а уж я как-нибудь справлюсь.

В сумерках дармисы разбили привал под естественным шатром большого раскидистого дерева. Похоже на баньян, я такие видела в передаче про Индию. Меня усадили возле самого толстого из множества стволов, рядом бросили бурдючок с водой и кусок желтого сморщенного фрукта. Я немного подкрепилась, плотнее закуталась в плащ командующего и приготовилась отдохнуть. Что только не лезло в голову! И каким чудом удалось уснуть, не понимаю, наверно, усталость взяла свое.

В кромешной темноте я проснулась от того, что грубые мужские ладони бесцеремонно обшаривали мое тело под скомканной тканью плаща.

– Ты пахнешь медом, женщина. И такая сладкая на вкус.
Я тщетно пыталась заехать генералу дикарей локтем в

грудь, он слишком тесно прижал меня к себе, словно всерьез собирался откусить кусочек от моей шеи. Фу! Еще и слюняво облизывал, как леденец. Очень хотелось отвлечь Закрису от приступа страсти – лучше пусть из меня сделают «Королевское рагу», чем терпеть пристаивания этого чудовища.

– Скажи, а Дармаллак еще далеко? А его королева в добром здравии? Как ее имя? Надеюсь, я буду ей представлена, мы сможем поговорить.

Закрис развернул меня лицом к себе и откинул пряди волос, закрывшие мои глаза и лоб.

– Харима тебе не поможет. В Дармаллаке все решаю я. А потому, если хочешь видеть истинного правителя дармисов, он перед тобой.

– И что меня ждет в Дармаллаке? Что вы сделаете с моими людьми? Кормисы придут за нами и начнется война. Послушай... Я предлагаю договориться и уладить все мирным путем. Мы войдем в историю Инсектерры, если лидеры Дармаллака и Кормаксилон пожмут друг другу руки и сядут за стол переговоров.

– Пожать руку тебе? Ты смеешься надо мной, женщина?

– Кормаксилоном управляет Совет четырех лучших мужчин, а королева служит лишь украшением Дома и символом всеобщей любви. Ты, судя по всему, хороший воин, у нас тоже есть Старший над солдатами, и если тебе претит договор с женщиной, ты сможешь заключить мир с нашим сильнейшим мужчиной. Этот вариант тебе подойдет?

У меня похолодело в груди, когда в темноте раздался хриловатый смех Закриса.

– Смешное маленькое создание! Предлагаешь вести разговоры о мире, когда я держу тебя в руках, имея полную власть. Зачем мне дружба ничтожных тварей, если я уже получил их королеву и скоро разгромлю жалкое подобие войска, что явится ее выручать. А потом мы придем в ваше логово и наберем новых рабов. Думаю, ты еще останешься жива и сама сможешь увидеть падение Кормаксилона, королева ублюдков.

– Закрис... у тебя есть дети? А любимая женщина? Ты помнишь свою мамочку, а папа твой где? Почему ты такой злой, Закрис? Ты хоть что-нибудь любишь кроме войны?

Жесткая ладонь сжала мою грудь, и я напрасно пыталась увернуться от горячего рта, который настойчиво искал мои губы. Горчее дыхание Закриса обожгло шею.

– Ты будешь забавной игрушкой, медовая капелька, я даже стану тебя беречь. У меня еще никогда не бывало таких сладких и нежных игрушек. Дай попробовать твой маленький язычок на вкус, он слишком много болтает, но мне это нравится. Но только попробуй снова укусить, я лишу тебя всех зубов, медовая плейпи.

– Подожди... подожди... я совсем не против устроить любовные игры, но не в грязи под деревом. Давай доберемся до удобной постели и я с радостью отвечу на твои ласки. Ты красивый, сильный мужчина и если не хочешь мира со все-

ми кормисами, попробуем подружимся мы с тобой.

Кажется, такого поворота Закрис не ожидал. Он замер, взглядываясь в мое лицо, а потом самодовольно хихикнул:

– Признайся, что твои самцы были не способны насытить твоё жадное лоно и ты хочешь узнать настоящего зверя Инсекты.

Это было бы смешно, если бы в памяти моей не стояла жуткая картина ранения Наро. Но пришлось подыгрывать «могучему зверю», иначе как войти к нему в доверие и получить некую иллюзию свободы.

– Ты угадал, герой, я уже мечтаю увидеть Дармаллак и его правителя на троне во всей красе. А сейчас дай мне немного отдохнуть. И проверь посты лично, кажется, где-то рядом рычит Вайша. Не хочу умереть, не узнав, каков ты в постели.

Боже мой! Какую чушь я несла, но Закрис напоследок смачно поцеловал меня в губы и действительно отправился к своим людям. А я прижалась лбом к гладкой коре дерева, пытаюсь унять дрожь, сотрясавшую тело.

Разговор дался мне нелегко, я и не подозревала в себе таких актерских способностей. Ради Наро, ради прочих пленников я пойду на все. Неважно, что будет со мной. Если ради спасения Кормаксилона потребуется переспать с Закрисом, я это сделаю.

Но каков же чертов урод! Главное, подобраться к нему поближе, а там найду способ избавить Дармаллак от чокнутого Калигулы. Еще бы увидеть их королеву... Неужели она со-

всем тряпка и не сможет меня понять? Великая Мать, дай мне сил!

Наверно, я сошла с ума, если молюсь неведомой богине первый раз в жизни. Но ради Кормаксилона я готова отдать жизнь, как сделал бы каждый из моих мужчин. А ведь я королева и должна быть готова на гораздо большие жертвы.

* * *

Весь следующий день мы пробирались по едва приметной тропе, которую иногда пересекали следы крупных животных и кучи подсохшего помета. Ближе к вечеру в нос мне ударил отвратительный запах гниющей плоти, а рядом раздалось угрожающее ворчание мелких хищников. Похоже, в кустах лежала туша какого-то неудачливого обитателя леса, но думаю, уже к ночи от нее ничего не останется.

Красную тряпку плаща я обернула вокруг тела наподобие индийского сари, но руки мои были сплошь исцарапаны, ноги сбиты, волосы сваялись так, что я уже не представляла, как смогу их расчесать. Да и выпадет ли возможность... Я выбивалась из сил и несколько раз падала, но меня поднимали и снова толкали вперед, а когда я взывала, размазывая по лицу грязь очередной лужи, Закрис велел одному из своих людей нести меня.

– Дармаллак уже в двух шагах! Ты удивительно слабое создание, шлюха Магрит.

Напрасно я ждала приграничных постов, строений лесного поселка и шумной толпы. В сумерках перед нами появилась группа незнакомых мужчин. Кажется, они стояли на страже под естественной аркой зеленых ветвей. Воины низко поклонились Закрису и тут же развели в сторону густую сеть лиан, открывая взору искусно скрытый среди буйной листвы ствол огромного дерева, покрытого слоистыми чешуйками золотистой коры.

По команде генерала молодой дармис, шедший впереди нашего отряда, бросился вперед и нырнул в нору под высохшим корнем дерева, который толстым питоном волочился в сторону вверх земли. Как только парень исчез из вида, в глубине дерева что-то зашумело, после чего часть ствола отступила и поднялась подобно замаскированным воротам.

Закрис первым шагнул внутрь Древесного Дома и воины, выстроившись в два ряда, дружно приветствовали его, опустив голову на грудь в благоговейном поклоне. Меня немного оттеснили в сторону, но о побеге нечего было и помышлять, скоро я тоже прошла через удивительные ворота в сердцевину широченного ствола неведомого дерева.

Вот это махина!

Оно тянулось куда-то в неохватную взглядом высь, однако, попав внутрь ствола, я никак не ожидала, что окажусь в большом зале, на стенах которого играли блики света, падавшего сверху. Я вскинула глаза и увидела, что на изрытом глубокими трещинами потолке висит своеобразная люстра с

огоньками пламени в удлинённых глубоких плосках. Любопытный у них дизайн, но нет времени осмотреться.

Меня провели по узкому коридору вдоль шершавых на ощупь стен и велели остановиться перед крохотной комнаткой, запертой на засов. Видимо, это будет моя темница. Позже мне принесли бутылку с водой и миску с остывшим варевом, напомнившим крупнопорезанную крошку из перекисшего кваса.

Сначала я накинулась на воду, потом заставила себя немного поесть. Первую ночь в Дармаллак я провела на подстилке из ветвей и вороха сухих листьев, каждый из которых был размером с накидку для кресла. Самая жуткая ночь в моей жизни.

Происходящее напоминало кошмарный сон, тело ныло от долгого перехода по джунглям, ступни жгло как огнем, следовало бы обработать порезы и ссадины, но я только смочила их остатками воды и промокнула куском плаща. Сил разрыдаться не было, поэтому я сжалась в комочек на пружинистых ветвях и мелко тряслась от страха неопределённости, кляла свою глупую жажду путешествий и переживала за судьбу Наро и прочих пленников.

Даже пыталась молиться, почти всерьёз надеясь, что серые стены раздвинутся и женщина с картины в Архиве Кормаксилонна выйдет, чтобы спасти нас всех. Отчаяние лишало способности мыслить, окутывая разум мутной пеленой, но сон все же сморил меня ближе к рассвету.

Может, Первая Мать сжалилась и милосердно дала передышку моему измученному сознанию, но так или иначе я проспала до самого обеда, когда двери моего закутка снова открылись и было велено выходить.

Прихрамывая, я проследовала за стражником, который привел меня в помещение для мытья. Надо же, какая забота... Попыталась расспросить своего спутника о раненых кормисах, но чернокожий мужчина игнорировал меня словно мелкое насекомое. Он молча сдернул мой грязный плащ и подтолкнул к купели с мутноватой жидкостью, предлагая пройти некую санитарную обработку.

Я не собиралась мочить всклокоченную голову, но дармис бесцеремонно положил мне ладонь на макушку и заставил нырнуть, а потом грубо вытащил из воды и кинул мне в лицо тряпку, чтобы я вытерлась. Я стояла перед мужчиной совершенно голая, но здесь, как и в Кормаксилоне, человеческая нагота никого не смущала.

Потом мне дали широкую тунику до колен и, ухватив за плечо, поволокли дальше по коридору. Навстречу попадались изможденные люди более светлых оттенков кожи и даже имеющие короткие волосы на голове. Я сразу догадалась, что это были рабы, выполняющие те или иные поручения своих хозяев.

Наконец меня довели до просторного помещения, в котором стоял насыщенный запах благовоний, смутно напомнивший мужской дорогой парфюм. Третью комнату, украшенной

зеленоватыми портьерами, занимала разобранная кровать, на которой сейчас возлежал Закрис. Колени у меня ослабли, едва заметила его радостный оскал. Не оставалось сомнений, зачем я здесь. Уж точно не для доброй беседы.

Но когда отвела взгляд в сторону, чтобы перевести дух, то чуть не вскрикнула от изумления. У дальней стены в полумраке находилась полуголая женщина. Смуглая и стройная женщина примерно моих лет. Разглядев обилие украшений на ее теле и тонкий, усыпанный камнями обруч, поддерживающий пышные волосы, я вдруг решила, что предо мной сама королева дармисов. Такой шанс нельзя было упускать!

Я низко поклонилась и умоляюще протянула к ней руки:
– Ваше Величество! Мое имя Магрит и я правительница Кормаксилона. С дружеским визитом я посетила Мелисан, а на обратном пути ваши люди напали на наш отряд. Это событие повлечет за собой кровопролитную войну. Но еще не поздно решить все миром. Выслушайте меня...

Бурную речь прервал оглушительный смех Закриси. Он рухнул на свое ложе и закинул ручищи за голову:

– Харима, подойди ко мне. Вот так. А теперь вымой мне ноги, Харима. А после оботри своими мягкими волосами.

Неужели я так нелепо ошиблась и женщина, усыпанная красивыми побрякушками, вовсе не королева, а простая наложница. Разве настоящая госпожа стала бы мыть ноги слуге, разве что в виде любовной игры. Но, может, у них именно такие отношения с генералом. Это бы многое объяснило.

Даже самая гордая женщина порой хочет оказаться во власти приятного ей мужчины, пусть он будет последним рабом в доме – на ее ложе он царь и бог, если сумел внушить к себе безудержную страсть. Мои лихорадочные размышления прервал вкрадчивый вопрос Закриса:

– А ты не хочешь ей помочь? Она вымоет мои ноги, а вытрешь их волосами именно ты.

– Для начала их неплохо бы расчесать... А еще я еле могу стоять, у меня все ступни в крови. Видите? И синяки по всему телу. Также я умираю с голоду. Неужели не могу рассчитывать на королевский прием в мою честь?

– Я же велел позаботиться о тебе и смазать царапины. Кто посмел забыть о моих приказах? Эй, Фатох! Приведи лекаря сюда.

Распорядившись о наказании для провинившегося и поспав за лекарем, Закрис снова повернулся ко мне:

– А в честь твоего прибытия, Магрит, мы организуем состязания на арене. Ты оценишь наши забавы и убедишься, что именно Дармаллак должен считаться самым величественным Домом Гиблого леса. Дармаллак! А не ваша мусорная яма.

– Прошу только об одном, будь великодушен и отпусти моих людей. Я останусь здесь как заложница до... до лучших времен.

– Тебя не радует мое гостеприимство? – хмыкнул Закрис.

– Собственно, гостеприимства я еще не видела. Где на-

крытые столы и звучные песни? Почему моя комната похожа на каземат? Если мы решили быть друзьями, изволь обеспечить лучшими условиями проживания. Для начала знакомства.

Услышав эти слова, женщина на полу изогнулась змеей, круто отставив задницу, едва прикрытую коротким платьем, и злобно уставилась на меня, а потом принялась визжать:

– Я велю сварить тебя заживо, дерзкая потаскуха! Мать рабов! Я заставлю тебя съесть собственный язык!

Она ненормальная? М-да... Измельчали нынче королевы. Генерал примирительно погладил подругу по смуглому плечу и хитро прищурился:

– Успокойся, Харима! Никто не собирается тебя заменять, но пару дней я хочу поиграть с маленькой медовой пчелкой. Она меня веселит.

Я не могла стерпеть этот пренебрежительный тон, а что уж говорить про реплики ее Величества! Я решила ответить:

– Если вам нужны пчелы – наведайтесь в Мелисан. Царица Альбира очень любвеобильная женщина и с удовольствием искупает вас в бальзаме из мертвых зародышей. Вы вполне оцените, ванна почти в вашем стиле. Но я не могу понять, за что вы хотите издеваться надо мной? Что я вам сделала?

В глубине комнаты отодвинулась занавесь и к нам вошел шупловатый чернокожий мужчина преклонных лет. Голова его была обмотана красным полотнищем вроде тюрбана. Я заметила, что в обстановке Дармаллак преобладали насы-

ценные яркие цвета – ядовито зеленый и красный. Лекарь поклонился генералу и женщине, которая в этот момент подобострастно укутывала своими длинными темными волосами его ноги.

– Кому требуется моя помощь, Повелитель?

– Осмотри эту бескрылую плейпи и смажь ее раны. Она нужна мне красивой и чистой как можно быстрее.

Лекарь подошел ко мне и жестом указал на топчан неподалеку от королевского ложа. Пришлось сесть и выставить на всеобщее обозрение свои измученные конечности. Мазь дармиса приятно холодила кожу и, похоже, обладала эффектом анестезии. Я немного расслабилась от прикосновений осторожных старческих ладоней, но все то время, что длилась процедура лечения, Закрис не сводил с меня пристального жадного взгляда, приводя в настоящее бешенство.

Убийца! Диктатор! Насильник!

Но я заставила себя держаться ровно и даже попыталась поймать ревнивый взгляд странной женщины, чью волю генерал полностью подавил. Ох, если бы она согласилась поговорить наедине!

Но этому не суждено было сбыться – Закрис небрежно отстранил Хариму от своих ног и приказал удалиться. Я чуть от злости не задохнулась – какой-то доморощенный тиран командует здешней королевой, как ему заблагорассудится, а она все смиренно терпит!

Ни дать ни взять – покорная корова! Неужели она не мо-

жет приказать страже скрутить Закриса и поставить его не место? Или даже положить. На охапку сухих веток в сыром подвальчике, например. Пускай посидит взаперти, подумает о своем поведении и научится монархиню уважать.

Но когда в помещении с зелеными занавесками мы с Закрисом остались одни, меня охватила паника. Если мерзавец начнет приставать, едва ли смогу сопротивляться. Из последних моральных сил, собрав остатки воли в кулак, я смерила его настороженным взглядом.

Закрис сидел на кровати голым по пояс – рельефный торс поблескивал от капелек пота, на лице расплывалась довольная улыбка:

– Иди сюда... садись рядом со мной.

Что же делать? Если не подчинюсь, он заставит меня, бросит на постель, изнасилует, кто ему помешает? Так стоит ли сопротивляться и протестовать – это мне не поможет, но наигранный интерес к его персоне уже выручал прежде. Повторю попытку очаровать извращенца, вдруг да повезет снова.

Я усмехнулась, игриво опустив глаза, и сделала пару шагов в сторону постели.

– Смелее, – мягко произнес Закрис, приглашающе похлопав ладонью по покрывалу рядом со своей могучей ляжкой.

Только этот жест скорее внушал ужас, нежели успокаивал. Я сделала еще один робкий шагочек и остановилась на расстоянии метра от его босой ступни. И тогда Закрис потянулся вперед, схватил меня за край одежды и дернул к себе так

сильно, что я едва не упала, оказавшись в его руках. Генерал усадил меня себе на колени и крепко прижал к груди, потом зубами поймал вырез моего платья и причмокнул от удовольствия.

Вырваться из стальных объятий дармиса было так же невозможно, как нежной лесной плейпи освободиться от веревок гигантской паутины. Если спасение не придет извне, мы обе обречены. Но только девушку-бабочку ждала медленная мучительная гибель, а меня бесчестье. И сейчас Закрис играл со мной, поглаживая плечи своими грубыми ручищами и осыпая влажными поцелуями.

– Какая ты пугливая и смешная, королева лесного отребья!

Он резко развернул меня и толкнул на кровать, заставляя уткнуться носом в мягкую подстилку. От нахлынувшего страха я даже кричать не могла, только застонала, а потом вывернулась из-под навалившегося на меня тела и, обхватив руками голову Закриси и горячо произнесла:

– Не смей меня заставлять, слышишь? Это недостойно уверенного в себе самца. Что же ты за мужчина, если хочешь взять женщину силой? Дай сначала узнать тебя и хоть немного привыкнуть. О, владыка Дармаллак, перед которым трепещут джунгли Инсекты! Почему бы тебе не убедить меня ответить взаимностью? Но убедить, не прикасаясь ко мне. Или это слишком сложно для тебя, глава храбрецов?

Закрис облизнул мне шею, прежде чем отвечать.

– Бросаешь мне вызов, маленькая глупышка! Стоит ли терять время на игры? Ты скоро сама будешь умолять всадить в тебя мой торчащий ствол. Наверно, между ног уже мокро, как в теплом ручье.

"Скорее сухо, как в пустыне!" – пропищала бы я, будь чутьточку храбрее и безрассудней.

Закрис перехватил мои руки и раскинул в стороны, а зубами разорвал платье на груди и лизнул сжавшийся сосок.

– Отдайся мне прямо сейчас, я буду почти ласков.

– Сначала отпусти моих людей в лес и обещай, что не вышлешь погоню. Хотя бы прикажи подлечить раненых...

– Лекарь сказал, что твои мужья готовы к поединкам.

– Что? Закрис, пощади, ведь некоторые кормисы на ногах не стоят.

Я смотрела в черные глаза Закриси и до меня медленно доходил смысл его слов. Он и прежде упоминал о мерзком развлечении дармисов – смертельных боях на арене Дармаллака, сродни гладиаторским поединкам в Колизее древних римлян. Значит, вот для чего нужны мои парни, их судьба быть растерзанными тварями леса на потеху чернокожей толпы. Как мне спасти Наро? Как вернуться домой?

Закрис удовлетворенно осклабился, заметив ужас на моем лице. Генарал коленом раздвинул мои бедра и сдернул остатки платья с плеч. Но я трепетала не от возможной близости с ним, я продумывала сотни вариантов избавления кормисов от печальной, постыдной участи на арене.

– Неужели ты не хочешь узнать, что такое настоящий мужчина? – спросил Закрис, поглаживая мои бедра своим тугим членом.

У тирана адекватная самооценка, теперь в живот мне упиралось о крупное мужское орудие и оттого я с трудом могла подобрать достойный ответ.

– Настоящему мужчине не нужно запугивать женщину, чтобы обладать ею. В арсенале настоящего мужчины найдутся и другие средства. Кроме силы и боли, разумеется.

Я будто плюнула слова ему в лицо, испытывая целую гамму чувств. Во мне проснулась дикая ярость, еще мгновение и вцеплюсь зубами. Ублюдок точно не получит покорную плейпи, даже если ему придется разорвать меня пополам!

На мгновение Закрис замер, будто чувствуя себя уязвленным, потом резким движением дернул меня к себе и попытался завладеть моим ртом. Я извивалась под ним, тщетно пытаясь отползти по кровати. Я настроилась на самый гадкий исход событий. Ничего, переживу...

Я обязана выжить во что бы то ни стало, потому что нужна Дому и Кормаксилон непременно отомстит.

Однако Закрис отстранился и презрительно пробормотал:

– Ты – подстилка кормисов, которой они пользовались по очереди или все сразу! И ты смеешь утверждать, что заслуживаешь моего особенного внимания?

– Я – королева Кормаксилона и люблю моих супругов душой и телом. Разве ты не знаешь, что именно моя любовь

делает их счастливыми и здоровыми. Этот дар невозможно взять силой. Но если бы ты обращался со мной, как я того заслуживаю, возможно, я показала бы тебе, что такое истинная нежность.

– Что за глупая выдумка?

– Да ты понятия не имеешь о высоких чувствах – довольствуешься лишь мелкими скользкими радостями. Ты – привлекательный воин, Закрис, будь хоть немного добрее ко мне, и я... я обещаю показать такие грани наслаждения, о которых ты даже не подозревал.

Внутри у меня все дрожало, пока я тщательно подбирала нужные слова, но терять-то мне было нечего. Да, я страстно ненавидела зазнавшегося царька, но мне хотелось обхитрить его используя единственное доступное мне оружие – ум и женское обаяние.

– Не болтай лишнего, иначе мне придется тебя наказать, – сейчас голос генерала звучал тихо и почти дружелюбно.

В нем даже слышались заинтересованные нотки. Жесткие черты свирепого лица немного разгладились и даже в глазах появилось что-то вроде затаенной тоски. Уверена, никто с ним прежде не говорил на равных. Моя смелость и дерзость пришлась по вкусу Закрису или ему стало любопытно, а что нового может предложить ему маленькая «медовая плейпи» с не в меру говорливым язычком. Даже диктаторам иногда бывает скучно и хочется поиграть.

Я едва верила в то, что он решил меня отпустить на

неопределенное время. Один гортанный вскрик и в комнату заглянули двое слуг. Закрис велел принести еду и напитки, а сам развалился на подушках, удерживая меня за волосы у своего бедра.

– Мокрые! Распусти их и расчеши, я не люблю валяться в сырой траве.

Скоро прямо на постели были расставлены подносы с угощением, а позже повинувшись приказам Закриси передо мной поставили корзинку с женскими украшениям. Я равнодушно распутывала пряди своих волос, едва сдерживая слезы и грустно вспоминая о том, как бережно это проделывал Наро.

Я не ценила его по заслугам, и Кадо тоже, и даже зануду Строителя. А Уно... Он должен был спать в моей постели каждую ночь, а я обижалась на него и не звала к себе. О, если бы все вернуть обратно! Как бы я радовалась жизни в стенах дорогого дома, в окружении любящих, заботливых мужчин.

Да, всех четверых Старших кормисов я могу назвать своими мужьями перед богами и людьми. И я буду самой верной и ласковой супругой, лишь бы вернуться обратно в Кормаксилон. Лишь бы все они остались живы. А для этого придется ублажать надменного диктатора...

Закрис озабоченно наклонился ко мне:

– Тебе скучно, солнечная птичка? Ничего, скоро я тебя развеселю. Уже все готово для вечернего представления. Тебя ждет подарок, Магрит! И ты отблагодаришь меня у всех на глазах, а потому ешь, набирайся сил и постарайся быть

красивой. Что еще требуется от женщины?

Я послушно жевала слишком соленую и острую пищу, коричневые грибы в пряном соусе с кусками белого мяса. Слишком жирно и пережарено. Но я заставила себя глотать грубо нарезанные ломтики фруктов, потом вдоволь напилась подслащенной воды и попросила позволения удалиться к себе, чтобы немного отдохнуть.

Конечно, меня никуда не отпустили, напротив, принесли кучу пестрого тряпья, предложив выбрать наряды, чтобы показаться всему Дармаллаку на торжестве Смерти. Я натянула на себя самое закрытое и длинное платье-мешок, но Закрис его не одобрил, заставив раздеться донага и примерить нечто совершенно вульгарное.

Вырез до пупа, а рукава гораздо длиннее моих ладоней, специальная подвязка поднимает грудь, но выставляет ее почти полностью напоказ. Широкое на бедрах, но даже колени не прикрывает, настолько коротко. Однако спорить с похотливым тираном не имело смысла, и даже мольба о белье заставила генерала лишь пренебрежительно фыркнуть:

– Что ты там собралась скрывать, женщина? У тебя между ног спрятаны несметные сокровища? Они уже принадлежат мне. Ты вся принадлежишь мне, я владею тобой, как владею Дармаллаком.

«Чокнутый извращенец!»

Мне заплели множество косичек и собрали их вместе, закрепив деревянными шпильками и украсив маленькими бе-

лыми звездочками живых цветов. Я чуть не взвыла, когда на лицо мне принялись накладывать яркий макияж, подкрашивая веки и губы, но пришлось перенести и это унижение.

Когда-нибудь я за все рассчитаюсь с тобой, Закрис!

Или это сделает кто-то из моих мужчин.

Глава 26

Смертельные поединки

Круглая песчаная арена была хорошо видна с балкона, на котором располагался генерал Закрис и его измученная пленница. Сама королева Харима находилась еще выше в отдельной ложе, окруженная несколькими стражами с мечами наголо.

Остальным зрителям пришлось занять скамьи в нишах между колоннами. Подстегнув себя крепкими напитками, дармисы неистово вопили и топали ногами, требуя начать поединки рабов.

Закрис медлил. Самодовольно улыбаясь, он приветствовал беснующуюся публику, а потом подал знак к молчанию. В наступившей тишине голос генерала звучал особенно зловеще:

– Три пары! Три красивые смерти для вас, братья мои!

Зрители снова радостно взревели, когда двое из шести ворот на арене медленно раскрылись. Из первых вышел настоящий гигант с угольно- черной кожей. Он сутулился, демонстрируя накаченную спину, покрытую жесткими черными волосами. Его круглая голова приросла к плечам, словно между ними не было шеи, а четыре нарисованных глаза на покато лбу светились бешеной злобой.

Из ворот напротив выскочил молодой, гибкий мужчина с желтовато-глянцевой кожей. Абсолютно нагой, если не считать пояса, на котором висел узкий длинный клинок, напоминавший шпагу. Казалось, боец был доволен выбранным для него противником, раз широко раздвинул в улыбке бесцветные губы.

– Я ставлю на Арахнида, – пояснил Закрис, по-хозяйски обняв Магрит. – Тощего Оскаса спасет только удача.

Оценив ситуацию, гигант Арахнид невнятно рыкнул, сжимая и разжимая огромные кулаки. Юркий Оскас прищелкнул языком скользнул в сторону, рисуя дугу по арене. Толпа гневно засвистела, решив, что слабак решил уклоняться от драки насколько хватит актерского мастерства.

Вот одним резким движением он снова оказался перед Арахнидом, плотоядно улыбнулся ему, показал непристойный жест, а затем подпрыгнул и одарил звонким щелбаном в лоб.

Громила взревел от обиды и бросился вслед за Оскасом, потрясая волосатой правой рукой размером с доброе бревно, но ловкий парень встречал его смехом, тыкал пальцем в бок и феерично ускользал, поскольку был куда быстрее и проворнее.

Но генерал Закрис не зря ставил на Арахнида, несмотря на все хитрости Оскаса, тот сумел пару раз зацепить его острыми кривыми когтями, оставляя на желтой коже кровавые отметины.

Правда, задиристого танцора, казалось, лишь забавляют собственные раны, он вскидывал голову и смеялся, а его пенис медленно поднимался под вытертым поясом, что приводило толпу в неистовый восторг. Смертельный поединок, очевидно, возбуждал молодчика, ведь с каждой новой царапиной его смех становился все более глухим, а жесты, обращенные к Арахниду откровенно намекали на жесткое половое насилие.

Зрители вопили и свистели, подбадривая обоих бойцов и было совсем не понятно, на чьей стороне находятся симпатии публики. Только одна маленькая и очень бледная женщина на балконе плохо следила за поединком, погруженная в личные переживания.

Тогда сидевший рядом с ней крупный мужчина с золотыми обручами на широких запястьях властно положил ладонь на ее затылок и заставил перевести взгляд ниже, на истоптанный песок арены, где кружилась парочка смертельных врагов.

Дрожащая Магрит даже не знала, что чернокожий гигант с жесткой щетиной по всему телу был сородичем того самого монстра, что соорудил плетеную ловушку для прекрасной крылатой девушки, спасенной кормисами на окраине леса.

А вот противником ему не случайно был выбран гибкий и ловкий бродяга из рода Песчаных Оскасов Правда, дармисы отрезали ему крылья, чтобы лишить шанса на побег, но парень не унывал и собирался одержать верх над бычьей тушей

Арахнида. Именно это сравнение пришло в голову Магрит, когда ей пришлось наблюдать за схваткой. Испанская коррида. Взбешенный бык и малютка-матадор. Но разве можно предугадать исход этой встречи?

Магрит не догадывалась, что свободные Оскасы в Инсектерре часто нарочно подкарауливают Арахнид и ввязываются в драку. Зачем? Лучше бы королеве кормисов этого не знать...

И сейчас худощавый обнаженный мужчина нарезал круги вокруг истекающего ядовитой слюной паука, то задевая его кончиком своего стилета, то морщась от новой раны, оставленной кривыми когтями.

Наконец возбуждение парня достигло предела, головка полуоткрытого члена плотно прижалась к животу и Оскас замер, маня врага средним пальцем.

На этот раз Гигант не бросился к нему. Он помедлил, поводя плечом в сторону и зашипел, демонстрируя когти, значительно выросшие с начала схватки. Тогда Оскас приблизился к нему сам и чуть не поплатился за неосторожность, потому что навстречу полетела ловчая сеть. Смеха больше не было.

Молодой успел высвободить тонкое жало и разрезать веревки, опутавшие голову. И ведь еще нужно было увернуться от ревушего Гиганта, что в два прыжка настиг желанную добычу и неминуемо раскроил бы Оскасу голову ударом пудового кулака.

Парня спасло чудо или природная изворотливость. Он скользнул мимо Арахнида и падая за его спиной, успел на лету вонзить лезвие стилета по самую рукоятку в бедро врага, а затем увести оружие в сторону, разрезая ногу до щиколотки.

Дикий вопль раненого Арахнида сотряс Дармаллак, но быстро потонул в восторженном реве благодарных зрителей. Магрит зажала рот руками, сдерживая тошноту, но Закрис заставил смотреть дальше.

Гигант рухнул на целое колено, пытаясь вытащить нож и сокрушить противника, но из рассеченной артерии фонтаном била густо-синяя кровь. Оскас уже стоял рядом, злобно улыбался, сжимая ладонью собственную рану в боку – след от шипа Арахнида. Но его царапина была не столько опасна, как безобразна и болезненна.

Оскас окунул пальцы в свою рваную рану, а потом медленно провел ими по лицу, рисуя кровью две полосы идущие от одной щеки через нос на другую сторону узкого лица. Теперь для него должно было начаться то, ради чего, собственно, он и желал получить победу.

Гигант был почти парализован особым составом, нанесенным на стилет Оскаса, иначе как объяснить то, что почти не сопротивлялся дальнейшему издевательству над собой. Но яд действовал слишком медленно на огромное тело, а потому он чувствовал весь ужас и муку своего положения.

Бросаться на врага Арахнид уже не мог, а только скалил-

ся, выставляя вперед две лапы с растопыренными пальцами, покрытыми черной щетиной.

Оскас выдернул стилет из ноги Арахнида и, взвизгнув, молниеносно вонзил лезвие прямо в его ладонь, противоположную раненой ноге. Видимо, из последних сил тот попытался поймать врага. Кривые когти полоснули гибкую спину и будь парнишка медленнее, наверняка распороли бы плоть и вошли глубоко в плоть.

Снова раздался короткий звенящий смешок. Не взирая на собственные кровоточащие раны, Оскас взлетел на спину противника и вогнал шило в плечо. Стон Арахнида перешел в дикий рев, а быстрый боец ударил снова, полностью обездвиживая массивное тело под собой.

Дальше парнишка начал щекотать лезвием волосатую спину поверженного самца и откровенно потираться своим возбужденным членом о поясницу соперника.

Магрит крепко зажмурилась и уже не видела, как Оскас отбросил шило на песок, развел ягодицы Арахнида в стороны, а затем выгнулся и рывком засадил напряженный член в беспомощный зад. Толпа выла в диком восторге, выкрикивая советы и ругательства, пока щуплый Оскас наконец не задержался в сладострастных конвульсиях на теле униженного врага.

Магрит вцепилась ладонями в край балкона так, что побелели костяшки пальцев. Она даже представить не могла, что подобное существо может встретиться на арене с Наро или

кем-то из ее людей. Горячий шепот Закриси сводил с ума, учащенное дыхание обжигало кожу:

– Скажи, что тебе это нравится, женщина! И больше не отводи глаз или я усажу тебя посреди арены, чтобы впредь ты не пропустила ничего.

На кровавый песок вышли новые противники. Оба сделали свои шаги сами, их никто не подгонял, но двигались они с явной неохотой, словно два опытных бойца, не видящих смысла в подобного рода схватке. Вот только выбор у них был один – выжить или умереть.

Причем каждый из них знал, что они оба будут безжалостно убиты, если не смогут впечатлить генерала дармисов представлением, а после случившегося только что это было уже не просто.

Воины замерли, внимательно глядя друг на друга. Первый из них был полностью закован в металлические латы и напоминал средневекового рыцаря. А вкупе с высоким шлемом на голове он выглядел словно настоящий конкистадор из старого мира Магрит.

Высокий и грузный Риктас показательно расправил плечи, угрожающе осклабился и вытащил из-за пояса два коротких зубчатый меча, затем играючи перебросил их в руках, сделал финт и замер в боевой стойке.

Соперник его выглядел почти так же грозно, но имел менее внушительные размеры. Его тело было защищено лишь нагрудником, созданным из плотных кожаных пластин, ко-

которые соединялись узкими скобами. По обнаженным смуглым рукам Оприна заблестели капельки пота, стекая ручейками по точеному рельефу напряженных мышц.

Он оценивающим взглядом окинул врага и качнул головой, настроившись на опасный поединок. Затем бережно освободил свое оружие из чехла, притороченного к поясу. Это была двухметровая цепь, один конец которой был скреплен с доспехом, а на другом красовалось подобие плоского острия, разглядеть которое воин не позволил, быстро вращая металлическую конструкцию над головой.

На арене наступила тишина, в которой отчетливо раздавался только свистящий звук разрезаемого цепью воздуха. Никто не спешил нападать. Гладиаторы хорошо представляли боевые качества друг друга, хотя никогда не встречались в Гиблом лесу один на один. Риктасы вообще отличаются изрядным дружелюбием и только борьба за собственную жизнь заставит сейчас одного из них биться с воинственным Оприном.

Наконец поединщики синхронно сделали по глубокому вдоху, словно незримо договариваясь о чем-то неумолимом, а затем резко двинулись в атаку. Риктас уклонился вправо, пытаясь нанести противнику удар в бок, Оприн напротив скользнул по песку влево и тут же выбросил цепь вперед так, что она ударилась об один из мечей соперника.

В это же время Оприн дернул кожаную ленту, скользившую меж звеньев своей цепи – наконечник ее распахнулся

подобно ножницам и с мерзким скрежетом оцарапал доспех. Риктас дернул рукой, не позволяя цепи убежать далеко и потянул врага на себя. Оприн спешно обнажил короткий клинок и отразил удар.

У них не было возможности поиграть в церемонии, изучая друг друга, им нужно было сражаться свирепо и в то же время красочно, чтобы угодить Закрису. В этом плане боец с цепью был опытнее противника, он уже третий сезон выживал на арене и знал, как устроить эффектное представление на потеху озверевшей толпе.

Ударив ногой в грудь врага, Оприн оперся ступней о его руку, сделал сальто и отлетел в сторону, а, приземлившись, снова дернул цепь, освобождая металлический «хвост».

Дикий рыцарь подобного маневра не ожидал и упустил удачный момент для атаки, но стоило ему опомниться, как враг снова повел себя странно. На ходу раскручивая цепь, Оприн отвернулся, перенося вес с ноги на ногу, словно дразнил врага. Но Риктас не поддался на уловку, он неторопливо развел мечи, а потом бросился в бой, нарочно подставляя один из клинков под цепь, чтобы поймать ее, а другой готовясь нанести страшный удар.

Однако ловкий Оприн юркнул под его рукой, повиснув на цепи, намотавшейся на подставленный меч. Прокатившись по песку, он вскочил, развернулся и вырвал оружие из рук соперника, но опомниться ему не дал, тут же делая выпад своим коротким клинком и норовя попасть под доспех.

Завершить удар ему не позволили. Зубчатый меч Риктаса с такой силой ударил по маленькому клинку, что тот вылетел из рук Оприна, но гибкий мужчина предусмотрительно отклонился всем корпусом назад и снова бросил вперед свою цепь. Ее острое врезалось противнику в лицо, – из разрубленного носа Риктаса хлынула кровь, но свободной рукой воин успел поймать цепь и потянуть на себя, спешно наматывая на кулак.

– Сегодня ты сдохнешь, паучье отродье! – шикнул он на Оприна, чувствуя себя дико оскорбленным удачливостью соперника.

Но тот без страха двинулся к нему, ослабляя натяжение цепи, а потом поймал ее конец и дернул в сторону, избегая меча, успевшего только задеть его плечо вскользь.

– Не сегодня, – ответил Оприн, перекрестил два конца цепи, захватывая при этом и руку и шею Риктаса в одну жесткую петлю.

Тот захрипел и дернулся, желая достать врага мечом, но тяжелый доспех мешал ему, тогда он попытался обернуться всем телом, рискуя сломать собственную руку. Но угадывая его намерения, беспощадный Оприн подпрыгнул, уперся ногами в чужие латы на поясице, и застыл, как наездник, держащий поводья.

Риктас взвыл и оступился, став ногой на брошенный короткий клинок Оприна, рукоять под ногой скользнула в сторону, увязая в песке, а незадачливый тяжеловес рухнул впе-

ред. Его враг напрягся всем телом, чтобы не потерять позиции, а потом молниеносно опустился на колени, вонзая острие на своей цепи в основание шеи рыцаря, между шлемом и доспехом.

Бедняга взвыл и повалился на песок, а его шустрый враг дернул за кожаный шнурок своего хитроумного приспособления. «Ножницы» распахнулись, разрывая кожу и охватывая шею, а потом тут же сомкнулись, перекусывая ее целиком. Большая голова Риктаса, словно мяч, покатилась по арене, оставляя за собой густые пятна черной крови.

Зрители раздосадовано взревели, многим из них так и не довелось услышать хруст раздробленных позвонков. Но дармисы, ставившие на Оприна, бешено ликовали – только что их боец смертью врага выкупил свою жизнь для нового представления.

Когда же на арене появилась третья пара, Магрит не сдержала протяжного стога...

Крупный дедул с перебитыми и подвязанными крыльями, в одной лишь набедренной повязке вышел на арену, заметно прихрамывая. Это был высоченный мужчина с отлично развитой мускулатурой и благородным лицом. Большой удачей было заполучить такого поединщика на арену, и скорее всего клан Дедулов считал своего родича погибшим и утерянным, иначе не избежать войны.

Все в Инсектерре знали, насколько дедулы дружны и горой стоят друг за друга. Их свирепая армия могла бы нанести

существенный урон Дармаллаку, дойди до Старейшин известие, что представитель клана изуродован дармисами и вынужден защищать свою жизнь под улюлюканье пьяной толпы.

Зато противника Дедула на арену отправили грубым пинком. Мужчина с красноватой кожей и черными узорами на плечах едва не рухнул от удара и скривился, прижимая к боку губчатый светло-зеленый лист, заменявший повязку. Но оказавшись перед дедулом, кормис выпрямился и с достоинством посмотрел на врага.

У Магрит сжалось сердце. Она снова вскрикнула, узнав раненого Наро – истощенного, с темными полукружьями под глазами, но упрямо стоящего на ногах. На мгновение их взгляды пересеклись. Нет, он не будет умолять врагов о пощаде, но попытается как можно дороже продать свою жизнь на виду у своей отчаявшейся госпожи.

Глава 27

Ярость и вожделение

На этот раз поединщикам не выдали никакого оружия, но это только усложняло ситуацию. Атлетически сложенный кормис с раной в боку против крепкого крылатого мужчины с раздробленной коленной чашечкой. Дедул почти на голову возвышался над коренастым Добытчиком, но оба мужчины были достаточно опытные взрослые бойцы. Медленно сойдясь, они будто решили перекинуться парой слов перед смертельной схваткой.

Коротко поклонившись, первым заговорил Дедул:

– Я бы хотел пожелать тебе мира, кормис, но, вынужден заметить, что мне придется тебя убить. Прости заранее, я не держу на тебя зла. Наши кланы не враждуют, но сейчас я просто хочу выжить, и ты стоишь у меня на пути.

– А если мы оба откажемся от поединка? – хрипло спросил Наро.

Дедул презрительно сплюнул в сторону, его вытянутое желтоватое лицо еще больше осунулось.

– Они нас заставят, нанося рану за раной. Больно и скучно. А потому я попытаюсь тебя убить или приму смерть от твоей руки, если не повезет. Давай начинать бой.

– Подлые твари, – процедил Наро сквозь зубы, бросая

полные ненависти взгляды на террасы и балконы, возвышающиеся над ареной.

С какой радостью он бы бросился сейчас на предводителя черных уродов, чтобы зубами вцепится ему в глотку. Маленькая Госпожа сидела рядом с Закрисом, и рука генерала по-хозяйски лежала на ее плече. Это зрелище воспламеняло кровь, придавало сил.

Магрит не хотела даже дышать рядом с ненавистным соседом по ложе, но была вынуждена пылко заговорить:

– Отмени поединок! Я прошу тебя, я умоляю. Неужели ты не понимаешь? Я не могу смотреть, как умирает мой человек.

– Еще скажи, что этот красный урод был хорош в постели! – пробурчал Закрис.

– Он кормис, а я – Королева Кормаксилона. Я должна его спасти любой ценой!

– Так что я получу взамен?

Магрит на мгновение закрыла глаза. Собственная гордость не значила ничего против жизни Старшего добытчика Наро.

– Я сделаю все, что ты хочешь.

Закрис усмехнулся, плотоядно покосившись на пленницу, и тут же перевел взгляд на арену, будто не замечая крайнего волнения Магрит. На арене начался смертельный бой.

Дедул фыркнул и бросился вперед. Удар кулака, направленный в висок, Наро тут же отразил, уведя руку против-

ника в сторону. Скоро мощный кулак просвистел у другого уха кормиса, но это был обманный маневр, потому что Дедул сразу ударил в открытый раненый бок. Раздался хруст сломанного ребра, и Наро зашипел, отскакивая в сторону.

Вопль Магрит заставил его поднять глаза вверх. Наро видел, как генерал Закрис, приподнявшись, дернул ее к себе. Этот грубый собственнический жест привел кормиса в бешенство. Сначала Наро попробовал ладонью перехватить кулак, летящий в плечо, другой рукой провел захват за плечо и тут же в прыжке направил колено в грудь противника.

Дедул отлетел назад, слабо шевеля кончиками давно сломанных крыльев, а Наро согнулся пополам. Он потерял много сил. Из-под зеленого листа по темной коже струйкой побежала кровь.

– Останови это безумие, – взмолилась Магрит, обращаясь к невозмутимому Закрису. – Он ранен, это подло!

Генерал улыбнулся, показательно прижимая пленницу к себе. Ее жалкие попытки оттолкнуть его маленькими кулачками только возбуждали звериную похоть дикаря.

– Я могу приказать ранить его врага. Будут на равных. Хотя дедулу тоже досталось. Мы потеряли троих братьев, пока забирали его с реки.

Магрит вздрогнула, понимая, что этот жестокий человек просто наслаждается ее унижением, как и видом умирающих на арене мужчин.

– Что ты хочешь? Я же сказала, что готова на все.

Смотреть на арену она боялась... Разгневанный дедул успел прийти в себя и перехватить инициативу. Он схватил Наро за предплечье и искусным приемом бросил через плечо, а потом упал сверху.

Кормис успел поймать ногу, наносившую удары и резко дернул стопу врага в сторону так, что она свернулась на бок. Дедул взревел и ударил Наро другой ногой по голове, но, падая, смазал удар, ибо большая раненая конечность не могла его удержать.

Потом раздался дикий крик Наро, – враг вцепился зубами в его руку, словно собираясь отгрызть ее. Это был бой безо всяких правил, но у слабеющего Наро шансы таяли с каждой каплей потерянной крови.

От удара по голове сознание Наро мутилось, рана в правом боку выглядела ужасно, а над ней расплывались темно-багровые пятна от сломанных ребер – крылатый соперник не ведал жалосьт, он хотел выжить.

– Прошу, останови бой! – крикнула Магрит, дернув Закрису за отягощенное серьгой ухо. – Ты обещал мне развлечение, но я готова рыдать. Давай вернемся в твою комнату и позабудем иначе. Ты ведь хотел любовных судорог на смятой подстилке. Я постараюсь... постараюсь угодить тебе. Как ты захочешь, я попытаюсь порадовать тебя... "чучело дохлого павиана". Пожалуйста!

Закрис с любопытством воззрился на женщину рядом с собой. В крайней степени тревоги она сжимала ладошки пе-

ред грудью и была очень привлекательна в своей готовности на все. Кормис и так сдохнет через пару дней, он уже хрипит на песке, из открывшейся раны ручьем льется кровь. Так почему бы не подарить этой сладкой плейпи надежду на его спасение. Интересно, до каких высот может дойти ее благодарность?

Почти теряя сознание, Магрит смотрела на арену, мысленно прощаясь с другом. Она ничего не могла сделать, только отомстить, но это требовало времени и подготовки, а Наро умирал здесь и сейчас на ее глазах. Преимущество дедула не оставляло сомнений. Распростертый на окровавленном песке кормис еще раз попытался встать, преодолевая боль, но получив новый удар живот, скорчился, пустив изо рта струйку кровавой слюны.

И тут над ареной раздался громовой возглас Закриси:

– Эй! Уведите крылатого фаворита! А эту ничтожную личинку пока оставьте – кормис будет смотреть, как его Королева ублажает меня. Может, даст ценный совет... Если мне все понравится, жалкого слабака немного подлечат. Ха! До следующего боя через несколько дней.

Шатаясь от ужаса перед предстоящим унижением, Магрит была вынуждена спуститься вслед за генералом на рыхлый песок. Только один взгляд она бросила на формальную владычицу черных тварей, сидевшую в верхней ложе как каменное изваяние. И всего несколько слов произнесла в сторону притворно-равнодушной физиономии «Леди Дармаллак»:

– И ты это позволишь? По крайней мере, я умру королевой, а ты до конца дней останешься только шлюхой наглого психопата.

Нет, Магрит не просила помощи у Харимы. В ее глазах были только презрение и ненависть. Может, этот дерзкий вызов и решил исход событий тяжелого дня.

Откуда-то сбоку раздался ритмичный грохот барабанов. Эхо прокатывалось по арене и поднималось вверх, заставляя вибрировать мужские тела в едином танце вожделения. Зычный голос Закриса заставил дикарей вскочить на ноги:

– Моя пленница хочет показать вам иное представление, братья! И для этого мы собрались здесь. Смотрите все, как Мать Кормаксилона выразит свое почтение истинному хозяину Инсектерры.

В шуме ревущей толпы Магрит не расслышала слабый шелест, сорвавшийся с губ Наро, правда, его жесты были очень красноречивы. Он точно не хотел спасти свою жизнь такой ценой, но его королева уже приняла решение. К тому же Закрис мог заставить ее подчиниться и безо всяких условий.

– Я не хочу, чтобы кормис видел, – прошептала Магрит, обращаясь к своему мучителю. – Пусть его унесут, нужно перевязать рану.

– Он останется, а ты должна знать – одно мое слово и красный червяк будет мертв. Потому старайся быть угодливой. Приласкай же меня! Для начала своим болтливym языком, – насмешливо ответил Закрис, красноречиво погладив

себя ниже шипастого пояса.

Магрит обреченно встала на колени, отвернувшись от Наро. Только одна мысль змейкой промелькнула в голове: «Если я крепче сожму зубы – он сразу нас убьет или будет пытать?». Под восторженные крики заинтересованной публики генерал освободил из штанов свой огромный член с вздувшимися венами и горделиво продемонстрировал его окружающим.

Такому мощному «стволу» мог бы позавидовать и племенной жеребец. Магрит испуганно попятилась, когда здоровенная штукавина пружинисто запрыгала у нее перед лицом. Оказывать какие-либо услуги этому монстру не было сил, но за спиной глухо стонал Наро, и Магрит пришлось бы выполнить волю генерала, если бы сзади не раздался возмущенный возглас Харимы.

– Хватит! Мне противно смотреть, как эта бледная гадина пренебрегает оказанной ей честью! Я желаю сама доставить тебе удовольствие во славу Дармаллака. И пусть все видят, насколько крепок наш союз, мой генерал.

Закрис недовольно кашлянул, уперев кулаки в крутые бока.

– Драгоценная Королева, ты действительно хочешь, чтобы я сделал сейчас с тобой именно то, что собираюсь сделать с самкой красноруких?

– Да, – нежно прошептала Харима, прильнув к Закрису. – Я хочу, чтобы ты всегда делал со мной то, что захочешь – и

в своих покоях, и на кровавых песках арены, ведь ты повелитель моего тела.

Генерал задумчиво прикусил нижнюю губу. Открытая полная грудь Харимы с торчащими подкрашенными сосками возбуждала не меньше, чем перспектива проткнуть своим стволом трусливую «шлюху кормисов». К тому же сейчас отказать своей госпоже Закрис не посмел.

Он отлично знал, что его женщина хитра и коварна, словно ядовитая змея и не простит прилюдного пренебрежения. Генерал грубо оттолкнул Магрит на песок, жестом велел одному из стражников оттащить ее дальше.

– Что же, возлюбленная, я покажу тебе всю мощь своих желаний, – с усмешкой сказал Закрис, наматывая на ладонь длинные волосы покорной Харимы.

Он резко толкнул ее вниз, заставляя упасть на колени. Но королева дармисов с явным удовольствием обхватила его широкие бедра и широко открыла рот, высовывая розовый язык.

– Хорошо! – одобрительно произнес Закрис, почти нежно погладив подругу по голове, и тут же направил свой член между ее влажно блестящих зубов.

Харима закрыла глаза, принимая его целиком, даваясь до слез на ресницах с первого же толчка, но даже не пыталась отстраниться. Дармисы больше не улюлюкали, не кричали одобрительных речей, потому что большинство из них уже давно добрались до своих пенисов, чтобы ритмично сколь-

зять пальцами по возбужденным стволам в такт движениям своих владык.

Наро также пришлось смотреть на то, что сейчас делал Закрис со своей королевой. Слезы на глазах Харимы, ее покрасневшее лицо, хрип из глотки немного пугали и вряд ли свидетельствовали о неземном блаженстве.

А в трех шагах дармис из личной охраны генерала бесцеремонно облапил маленькую Магрит. Его выразительная эрекция была прижата к ягодицам дрожащей женщины, и страж слегка покачивался из стороны в сторону, вызывая гримасы негодования на ее бледном личике. С каким удовольствием Наро убил бы гада, если бы смог.

Магрит едва сдерживала спазмы в желудке, с ужасом понимая, что именно могло сейчас происходить с ней. Хариму же, напротив, казалось, устраивал сценарий. По ее щекам катились слезы, но она смачно сосала толстый член Закриси и громко причмокивала губами в знак восторга.

Потом, задрав подол, Харима оголила круглые ягодицы, выставив свой зад и мокрую «щелку» на всеобщее рассмотрение. Толпа выла и стонала в экстазе, над ареной плыл терпкий запах мужской спермы и пота.

Запрокинув голову и приседая на широко расставленных ногах, Закрис насаживал лицо женщины на свой член, толкался в ее рот и рычал от восторга.

– Я всегда знал, что ты лучшая дырка для меня, Харима. Сегодня я в который раз убедился в этом. Пусть все видят,

как хорош наш союз.

В ответ она замотала головой, желая освободиться, и когда генерал догадался ее отпустить, хрипло простонала:

– Я хочу, чтобы ты использовал и другие отверстия моего тела. Не заставляй долго просить, мой великан!

Исполняя пожелание госпожи, Закрис оторвал ее от себя и заставил повернуться к нему впечатляющей задницей. Он схватил Хариму за бедра, сжимая их до бледности черных костяшек своих кулаков, а затем резко толкнулся в самую узкую дырочку, с размаху входя на полную длину «ствола».

Харима громко вскрикнула, распахивая влажные от слюны губы, перемазанные спермой и потерлась задом о его пах, словно желала, чтобы огромный черный член устроился в ней поудобней. Закрис хищно оскалился, поймал ее руки и заломил их назад, заставляя еще сильнее прогнуть спину.

А потом генерал стал иметь свою королеву так неторопливо, чтобы все многочисленные зрители отлично видели, как его мужское орудие входит в ее тело. Толпа мужчин вокруг арены также наслаждалась видом вздрагивающей от каждого толчка королевской груди.

Закрис входил целиком и выскальзывал до самой головки опухшего члена, чтобы снова ударить внутрь жадно хлюпающей "норки", а Харима дико взвизгивала, то и дело переходя на крик:

– Еще! Сильнее! О-о, как ты радуешь меня, мой герой!

В ответ на ее мольбы Закрис скалился и продолжал рит-

мичные толчки, то ускоряясь, то замедляясь. Потом по просьбе неистойвой королевы он пристроил свой «таран» в более широкие ворота. В приступе зависти толпа дармисов подвывала и хлюпала, следя за действиями военачальника.

Пока Магрит, задыхаясь от гнева и отвращения, пыталась снять со своей груди лапу стражника, многие воины удовлетворяли себя сами, упиваясь зрелищем королевского соития во благо Дармаллака.

Наконец Закрис второй раз мощно излился и выпустил Хариму из рук, позволяя ей расслабленно упасть на песок. Сегодняшнее представление подошло к концу.

– Отнесите королеву в ее покои – пусть отдохнет, а эту маленькую дрянь отведите ко мне. Надеюсь, малышка получила хороший урок любви. Ночью я займусь ее прелестями. Проверим, насколько внимательной была самка кормисов, потому что хочу повторить все до мельчайших подробностей!

С чувством выполненного долга Закрис удалился с арены, на ходу пряча опадающий член в кожаные штаны. А вот Магрит пришлось нести на руках, потому что сама не могла ступить и шага. Сухими глазами она смотрела, как двое дармисов волокут по песку стонущего от боли Наро. Кормис еще дышал, но был крайне измучен и обескровлен.

На Инсектерру опускалась ночь.

И эту ночь Магрит уже не надеялась пережить.

Глава 28

«Дармаллак должен быть разрушен!»

Кадо сильно повзрослел за последние дни. Он слишком часто хмурился и оттого тонкие складки на его лбу превратилась в ранние морщины. Никогда прежде импульсивный воин не был так собран и серьезен. Происходящее уже не походило на тренировки или игру. В Инсектерре было немного противников, равных по силе и уму дармисам. И сейчас в центре их логова находится Благословенная Мать Кормаксилона.

А значит, нужно призвать на помощь всю хитрость и многовековой опыт прежних поколений, чтобы освободить королеву. Всю свою историю, зафиксированную в свитках Архива, кормисы воевали с дармисами, и успех чередовался с поражением. Настало время показать, что Колония не простит страшного оскорбления, не оставит безнаказанной гибель братьев.

Дармаллак должен быть разрушен!

Однако, к удивлению Кадо, кое-кто из соратников имел другое мнение. Выяснилось, что долгое отсутствие Магрит не принесло колонии беды. Никто из кормисов не думал засыпать диким сном, мужчины были полны сил, запасы про-

визии пополнялись, стены оставались крепкими.

Будущие воины, наставники, добытчики и строители своевременно выходили из коконов и принимались за общую работу, пока появление метки на плече не открывало их истинного предназначения.

Причиной благоденствия Кормаксилона были объявлены новые его обитатели – девять милых девочек, которые быстро росли и радовали сердца суровых мужчин своими улыбками. Первое время кормисы не знали, как правильно относиться к такому непривычному потомству, но было решено объявить девчушек «даром Первой Матери» и окружить заботой.

Участь необычного потомства должна была решить королева, но кое-кто из старших кормисов здраво рассудил, что маленьких женщин следует считать дочерьми Кормаксилона – со временем они помогут Магрит поддерживать мир и благополучие Семьи. А также подарят благосклонность достойным мужам на благо Дома.

И если Магрит не вернется, то... Нет, Кадо даже думать не желал о таком исходе событий! Забрать свою королеву у Закрися было для него делом чести. Но сделать это в одиночку казалось очень рискованным и опасным делом, а потому кормисы отправили концов всем соседним кланам, желая найти союзников.

Вероломство дармисов, их высокомерие и жестокие расправы над пленниками вызывали всеобщее порицание в Ин-

сектерре. Правда, никто не желал выступить открыто против столь хорошо обученного и сурового врага. Может, пришло ли время объединиться?

Послы запаздывали, а отряды Кормаксилона были готовы отправиться в поход даже без поддержки со стороны. Сердца кормисов горели отвагой и жаждой мести.

Кадо и сам бы пошел к Дедулам для переговоров, но разумней было остаться в Кормаксилоне и подготовиться к предстоящему сражению некоторых новичков из строителей, которые не пожелали остаться дома в такой ответственный момент. Зато добытчикам и наставникам вместе с горсткой солдат было поручено охранять Колонию, пока главные силы сражаются в джунглях.

Неподалеку зашуршала листва, расступились заросли и на поляну вышел сосредоточенный хмурый Мано, а следом за ним высоченный дедул.

– Я приветствую тебя, воин Кормы! – колоритный гость гулко стукнул себя кулаком в могучую грудь.

– Рад, что ты пришел на наш зов, Крылатый, – сдержанно ответил Кадо, стараясь не выдавать своего ликования.

Вряд ли представитель гордой расы лично явился сообщить об отказе, а значит, надежда на союз с ним весьма велика.

– Мы поможем вам захватить Дарму, – прямо заявил дедул, расправляя правое крыло в знак объявления войны захватчикам.

– Предлагаю дождаться еще одного гонца, но ближе к полудню мы двинемся в путь, с Опринами или без них. Медлить нам нельзя! Королева в большой беде.

Дедул поморщился, но не стал спорить, занимая место под раскидистыми ветвями и настороженно поглядывая по сторонам, а потом процедил сквозь зубы, продолжая разговор:

– Вчера нам попался лазутчик дармисов. Мы хорошенько допросили его, и он поведал, что наш сородич томится в клетке. Черные твари сломали ему крылья! Жестокость Закриса перешла все границы. Мы готовы убивать.

Кадо кивнул и торопливо поинтересовался дальнейшей судьбой пленного. Возможно, он сообщит что-то и о Магрит.

– Я лично проломил ему голову, – равнодушно ответил Дедул, словно речь шла о гнилом кокосе.

Впрочем, Кадо отлично понимал Крылатого союзника, хотя был разочарован скорой смертью врага, который мог бы сообщить ценные сведения. Сам Кадо готов был голыми руками разорвать хозяина Дармаллака со всеми его приспешниками.

Раздался тихий свист, и к дереву подошел Уно, отправленный на встречу с Опринами.

– Ты один? – взволнованно спросил Кадо, заглядывая через плечо наставника.

Уно отрицательно покачал головой и отступил в сторону, показывая тех двоих, что бесшумно ступали за ним. Первым на поляне появился загорелый дочерна узкоплечий оприн.

Он нервно поигрывал цепью, прикрепленной одним концом к своим доспехам. Взгляд его налитых кровью глаз быстро пробежался по всем присутствующим.

– Не скажу, что я очень желал бы вас видеть, – проскрипел Оприн, – но наш брат в плену у проклятых, а значит это дело и нашего рода. Дармисов пора уничтожить! Что вы хотите сделать с их Домом?

– Сжечь дотла, – глухо ответил Кадо, до хруста стискивая кулаки.

– Дарма-дом не то дерево, которое стоит предать огню, – глубокомысленно сообщил Крылатый, присоединившись к беседе. – Разве стены жилища виновны в том, что творят обитатели? До начала дождей еще дней десять, а что если пожар уйдет далеко в лес?

– Это стоит еще раз обдумать, но уже в пути! – уклончиво ответил Кадо, и Дедул одобрительно кивнул, продолжая развивать свою мысль:

– Дармисы будут побеждены, даже если для этого нам придется объединиться с Опринами.

Он злобно зыркнул на мужчину с цепью, и тот сперва скорчил пренебрежительную гримасу, а потом чуть насмешливо поклонился. Перед лицом такого многочисленного врага как дармисы, стоило заключить тройственный союз.

– Благодарю всех, – рыкнул Кадо, а потом обратился к собратьям:

– Мано, возвращайся домой, тебя избрали Старшим Со-

ветником неспроста. Ты поставлен следить за домом. Теперь ты, Уно, – передай всем, что скоро будет приказ выступать, осталось лишь обсудить с нашими друзьями маршрут и варианты нападения на Дарму.

Достав флейту, Уно закрыл глаза и сосредоточился. Последнее время он берег силы и почти не говорил, потому что главной его задачей в сражении будет распределять силу между бойцами, объединять и связывать их незримо.

Легкое сияние окутало старенький инструмент. Умелые пальцы побежали по флейте, но звука не было слышно, ибо сейчас создавалась не мелодия, но шли тайные сигналы для каждого воина, добытчика, наставника и строителя. Кормаксилон должен знать, что скоро в Гиблом лесу случится страшная битва.

И кто-то из сыновей Большого Дома останется на поле сражения.

Глава 29

В глубине леса

Магрит

Я потеряла надежду на спасение. Я почти сдалась. Только чудо может избавить меня от притязаний похотливого демона и поделом же мне достанется, если помощь так и не придет. Я одна виновата в случившемся и должна быть наказана за свою глупость.

Может, мама была в чем-то права... Каждый неправильный поступок влечет за собой суровую кару. Есть ли у меня немного времени, чтобы покаяться и вымолить у богов защиту? Я буду просить не за себя, пусть меня даже замучает Озабоченный тиран, но спасутся пленники, выживет Наро. Слышите меня, боги?

Я обещаю быть пайнкой и смиренно понесу свой крест, стану наложницей Закриси и при первом же удобном моменте перережу ему горло или отравлю. Подружусь с лекарем и отравлю. Отличная мысль! Вслед за волнами отчаяния на меня накатывалась бурная жажда деятельности. Я металась по спальне генерала как дикая пантера, облазила каждый угол, перевернула постель в поисках хоть чего-нибудь похожего на оружие.

Когда двери открылись и в комнату заглянул стражник, я сидела на низком столе, сжимая в руках длинную деревянную шпильку с острым концом. Нервы мои были напряжены до предела, но чернокожий мужчина жестом велел следовать за ним, а потом подкрепил движение руки словами:

– Идем, я выведу тебя в лес.

– В лес?

– Или ты хочешь остаться здесь?

– Нн-ет!

– Идем, у нас мало времени.

Я приблизилась к двери, и дармис схватил меня за локоть, заставляя ускорить шаг. Мы долго шли вдвоем по извилистым коридорам, пахнущим старым деревом, и наконец я почувствовала порыв свежего воздуха. Неужели меня спасет один из банды озверевших дикарей? Или Закрис решил порадовать пленницу прогулкой, мало мне было дневного представления?

Вокруг стояла непроглядная тьма, даже звезды потускнели, а Луна спряталась за мутное облако. Я вопросительно взглянула на дармиса, продолжавшего крепко сжимать мою руку.

– Куда нам теперь?

Ответ обескуражил настолько, что я забыла дышать.

– Иди, куда хочешь. Мне приказано увести тебя в лес и сделать с тобой все, что придет в голову. Но в зарослях бродит Вайша и уже проснулся скользкий Алафи. Я не хочу ли-

шаться жизни ради минуты удовольствия. К тому же ты не привлекаешь меня, а Королева обещала свои ласки, если покинешь Дарму этой ночью. Потому убирайся скорее или мне придется применить нож.

Я с трудом сглотнула слюну и обвела растерянным взглядом темные заросли впереди. Получается, ревнивая Харима приказала выгнать меня в джунгли. Догадалась избавиться от новой игрушки своего извращенца и при том отлично знала, какая опасность грозит мне в ночной лесу.

Сейчас расплачусь от счастья! Пусть меня звери загрызут, чем будет тискать грязный урод Закрис. Едва сдерживая дрожь в голосе, я попыталась достойно ответить стражнику:

– Передай госпоже мою благодарность. Я непременно воспользуюсь ее добротой. Прощай, Дармаллак! И привет тебе, Гиблый лес!

Дармис не был растроган моей патетикой. Меня грубо толкнули в плечо, заставляя отпрыгнуть от стены, а узкая полоска света от внутренних покоев Дармаллака тотчас исчезла.

Какое-то время я стояла, прижавшись спиной к гигантскому стволу, и настороженно прислушивалась к шорохам в темноте. Одна часть меня настойчиво просила остаться под сенью могучей Дармы, а другая желала бежать как можно дальше от логова чудовищ в образе людей.

Есть ли у меня шанс выжить здесь, дотянуть до утра, как будто с рассветом должны исчезнуть все голодные хищники

Инсектеры... Я сейчас легкая добыча, всего-то один удар мохнатой лапы, одно смертельное объятие холодного тела питона.

Лес и не думал засыпать. Вокруг шелестела трава, касаясь друг друга, поскрипывали ветви, не смолкали цикады или сверчки, кто их тут разберет. С гуканьем пролетела в кроне ночная птица, поблизости задорно посвистывал мелкий зверек и кто-то хохотом вторил ему прямо у меня над головой.

Я осторожно двинулась вперед и скоро наткнулась на переплетение тонких шершавых стволов, несколько колючек вонзились под кожу, и я невольно облизала ладонь, еле сдерживая слезы. Постепенно мои глаза привыкали ко тьме, но я не могла различить никаких тропинок.

Пальмы, лианы, крупные листья бананов, нежные «пальчики» акаций... Я руками раздвигала живую плоть растений и шла наугад, обращаясь про себя к Первой Матери:

«Раз ты мне иногда снишься – не бросай в беде, помоги найти дорогу, спрячь от диких зверей. Я выполню свое предназначение, стану самой любящей Королевой своего прекрасного Дома. Помоги только добраться до Кормаксилона. И, пожалуйста, защити Наро и остальных мужчин. Я верю, что их не бросят. Кадо отлично ориентируется в лесу, он не мог погибнуть, а значит, подмога близка».

Несколько раз охватывало чувство, что на меня пристально смотрят из-за ветвей, что за мной следят жуткие демоны леса. Я вжимала голову в плечи и, зажмурившись, упорно

шла вперед. И даже когда под ногой захлюпала грязь, не стала сворачивать в сторону.

Еще несколько шагов по колено в вязкой жиже – и я наткнулась на большой камень. Не придумав ничего лучше, просто залезла сверху на выпуклую и почти гладкую поверхность, похожую на мраморную плиту. Все приятнее, чем по болоту шлепать, может, остаться здесь до утра?

Иногда между стволами мерещились огоньки чьих-то глаз, а, может, это были светлячки. Камень оказался на удивление теплым, как и сама боотная глина, в которой были измазаны мои ноги. Я сжалась в комочек, лежа на боку и некоторое время таращилась по сторонам на силуэты деревьев. Скоро глаза стали закрываться. Если меня и сожрут, то я буду крепко спать в этот печальный момент.

Хотелось даже горько посмеяться над своей черной шуткой, но вдруг почудилось, что камень подо мной слегка приподнялся и тут же опустился еще глубже в грязь. Может, у меня тактильные галлюцинации... Нет сил размышлять. Одолевал сон.

* * *

Меня разбудили неприятные ощущения сырости и шум дождя. Уже рассветало. Я испуганно озиралась вокруг и растирала руки, пытаюсь немного согреться. Мокрый балахон не спасал от утренней прохлады, но скоро прекратился, сквозь

ажурную завесу листьев скользили солнечные лучи, пророча удушающую тропическую жару.

Колыхание каменной плиты подо мной заставило вскочить на ноги, и я не сдержала удивленных криков. Вместо вязкой болотной жижи камень окружала мутная пена, берлящая от ударов огромных живых лопастей. Черепаха! Оказывается, я спала на спине черепахи невероятных размеров и теперь, когда уровень воды поднялся из-за дождя, болотце вдруг превратилось в реку.

Размерянно работая четырьмя конечностями, животное медленно продвигалось вперед сквозь небольшую лесную просеку, заполненную водой. Неповоротливому гиганту помогали грязевые потоки, стекающие в ложбину, которая, судя по всему, то пересыхала, то вновь наполнялась.

Может, во время очередной засухи черепаха заснула здесь и теперь желала добраться до более влажных мест. А куда направляются все реки? К еще большей заводи, я так полагаю. И что же теперь мне делать – прыгать в воду или дальше оставаться на спине монстра?

Но идея добраться вплавь до ближайших сухих островков покидала меня с каждым мгновением. Речушка расширялась и становилась еще более многоводной. Я сидела на панцире черепахи и обреченно наблюдала, как просыпается лес.

С дерево на дерево перепрыгивали обезьяны, большие носатые птицы горланили, как очумевшие, похоже, ссорились из-за ярко-красных плодов. Глухие, их же на дереве так мно-

го! Парочка перезрелых фруктов в этой суматохе шлепнулись рядом со мной и я немного перекусила их сочной мякотью.

Еще я видела какого-то крупного зверя, вроде барсука. Его нору затопило и он, скрестив лапки, сушил шерсть на стволе поваленного дерева. Рядом в клубок свились несколько змей. Надеюсь, они не страшны барсуку, он их не замечает до поры.

А какие красивые цветы на этом кустарнике... Их аромат привлекал мелких насекомых и крохотных птичек. Лягушки! Голубого и лилового оттенка самые настоящие лягушки каждая, размером с супницу, прыгнули в воду с толстой кривой коряги. Испугались нас.

Просека становилась все шире, скорость течения усиливалась или это «мой корабль» вдруг начал спешить, почуяв впереди большую воду. Скоро мы выплыли из зарослей на середину реки – вот это было зрелище! У меня дух захватило от резко сменившейся картины. Наш приток, взявший начало с болотца, представлялся теперь жалким ручейком по сравнению с обильным водным простором.

На мгновение я забыла о том, что заблудилась в джунглях и мои шансы добраться до Дома сведены к нулю. И когда черепаха нырнула, полностью скрываясь под водой, я едва успела набрать в легкие воздуха и выбраться на поверхность. Течение несло меня вперед, и холодная вода сковывала тело.

На мое счастье рядом проплывали несколько сваленных

деревьев. Первую пальму я даже не пыталась обхватить руками, на ней уже были пассажиры. Когда я только попробовала прикоснуться к стволу, чуть не в лицо мне оскалилась гиена. Нет, такой клыкастый попутчик не подойдет. А вот вторая пальма удачно зацепила меня пучком разбухших листьев. Кое-как уцепившись за ворсистый ствол, я смогла отдышаться, высунув из воды голову и плечи.

Не знаю, сколько времени несла меня река, я старалась держаться за спасительное дерево изо всех сил. В ушах нарастал шум воды, сомнений не было – впереди крупная преграда. Завал бревен, пороги, водопад? Я прижалась к мокрому войлоку лицом и закрыла глаза. Будь, что будет... Помню только, что нас швырнуло в сторону и бешено закрутило в воде.

А потом мое суденышко прибило к куче древесного мусора вблизи берега. Невысокие пороги совсем рядом, почти полностью преграждают реку. Я неминуемо бы разбилась, но все-таки чудеса случаются в Инснектерре.

Сначала я переводила дыхание, распластавшись на своем бревне, а потом начала ползти по корягам в сторону суши. Очень хотелось пить. Странно, я ведь сейчас сама мокрая будто губка, а жажда не утихает. И голод. А еще навалилась жуткая слабость. Путешествие вымотало меня до крайности.

Я хотела только добраться до ближайших зарослей бананов на берегу и едва ступила на твердую почву, как тут же свалилась в густую траву. Последнее за что зацепился мой

взгляд – это крупная гроздь белоснежных цветов, свисающих с дерева на уровне моего роста. Сладкий аромат разносился по всей округе. Сейчас немного передохну и поищу что-нибудь съедобное. Ягоды или плоды, все равно...

Наверно, я долго лежала на смятой траве в тени широких банановых листьев. Моя одежда успела высохнуть прямо на теле, волосы бы еще распустить, а то до сих пор ощущаю тяжелый мокрый комок на затылке. Жужжат насекомые, поют невидимые птицы, жарко и нечем дышать, но я не могу открыть глаза от усталости.

А потом на лицо мне повело свежим ветерком. Я приподнялась на локте и обомлела. Рядом стояла знакомая девушка-плейпи. Она улыбалась и протягивала мне половинку расколотого кокоса. Может быть, это сон...

– Как ты здесь оказалась, госпожа? И совсем одна, где же твои мужчины?

Я едва ворочала языком, но, напившись приторно сладкого кокосового молока, стала немного разговорчивей. Мой сбивчивый рассказ Пелиона выслушала с большим сочувствием. Ее милостивое личико то и дело омрачалось гримаской негодования или страха.

– К сожалению, Кормаксилон очень далеко и Мелисан тоже. А ты не умеешь летать и совсем слаба, чтобы идти по лесу. И укрыться на дереве быстро не сможешь, такая жалость. Как же тебе помочь... Разве что отвести к Манти Ошу.

– Кто это? Он человек или бабочка?

Пелиона звонко рассмеялась и даже хлопнула в ладоши, оставив их сложенными у груди, как благочестивая монахиня.

– Манти Ош – ни зверь, ни человек. Мы думаем, что он дух леса, потому что живет здесь совсем один и его до сих пор не съели. Он не опасен и, думаю, сумеет тебе помочь. Он выглядит так же как ты, у него длинные белые волосы на голове.

– Местный святой... Уже не терпится познакомиться, – я пробовала шутить.

– Надеюсь, Манти Ош, еще жив и не поменял место своего обиталища. Я не летала вблизи Мантихары больше года. О, ты тоже чувствуешь, запах дыма и горелой плоти? Сейчас поднимусь и все разузнаю сверху...

– Что там такое, Пелиона? Опасность? Где-то горит лес?

– Лес не должен гореть, ведь всю ночь лил дождь, мы с сестрой едва успели вчера укрыться во Мшистой пещере. Ах, Королева! Это так удивительно!

– Пожалуйста, расскажи!

– Дарма-дом в огне! Пожар в центре крепости дармисов! На них напал большой отряд.

Скоро вся Инсектерра узнает о падении Дармаллака.

Глава 30

Штурм цитадели

В сопровождении двух лучших воинов Кадо двигался в густой тьме ночных джунглей. На сей раз он шел впереди группы разведчиков, и даже не оглядываясь, слышал за собой всю мощь собравшейся армии. Дармалак был уже близко, так близко, что Старшему над кормисами казалось, что он может всей кожей слышать их черную вонь.

Оприны обещали пригнать Баррусов, но Кадо смутно верил, что лесные гиганты будут послушны приказам маленьких смуглых людей. Тогда откуда же этот топот? Кормис опустился на колени и приложил ухо к земле.

К Дармаллаку направлялось несколько очень крупных существ, а чуткие разведчики доложили, что различают даже гиканье опринов. Широкая улыбка растянула полные губы Кадо. Он и в мечтах не мог бы представить подобной военной помощи.

Все в Инсектерре знали, что разъяренного Барруса не сможет остановить даже смерть. На некоторое время, разумеется. Но обычно его хватало для того, чтобы уничтожить самого свирепого врага. Правда, естественных врагов у Баррусов в лесу никогда не было. Опринам порой удавалось приручить это умное животное и отыскать для него предмет атаки. И

только небо знает, что ожидает Дарму, если именно на него укажут погонщики взбешенному гиганту.

Наконец впереди мелькнул огонек, у огромного дерева-дома сменилась ночная стража. Кадо предостерегающе поднял руку и замер, следя за игрой теней. Впереди тускло мерцал факел, но вскоре его погасили, и две мужские фигуры смутно виднелись на фоне зарослей кафры. Вот один из стражей отошел в сторону, видно, желая обойти территорию дозором.

Близость неприятеля мгновенно распалила кормиса. Кадо нервно облизал губы и резко указал спутникам двумя пальцами то в одну сторону, то в другую. Он мог бы сообщить свой приказ мысленно, но не хотел тратить на это силу до начала битвы.

Старшего поняли без слов. Два воина разошлись, и Кадо осторожно двинулся вперед. Ему казалось, что собственное сердце бьется слишком громко и может выдать его. Он боялся даже шумно дышать, но делал шаг за шагом, нацелившись на врага. Все чувства и инстинкты были на пределе возможностей.

Когда перед ним возник первый дармис, Кадо бесшумно обнажил свой изогнутый клинок и одним стремительным рывком перерезал противнику горло до того, как тот успел опомниться и подать сигнал тревоги. Быстро подхватив падающее тело, Кадо прислушался. Тихо. Тогда он опустил безжизненного стража на землю и, пригнувшись, снова сделал

несколько звериных прыжков.

Неподалеку раздался сдавленный хрип, из которого воин понял о гибели второго противника. Грохот приближающихся Баррусов скоро всполошит всю округу, хруст веток и грозное фырканье раздавались совсем близко. Значит, нужно спешить.

Кадо кинулся к Великому дереву и вонзил свое оружие в кору, а потом начал ритмичными рывками отделять ее от твердой древесины. Слоистая кора трещала и слетала мелкой крошкой к его ногам, на краткий миг становясь золотистой в отблеске факела, который разжег Мано, освещая замаскированный вход в Дармаллак.

подавив в горле радостный вопль, Кадо опрокинул на открытую часть древесины содержимое небольшой фляги и даже успел отразить удар третьего стража Дармы. Изогнутый нож ударился о длинный меч чернокожего солдата. Клубами поднялся черный дым, затрубили горны, возвещая о нападении на крепость. Внутренности дерева сотрясались от беготни сотни черных ног.

Кадо сопутствовала удача, – крепкий недруг также рухнул на землю у изгиба окаменевшего корня. Разлитый забродивший сок питайи наконец вспыхнул и многочисленные огоньки побежали по светлой коре, вот только та не загоралась. Оставаясь неприступной для огня, она позволяла пламени подниматься вверх, пока на пути не возникла оголенная древесина. Древнее дерево занялось изнутри.

Теперь Кадо и еще трое кормисов кромсали ножами врата, едва уворачиваясь от веера алых искр, вылетающих с места ударов. Дарма – дом задымился, разнося по округе едкий запахи гари.

Вся южная часть леса тут же пришла в движение, получив сигнал к началу атаки. Натужно затрубил старый Баррус, и его бешеный рев поддержали голоса двух более молодых гигантов.

– Кхра-а! – выкрикнул Кадо, так мощно, словно стремясь пробудить весь лес.

– Кхра-а-а! – ответили ему сородичи со всех сторон.

Армия Кормаксилона бросилась к Дармаллаку, пропуская вперед лишь трех огромных зверей, на спинах которых натянутыми струнами сидели яростные Оприны.

Ужасающий грохот нарастал – гудела земля, трепещали поваленные деревья. Довольно вздохнув, Кадо, прислонился лбом к части дерева, еще не тронутой огнем, закрыл глаза и сосредоточился.

«Собратья, – обратился он к пленным. – Я знаю, что вы живы, я чувствую вас. Если вы имеете силы – сопротивляйтесь врагам, ибо мы пришли за вами и нашей королевой!»

Ясного ответа не было, но вскоре он ощутил волну возбуждения и азарта, понимая, что плененные братья не останутся в стороне от битвы.

Из боковой двери выпрыгнул вооруженный отряд дармисов, и Кадо отскочил в сторону, чтобы ослепший от злобы

Баррус не протаранил бивнями и его вместе с воротами в Дармаллак.

Толстая колонна ноги взрыла дерн и растоптала корни. Сминая нежные лианы вместе с опорами деревьев, размазывая по земле новую стражу дармисов, Баррус с разгону врезался огромной головой в горящее дерево, – оно заскрипело и поддалось, открывая брешь. Но из нее тут же выкатилась лавина черных солдат.

– Венгро, назад! – приказал Оприн, стоявший во весь рост на спине серого великана.

Баррус снова затрубил, давя горстку дармисов, которые безуспешно пытались ранить его закованные в металлическую броню бока, и грузно отступил. Из черного дыма сверху на врагов спустился рой вооруженных дедулов. Хлопая крыльями, они рубили головы врагам и влетали в крепость, сметая все на своем пути.

– Держать строй! – вопил кто-то из командиров Дармы, пытаясь сохранить разваливающиеся ряды защитников цитадели.

Но даже опытные и ловкие солдаты не могли противостоять общему гневу джунглей – с флангов отряды противника окружили кормисы. Воины взмахивали ножами, действуя как неумолимая волна мести. Следом за воинами шли строители, вооруженные топорами и молотами. Они безжалостно добивали всех, кто выживал после броска обученных солдат.

– Дармисы мучали наших братьев, унижали нашу Мать!

Не щадить никого! – скомандовал Кадо и бросился в самую гущу боя.

По натуре Кадо был добрым и веселым парнем, он умел порадовать свою королеву в постели и поддержать друзей в нужный час, но законы Гиблого леса суровы к тем, кто с оружием в руках готов бросить вызов Колонии. Сострадание в пылу борьбы здесь не признавал никто. Может, после боя кое-кого из выживших и пощадят. Но сперва нужно одержать победу. Сперва нужно вырвать Магрит из золотых когтей Закриса.

Ствол Дармы сотрясли новые удары закованных в железо могучих лбов. Три Барруса, – три бреши, полсотни дедулов, уже ворвавшихся в крепость и триста кормисов, готовых голыми руками рвать врагов. Такова сейчас была мощь армии Кормаксилона.

* * *

А в это время в подземных казематах Дармаллака, услышав наверху шум битвы, заволновались надсмотрщики. Двое из трех стражников поднялись наверх, обеспокоенные непрекращающимся гулом.

– Сородичи здесь! Они пришли за нами! – крикнул один из пленников, уже не боясь, что его услышат.

Решетки задрожали от первой атаки лесных Исполинов. Самые чуткие рабы различили запах дыма и с надеждой при-

липли к деревянным дверям своих отсеков.

– Наши? – спросил Наро, с трудом поднимаясь на ноги.

Добытчик был очень слаб от недавней кровопотери, рана сильно томила его, но возглас друга о скором избавлении придал сил.

– Да! Да! Братья пришли за нами и Королевой.

К этому разговору прислушались все, включая единственного стражника. Наро едва успел отшатнуться вглубь клетки, чтобы его на задело копьё.

– А ну молчать, грязные твари!

– Лучше выпусти нас и мы попросим для тебя легкой смерти, – бросил в лицо охраннику другой молодой кормис.

Стражник покосился на общую дверь темницы. Грохот на верхних ярусах не стихал, но хозяевам Дармаллак не верилось, что подобный переполох может быть вызван нападением извне.

«Может, Генерал так шумно забавляется со своей новой игрушкой. Или Харима снова не в духе...». Однако следовало усмирить не в меру разговорчивых пленников:

– Мы отрезаем болтливые языки. Всем заткнуться!

– Давай, вперед! – выкрикнул вдруг Оскас из боковой клетки. – Только прежде, чем ты откроешь мне рот, я оторву тебе обе руки.

Дармис в ярости щелкнул кнутом по железным прутьям, снимая с пояса ключи:

– Я покажу тебе, как дразнить меня, выродок песчаный!

Но его слова потонули в грохоте от разлома стены. На мгновение ошеломленный страж прижался к камерке Оскаса и тут же кнутовище оказалось у него во рту, а веревочные петли затянулись вокруг шеи. Шустрый парень ловко перехватил ключи из обмякшей руки врага и освободил себя, а потом бросился открывать соседние засовы.

В темницу, наверняка, скоро придут другие надсмотрщики, но все новые рабы выбирались из своих камер, хватили плети, выламывали прутья, готовые биться насмерть за унижения плена, за гибель друзей.

Оскас взял на себя роль глашатая:

– Кто стоит на ногах – бегом сюда, я раздам цепи. Кто может ползти – рвите их ноги зубами. Нам сгодится любая помощь, добивайте упавших врагов, душийте и кусайте их. Другого шанса нам не дадут. Или мы станем свободны сегодня или сдохнем на арене! Выбирать вам!

Пленные взвыли и с готовностью принялись вооружаться подручными средствами. Впереди маленькой группы мужчин встал Наро:

– Слушайте меня, – горячо заговорил он. – Дармисы издевались над вами. Они содержали вас хуже, чем зверей, выбирая по одному для диких развлечений. Вы хотите отомстить?

– Да, – хрипло ответил тот самый хромой дедул, что сражался с Наро на арене. Теперь в его руке был зажат боевой топор.

– Бери командование на себя, – велел Наро самому стар-

шему и опытному воину кормисов. – Ваша задача продержаться до подмоги, постепенно пробиваться к своим. А мне нужно найти Магрит.

– Женщина скорее всего в покоях Закрися, – сообщил Оскас. – Я был там однажды ночью и могу провести тебя, а если понадобится, то и защитить.

– Веди!

Три бывших гладиатора выбрались из подвала и под руководством Оскасом побежали на королевскую половину.

Глава 31

Последний бой

Генерал Закрис широкими шагами мерил покои Харимы и наконец остановился напротив своей побледневшей королевы. Глаза сановного дармиса метали молнии.

– Куда ты спрятала от меня девку красноруких? Отвечай живо!

Надо отдать ей должное, Харима пыталась говорить столь же грубо и резко:

– Зачем тебе новая шлюха, дорогой? Если она сбежала, то сгниет в лесу, так и не оценив по достоинству твои объятия. У тебя есть я! Разве меня не довольно для любви?

Она хотела обнять генерала, но тот внезапно схватил ее за горло:

– Как же ты могла, глупая дрянь! Я хотел вдоволь наиграться этой девкой, а ты велела ее отпустить, ревнивая куруша?

Харима хрипела, вцепившись в его руки, еще не веря, что Закрис всерьез может причинить ей вред.

Вдруг страшной силы удар сотряс Дарму. Генерал отшвырнул от себя испуганную правительницу и выскочил в коридор:

– Эй! Что у вас там?

– Господин, – отозвался первый из стражников, – на Дарму напали!

– Кто посмел? – завопил Закрис, багровея от гнева.

– Кормисы и дедулы, а еще им помогают оприны. Их Барусы проломили стену, говорят, что половина нижнего уровня уже захвачена.

– Вранье! – твердо заявил Закрис, задыхаясь от злости. – Это невозможно. Сколько их?

– Много, слишком много, генерал! Они жгут Дарму, нужно бежать...

Закрис зашипел от злости, а потом с размаху ударил паникера кулаком в переносицу, заставляя рухнуть к своим ногам. Еще пара ударов в живот тяжелым носком сапога и дармис скорчился, прекратив даже стонать. Тонкая струйка крови стекала с уголка рта на отполированный древесный пол. По коридору бежали возбужденные воины. Они низко склонились, заметив Предводителя и теперь с трудом переводили дыхание, пытаясь начать доклад.

– И вы не можете их остановить, жалкие твари? – вопил Закрис. – Я закрою дыры в стене вашими трупами, черви! За мной!

Он рычал, брызгая слюной и, оттолкнув ближайшего воина, поспешил к выходу, чтобы лично возглавить оборону. Вот только в серьезность битвы Закрис до сих пор не мог поверить. Никто и никогда до сего дня не угрожал Дармаллаку. Черных воинов Инсектерры боялись в Гиблом лесу. Они

прекрасно прятались на вершинах деревьев и нападали из засады, отлично атаковали малочисленные отряды других поселений и захватывали мелкие деревушки.

Но опыта борьбы в стенах собственного дома дармисы не имели. Их стратегия была проста и прежде не подводила. Выследить и стремительно захватить добычу, перебить чужую охрану, утащить к себе рабов, припасы и оружие. Обороняться дармисы не привыкли, а потому при явном численном перевесе и хорошей ориентации на своей территории, быстро оказались рассеяны по Крепости и умирали по одному в яростных стычках с дедулами и кормисами.

«Пять тысяч дармисов не могут уступить жалкой кучке собирателей падали!» – полагал Закрис, еще не зная, что внизу его воины давно задыхаются от черного едкого дыма горевших корней, в то время как нападавшие закрыли лица влажными тряпками и продолжают продвигаться вглубь неприступного прежде Великого дерева.

После долгих споров Дарма-дом кормисы решили поджечь. Однако ночью выпал сильный дождь, и Кадо вовремя догадался использовать зажигательную смесь на основе известного «горячительного» напитка кормисов. Мокрый лес не поддержит огонь и, таким образом, не позволит пожару распространиться, но логово дармисов медленно выгорит изнутри. Главное – спасти пленников и Королеву.

– Возьми двух воинов и ищи Магрит! – скомандовал Кадо, хлопнув сородича по плечу.

Уно был единственным наставником, покинувшим Кормаксилон и взявшим в руки изогнутый меч, чтобы быть в первых рядах атакующих Дарму. Любимая флейта была надежно закреплена на поясе, и по команде Кадо он всегда доставал ее, чтобы мгновенно сообщить собратьям новый маневр. Каждый раз, когда Уно должен был мысленно сосредоточить всеобщие силы, его окружали плотным кольцом шесть лучших солдат и прикрывали со всех сторон, пока юноша не менял флейту на острый клинок.

Уно сражался почти на равных с опытными воинами, радостно ощущая, как сбываются самые смелые мечты его детства и отрочества. Но сейчас Уно бился за Мать Кормаксилона. Он настоящий защитник и почти герой, взваливший на сильные плечи великую миссию, а потому не может проиграть.

Однако, услышав приказ Старшего Уно несколько растерялся. Он склонил голову на плечо, прислушиваясь к внутренним голосам, а потом взволнованно произнес:

– Странно... Я совсем не чувствую ее здесь, Кадо! Мне кажется, что Магрит очень далеко от Дармы. Только где? Нужно узнать \ как можно быстрее! Она жива и, кажется... мне кажется, сейчас она мирно спит.

– Я найду и убью Закрису, а ты должен разыскать следы королевы! Может, чувства подводят тебя и Магрит держат здесь взаперти. Мы отыщем ее, даже если придется взмыть в небеса или спуститься в глубь реки. Мы ее вернем, Уно, я

тебе обещаю!

Наставник кивнул, понимая, что Кадо прав и следует, отринув сомнения, сосредоточиться на поисках. Но горячее сердце тянуло Уно не к центральной лестнице, где шла битва на подступах к тронному залу, а направо, к узкому проходу, ведущему наружу и в лес.

– Встретимся, когда все закончится нашей победой, – проговорил Кадо, хлопнул друга по плечу и ринулся вперед, давая понять своим, что командир рядом.

Уно замер, осматриваясь. На полу под ногами была кровь – одинаково красная у всех людей, на темной древесине она превращалась в багровую муть. Кровавые отпечатки босой человеческой ступни вели дальше по коридору. Уно прошел вперед и наткнулся на несколько трупов – большинство дармисов ослабли из-за дыма и были убиты, но рядом стонали еще живые люди.

В зале за стеной разгоралась жаркая схватка, к которой внезапно присоединился разномастный отряд нападающих, среди которых Уно узнал голоса воинов, попавших в плен вместе с Магрит.

«Берегитесь дыма», – кричал Кадо, потому скоро у солдат подкрепления тоже появилась мокрые тряпки, закрывающие нижнюю часть лица.

Бой на подступах к тронному залу Дармаллака оказался крайне жестоким. С огромным трудом один из дедулов разорвал развешанные врагами металлические сети и выбил тя-

желую дверь. Благодаря этому небольшой отряд кормисов смог прорваться внутрь, только тотчас сработал хитрый механизм, и двери захлопнулись, отрезая от остальных солдат десять краснокожих бойцов во главе с Кадо.

«Ловушка!», – подумал Старший из воинов, но радостно завопил при виде своего личного врага. Закрис сидел на троне, будто поджидая достойного соперника. Шипастые наручи из желтого металла тускло поблескивали в неверном свете факелов. По обе стороны от позолоченного кресла стояли чернокожие воины в зловещих масках. Личная охрана.

"Он мой", – мысленно сообщил Кадо сородичам и двинулся вперед, понимая, что ему предстоит выполнить главное дело всей жизни.

Прыгнувшего навстречу дармиса-стража Кадо свалил, ловко полоснув мечом грудь и вонзив лезвие в жилистую шею. Позади с воем ринулись в бой собратья. Закрис не участвовал в завязавшейся потасовке, а только холодно наблюдал за Кадо, который вот-вот должен был прорваться на верхнюю площадку у трона.

И только когда кормис появился перед ним, вытирая о бедро окровавленное оружие, Закрис скорчил жуткую гримасу и сплюнул в сторону, а потом вскочил, взмахнув собственным длинным клинком.

– Глупые твари, – пробормотал он с торжествующим смешком, кивая в сторону сражавшихся ниже мужчин. – Они все умрут, даже не зная, что их шлюха сбежала в лес и

стала добычей ночных хозяев Инсектерры.

Кадо молча принял боевую позу. Слова Закриса взбесили его – оскорбление королевы было нестерпимым.

«Я вырву твой поганый язык» – мысленно пообещал Кадо, но дыхание на ответ тратить не стал. Он был уверен в себе, знал, что является лучшим из воинов своего рода.

Говорливый Кадо, склонный к позерским выходкам, в бою был совсем другим существом – сосредоточенным и волевым. Он не мог себе позволить отвлекаться на провокации верховного Дармиса.

Не вступая в перебранку, Кадо сразу атаковал. Его я отточенный удар устремился Закрису прямо в грудь, но тот уверенно отмахнулся от него мечом.

– Я тебя понимаю, – ехидно продолжил Закрис. – У нее приятно-узкая дырочка. Я всю ночь ее расширял, срывая с губ твоей Магрит сладкие стоны. А может, я причинял ей боль, и она страдала... Я не очень-то разбираюсь в женской природе. Эти самки порой так глупы, что путают мучения с удовольствием.

Кадо вытаращил налившиеся кровью глаза. Гнев ударил в голову, прокатившись барабанной дробью в висках.

«Ты будешь жрать свой поганый крючок» – немедленно решил кормис, и заставил себя успокоиться, выбрав достойную месть для грязного уroda.

Он хорошо знал, что Закрис тоже был лучшим среди народа Дармы. Именно Закрис сразил его предшественника –

сильного и опытного воина, возможно, выбив его из равновесия столь же обидной болтовней.

«Сначала порази его», – сказал Кадо самому себе. – «А уж потом он заплатит за все сполна».

Этого решения Кадо хватило, чтобы перестать прислушиваться к брани противника. Кормис снова атаковал, пытаясь достать ненавистного генерала. Тот, впрочем, довольно легко отразил серию новых ударов и начал наступать, задев правую руку Кадо шипастым бронированным предплечьем.

Не позволяя сопернику опомниться от острейшей боли, Закрис сделал выпад своим длинным мечом, явно намереваясь снести кормису голову. В ответ Кадо крепче ухватил свой изогнутый клинок уже двумя руками и, напрягаясь всем телом, отразил нападение. Две металлические пластины отозвались зловещим лязгом при встрече.

Вот теперь Кадо окончательно осознал, что именно в его руках судьба Дома. На маленьком пяточке у роскошного трона сошлись не два умелых воина – здесь Кормаксилон и Дармаллак бились за место под небом Инсектерры. Победитель будет один. Но пока никто не хотел уступить.

Гортанно вскрикнув, кормис снова ринулся вперед и даже поймал чужое оружие в едва заметный выступ на своем клинке.

Но Закрис о без уловок ударил Кадо ногой в грудь. Мечи тут же разъединились, а кормису пришлось отступить, чтобы успокоить сбившиеся дыхание. Враг был немного боль-

ше, чуточку сильнее, почти быстрее, гораздо опытнее, безмерно заносчивей и жутко злил Кадо.

Жгучая боль внезапно обожгла левый бок. Из золотой брони у локтя Закриса выскочило острое лезвие, на которое кормис сам и напоролся, развернувшись чересчур резко.

Воспользовавшись мгновенным преимуществом, Закрис снова успел нанести удар. Рана в боку противно саднила, но Кадо заставил себя отразить натиск, сжать зубы и удержать позицию на краю площадки. Однако лидер дармисов уже теснил его к стене и вдруг быстрым движением выбил меч из рук.

Оставшись безоружным, Кадо не стал убегать, а скользнул навстречу оружию врага, едва не познакомив свое горло с темной сталью, ухватился двумя руками за запястья Закриса, а потом насколько хватило сил врезал ему голени, одновременно выворачивая кисти, державшие рукоять.

Сандаль с каменной подошвой заметно утяжелила удар, и Закрис дрогнул, вот тогда-то Кадо, распаленный азартом схватки, развернулся и в прыжке ударил генерала коленом в печень. И следом его кулак полетел в широкую переносицу черного уroda.

Шатаясь, дармис выпустил меч и отступил, хватаясь за разбитое лицо. Кадо бросился на Закриса как безжалостный хищник. Навалившись всем весом, он уронил генерала на пол, зажав его голову в тиски сильных ладоней и с размаху ударил ею об пол, мечтая увидеть жижу вытекающих мозгов.

Закрис ревел как бык, раздирая пальцами раненный бок Кадо, а потом нанес сокрушительный удар лбом в челюсть, сбрасывая с себя кормиса, чтобы навалиться сверху.

Захлебываясь, Кадо сглотнул соленую жидкость в глотке, но перехватив руку врага, вцепился зубами в его ладонь и рванул в сторону толстую кожу.

Голова Закриси гудела, словно медный таз после удара гонга, в руке что-то лопнуло и обожгло до самого локтя. Почти наугад генерал шарил руками по телу противника, стараясь нащупать и выдавить глаза.

Кадо харкнул кровью прямо в лицо Закриси, приподнялся и стиснул пальцами его глотку. Тот сдавленно захрипел. Вены на его шее и висках вздулись от напряжения.

Напрасно дармис хватался за руки Кадо, царапал и драл их ногтями, пытаясь вернуть себе возможность дышать. Глаза Закриси налились кровью, язык вывалился из раззявленной пасти, а Кадо с остервенелым рычанием продолжал давить мускулистую шею. Осознание победы пришло лишь когда под пальцами захрустели позвонки.

Кадо был залит кровью – своей и Закриси, ноги слегка подрагивали, но он прекрасно знал, что отдышавшись, обязательно доведет дело до конца и труп генерала подавится собственным «вонючим крючком», уж Кадо позаботится об этом.

Нож привычно лег в саднящую от боли ладонь. Морщась от презрения, кормис распорол короткие штаны генерала и

выполнил задуманное.

Больше никто в Гиблом лесу не осмелится оскорблять Благословенную Магрит.

Пусть весть о посмертном позоре Закриса разнесется по всей Инсектерре!

Глава 32

Немыслимая потеря

Уно прорвался к лестнице, почти не встречая препятствий на пути. Дармисы рассыпались по коридорам, защищая тронный зал и внутренние покои. Старший наставник понимал, что именно в глубине дома спрячутся главные ценности, вроде матери и детей.

Уно пришел бы в ужас, узнав, что подчиненные генерала Закриса бросили свое Чрево с коконами, чтобы защищать золото и повелителей. И пока продолжалось сражение – пламя яростно пожирало будущее Дармаллака, добавляя к черной гари запах паленой плоти. За несколько часов атаки в огне на подземных ярусах погибли все коконы и яйца.

Наставник интуитивно шел вперед по извилистым переходам, то и дело натываясь на мертвые тела или принимая участие в короткой схватке и, наконец, замер, услышав позади тяжелые шаги. Уно даже спрятался в одну из пустых затемненных ниш, чтобы узнать, кто именно следуют за ним и не лучше ли затаиться, если врагов окажется слишком много.

– Подожди, – попросил Наро у своего провожатого, прислонившись к стене.

Он передвигался с большим трудом. От черного дыма

кружилась голова, да и раненные ноги слушались плохо.

– Мы должны торопиться, – раздался рядом молодой нервный голос. – Дарма скоро выгорит дотла, наше счастье, что это дерево способно сдерживать огонь и вяло тлеть, но дышать здесь уже невозможно, нужно выбираться наружу.

– Нельзя, – подтвердил Уно, выходя их укрытия.

Желтокожий Оскас тут же выставил вперед свой короткий клинок.

– Это собрат, – простонал Наро, узнавая кормиса даже в темноте.

Он протянул наставнику руку и тут же вцепился в его локоть, принимая поддержку друга.

– Я ищу королеву, – быстро проговорил Уно, доставая из небольшой сумки на поясе куски материи и флакон с настоем кафры, утишающей боль.

Потом помощью Оскаса кормис намочил тряпки водой и смастерил маски для защиты от дыма. С влажной повязкой на лице Наро сразу стало легче дышать, да и мятный запах кафры на удивление прояснил голову.

– Мы тоже ищем Магрит, скорее всего она в покоях генерала.

– Вы знаете, где это? – спешно спросил Уно.

Известие, что маленькая госпожа может быть в личных покоях мужчины, совершенно чужого их дому ядовитой змеей пронеслась под кожей. Прежде Уно старательно отгонял от себя мысли о том, что именно может пережить Королева

в плену, но следовало заранее принять неизбежное. Притом, что внутреннее чутье настойчиво подсказывало – любимой поблизости нет. Неужели ее увезли и спрятали? А может, предчувствие лжет и Магрит все еще томится где-то внизу...

«Что с тобой, моя нежная, милая? – спрашивал он мысленно, с болью осознавая, что она не может слышать его мыслей, будучи слишком далеко. – Где ты, сердце мое?»

Спальня Закриса уже не охранялась и потому кормисы вместе с желтокожим Оскосом спокойно зашли внутрь и тотчас приняли боевую стойку. Пятеро дармисов нагружали кожаные мешки одеждой и украшениями, а их действиями руководила смуглая полуобнаженная женщина.

Увидев чужаков, Харима взвизгнула, прячась за спину ближайшего охранника, и вдруг быстро заговорила, захлебываясь в словах:

– Дайте нам уйти! Отпустите нас, мы хотим жить. Можете забрать себе лучшие вещи, только дайте выбраться из горящего дома.

Оскас, крадучись, вышел вперед, его лицо исказила гримаса боли, а затем хищной радости – пришло время долгожданной мести:

– Моя подруга тоже хотела жить и должна была принести мне младенца. Что вы с ней сделали? Ты присутствовала при ее смерти?

– Я... я ничего не знаю, все он, Закрис. Он истязал и меня! Я ничего не могла...

Оскас мгновенно лишил жизни дармиса, бросившегося к нему с ножом, второго взял на себя Уно. Харима вопила, не смолкая, даже когда ее защитник мягко оттолкнул королеву в сторону и приготовился помочь товарищам. Когда же в комнату ворвались дедулы, сражение стало бессмысленным и трое оставшихся стражей закрыли собой Хозяйку, оборонительно выставив мечи.

Наро устало опустился на лежанку у дверей, давая знак, что будет говорить:

– Где Королева Кормаксилона? Отвечай, женщина и возможно, тебе сохранят жизнь.

Харима затравленно выглянула из-за пояса охранника и, обнимая его ногу, сползла на пол, делая вид, что не в силах подняться.

– Я приказала ее отпустить. Я пожалела Магрит и ночью тайно вывела из Дармаллака. Закрис наказал меня за это, но я не желала зла вашей матери. С ней был отправлен один из кормисов. Им дали еду и оружие. Они ушли в лес. И-и-и... я больше ничего не могла сделать!

Уно вздрогнул, представив Магрит в Гиблом лесу, пусть даже вдвоем с собратом они вряд ли доберутся до Кормаксилона. Это очень опасный и долгий путь. А значит, в Дармаллаке Уно больше нечего делать... Нужно искать дальше.

Наставник едва не выскочил из комнаты, чтобы помчаться по коридорам в поисках выхода, но умоляющий взгляд женщины, распростершейся на полу, его задержал.

– Что будет со мной? Пощадите! Я могу заменить вашу королеву, я буду вам хорошей хозяйкой, клянусь!

– Заткнись, грязное отродье! Сейчас я проткну твоё брюхо.

Оскас кружил вокруг дармисов, жутко скалясь и бешено вращая глазами, кажется, парень совершенно обезумел от предвкушения расправы над вчерашними мучителями. Наро равнодушно перематывал сочащийся кровью бок обрывком женского платья. Несколько дедулов проверяли соседние помещения, но двое стояли напротив врагов и ожидали приказа к атаке.

Уно понял, что правительница Дармаллака обречена, но вид испуганной и подавленной женщины вызвал у него прилив тоски. Возможно, несколько дней назад и Магрит точно так же умоляла о помощи Хариму и та проявила милосердие.

– Наро! Ее нужно отпустить.

Как у него получилось говорить настолько уверенно, Уно и сам не понимал, но в душе бушевало желание поскорее завершить дела и бежать за Магрит хоть на край леса.

– Пусть уходит, – глухо прошептал Наро, прислонившись к стене.

Оскас зашипел, возмущенный решением, и даже попытался его оспорить, но Наро был краток:

– Свою женщину ты не вернешь с ее смертью. Лучше разыщи Закрису и выпусти ему кишки. Если этого еще не сделали наши воины...

Оскас в бессильной злобе вертелся волчком, нанося удары двум уже поверженным дармисам, пятная кровью стены и пол, заставляя Хариму корчиться от страха. А потом прыгнул в распахнутые двери и с ревом побежал отыскивать себе более достойных противников. Уно выдохнул с облегчением и обратился к напряженной охране Харимы:

– Возьмите свою госпожу и по мешку, что вы здесь приготовили. Мы проводим вас к выходу и постараемся сохранить жизнь. Дарма скоро сгорит изнутри. Вы сами навлекли на себя гнев Инсекты и получили по заслугам. Убирайтесь!

Теперь все мысли Уно были сосредоточены на Магрит. Он старался воззвать к ней и различить верное направление для поисков. Выбравшись из задымленной крепости, Уно ходил вокруг Дармы и не мог успокоиться.

Обессилевшего Наро бережно уложили на свежесрубленные ветви молодых дармодалов, обработали его раны, напоили укрепляющим настоем. Здесь же отдыхали другие кормисы и дедулы, пострадавшие в битве. Однако, убитых кормисов было немного. Их останки позже предадут огню вблизи места сражения.

Кадо отправил небольшой отряд проводить Хариму и троих ее спутников по направлению к Стонущей горе. Дармисы хотели именно там найти убежище для своей рыдающей хозяйки. Будущее их было незавидно.

Весть о падении Дармаллака быстро разнеслась по всей округе. На поляну у тлеющего дворца выходили испуганные

соседи из рода Стальфид, прилетели любопытные Пикары. Даже старый Арахнид приволок свое грузное тело, чтобы из зарослей наблюдать за развалинами некогда грозной крепости. Нельзя ли чем поживиться...

Хорошо еще, что нелюдимые Оприны заранее увели своих Баррусов дальше в джунгли, мощных животных давно тревожил запах крови и гари.

Воины отдыхали, собирали оружие, кормили изможденных рабов. Только Уно не мог найти себе место, рыская по округе в поисках хоть какой-то зацепки. Прошла всего лишь ночь, возможно, Магрит ждет спасения совсем рядом. Значит, нужно обшарить весь лес вокруг.

Королеву Кормаксилона вызвались искать даже независимые Дедулы. Они были способны облететь большую территорию, но вряд ли могли заметить женщину сквозь густую листву. Кадо волновался не меньше Уно и, оценив итоги сражения, отправил новый отряд кормисов на поиски. Но результата они не принесли.

Сгущалась тьма, а следов Магрит так и не обнаружили. Было решено провести ночь у ствола обгоревшей Дармы, защищая раненых, а наутро возвращаться домой, по пути продолжая поиск. Иного варианта Кадо просто не мог предложить. Следовало скорее доставить Наро и остальных измученных пленников под родную крышу.

И да помогут небеса потерявшейся Королеве!

Глава 33

Райские кущи Мантихары

Магрит

Мы медленно продвигались по зарослям кафры и пульнарии вдоль течения реки. Точнее, по берегу шла я, а Пелиона порхала невысоко над ветвями, подбадривая меня. И как она могла так легко переносить удушающую жару? Солнце палило немилосердно. Если бы не близость реки, кажется, листва бы начала плавиться. Душно, безветренно, влажно.

После короткого ночного дождя лес ожил и начал разрастаться еще сильнее: буквально на глазах вытягивались вверх деревья, а лианы-сапрофиты сладострастно извивались вокруг тяжелых стволов, буйно зеленели кроны и благоухали цветы.

От несмолкаемого щебета птиц некуда было деться. Мне начинало казаться, что я заблудилась в огромной оранжерее, и скоро придет добрый садовник, чтобы вывести меня отсюда на свежий воздух. Позже выяснилось, что я была не так уж далека от истины. Вот только Садовник пока не очень спешил встретиться с заблудшей гостьей.

Когда силы почти оставили меня, Пелиона спустилась на землю и с радостью сообщила, что Мантихара совсем рядом.

Ага! С высоты птичьего полета – сушие пустыки, наверно, еще парочка километров по джунглям. Мы уклонились глубже в лес, миновали выбеленный временем и ливнями скелет крупного рогатого зверя с раздробленным позвоночником, и вскоре я заметила, что шум реки начал стихать.

Пелиона пару раз срывала для меня спелые плоды, приносила воду в половинке кокоса, мы совершили еще один небольшой привал, и наконец я вышла на большую прогалину между деревьями. Моя крылатая спутница спустилась на землю, вновь сложила маленькие ладошки перед плоской грудью и восторженно прошептала странные слова:

– Манти Хара Манти Оша! Да пребудет с тобой мир и покой, чистое сердце леса.

Я прикрыла глаза в знак того, что разделяю уважение плейпи к сокровенной долине. Знать бы еще, что там ожидает одинокую королеву без свиты. Но дальнейшие слова Пелионы повергли меня едва ли не в шок:

– Дальше пойдешь одна. Я его боюсь!

– Кого же?

Пелиона грустно улыбнулась и покачала аккуратно заплетенной головкой. В ее красивых удлинённых глазах стояла печаль:

– Ты – повелительница большого Дома и должна знать, как лучше с ним говорить. А я не смогу. Он такой мудрый и грозный. Моя душа трепещет при одной мысли о Манти Оше. Нет, нет, даже не проси! Это мне не под силу. Ты пой-

дешь одна.

– Пелиона, не бросай меня! Я совсем не храбрая и не сильная. Я тоже всего боюсь. А после того, что ты сказала и тем более. А если этот неведомый "Мантиош" рассердится? Если начнет мне угрожать?

– Он – само милосердие и доброта. Он никому не причиняет зла. Он излучает любовь!

– Сильно сказано, но ты хочешь держаться от него подальше, верно?

– Я недостойна.

Мои руки сами собой сжались в кулаки. Я уже слышала нечто подобное. «Все мы недостойные твари, а потому должны заслужить любовь кропотливым трудом и полным подчинением. И тогда, возможно, свет Истины озарит наши грешные души и вернет в лоно...».

Чье же лоно, хотелось бы мне узнать?

Того, кто всегда сам по себе и нуждается лишь в безропотных овцах для утешения своей скучающей бессмертной души. А еще мне интересно, привел ли брат Любомир мою мать к свету... через ее же лоно... Лучше не представлять.

Робость и сомнения в сторону! Я уже многое здесь испытала и повидала, я ничего не боюсь. Даже самую изощренную и извращенную святость.

– Пелиона, спасибо тебе за все! Без тебя я бы пропала в лесу. Не знаю, что меня ожидает здесь, но постараюсь справиться. Можешь лететь к подругам. Дальше уж я сама.

На прощание мы обнялись с крылатым существом и даже расцеловались, через несколько минут девушка-плейпи скрылась из виду, часто взмахивая радужными крыльями над веерами высоких пальм. А я, путаясь в жирной, густой траве, спустилась в ложбину по едва приметной тропинке. Главное, помнить, зачем я пришла в Мантихару, – мне нужно найти способ вернуться домой, мне нужен мудрый совет.

Дышать стало гораздо легче, как только я вступила в разреженную рощицу стройных деревьев с желтыми плодами, очень похожими на крупные лимоны. В теплом воздухе витали свежие цитрусовые нотки. Какое-то время я отдыхала, прислонившись к ближайшему стволу, а потом неспешно продолжила путь. Мои шаги становились все уверенней, ощущение покоя и безопасности крепло.

Впереди я заметила беседку из согнутых стеблей бамбука – явно дело человеческих рук. Я так спешила вперед, что чуть не наткнулась на женщину, высаживавшую цветы из плетной корзины с землей. Сначала мы смотрели друг на друга в немом восторге. Для меня не оставалось сомнений – эта женщина отнюдь не дитя Гиблого леса.

Черты ее лица свидетельствовали о благородном происхождении, мне невольно вспомнились актрисы старых Голливудских фильмов, что-то схожее с обликом Элизабет Тейлор или Вивьен Ли. Изящество форм тела не мог скрыть даже бесформенный грубоотканый балахон, подпоясанный обрывком веревки. Одежда выглядела на ней всего лишь тща-

тельно продуманным сценическим костюмом.

– Кто вы? Откуда здесь? – воскликнула я.

– А ты?

– Здесь моим домом был Кормаксилон.

Я даже не обратила внимание на некую фамильярность в вопросе незнакомки, так была рада встретить здесь человеческую женщину из мира настоящих людей. Я бросилась вперед и пылко ее обняла. Немного поколебавшись, она сдержанно ответила тем же, но тонкое лицо ее оставалось слегка настороженным. Она будто не верила своим глазам и внимательно рассматривала меня, проводя кончиками пальцев по щеке.

А потом, словно убедившись, что я не призрак, а существо из плоти и крови, женщина крепко стиснула меня в объятиях и разразилась судорожными рыданиями. Никогда в жизни я не была свидетельницей столь бурной радости вперемешку с отчаянием и болью.

– Ну, что же такое? Что случилось? У вас беда? Давно вы здесь? – сбивчиво утешала я незнакомку.

Всхлипывая, она пыталась мне что-то невнятно отвечать, высоко поднимая изящные, будто нарисованные брови. Я гладила ее по худым плечам, осторожно касалась волос, собранных в тугий узел на затылке. Темные пряди глянцево блестели и лоснились, а на моей руке оставались следы ароматного масла. Так вот что придает им такой такой насыщенный цвет...

Наконец, она немного успокоилась и сама начала расспросы:

– Как твое имя? Давно ты покинула Королевство? Ты крестьянка или прежде жила в городе?

– Я – Маргарита, случайно попала сюда из далекой страны и заблудилась. А недавно сбежала от дармисов.

– О! Чудовищные создания! Он мне о них говорил. Предупреждал.

– А как тебя зовут?

На залитом слезами лице появилась слабая улыбка, но глаза холодно заблестели:

– Когда-то меня называли Золотым цветком и осыпали подарками, приглашали на пиры, посвящали баллады... Потом бросили в темницу и двое стражников всю ночь насиловали меня, обзывая грязной шлюхой. Еще помню жуткое место у реки, там обитал всякий сброд. Но это ничего, я бы справилась, я бы сумела...

Но скоро пришли краснорукие и забрали меня в лес. Там я сначала готовилась умереть, а стала чуть ли не божеством для них, можешь представить? Они прозвали меня Камрит, исковеркав мое родное имя. Кам-рит! Звучит, как собачья кличка, верно?

– Ух, ты! Вот это поворот.

Я медленно отстранилась, как будто начинала понимать и даже узнавать и этот надменный взгляд признанной красавицы и дерзкий рот – пухлые чувственные губы, сулящие раз-

ные удовольствия. Передо мной стояла моя предшественница – бывшая королева Кормаксилона.

Камрит Капризная!

Та, что кормисы признали потерянной и погибшей. Или Наро солгал мне нарочно...

– Скажи, почему ты оказалась в лесу одна? Где твои верные слуги, могучая охрана? Что ты делаешь здесь, так далеко от Дома?

– Дома?! Ха-ха... О чем ты говоришь? Дома у меня нет и не было никогда! Меня нашли в выгребной яме, вырастили и сделали танцовщицей для развлечения богатых толстяков. Но я научилась вытряхивать их кошельки для собственной выгоды и даже могла бы заполучить мужа, если бы не Алерик. О, как я его любила, а он предал меня. Откупился мной перед судьями – тот, ради которого я опустила до... Довольно! Тебе ни к чему это знать.

– Ты отравила и ограбила своего покровителя, чтобы сбежать с любовником. Мне известна твоя грустная история, Киммерина-Камрит.

– Как возможно? Кто ты такая? Отвечай!

Ноги меня уже не держали. Я опустила на колени, опираясь ладонями о землю, голова безвольно свесилась на грудь. Почему-то очень хотелось заплакать, но пришлось поделиться собственной грустной сказкой.

– Я тоже попала в лес из поселка Каторжников. Помнишь Баруша и его дочку Райни? Она немного не в себе, но дев-

чушка славная, как бы с ней не случилось беды. Меня тоже забрали кормисы, и я жила среди них, наверно, больше месяца, а потом мне вздумалось прогуляться в гости, по дороге на нас напали и утащили в Дармаллак. И я привыкла отзываться на имя, которое тебе может показаться собачьей кличкой. Меня зовут Магрит. Королева Магрит.

– Да ты что! Вот это знакомство!

– Да, теперь я благословенная Мать Кормаксилона вместо тебя.

Она молчала и смотрела пристально, но вот ее лицо прояснилось, слезы высохли. Камрит села на траву рядом со мной и ласково погладила по руке.

– Бедняжка! Я понимаю все, что тебе пришлось пережить и я смогу помочь. Больше тебе не придется страдать, Вездесущий не случайно привел тебя в Мантихару – здесь царит покой и благодать для всех потерянных и одиноких. Лучшего места не найти в Инсектерре. Здесь ты отдохнешь и залечишь раны души и тела. Никаких больше горестей, никаких забот, можешь поверить.

– Звучит заманчиво, но немного скучно. Все это блаженство здесь раздается даром или надо еще отработать дорогу в рай?

Камрит хихикнула, прикусив палец, но тут же снова приняла постный вид и заговорила, как по написанному:

– Природа щедра к детям света, она сама кормит и поит, украшает и дарует защиту. Ты проведешь в долине дол-

гие годы и не узнаешь старости. Смотри! Мое тело такое же юное, как и несколько лет назад, когда я услаждала взор самого Георга, наместника Шторсы. За ночь со мной капитан «Калейры» отдал три изумруда с Проклятых рудников. Но – тсс! Мне нельзя вспоминать былые забавы! Ведь я познала чистоту и пребываю в смирении...

Вдруг она громко расхохоталась и невозможно было не разделить ее веселья. Теперь-то я поняла, почему кормисы ее обожали... Красивая и отчаянная, раскрепощенная и соблазнительная. Конечно, Уно любил ее, теперь я знаю, как сильно он мог любить и желать прежнюю Королеву.

Мое сердце сжалось от безнадежности. Почему-то вдруг показалось, что мы никогда больше не увидимся с молодым музыкантом.

Между тем, Камрит не сводила с меня возбужденного взгляда, щеки ее окрасил лихорадочный румянец, а я все никак не могла понять, что чувствую к ней – симпатию или неприязнь.

Но следовало продолжать беседу, у меня осталось множество вопросов:

– Скажи, как ты попала в лес? Что произошло?

Внезапная догадка озарила разум:

– Ты сбежала?

Камрит смотрела с нескрываемым лукавством, а потом разразилась потоком брани:

– Все мужчины – грязные похотливые свиньи! Они ис-

пользуют женщин ради собственной выгоды, а потом вытирают об них сапоги. Я столько настрадалась от мужского пренебрежения, что даже готова была провести остаток жизни с этим старым евнухом. У моего нынешнего возлюбленного в голове одна святость и благочестие, представляешь?

– Нет.

– Манти Ош совершенно равнодушен к моим прелестям и талантам. Вот же насмешка судьбы! Прелестная Киммерина – Золотой цветок Шторсы не может соблазнить одного сумасшедшего монаха! Матушка Драный Зад смеялась бы до соплей.

Я попыталась вежливо улыбнуться и сменить тему:

– Кто он – Манти Ош? Местный отшельник – я правильно поняла? Его почитают и боятся одновременно. Где он сейчас? Как относится к тебе?

Камрит вытащила из второй корзины мешок с парочкой ананасов и короткий нож. Через пару минут я уже наслаждалась свежим теплым соком и желтыми кусочками тропического плода, пока моя собеседница рассказывала о своих лесных приключениях.

– Я надеялась, что Сергуль поможет мне выбраться из леса. Мы задумали бежать вместе. Да, что там говорить, без моей защиты он и дня бы не прожил в Кормаксилоне.

– А кто это – Сергуль? Один из кормисов?

– Эх, я-то думала, он – настоящий рыцарь! Кадо приволок его с места сражения и подарил мне. Поначалу, Сергуль ноги

мой целовал в благодарность. Все уверял в своей великой любви и обещал забрать из мерзкого логова.

– Ты говоришь о Кормаксилоне? – уточнила я.

– Ну, да! О грязном муравейнике, кишашем разными тварями. Да ты и сама знаешь...

– Неправда! Там очень чисто и люди заботятся друг о друге и своих детях.

У меня губы дрожали, и слез я уже не могла скрыть. Сердце сжималось от боли и беспокойства за моих друзей, моих родных. Мы все одна семья и мой долг, как и мое горячее желание – поскорее вернуться к ним. И пусть какая-то несчастная женщина их оскорбляет, наверно, она многое перенесла и не смогла понять этих милых, трогательных существ, которые... которые...

– Что с тобой, Марга? Успокойся! Все плохое давно позади, – утешала Камрит. – Здесь тебе нечего бояться, эту долину обходят стороной даже хищники, наверно, за много миль чувуют вонь божьей милости. Никто не сунется сюда к нам, поверь мне, курочка!

У нее был капризный нрав и скверный язык. Она ругалась так заковыристо, что не от каждого мужчины услышишь. Но приходилось сидеть рядом и пытаться вникнуть в непростую историю. Киммерина-Камрит между тем продолжила свой рассказ:

– Сначала все складывалось как нельзя лучше. Мы хитростью выбрались из проклятой норы дикарей и убежали в

лес, но потом я подвернула ногу, и Сергуль бросил меня у реки. О, как я презираю трусов и подлецов! У него не хватило духу даже прирезать меня, как овцу, хотя я так просила о быстрой смерти. Но проклятый застранец просто удрал, и тогда я стала молить всех богов, чтобы первый же лев разорвал его, надо признать, очень красивое тело.

– Он это заслужил, – задумчиво прошептала я.

– Надеюсь, так и произошло. Знаешь, Марга, я давно чувствую себя отмищенной. Никто не может выбраться живым из ночной Инсектерры. А другая жалостливая королева вряд ли встретится на пути Сергуля. Предав меня, он простился с жизнью и вечно будет корчиться в пламени бездны на потеху демонам Тьмы! Ха-ха-а... кхм...

Кажется, тот мужчина действительно был ей дорог. Даже осыпая его бранью, Камрит не скрывала слез. Я впервые прониклась сочувствием в ней и даже почти простила пренебрежение в адрес моей семьи:

– Но все же как тебе удалось пережить страшную ночь?

– Я услышала шорох в кустах и подползла к самой воде, а там оказалась лодка. Каким-то чудом я успела ее отвязать и перевалилась через борт. Течение унесло меня далеко, я лежала полумертвая и ничего не понимала. Просто ждала смерти. А потом открыла глаза и увидела Манти Оша.

Сначала решила, что уже померла и Всеблагой сжалился надо мной, решив забрать к себе. Я ведь не делала плохих дел при жизни, только веселила мужчин. А что отравила

Сорса, так это ему лишь на благо. Бедняга страдал от несварения желудка и уже давно был негоден как мужчина. Если б ты знала, Марга, каких трудов стоило поднимать его вялую сосиску между жирных ляжек.

А еще изо рта у него пахло гнилым мясом. Лекари запретили ему острые и копченые блюда, а также вино. Но Сорс сказал, что не может лишиться последних удовольствий. Сорса я иногда любила. Когда он заставлял лишь танцевать, а не щипал до синяков своими потными пальцами.

Так вот... Манти Ош вытащил меня из лодки и перенес в свою хижину. Он лечил меня и заботился. Но как же невыносимо было его слушать! Я выла от тоски, как волчица, а он решил, что во мне куча демонов. Хотел изгнать их постом и молитвой, а если не поможет, то и огнем. Но я не дура! Я живо сообразила, что мне светит костерок и тотчас сменила песенку. Теперь мы живем душа в душу и даже молимся вместе. Иногда.

А вот и он, смотри, разве не похож на милосердного Бога... с виселицей и бичами за спиной... Мой любимый Праведник! С каким удовольствием я оседлала бы твои благочестивые чресла.

Услышав такие интересные реплики, я живо повернулась в ту сторону, куда смотрела Камрит. Признаться, я ожидала появления седовласого старца с посохом и готовилась смиренно приложиться к его руке в поисках благодати. В моей голове почему-то сложился образ Николая Угодника или Се-

рафима Саровского – известных и почитаемых русских святых. Но...

Мужчина, стоящий в нескольких шагах от нас, был в расцвете лет. Высокий и статный, словно богатырь, с хорошо развитой мускулатурой обнаженной груди и рук. Наверно, мой удивленно-восхищенный взгляд слишком красноречиво скользил по его фигуре, потому что Камрит бесцеремонно толкнула в бок, заставляя подняться с колен.

– Друг мой, сегодня поистине великий день! Творец привел под твое крыло еще одну потерянную душу.

– Я знаю. И давно жду эту женщину, – важно провозгласил Манти Ош.

О, не-е-ет! Я не перенесу такого обращения. Только не приторная любезность, я сыта по горла разговорами о все-ленской любви. Я просто хочу найти дорогу домой, только и всего. Не собираюсь здесь оставаться и часа дольше.

Наверно, я держалась чересчур дерзко, и речь моя звучала слишком громко и бестолково. Этот полуголый миссионер меня ужасно раздражал. Да на нем пахать надо, лес валить, сражаться за правое дело! В Инсектерре постоянно случаются какие-то неприятности: невинных королев воруют с дороги, рабство процветает, Колизей тут построили для потехи, а этот Святоша себе и в ус не дует, неплохо устроился.

А какие у него могут быть заботы? Живет на всем готовом – плоды сами в руки валятся, в реке рыбы полно, в кустах – дичи. Домишко худенький построил от дождя и наслаждайся

дивной экологией, медитируй на кокосовую пальму.

Здесь и благостным-то быть легко! Эх, в Сибирь бы тебя, в одинокую келью посреди заснеженной тайги – другую бы истину осознал, небось, вплотную подобрался к блаженству.

Кажется, я что-то такое высказала ему прямо в глаза, во мне словно прорвало плотину и слова лились сами, я ими захлебывалась. А еще слезы... Да что такое он со мной сделал! Уже через несколько минут я как на духу выложила молчаливому постнику всю свою историю, начиная с первых конфликтов с мамой и школьных влюбленностей.

А может, мне просто хотелось выговориться... Просто, этот самый Манти с длинными, выцветшими на солнце волосами меня спокойно и внимательно слушал, а потом подошел и положил ладонь мне на голову. Это меня окончательно добило. Я почувствовала себя маленькой и ничтожной, слабой и жалкой.

Но загорелый человек в серой набедренной повязке возвышался рядом, как несокрушимая скала в солнечном свете. Ноги мои подогнулись, я упала перед ним на колени, меня трясло и тошнило, как червяка перед петухом. И только мимолетный взгляд, случайно брошенный на Камрит, понемногу вернул разум.

Камрит корчила уморительные рожи, так закатывала глаза в приступе умиления, изо всех сил сдерживая смех, что я тут же увидела всю эту картину ее глазами. Меня пронзило запоздалое чувство стыда. Боже мой, что же я творю! Разве

нельзя познакомиться по-человечески? Неужели Манти Ош применил гипноз? Даже если и так, буду благодарна.

Странная вспышка эмоций принесла облегчение, освободила от давнего душевного груза. Я вытерла слезы и поднялась с колен уже другой Ритой или Магрит – не все ли равно как называться, главное, кем при этом себя ощущать.

Уже уверенно и спокойно я смотрела в прозрачные, добрые глаза Манти Оша или как там его, сомнений нет, что передо мной находился именно «здешняя достопримечательность» и спаситель Камрит.

Он открыто улыбнулся и кивнул, радуясь моему боевому настроению.

– Я рад, что тебе лучше. Пойдем в дом, где ты отдохнешь после долгого пути.

Так же за руку меня отвели к невысокой хижине из стеблей бамбука, укрытой пальмовыми листьями. Вокруг домика в изобилии росли кусты гибискуса, сплошь усыпанные красными и желтыми цветами. Рядом пониже белели звездочки гардении. Все выглядело таким знакомым и милым, что я снова захлюпала носом, совсем расчувствовавшись.

Недалеко от жилья находились навесы из травы и листьев. Видимо, под одним из них готовили еду – в земляной яме горел огонь, на гладко оструганной доске лежали чистые деревянные миски. А под другим навесом располагался гамак. Вот где бы я с превеликим удовольствием занялась очищением кармы...

– Скажите, вы сможете вернуть меня в мой мир? Тот, откуда я родом?

Снова печальная улыбка в ответ. И ареол света над высоким лбом без единой морщинки.

– Если Создателю будет угодно, ты попадешь домой, но мне не ведома Его воля. Ведь я не колдун, не путешественник между мирами. Я только недостойный искатель мудрости и покоя.

– И вы нашли то, что искали именно здесь?

– Сейчас я близок, как никогда ранее...

– Рада за вас! Но в таком случае, помогите мне хотя бы вернуться в Кормаксилон.

– В гнездо разврата и похоти? Понимаешь ли ты, о чем просишь меня, глупая женщина?

Я нервно сглотнула и перевела взгляд в сторону. Ехидно улыбаясь, Камрит делала мне какие-то знаки пальцами, но мне было не до вертихвостки.

Похоже, мои проблемы в Мантихаре только начались.

Глава 34

Душа и тело

Вечером меня покормили запеченными в золе маленькими клубнями, напомнившими родную картошку, а после скромного ужина предложили вздремнуть на удобной лежанке в хижине или под навесом – по моему выбору.

Я прошла в домик и легла на постель, прикрытую циновкой, также сплетенной из волокнистой травы. Какое-то время пыталась прийти в себя, ни одной мысли в голове, только светлая грусть. Наверно, влияло заповедное место в лесу, а может, Манти Ош – настоящий праведник.

Здесь я впервые ощутила покой и легкость. Ничто не тревожило, не угнетало, исчезли прежние волнения и страхи, даже тело ощущалось гибким и послушным. Мне вдруг захотелось улыбаться и петь.

Странные, противоречивые эмоции нахлынули волнами и понесли за собой. Неподалеку послышалось монотонное бормотание, а потом сильный мужской голос затянул песню. Я подобрала ноги к груди и уткнулась в колени лбом, раскачиваясь в такт мелодии. Что-то средневековое, напоминающее звучные молитвы католических священников в высоких, острроверхих соборах. Латынь? Неужели, и правда, латынь?

Я уже хотела подкрасться к дверям и разведать обстановку, но бамбуковая занавеска приподнялась и ко мне вошел Манти Ош. На сей раз точно не стану плакать и кланяться, но вот сделать комплимент его таланту не трудно.

– У вас дивный голос, я заслушалась. Думаю, вы не всегда жили в лесу, я даже уверена, что вы родились в большом городе, где матушка читала на ночь книги о рыцарях и драконах.

– Ты права, Магрит. Детство мое протекало в благородном семействе под присмотром целой толпы пухлых нянюшек. А юность я провел, обучаясь верховой езде и умению владеть мечом и рапирой. Отец прочил мне блестящее будущее при дворе – я с лихвой оправдывал надежды родных. Даже без протекции дяди Храмовника я был назначен капитаном Королевских Гвардейцев. Это была высокая честь, и гордость моя не знала границ.

– А потом вы решили оставить службу и стать священником? Что же произошло?

– Мою невесту взял на ложе брат Короля. Тот, кому я присягал в верности, тот, за чьи знамена мечтал биться до последней капли крови. Герцог Кайро обольстил Алиру и сделал своей любовницей. Сначала я хотел его убить, вызвав на поединок. Но любимая отказалась бежать со мной, выбрав роль наложницы герцога, а не супруги начальника Королевской Стражи.

– Понятно ваше стремление покинуть светский мир!

– Для благосклонности Алиры мне не хватало титулов и богатств. И тогда я решил навсегда изнать из своего сердца образ прекрасной Дамы, посвятив жизнь иному служению – более высокому и достойному.

– Кажется, я вас поняла. Но как вы попали в Инсектерру?

Манти Ош надолго замолчал, подбирая слова:

– Я опрометчиво решил, что познаю мудрость, если разделю участь служителей Храма. Поначалу мой дядя с радостью взялся меня опекать, и я мог бы сделать хорошую карьеру под его покровительством. Но уже через пару лет я вдруг понял, что Братья вокруг меня подвержены тем же порокам, что царят при дворе, только скрывают их более тщательно и лицемерят на каждом шагу.

– Не удивлена.

– Я был очень разочарован служением и даже пытался обличать кое-кого из высоких лиц. Заметив мои сомнения и опасаясь за мой разум и, собственно, за жизнь, дядя отправил меня с миссией на Южную Заставу. Граница с Ничейной пустошью видна из прорезей бойниц как на ладони. Унылое место, жестокие люди и суровый быт.

Но я мужественно принял новые условия существования, ища способ познать себя и тщательно разобраться в человеческой природе. Как следует жить, чтобы душу не раздирали противоречия? Кому посвятить свои силы и свой ум? К чему приложить руки? Я был молод и силен как бык, я жаждал подвигов во славу добра.

– Как я вас понимаю!

– На Заставе не оказалось даже Дома для молитвы. Я пытался собирать людей на улице и в казармах. Я бродил как нищий за подаянием, но не денег просил, а желал пробудить свет в потухших глазах людей.

В харчевне стражники снисходительно слушали мои проповеди, держа на коленях полуголых девиц и не отвлекаясь от выпивки. Они смеялись мне в лицо, зазывали разделить их веселье. Постепенно я стал испытывать к женщинам отвращение и убеждал солдат избегать их общества ради спасения плоти от всяких бед.

Однажды какие-то шутники подсыпали зелье в мою воду, и я крепко заснул. Мне привиделся дивный сон, где супруга Всеблагого снизошла до моих горестей и привлекла в свои чистые объятия. Но как же горько было пробуждение! Я лежал посреди широкой постели совсем нагишом, а вокруг спали обнаженные девицы из местных притонов. Они были пьяны и мерзко пахли, одна женщина с дряблым мясистым телом храпела, как лошадь, другая издавала еще более неприятные звуки.

На соседней кровати бесстыжая парочка занималась совокуплением. Я не видел зрелища более гадкого и не смог сдержать стремления опорожнить содержимое желудка прямо на лежащие рядом тела. Мне казалось, что я барахтаюсь в зловонной луже, и Всеблагой отвернулся от меня в полном небрежении. Тогда же я понял, что должен бежать как можно

дальше от людской толпы, от дикого бесчинства и скотства.

– И вы ушли в лес?

– Я искал себе гибели, предпочитая стать пищей для тварей Инсектерры, чем видеть, как тонут в грязи подобные мне существа.

– Но вы живы и, похоже, нашли приличный способ существовать. Правда, у разврата оказались длинные руки и...

Я прикусила язык, человек передо мной почти что исповедовался, неужели я собираюсь его подкалывать таким несчастным созданием, как Камрит. Лучше уж помолчать и послушать. Интересно, что Манти думает на ее счет? А какое мнение имеет обо мне? Надо зайти с другой стороны и повернуть вопрос иначе:

– Вы сказали, что ждали меня? У вас есть дар предвидеть будущее?

Манти Ош опустился прямо на земляной пол перед моей лежанкой и снова заговорил:

– Я живу в Мантихаре уже пятнадцать лет. И десять лет совершенно один. Мой Учитель умер, передав мне множество бесценных даров Духа, и я полагал, что ничто более не потревожит мой разум. Но эта женщина! Она смущает меня день за днем, истинная правда.

Я схватилась за голову и застонала почти вслух. Бедняга – праведник, как я его понимала! Живешь себе в райском саду, уже научился зверей отгонять одним взглядом, можешь обходиться без еды и питья, усмирил тело, закалил дух и тут

на тебе подарочек небес. И не какую-нибудь кроткую овечку, не ангела для душеспасительных бесед послали боги, а самую что ни на есть развратную и обольстительную бабенку.

У-у-у, как же она его изводила последние месяцы, могу представить! Я мало знаю Камрит, но кое-какие ее повадки говорят сами за себя. Да и намеки Наро были весьма красноречивы. Эта похотливая сучка жить не может без мужского внимания, а тут такой роскошный экземпляр пропадает! Манти Ош – привлекательный мужчина, обходительный и воспитанный, наверно, рыцарем был в своем королевстве. Досталось же человеку бед!

На мой сочувственный вздох он откликнулся новой тирадой:

– Я пытался увещевать ее, пытался открыть ей глаза на наше истинное предназначение – жить, храня плоть в чистоте, но Камрит, верно, овладел демон. Мое терпение пошатнулось, и воззвал я к Создателю в крайней муке. Желая впечатлить Всеблагого, я истязал свое тело работой, лишал себя еды, а ночью голос зазвучал в голове:

«Вода принесла тебе скорбь и вода же дарует лекарство. Одна женщина готова тебя погубить, но другая подарит избавление. Однако, не противься гибели своей, ибо через падение высоко встанете оба».

А спустя три дня появилась ты – Магрит. Так мне следует тебя называть? Сон сбылся.

– Да... Я – Магрит. И у меня есть важное дело. Здесь в

лесу я должна спасти целый народ от вымирания. И кроме тебя некому подсказать мне дорогу.

– Ты снова желаешь стать доступной женщиной для многих мужчин? Неужели, я ошибся в тебе... Чем ты лучше ее в таком случае?

– Я не знаю, лучше или хуже. Но знаю одно – они все погибнут без меня. И взрослые мужчины и дети, даже еще не выбравшиеся из пелен. И никакой грязи там нет. Если Камрит наговорила тебе плохого про кормисов, то это ее проблемы. Я могу показать иначе. Ты можешь все своими собственными глазами увидеть. Пойдем вместе со мной!

– А она? Что будет с Камрит? И ты не боишься, что эти создания леса предпочтут ее, а не тебя на роль своей королевы?

Кажется, Манти Ош знал о Кормаксилоне гораздо больше, чем я предполагала. Его последний вопрос занозой впился в сердце, вызывая жгучую боль. Я растерянно обвела взглядом пустую хижину, не зная, что отвечать.

Но слова сами собой сложились в несколько простых фраз:

– Я приму любой их выбор. Пусть решают, как для них лучше. Если им нужна Камрит, значит, она останется с ними. Спорить не стану. Уж я как-нибудь сама.

Почему-то опять полились слезы, ну, что со мной, наверно, личный сезон дождей... Манти Ош молчал, глядя на меня снизу вверх. Я решила снова заговорить, очень уж хоте-

лось доказать, что кормисы вовсе не твари, не дикари.

Они как могли заботились обо мне и меня уважали, даже принудив к любви. Поначалу принудив, а впрочем, обо всех нюансах наших отношений Манти лучше не говорить. Когда я остановилась, чтобы перевести дыхание, то заметила, как колышется бамбуковая занавеска у входа, а за ней угадывалась фигура женщины. Камрит слышала все.

Не знаю, тронула ли моя речь сердце бывшего Священника, но, надеюсь, теперь он сможет по-другому взглянуть на мое желание помочь Кормаксилону. Манти Ош пожелал мне доброй ночи и вышел из комнатушки, а на его место гибкой змейкой проскользнула Камрит. Оказывается, это была ее кровать и ее половина хижины. Нам придется спать вместе? Почему-то подобная перспектива меня сразу же смутила.

Но Камрит развеяла сомнения, быстро заверив, что привыкла ночевать под навесом в гамаке. Столь характерных для тропических джунглей москитов в Мантихаре не было. Надо бы завтра расспросить Манти Оша, нет ли здесь геологической аномалии, может, источник радиации или какие-то особые энергетические поля. Да что может об этом знать средневековый пилигрим...

Но атмосфера успокаивающая и одновременно побуждающая к раздумьям на разные философские темы. Просто природный заповедник для возвышения духа, лучше не скажешь.

– Камрит, а что это за учитель, о котором говорил Манти?

– Он часто вспоминает его! Наверно, какое-то местное чудовище. Его могила сразу за маленьким прудом, Манти ходит туда каждый день и молится, как сумасшедший. Да что там молится! Он просто сидит и смотрит вперед, как каменный истукан. А потом раздевается и делает всякие упражнения, а я наблюдаю за ним из кустов, давясь от слюны.

– Могла бы присоединиться к занятиям.

Камрит надула губы и потянулась, растопырив пальцы.

– Я его желаю, понимаешь? Ни одного мужчину на свете я не желала так сильно! А он презирает меня. Ненавижу! И люблю... Я его люблю по-настоящему, Марго. А для него я пыль. Грязь и смрад. Пустое место. Жалкая помеха на пути.

– Ох, даже не знаю! Разве он тебя обижает? Мучает? Заставляет работать с утра до ночи? Что он тебе плохого сделал, скажи?

– Он не хочет со мной спать! А мне надоело ублажать себя руками, когда рядом такой годный мужчина. И какой мужчина! Он же невиннее этих лилий на пруду, Марга. Он мне открылся – у него никогда не было женщины, представляешь?

Я устало повалилась на постель, а Камрит устроилась рядышком, продолжая делиться самым сокровенным. Манти Ош – девственник, почему я не удивлена? Профессиональным качествам куртизанки брошен серьезный вызов.

– Я сразу его раскусила! Я стала ласковой и послушной, я рыдала на его груди и пыталась целовать его плечи, но он

меня отстранил, хотя я успела кое-что почувствовать – у него есть за что взяться, можешь поверить, я сразу поняла, что у него большой и толстый...

– Не продолжай!

– Эге! Да ты еще умеешь краснеть! Вот чудеса – после двух лун в Кормаксилоне ты еще чего-то стыдишься. Скажи правду, кто тебе нравился больше – Воин или Строитель, ну, скажи? Ты пробовала сразу двоих?

Я не знала, плакать мне или уже смеяться. Камрит бесподобна! Как можно быть такой изощренной блудницей и сохранять невинное простодушие и детскую непосредственность? Может, она не так уж и виновата в своих повадках, ее просто вырастили «золотым цветком», вот и все.

Может, она даже заслуживает жалости. Ей бы хорошего, крепкого парня, даже такого, как Манти Оша. Вот куда завели меня мысли... И я осторожно задала новый вопрос:

– А ты помнишь Уно?

– Кто это? Воин?

На мгновение я прикрыла глаза и задержала дыхание, от чего-то хотелось скрыть мою привязанность к юноше.

– Нет, он из Наставников. Хорошо играет на флейте. Ты помнишь его?

– А-а-а, мальчишка! Да, он забавный. Робкий и слишком восторженный. Мне больше по нраву пришлись грубоватые парни – рабочие.

– Уно не намного младше тебя. И меня, думаю. Сколько

же тебе лет, Камрит?

– Готова биться об заклад, что по сравнению со мной – ты древняя старушенция. Мне всего двадцать три весны.

– Мне казалось, ты старше... Но в душе – сущее дитя, верно. Все не наигралась... А что касается меня, даже представить себе не можешь, какая разница между нами. Я из другого мира. Там, вроде бы, все иначе, но люди так же любят и ненавидят. Так же ищут богатств и стараются пожить за счет другого. Мне было там трудно. Иногда хотелось умереть. А здесь...

Камрит, скажи честно, ты хотела бы снова стать их королевой?

– Хм... предложение, конечно, заманчивое. Кормисы – горячие ребята, особенно воины. И я бы привыкла опять. Но если хорошенько вспомнить – какая же там скука! Нет, нет... уж лучше я буду подглядывать, как купается после молитвы Манти Ош и ласкать себя сама. И тешить надеждой, что когда-нибудь его добродетель дрогнет под моим напором... Нет, я не хочу обратно в муравейник, даже не проси!

И вот теперь мне искренне захотелось ее обнять. Мы еще поболтали о том о сем, а потом я задремала. И это была одна из самых спокойных ночей за всю мою не такую уж долгую жизнь. Воздух в Мантихаре настоян на ароматах ночных цветов и благоухании цитрусов. В соседнем помещении курилась благовония, сладковатый дым заползал и на мою половину. Умиротворение и нега. Не хватало только внима-

тельных глаз и теплых знакомых губ...

"Спи, маленькая Магрит, ты заслужила хороший отдых. Но завтра снова будешь умолять Отшельника указать дорогу домой. Туда, где тебя ждут. Туда, где ты нужна.

Уно, не засыпай! Я скоро приду к тебе. Пока не знаю, как нам найтись, но я всей душой хочу снова тебя обнять...

Дождись меня, Уно! Или выйди навстречу, ты мне нужен сейчас...".

Глава 35

Безуспешные поиски

Вдалеке от дома силы кормисов постепенно иссякали.

– Мы должны вернуться, – убеждал Кадо, с сожалением глядя на молодого наставника. – Она не продержалась бы здесь так долго. Мы даже не знаем, стоит ли доверять словам этой бешеной змеи.

Уно содрогнулся всем телом, вспомнив об обмане Харимы. Тщательно расспросив пленников, кормисы выяснили, что никто из них не был отправлен вместе с Магрит. Значит, ее бросили в джунглях совершенно одну. Или просто убили и спрятали останки. Невозможно поверить...

– Она жива! Я чувствую, я знаю, – горячо убеждал Уно, требуя продолжить поиски.

После долгих сомнений и обсуждений на правах старшего воина Кадо предлагал возвращаться в Кормаксилон. При мысли о доме болезненно сжалось сердце, но наставник не видел смысла жить без возлюбленной королевы.

– Уходите! – сказал Уно, отворачиваясь от воинов.

С одной стороны он понимал, что Кадо прав и нужно как можно скорее доставить под защиту родных стен раненых товарищей. В лесу на чужих землях их отряды сильно рискуют, но лично для себя Уно уже давно все решил.

– Нет, – заявил Наро, угадав его мысли, – мы не можем отставить тебя одного в лесу, ты погибнешь зря.

Наро не меньше друга мучился, представляя печальную участь Магрит, но пытался найти силы жить дальше.

– Уно, ты нужен нам дома. Твой опыт, твоя флейта... Подумай о маленьких девочках Кормаксилона. Это же ее дети. Поддержи их, передай свои знания.

Уно только отрицательно покачал головой:

– Вы справитесь и без меня. Магрит ждет меня здесь. Я обещал прийти и сдержу слово.

– Нет, ты пойдешь с нами! – закричал Кадо, теряя самообладание. – Если потребуется, я уволоку тебя силой.

Воин схватил наставника за плечо, но тот дернулся в сторону и сильно ударил Кадо по руке. И тогда тот посчитал, что брата нужно спасать от него самого. Он прыгнул к Уно, перекинул его через себя, уронив на землю. Сладить с опытным воином Уно не сумел и вскоре застонал от тяжести навалившегося на него тела. А Кадо продолжал сжимать горло собрата, одновременно убеждая его отказаться от поисков:

– Если сейчас же не прекратишь борьбу, окажешься связан, и я потащу тебя на плече. Я не брошу тебя одного, брат! Как ты не можешь смириться?

Он заглянул в умоляющие глаза Уно, а потом медленно ослабил хватку.

– Отпусти меня, – тихо попросил тот. – Я знаю, что должен делать.

Кадо разжал пальцы и поднялся.

– Мы уходим! – громко скомандовал он остальным, чувствуя, что у него впервые в жизни странно жжет и щиплет глаза.

Наро был последним, кто обернулся на собрата, сидевшего на земле среди поломанных веток. Руки и плечи Уно были перемазаны соком раздавленных стеблей шиксы, а потому выглядели окровавленными. Наро вдруг показалось, что он никогда больше не увидит того, кого считал сыном.

Ах, если бы у него самого было больше сил... Он непременно остался бы с юношей и продолжил поиски Магрит, но становиться обузой Наро не хотел, а потому, стиснув зубы, понуро плелся сейчас рядом с кормисом, на чью руку приходилось опираться, чтобы не упасть.

Когда шум отряда смешался с обычными голосами джунглей, Уно еще некоторое время прислушивался, различал птичьи трели и писк мелких зверьков, треск крыльев крупных стрекоз и шлепки о землю плодов, не удержавших собственной тяжести.

Уно не знал дороги, он и держал в голове образ Магрит и двигался наугад, а порой обращал свой разум к Первой Матери, взывая о помощи и поддержке. Уно твердо знал только одно – без королевы ему нечего делать Дома. Значит, нужно идти вперед...

Уже второй день он пробирался по зарослям, постоянно слыша мысленные призывы вернуться к своим. Воины и

строители, сговорившись, постоянно тревожили его память.

Отряд Кадо подходил к Зеленой стене и оттого кормисы еще сильнее тянули собрата за собой. Уно злился и терся лбом о шершавый ствол пальмы, теряя терпение, начинал кричать во весь голос так, словно друзья могли услышать:

– Оставьте меня в покое! Я был нужен Магрит и оставил ее ради работы во Чреве. Она просила меня пойти с ней в Мелисан, а я выбрал Дом и свой долг няньки. Теперь Магрит нет, а я уже ничего не хочу. И не вернусь домой без своей единственной королевы.

Добравшись до реки, Уно рухнул на колени и пристально вгляделся в свое отражение на воде. Лицо по-прежнему оставалось равнодушно холодным, словно в груди ничего не болело. Собственный вид привел его в бешенство:

«Если она видела меня таким всякий раз, когда говорила о том, что чувствует... О, как же ей было больно! А я ничего не понимал».

Уно зачерпнул в горсти холодную влагу и утолил жажду. Теперь следовало осмотреться. Второй день он шел по лесу, почти не таясь. Если Магрит больше нет, тогда жить Уно тоже незачем. Он нарочно шагал по хрустящим веткам в ожидании хищников, но те не появлялись, не прыгали ему на спину, чтобы сломать хребет и прокусить горло. Они словно потешались над одиноким кормисом за откровенное пренебрежение к жизни.

На глаза вдруг попался камень с острым краем, что так за-

манчиво поблескивал на свету. Дотянувшись, Уно примерил его к левой руке. Лег он хорошо, удобно. Голоса товарищей в голове сейчас вызвали особенно жуткое раздражение, с ними следовало поскорее покончить.

Закрыв глаза, Уно резким движением скользнул камнем по плечу с меткой, но на этот раз не наискось, а сверху вниз. Шипя от боли, он провел камнем еще пару раз, уничтожая последние черточки на руке. Кожа свисала неровными лоскутками, – на месте метки наставника оставалось кровавое пятно. Вот и все. Он нарушил связь с Домом, теперь он больше не член Семьи.

Он – никто. Просто еще одна тварь Гиблого леса.

Опустошение и свобода...

Камень выпал из руки. Сознание померкло. Голоса сородичей смолкли. Чтобы хоть немного унять жгучую боль в ране, Уно склонился к воде, но силы оставили его и, неловко запнувшись, он свалился в реку. Течение мгновенно подхватило добычу и увлекло за собой.

Немного придя в себя, Уно пытался грести, чтобы выбраться на берег, но спорить с потоком оказалось не просто и юноше пришлось положиться на волю стихии.

«Магрит! Ты слышишь меня, Магрит, я иду...»

Этим же вечером в Кормаксилоне спешно был созван Совет четырех. Следовало выбрать Старшего наставника на время отсутствия Уно. Пока продолжался поход на Дармаллак все обязанности юноши исполнял Рано, он-то и должен

был стать новой главой нянек. Однако Наро призвал братьев еще раз сосредоточиться и мысленно образумить молодого кормиса, оставшегося в лесу. Вскоре на лицах мужчин отразилось недоумение.

– Я его не слышу... Уно больше нет, – прошептал Наро, невольно касаясь своего плеча со слабо мерцающей меткой.

Когда один из кормисов исчезал навсегда, в сердце братьев становилось пусто. И сейчас Семья особенно ощутила потерю.

– Кхрэ-э-э-э-э! – протяжно взвыл Кадо, молотя кулаками по вытертой шкуре танагра, служившей ему подстилкой.

Воину хотелось крушить все вокруг от бессильной злости. Мальчишка пропал, не найдя и следов Магрит. Какая жестокая потеря для Дома! Глупая и напрасная потеря.

Наро тяжело вздохнул. Он не очень понимал, как наслаждаться благословенной эрой в Кормаксилоне, если рядом нет ни любимой Королевы, ни того, кого он выделял из всех товарищей, смутно считая сыном.

Мано же хотел проворчать, что мальчишка сам виноват, но слова застряли в горле. Горе, конечно, велико, но надо как-то жить дальше. Теперь в Кормаксилоне есть свои маленькие женщины и не нужно спешно мчаться в деревню, чтобы искать новую перепуганную самку. Девочки скоро вырастут и выберут себе мужчин на благо Семьи. Все будет хорошо...

Правда, следует еще сохранить для будущих поколений

историю Магрит и молодого Наставника. Эта красивая и добрая легенда будет восхищать многих кормисов. Что ж поделать, если истории любви часто так грустно заканчиваются. Еще мудрец Чаро так рассуждал в своем трактате о горьких ягодах неспелого гармалиса.

– Наро! Ты должен их нарисовать, – внезапно предложил Кадо.

Старший добытчик задумчиво потер лоб, пряча глаза, а потом с трудом процедил:

– Я уже вижу рисунок. Они вместе идут по звездному пути. Все выше и выше.

В просторной Зале для общих собраний воцарилась тишина. Но ненадолго – протяжный стон Кадо вернул всех к понимаю того, что нужно действительно заняться делами.

Есть время помнить старое и есть время созидать новое.

Ужин в Кормаксилоне никто не отменял.

И сегодня это будет поминальный ужин для семьи, утратившей много своих храбрых сынов и щедрую Мать.

Глава 36

Три желания

Магрит

Утро выдалось свежим, и я с удовольствием спрыгнула с лежанки, чтобы скорее умыться и поискать еду. Настроение отличное, я чувствовала небывалый прилив сил, казалось, могла горы свернуть. А вот Камрит, к немалому удивлению, уже давно поднялась и хлопотала по хозяйству.

Я-то думала, эта неженка дрыхнуть будет до обеда, но нет. Жарит мясистые плоды над огнем, насадив их на длинные палочки. Манти Ош рядом раскалывает дровишки. Идиллия! И чего им не живется в мире и любви? Ищут себе проблем, а могли бы просто заняться друг другом вплотную.

Я кратко приветствовала «Робинзона» и его непоседливую «пятницу», а потом вызвалась помогать. Мне поручили принести воды из ручья и я поскакала к маленькому водоему, который, как сказала Камрит, прятался сразу за узколиственными деревцами. Ах, как же здесь было хорошо!

Там я умылась прозрачной, бодрящей водой и, ежась от холода, попыталась кое-как освежить все тело. Еще бы постирать и высушить свое платье. Досталось ему, конечно, за последние дни, но другого-то у меня нет.

Вернувшись к Манти Ошу, я осторожно попыталась разузнать у него про таинственного Учителя, чья украшенная камнями могилка сиротливо виднелась на другом берегу пруда. Камрит не раз пыталась ревниво вклиниться в нашу беседу, но один лишь взгляд строгих мужских глаз заставил ее примолкнуть.

А мне неспешно поведали, что Учитель Манти Хар тоже был своего рода отшельником, только из местных... лесных. Он практиковал аскезу и занимался изнурительными физическими тренировками. Дикие звери почему-то обходили его стороной, болезни не приставали.

Услышав о чудесах Подвижника, со всей Инсекты к нему потянулись ученики. Я поняла, что в этой долине раньше было что-то вроде монастыря Шао-Линь. Даже свой храм имелся – стоял как раз у воды. Но потом начались разногласия и борьба за власть. Некоторые «посвященные» возгордились и стали считать, что их стареющий Учитель не верно трактует истину, а потому увели неофитов за собой. Некогда дружные ученики разбрелись в разные стороны Инсектерры.

Проще говоря, Манти Хар опять остался один и, может быть, даже был тому весьма рад. Или нет... кто же знает, что творилось у него на душе.

Но когда в джунглях он подобрал умирающего священника, перешедшего Ничейную пустошь, думаю, у них нашлись темы для богословских споров. И каким-то образом два любителя молитв и поста подружились. Так бывший ры-

царь-храмовник стал последним учеником одинокого Старца, полностью приняв его мировоззрение. Захватывающая и трогательная история.

И места эти необыкновенные, здесь столько разумных существ занимались всякими умными рассуждениями, начнешь верить, что теперь долина излучает благотворные флюиды. Жаль, что они не очень-то действуют на Камрит.

Она просто сексуальная хищница! Вот и сейчас не сводит с Манти Оша выразительных томных глаз... Пожалуй, не будь он таким физически крепким мужчиной, настырная женщина давно бы овладела им, применив силу. Какую же выдержку надо иметь, чтобы устоять перед подобным «цветком», воистину годы медитации не прошли даром.

После скромного завтрака Манти Ош заявил, что ему по традиции надо заниматься гимнастикой у ручья, и мы с Камрит запросились посидеть рядом. Вряд ли ему идея понравилась, но отказывать он не стал. И неспроста!

Потому что вместо обычной тренировки устроил нам что-то вроде занудной проповеди о величии духа, кажется, сам себя в этом лишний раз убеждал или просто хотел, чтобы Камрит сбежала от скуки и занялась своими цветочными грядками.

У нее здесь, и правда, были разбиты великолепные клумбы. Надо признать, бывшая куртизанка обладала отменным вкусом или просто от скуки увлеклась местной флористикой.

Я тоже еле сдерживала зевету, но слушала монотонную

речь чисто из уважения к интересному, много пережившему человеку. Но несколько последних фраз заставили меня насторожиться. Манти Ош заговорил о том, что долина обладает чуть ли не волшебной силой и может исполнять некоторые человеческие желания.

Надо лишь всей душой чего-то захотеть и выразить это настолько искренне, чтобы услышал Творец всего сущего. В Мантихаре мол, такой отменный резонанс, что услышать нас будет совсем легко. И, конечно, я не удержалась от вопроса:

– А вы уже что-то пожелали?

– Я хочу только одного, – смиренно ответил Манти Ош, – познать, в чем суть моего существования. Призвание свое я жажду найти – вот моя цель. Для чего я был послан в этот суровый мир? На что я годен?

– И вы это поняли, не так ли?

Манти Ош многозначительно покосился на притихшую Камрит и уныло покачал головой.

– Как только я прихожу к некоему понимаю, вдруг возникает новое препятствие на моем пути. Так уже бывало и прежде, но каким я выйду из нового испытания, пока не известно.

– Так. С вами все ясно. Камрит, а чего хочешь ты? Давай уже на чистоту, здесь ведь все свои.

Бывшая куртизанка расправила складки своего балахона так элегантно, будто на ней было надето бархатное облачение благородной дамы.

– Я желаю, чтобы тот, кого я желаю наконец-то прозрел и перестал видеть во мне только надоедливую навозную муху. Я – женщина, и я хочу любви! Настоящей, чистой и честной. И я клянусь, если у меня будет такая любовь, то я стану хоть монашкой, хоть святошей – кем он желает меня видеть. Я надену власяницу, на край земли пойду босыми ногами, отдам все, буду питаться отбросами, только бы он... только бы принял меня и сам был мне предан. Вот я чего хочу!

Камрит зарыдала и бросилась прочь от нас. Я уже хотела бежать следом, но Манти Ош ухватил меня за руку.

– Теперь твоя очередь.

– Что я? Вы совсем ничего не понимаете? Погрязли в своей чистоте с головой. Она же страдает, мучается из-за вас. Хотя бы дайте ей шанс. Поговорите по душам. Или она совсем вам не приятна, как мусор какой-то? Это из-за ее прошлого или вашей нынешней святости? Вы дали обет безбрачия и клятву к женщинам совсем не прикасаться?

– Она мне дорога! – страстно зашептал Манти Ош, едва не испепелив меня жгучим взглядом. – Дороже собственной жизни. Но сейчас речь о тебе, Магрит. Скажи прямо, чего хочешь ты больше всего на свете?

– Что ж, скажу! Я хочу вернуться к тем, кому нужна, – туда, где меня любят и ждут. Вы свое предназначение видите в уединении и интимной беседе с Боженькой, а я хочу помогать людям. Я училась на врача, а по-вашему, лекаря. Думала, буду пользу приносить, делать людям добро. И случайно

попала сюда. Но ведь не важно, где ты оказался, везде можно себя реализовать, правда?

Манти Ош одобрительно подал плечами, глядя на меня с некоторым смущением. Похоже, мне удалось заронить сомнения в его блаженную душу.

– Еще есть мужчина, которого я люблю. Даже, наверно, мужчины. Вам дикостью покажется, но я люблю их всех, и в этом нет ничего порочного и грязного. Соединение тел в любви – не скотство, не грех, если вместе с телом соединяются души. Но вам не дано это понять и пережить, пока вы не примете сердцем такую возможность. К тому же, не мне вас учить...

Меня немного трясло. Как ему еще объяснить, мы будто на разных языках говорим. А если рассердится? Еретичкой обзовет и прогонит в лес? А, была не была... Обстановка располагает к откровенности.

– И еще я вам скажу, уважаемый Манти Ош! Если бы мужчина с женщиной не спал, не было бы детей и королевство ваше пришло в запустение. И кому тогда истина нужна? Да хоть какая-нибудь... И последнее...

Если вы всерьез думаете, что проповедовать абстрактные добродетели важнее, чем просто воспитывать детей в хороших людей, вы глубоко не правы! И то и другое одинаково тяжкий труд. Думаю, Создатель не случайно на земле все так устроил. И каждый выбирает ношу по себе.

– Гм... Ты рассуждаешь, как женщина.

– Ну, да – как мать, которой дороги все ее дети. Вы вот решили от людей убежать и спасти свою бесценную душу, а я сейчас хочу спасти свою Семью. И кто из нас двоих более угоден Богу – это еще надо разобраться.

Уф! Выговорилась. Сама чуть не плачу, а надо еще найти и успокоить одну королеву-беглянку. Детский сад! Нет, мне эти игры в песочнице надоели. Надо ставить вопрос ребром:

– Ну что? Поможете мне вернуться в Кормаксилон?

– Я должен посоветоваться с духом Учителя. Ступай, мне нужно побыть одному.

– С превеликим удовольствием, батюшка! Надеюсь, вам быстро дадут ответ.

Я не удержалась от церемонного поклона и, круто развернувшись, пошла к хижине. Смешанные чувства клокотали в груди. И жалко их обоих и себя жалко. А про кормисов даже подумать не могу без отчаяния.

Держитесь, ребята, я всей душой с вами. Но хватит ли вам моей души... Нужна ли она вам...

До вечера мы не видели Манти Оша. Он обходил навесы стороной. Камрит тайком проследила, как спустился к реке. Наверно, Дух Учителя в отпуске – «ушел в Nirvanу, но обещал вернуться». Есть ли у меня время ждать? Кормисы мои снова ослабеют и заснут, пока этот Манти-Манти соблаговолит подать знаки. И будут ли они в мою пользу, еще неизвестно.

Я уже начинала готовиться к ночи, как слышала зову-

щие крики за бамбуковыми стенами домика. Что там у них еще стряслось? Может, Камрит проявила настойчивость и посягнула таки на целомудрие бывшего рыцаря?

Я лениво вышла из хижины и замерла, не веря своим глазам. Манти Ош нес на руках тело молодого мужчины. Из одежды только повязка на бедрах. Наверно, кто-то тоже потерялся в лесу и был ранен.

– Помощь нужна? Он жив?

Когда я подошла ближе и разглядела знакомые черты, то не сдержала жалобных стонов. Уно был без сознания, грудь медленно поднималась от затрудненного дыхания. Ничего, мы его спасем... Конечно, спасем...

– Скорее, скорее в дом!

Уно положили на мою постель, раздели и укрыли мягким покрывалом. Манти Ош сказал, что нашел кормиса на прибрежных камнях, видимо, выбросило волной. Я плакала и смеялась, целовала руки Уно, умоляла открыть глаза. Все будет хорошо, он просто слишком долго искал меня, просто устал. Завтра ему станет лучше, я совершенно уверена.

Пока мы с Манти смазывали раны и ссадины молодого наставника, Камрит молча стояла у стены, рядом с жаровней, чьи горящие угля служили слабым источником света в уютной комнатушке. Я не обращала на бывшую куртизанку никакого внимания и она, словно оцепенев, наблюдала за нашими хлопотами.

Манти Ош еще раз осмотрел Уно и вынес вердикт – па-

рень вполне здоров, но очень истощен, ему надо хорошенько выспаться, потом питательная еда, дружеская забота и через пару дней кормис будет «как новенький». Некоторое беспокойство вызывала только рана на плече, она немного воспалилась и припухла, но Отшельник растер какие-то целебные травы в масле и наложил повязку.

Мы решили, что остаток ночи я проведу рядом с Уно, а утром Манти сменит меня, ну... или Камрит. Она даже ни о чем не спрашивала, только пару раз прошептала еле слышно: «Бедненький менестрель...».

Камрит ушла вместе с Ошем, и я осталась с Уно наедине.

Почти всю ночь я не сомкнула глаз. Сначала сидела на краю лежанки и рассказывала другу о своих злоключениях. Опять плакала и просила прощения за те неприятности, что доставила Дому своей жадной путешествий. Потом вытирала слезы и вслух радовалась тому, что мы вместе и теперь-то, конечно, все будет хорошо. А как же иначе...

Уснуть я так и не смогла, с первыми лучами солнца вышла из хижины, чтобы умыться у ручья, а после, может быть, подремлю еще немного рядом с дорогим мне человеком. Мне показалось, что гамак под соседним навесом пуст, неужели Камрит тоже рано проснулась?

Во мне не было ревности и досады. Да, когда-то Уно любил эту женщину и если он выберет ее... Что ж, пусть тогда возвращаются в Кормаксилон вместе, я не в силах бороться за власть над сердцем мужчины. Уно должен решить сам, я

не стану на него давить.

Но тогда все страстные признания Камрит в адрес Манти Оша не стоят и пустой кокосовой скорлупы! Мне все равно... Ну, почти – все равно! А что же остается? Если Уно заберет Камрит и снова посадит ее «на царство» под сенью броксов у Зеленой стены, тогда я займу место блудницы в Мантихаре. Буду молиться вместе с печальным святошей, в совершенстве освою местную йогу и тоже приобщусь к Истине. Организуем какое-нибудь Братство Отверженных и развесим объявления о наборе последователей.

И вообще... Почему мы должны оставаться в лесу? Надо прямо сказать Манти, что есть куда более важная миссия. Почему бы нам не добраться до поселка Каторжников, например, и не проповедовать там? Сеять разумное, доброе, вечное... Основать колонию честных... гм... справедливых людей, сообщество бывших бандитов и нынешних добрых трудяг.

Вот е куда заносят благочестивые помыслы. Утопия какая-то! Влияние лимонной долины.

У пруда я разревелась, как маленькая, во всех красках представила себе суровый взгляд Баруша и радость глупенькой Райни. Ей тоже нужна помощь, ради нее я и вернусь, раз уж больше никому не нужна.

Если Уно выберет Камрит.

Ничего, ничего! Главное, что он жив.

Глава 37

Терпение сердца

Кормис очнулся от осторожного прикосновения к своему телу, будто кто-то попытался разжать его сомкнутую в кулак кисть, чтобы забрать кусочек высохшей тряпицы.

– Отдай! Я снова намочу ее холодной водой, надо сбить жар, – взволнованно бормотал знакомый женский голос.

Уно приподнял веки и не мигая уставился на Камрит Капризную – первую королеву в своей жизни. Пыхтя от напряжения, она старательно вытягивала из его стиснутых пальцев повязку, прежде покрывавшую горячий лоб.

Бывший наставник дернулся, пытаясь отползти, но тут же рухнул обратно на подушку от острой боли в груди. Он не мог понять, что с ним случилось и где он находится. Сдирая метку, Уно был уверен, что умрет, а потому Магрит в туманном видении показалась ему предсмертным чудом. Но что за ужас успел произойти, если вместо нее возникла другая женщина?

– Ты очнулся! – радостно воскликнула Камрит. – Владыка преисподней сегодня сыт. Хвала Всеблагому!

Она возвела руки к низкому потолку, а потом принялась ласково тормошить кормиса, шепча ему в самое ухо милую чепуху.

– Я так боялась, что ты не встанешь, не откроешь свои славные глазки, я плакала и молилась о спасении моего маленького музыканта! У-лю-лю... Ну, ты же меня узнал, бедняжечка? Эй! Не смотри так, будто привидение увидел. Да-да, я Камрит – твоя добрая королева!

Она развязала платье, сшитое из двух грубых полотнищ, и до середины открыла аппетитную грудь. Не заметив большого интереса Уно к своим прелестям, Камрит оголилась до пояса и сама помяла свои торчащие соски, после чего кор-мис снова закрыл глаза.

"Что за странное место, где наяву сбываются давно забытые сны? Зачем они снова меня беспокоят..."

– Эй, не вздумай помирать, парень! – приказала Камрит, хлопая его по щекам.

Потом она задрала подол и улеглась рядом, положив колено на ноги Уно.

– Что ты делаешь? – тихо спросил он, пытаясь отодвинуться к стене.

– Я хочу согреть тебя, мальчик. Не волнуйся, тебе пыхтеть надо мной не придется. Мы просто полежим рядышком, может, скорее окрепнешь. Я же теперь почти святая Камрит и моя жалкая, никчемная душонка принадлежит одному безумному монаху, так что должна соответствовать его идеалам. Но все-таки, милый мой, я безумно рада тебя видеть. Ты такой молодец, что не помер в речке. У-у, мой сладенький красавчик!

Бывшая распутница не лукавила. В ее глазах действительно блестели искорки счастья, но кормис хмурился, не понимая, к чему она клонит.

– Не смотри на меня так строго, менестрель, – шептала Камрит, поглаживая тугие мускулы на животе Уно. – Я жутко соскучилась по настоящему мужику, дай хоть потрогать тебя. Что недовольно сопишь? Обними, как в прошлый раз и я дам тебе столько силы, сколько выдержишь. Вы это любите, я же помню. Ладно, разрешаю... Щупай, как хочешь, соси грудь, даже засовывай пальцы в мокрую дырку между ног, но большего не позволю, потому что дала обет смирения и благочестия. И при том желаю помочь тебе исцелиться... Ох, и тяжелый выбор.

Камрит расслабленно вздохнула и прикрыла глаза, а бывший наставник пристально смотрел на нее, пока шаловливые пальцы куртизанки не задели раненое плечо. Уно сжал зубы от боли и глухо проговорил:

– Почему ты здесь? Чей это дом?

– Ты в Мантихаре, дружочек. Слышал о заповедной рощице? Чудесное, безопасное местечко, я тебе скажу! Мы здесь тебя подлатаем и отправим к друзьям. Можешь захватить с собой одну плаксивую дуреху, что так и рвется в Кормаксилон, видать, здорово вы ее там поимели, до сих пор щекотно между ляжек.

Камрит ворковала, приподнявшись на согнутом локте, а второй рукой продолжала водить по груди Уно. Но в голове

у него все перепуталось, в памяти вдруг возникли всполохи горящей Дармы и стали слышны вопли чужих воинов, задыхающихся в дыму. И самому Уно надо скорее искать Магрит. Зачем здесь другая...

– Значит, ты не погибла.

– Нет же! Вот дурачок. Я всего лишь решила прогуляться... ну-у... то есть захотела вернуться обратно в большой город за рекой, но Сергуль бросил меня в лесу. Вы его не находили? Бедняга, он был так хорош! Надеюсь, ему не пришлось много страдать, и он умер быстро.

Уно чувствовал, что начинает мелко дрожать. До его измученного сознания доходила вся горькая правда – на лежанке перед ним сидит женщина, которую еще не так давно все боготворили в Кормаксилоне.

Королева, сбжавшая с жалким пленником.

Королева, предавшая Семью.

Камрит Капризная – та, что бросила кормисов на верную медленную смерть. И теперь она легко и весело рассуждает о своих приключениях.

«Решила прогуляться!»

Уно поразился, как раньше не замечал, что эта женщина пуста. Ее заманчивая внешность похожа на оболочки семени, а снимешь шелуху и внутри окажется гнилой зародыш или вовсе труха, пыль. Разве Уно когда-то ее любил и желал? Странно...

Он откинулся назад на свернутое в изголовье одеяло, на-

битое сухими листьями кафры.

– Я ищу настоящую королеву. Лучшую из правительниц Кормаксилона. Хозяйку моего сердца. Ее имя – Магрит Благословенная. Она прекраснее всех женщин на свете. Ты не встречала ее в этих краях?

Бывшая куртизанка разинула рот от досады, но скоро опомнилась и налетела на Уно, как подбитая куруша:

– А разве я тебе уже не подхожу? Ага! Все мужчины, одинаковы, не важно – белая у вас кожа или сплошь изрисованная. Вы изменники и прелюбодеи! На вас нельзя положиться. Вы готовы нанести удар и бросить нас, едва мы станем слабее и перестанем вам угождать.

Голос Камрит напоминал злобное шипение, однако скоро тон ее речей изменился:

– Я ведь еще могу быть лучшей, – прошептала она, приложив руки к груди. – Я не ценила вас, не понимала. Вы были ко мне добры и теперь, когда я знаю...

– Ты больше не нужна Кормаксилону, – уверенно сказал Уно, отвернувшись к стене.

Он понимал, что не имеет права утверждать за всех, тем более теперь он не член Семьи, раз содрал свою метку, и в то же время всей душой чувствовал правоту. Королева-предательница не нужна дому.

Камрит побагровела от возмущения и медленно поправила на себе одежду. Взгляд ее был суров, а уголки губ скорбно повисли.

– Хорошо! Даже дикари от меня отказались. Я больше так не могу. Я больше не вынесу этой пытки. Мне надо было решиться давно, я вовсе не трусливая дрянь. И я это сделаю... Ради него сделаю хоть одно доброе дело. И когда меня не станет, ему больше не придется истязать тело постом и молитвой. Он скоро забудет меня и снова станет счастливым.

– О ком ты говоришь? – удивился Уно.

– Тебя уже не касается. Жди тут! Скоро к тебе явится твоя «лучшая Королева», – с издевкой продолжила Камрит. – Кажется, она, и правда, любит тебя. А меня не любит никто, значит, и жить мне не зачем. Я уйду и освобожу всех. О! Вот и наша праведница... Можешь его забирать, он весь твой!

Едва Уно смог разобрать последние отрывистые фразы, как занавеска поднялась и в комнате появилась Магрит. И тогда мир перестал существовать для него, отразившись в лучистых глазах любимой. Они даже не заметили, как Камрит, еще что-то обиженно бормоча, опрометью выскочила из хижины и бросилась к лесу.

Сейчас им нужно было столько друг другу сказать, сколько пережить вместе, что остальные заботы пока отступили. Магрит осторожно присела на край ложа и протянула ладонь, чтобы дотронуться до наставника. А Уно, преодолевая слабость и боль в плече, крепко сжал ее в объятиях.

– Ты хотела, чтобы я тебя нашел и вот я здесь. Больше мы не расстанемся. Слышишь? Больше я никуда тебя не отпущу и никому не отдам.

Магрит

Я понимала, что Уно нужно лежать спокойно и набираться сил, но не могла оторваться от него ни на миг. Мы так и легли тесно прижавшись друг к другу, забыв укрыться легким, почти невесомым покрывалом из пуха луури. Уно внимательно вглядывался в мое лицо, осторожно скользил по моим щекам своими чуткими длинными пальцами, словно узнавая заново.

– Я искал тебя несколько дней, и звезды подсказали верный путь. Я давно знаю – у нас одни и те же звезды, Магрит. Это правильно и хорошо.

– Если тебе трудно говорить – помолчи. Лучше я что-нибудь расскажу. Только ответь поскорей, как наши? Кадо собрал отряд? Я очень волнуюсь за Наро и остальных...

– Дарма выгорела дотла.

– Что ты говоришь! А пленники?

– Почти всех удалось спасти. Наро, должно быть, уже доставили в Кормаксилон, он скоро поправится.

Зажмурившись и припав к его груди, я все же выслушала рассказ о сражении в лесу и гибели Закриса. Даже новости об изгнание Харимы в предгорье. Сейчас я такая счастливая, что почти не держу на нее зла. А Кадо поступил правильно,

прекратив мои поиски.

Может, где-то глубоко в душе у меня и саднила обида, но кормисам следовало поскорее попасть домой, а не бродить по джунглям, выкрикивая мое имя. Я все понимаю. Но ведь Уно остался в лесу. Уно меня не бросил...

Мне показалось, что голос друга слабеет, и я закрыла его рот поцелуем. Просто коснулась губами его губ и замерла, а потом приказала Уно лежать спокойно и стала осыпать его ласками. Я так наскучалась и намучилась вдали от него, что просто не могла поступить иначе. Из глаз у меня лились слезы, и я слизывала их с его лица и плеч, продолжая дорожки из поцелуев.

Наконец не выдержала и горько разрыдалась, закрывшись волосами. За последние две недели я устала быть сильной и сдержанной, устала всего остерегаться, сохранять гордый вид и вести тонкие политические речи. Я всего лишь маленькая и слабая женщина и сейчас мне хочется мужского тепла и защиты. Однако Уно нужна моя нежность, чтобы поскорее встать на ноги. Он кормис, а без женщин они никак...

– Прости! Прости, я сейчас успокоюсь и сделаю все сама. Лежи и отдыхай, я знаю, что тебе поможет.

Не то чтобы я сейчас ощущала особое желание заняться любовью, мне казалось, это мой долг и лучшее лекарство для него. Но тем удивительней было, когда Уно меня остановил.

– Подожди. Ты слишком расстроена. Не нужно сейчас. Просто ложись рядом и держи меня за руку. Этого хватит.

Он улыбался светло и вместе с тем немного смущенно, что я... я почувствовала себя развратницей и спрятала пылающее лицо на его плече.

– Я тебя люблю и можешь мне ничего не отвечать. Мне не важно, как именно ты меня воспринимаешь, как приятную женщину или свою королеву. Мне достаточно того, что я знаю тебя. И это уже подарок судьбы.

Устроилась поудобнее в кольце его рук и приготовилась подремать, решив, что пора отдохнуть от разговоров, но глубокий вздох Уно заставил снова прислушаться.

– Ты больше не моя королева, Магрит.

Я с трудом перевела дыхание и призвала на помощь все свою крохотное мужество, чтобы принять новый удар. Перед глазами мелькнула зловещая тень стройной красотишки с масляными волосами и медовым взглядом. Камрит! Ну, конечно, – Уно нашел свою первую любовь, и совсем скоро мы вежливо попрощаемся. Потому он меня и не захотел.

– Говори. Все и сразу. Я переживу.

Уно взял мое лицо в свои большие ладони и склонился ко мне, прижавшись горячим лбом к моему виску. Теперь он шептал прямо в ухо:

– Ты не моя королева, потому что я больше не член Семьи. Я срезал свой знак. Я теперь один. Мне не к чему возвращаться. Но я останусь с тобой, где бы ты не захотела быть. Я не хочу жить без тебя. Ты – все, что у меня есть. Мое сердце в твоих руках, Магрит.

– Ага! Зато мое сердце ты сейчас чуть не остановил! А-а... а как же она?

– Кто?

Мне стало неловко. Может, его привязанность к Камрит исчезла вместе с меткой наставника, может, и не было вовсе никакой особой привязанности, одни приятные воспоминания и только.

– Уно! Я растеряна, и оттого все плохо поняла. Скажи, что нам теперь делать? Я должна вернуться домой? Они же не смогут без меня?

– Смогут. Потому что ты оставила им великие дары.

Когда Уно рассказал мне про девочек, я просто подпрыгнула на постели. Вот уж новость, так новость! Значит, в Кормаксилоне все полны энергии, и я даже заслужила отпуск от королевских обязанностей. Странные чувства теснились в груди, вроде бы и радость облегчение, но одновременно легкая грусть. Девочки...

Их считают моими дочерьми. Кажется, я опять расплачусь. За всю жизнь свою я не лила столько слез, сколько за три дня в Мантихаре. Надо отсюда убежать, но куда...

– Уно, а если мы вернемся в Кормаксилон, думаешь, нас примут обратно?

– Конечно. Ты по-прежнему их королева – они будут тебя обожать.

– А ты?

– Я пойду за тобой, если позволишь. Но не знаю, как от-

несутся ко мне бывшие... собратья.

Последнее слово далось ему с немалым трудом. Между бровями пролегла глубокая морщинка и тогда я быстро-быстро заговорила:

– Уно, послушай! То, что ты лишился метки еще ничего не значит. У меня ее вовсе не было от рождения, вы меня наградили своими знаками, так сказать. Вот, смотри – четыре рисунка едва различимы на руке, как будто тоже скоро исчезнут. Ну и что такого! Какая разница – как ты выглядишь, какого цвета у тебя кожа и есть ли на ней узоры, главное, что у тебя в душе и в голове. Хочешь вернуться и жить с теми, кто тебе дорог? Давай сделаем это вместе! Мне тоже не терпится посмотреть на девочек, если честно.

Я зашмыгала носом и стала глубоко дышать, чтобы успокоиться. А потом мне стало смешно. Я начала без умолку болтать о том, как буду с девчушками играть, сказки им рассказывать, заплетать волосы... Ой! А если они лысенькие, как и все кормисы? Ну, по круглым головушкам буду их гладить тогда, что ж делать.

Мы так развеселились, что не сразу заметили, как к нам вошел Манти Ош. Отшельник принес целебный отвар для Уно и немного еды на жестком листе какой-то пальмы. Ммм... жареная рыбка и печеные в золе яйца. Я тоже кушать хочу, но это позже, пусть сначала подкрепится Уно. Пока он ел, я ухаживала за ним, вытирала капли воды, пролившись на грудь, поддерживала его руку.

Манти Ош не сводил с нас бесстрастных глаз и задумчиво молчал, а потом вдруг спросил о Камрит. Мы с Уно переглянулись и хором ответили, что она убежала отсюда в большом волнении. Манти Ош покачал головой и вышел, вероятно, отправившись на поиски своего единственного «препятствия» на пути к торжеству Духа.

Признаться, в своей радости я даже забыла последние слова Камрит о нежелании жить.

Скорее бы Манти Ош ее отыскал.

Глава 38

Откровение

До обеда мы валялись в хижине и разговаривали. Рядом с любимым мужчиной все злоключения казались далекими и уже не так ранили душу как прежде. Я старалась не огорчать Уно былыми страхами и осторожно описала ему события в Дармаллаке.

Наро жив, а наш мучитель Закрис получил по заслугам, не стоит ворошить прошлое. Но Уно угадывал мое настроение по мимолетным жестам, – читал меня, словно раскрытую книгу, как свиток с изречениями своего обожаемого Чаро.

Уно понимал меня без слов и негодовал, замечая краткие запинки в речи и слишком глубокие вдохи.

Я вкратце поведала о том, как Харима выпроводила меня из Дармы глубокой ночью. Пыталась шутить, убеждая друга, что отлично провела время на спине у исполинской черепахи, но голос мой временами дрожал, выдавая искреннее волнение.

Излив душу, я решила, что Уно все же должен поспать, а мне самой хотелось искупаться в пруду и выстирать, наконец, свою потрепанную хламиду. Даже без моющих средств платье станет гораздо свежее, потом надену его с большим удовольствием. К тому же Манти Ош оставил для меня чи-

стый кусок ткани размером с небольшую простыню, сделаю что-то вроде парео.

Я вышла из домика и сладко потянулась, вытягивая руки к солнцу, – сегодня настоящее пекло, одежда высохнет быстро. Интересно, куда все-таки спряталась Камрит, я чуть было не стала ее звать, но передумала. Если Уно уснул, нельзя разбудить его криками. Камрит не малое дитя – найдется сама. А что у нас сегодня на обед...

Огонь почти погас в земляной яме, но на деревянные шпажки по краям очага были аккуратно насажены розовые куски мяса. Они издавали аппетитный запах, процесс примитивного копчения в самом разгаре.

В голову закрались самые невероятные предположения, – Манти Ош придушил змею... Или Манти Ош голыми руками поймал жаканару... Я не замечала у нашего монаха оружие. Но, судя по припасам, он точно не вегетарианец. Что ж, сытный обед обеспечен, стоит заняться своими делами.

Я с удовольствием поплавала и немного повалаялась на солнышке у воды. Боже мой, какая я стала худышка! И вся-то исцарапанная, волосы спутались, глаза совершенно дикие, но счастливые. А лицо... Разве это мое лицо... Рита-Рита, разве это ты?

Магрит – вот мое настоящее имя! И пусть священные воды Мантихары даруют мне новое рождение. Повинуясь странному порыву, я торжественно зачерпнула в пригоршни прозрачную, нагретую за день воду и вылила себе на подня-

тое кверху лицо.

«Ну, вот и все... Теперь я тоже твое дитя, Инсектерра! Принимай в Семью».

Сама не знаю, что на меня нашло, откуда взялась чудная фантазия провести подобный ритуал с пафосными речами. Пока я раздумывала, откуда-то с высоты на мои голые колени вдруг упали маленькие желтые лепестки. Я растерла их между пальцев и поднесла к носу.

Мелисса... мята... ваниль. А с вершины дерева уже летел целый ворох ароматных цветов, будто кто-то нарочно рассыпал их на меня с неба.

– Ты очень красивая.

Я обернулась и увидела Уно. Он тоже уснул крохотными желтыми цветами, а кроме того на нем ничего больше не было, и это казалось совершенно естественным и привычным. Мы встретились у маленького лесного водоема и можем обойтись без одежды.

Платье мое, натертое песком и выполосканное, давно сушилось расправленным на солнечной стороне берега. А в парео я еще не успела завернуться. Но разве мне нужно смущаться...

– Почему ты пришел? У тебя, наверно, еще голова кружится, хочешь пить? Садись вот сюда, я сейчас принесу из ручья воды.

– Нет, я хочу только тебя.

Уно опустился рядом со мной на колени, и мое сердце за-

билось так неистово, что я приложила руку к груди, надеюсь, оно не выскочит навстречу смуглому серьезному мужчине. Теперь мы сидели друг напротив друга в позе медитирующих монахов или маленьких детей, которые впервые видят голышом существо противоположного пола. Волнительно маняще...

Уно начал говорить, как обычно плавно и медленно:

– Я думал, что не смогу прожить без Семьи, что один не справлюсь. Но сейчас, когда вижу тебя, многое понимаю. Все время, что ты жила с нами – была одна, и никто не мог разделить твое одиночество. Тогда ты выбрала меня, а я ничем тебе не помог.

– Уно, подожди, все было не совсем так...

– Позволь мне сказать, а потом придет твой черед. Сегодня я почувствовал, что значит по-настоящему быть одному и самому решать свою судьбу, не завися от чужих желаний и целей. Страшно и прекрасно одновременно.

Сегодня я будто родился заново и теперь заново познаю наш старый мир: песок под босыми ногами, крики птиц, свист сигарусов и болтовню манканов среди ветвей. Даже солнечный свет кажется мне ярче и распадается на множество новых оттенков.

Все так знакомо и неизведано. Я хочу, чтобы ты поняла. Я стал свободен, отказавшись от Семьи, но свободным могу и вернуться в нее обратно. Или остаться здесь. Решать только тебе. Мой дом теперь там, где будешь жить ты, Магрит.

Вздрогнула, когда его теплые пальцы коснулись моего плеча и скользнули к груди, задержавшись на припухшем соске. Наши взгляды теперь следили за движением руки Уно, а он продолжал говорить. Только лицо осветилось лукавой улыбкой:

– Похожи на ягоды арсалиса. Я хочу попробовать их на вкус. Ты позволишь?

Это невыносимо. Зачем он просит меня о том, что давно всецело принадлежит ему. Я закусил нижнюю губу и с досадой поймала его взгляд. В лице Уно не было похоти или едва сдерживаемой страсти. Только восхищенная нежность и... что-то похожее на...

– Я люблю тебя, Магрит.

– Ведь я уже не королева.

Мои слова звучали робко и укоризненно. Уно был спокоен и уверен. Впрочем, как и всегда.

– Я люблю тебя как единственную женщину для меня, как ночь и день, как свою звезду. Нет, даже больше... Я не могу сказать, как я люблю тебя по-настоящему, Магрит. У меня нет сравнений. Это... это просто больше и сильнее всего, что я мог бы представить.

Не хотелось ничего отвечать. Мне тоже всего было много сегодня. И наших разговоров и волнений, и даже этого солнца и запаха цветов. Только молчать и быть ближе к нему. Соединиться двум телам, слиться воедино в общем желании.

Его губы замерли на моих губах, а потом, чуть раскрыв-

шись, снова сомкнулись, охватывая мои. Спешить некуда... Время остановилось в Мантихаре. Все время здесь и сейчас принадлежит нам. Я выгнулась и обняла плечи Уно, а он мягко погладил мою спину, очищая от прилипших на влажную кожу песчинок.

Сначала мы трогали и гладили друг друга, удивляясь самой возможности прикосновений. Будто бы наши тела – величайшие в мире драгоценности и следовало ласкать их очень бережно и деликатно. Потом его поцелуи стали настойчиво-жадными, и я дала понять, что готова утолить его жажду. Мы оба дрожали в нетерпении, но почему-то оттягивали саму возможность соединиться, не сговариваясь, дразнили и распаляли себя.

Наконец я застонала, без слов покоряясь и умоляя взять меня, как он хочет. Кажется, даже укусила его плечо и пустила в ход ногти, притягивая к себе. Но когда Уно уложил меня на песок, поддерживая руками под спину и ягодицы, когда он полностью в меня проник, я уже не сдерживала криков. Это было безумное наслаждение, за пределом всего испытанного мною прежде. Мне удалось испытать полное слияние и растворение в другом существе, в его теле, душе, мыслях и чувствах.

Неясные образы проплывали перед закрытыми глазами, в ушах раздавался ритмичный барабанный бой и гортанные крики, хлопки в ладоши и монотонное пение. Обнаженные мускулистые тела танцевали древний танец у горящих кост-

ров, и я почему-то наблюдала за их действиями сверху. Люди склонялись передо мной и снова кружились в такт пению.

Потом я увидела высокие сводчатые стены, и в нос ударил запах ладана. Длинные округлые окна украшены разноцветным мозаичным стеклом. Люди в черных одеждах на чужом языке бормотали молитвы и склоняли головы, прикрытые широкими капюшонами. А я смотрела на них прямо и строго, держа на руках голенького младенца. Какой же у него печальный, осмысленный взгляд...

Дальше я расслышала смех, топот и плеск красного вина, щедро разлитого по широким чашам. Мое ложе украшено виноградным лозами, а на полу у ног лежит ягненок с перерезанным горлом. Но запах перебродивших ягод и свежей крови будоражит чувства, заставляя плоть поддаться зовущим мелодиям флейты и разделить оргию.

У первого мужчины, который подходит ко мне лицо Уно, и я благосклонно улыбаюсь ему, послушно опускаясь на ложе, а он склоняется надо мной и уже скоро наполняет густыми тягучими струями как вино глиняную амфору. Не могу насытиться, я хочу еще и еще...

Шершавый песок саднит кожу, я чувствую вес тяжелого тела на себе, слышу частое дыхание у виска и только крепче обнимаю любимого, скрестив ноги у него на пояснице. Со всем скоро блаженство разливается по венам и туманит голову. Но вместе с тем уходит и наваждение, словно на чей-то беззвучный окрик я широко открываю глаза. Курчавое обла-

ко над нами напоминает женскую фигуру с длинными распущенными волосами, полной грудью и округлыми бедрами.

– Сама Первая Мать пришла благословить нас, Магрит. Я давно чувствую ее присутствие. Она привела меня к тебе и дала силы любить тебя снова.

– Мы неплохо справились с поставленной задачей. Знаешь, я думаю, нам нужно как можно скорее уйти из этой долины. Я схожу здесь с ума. У меня галлюцинации. И тебе не кажется, что уже пора мне оказаться сверху, я маленькая и хрупкая женщина, разве ты забыл?

Ко мне вернулась способность рассуждать здраво. Но еще одного такого соития я точно не переживу. Буду первой женщиной, что умерла от любви во время любви...

* * *

Пара, обнявшаяся на песке была так занята собой, словно ничего вокруг больше не существовало. А потому никак не могла заметить Манти Оша, который стоял неподалеку в зарослях и, задержав дыхание, наблюдал за этой сценой от начала до конца.

Он не первый раз видел интимное соединение мужчины и женщины, но никогда прежде оно не выглядело таким прекрасным. Сейчас подобное зрелище не возбуждало и не вызывало отвращение, а казалось чем-то дарованным свыше.

И Манти Ош любовался танцем переплетенных тел,

как любят птвичим полетом над просыпающимся озером, как восхищаются дивным произведением искусства. Плавные движения, тихие стоны, постепенно ускоряющийся ритм, нежные поцелуи, робкие и в то же время горячие ласки.

Как это разительно отличалось от того, чему он был свидетелем в прошлом. Где-то там далеко остались жадные грубые сношения с пошлыми криками и площадной бранью, с дрожащими отвислыми грудями и потными задницами, бесстыже шлепающими о мужской пах.

Разве происходящее сейчас на берегу можно было назвать грязным? Манти Ошу хотелось лишь склониться в благоговейном восторге перед яркой красотой природы, царившей кругом. И пара людей, соединившихся у воды, была неотъемлемой частью всеобщей гармонии.

Мант Оша пронзило незнакомое прежде чувство, ему вдруг остро захотелось испытывать нечто подобное, полюбить кого-то не только пылкой душой, но и крепким, здоровым телом. Понимая, что происходящее на берегу, хоть и прекрасно, но слишком лично для тех двоих он отступил прочь, переполненный самыми невероятными для себя чувствами и новыми желаниями.

Ему невыносимо захотелось увидеть Камрит, доставившую столько сомнений и беспокойства в последнее время, — ту, что он ошибочно считал помехой и даже злом.

Чего стоят все его духовные подвиги и откровения, если

обретенные сокровища останутся с ним и не будут доступны людям? Хотя бы одному человеку. Пусть взбалмошному и капризному, но несомненно очень дорогому.

«Моя легкомысленная возлюбленная! Я хочу разделить с тобой все, что я накопил, но и твою ношу желаю облегчить. А если ты порочна и нечиста, то я омою твое тело и возьму на себя часть твоих грехов. Лишь бы тебе стало легче...».

Глава 39

Время любить

Над долиной сгушался мрак, но Манти Ош продолжал идти вперед, осторожно ступая по извитым корням, обходя поваленные замшелые деревья и ямы. Он искал Камрит, но кричать не решался, опасаясь привлечь внимание хищников, потому снова и снова мысленно призывал Дух Учителя прийти на помощь.

А еще дорогу подсказывало сердце, других ориентиров в ночных джунглях у Манти Оша не было. Как не было и волшебных сил противостоять дикому зверю, встретиться тот на пути.

Отшельник и сам не ведал, почему опасности обходили стороной ложбину между двух холмов у реки, но сейчас он шел по краю Мантихары и ясно понимал, что таинственное влияние долины заканчивается на зыбкой границе. Кажется, Камрит уже ее пересекла, значит, искать нужно дальше.

Молодой кормис Уно преодолел реку, чтобы найти любимую, а на что готов Манти Ош?

Полная луна поднялась высоко в небе и ее серебряные лучи пробирались сквозь кружевную листву тамарикса. Ветер не тревожил веток, папоротники не вздрагивали, даже камни под ногами отшельника не шумели, откатываясь с пути.

Гиблый лес казался сонным, но чутье бывшего воина подсказывало, что затишье напоминает о броске затаившегося хищника.

Внезапно вопль ужаса разрезал хрупкий покой. Где-то рядом отчаянно звала на помощь перепуганная женщина.

Манти Ош по голосу узнал Камрит и бросился вперед. Повинуясь скорее инстинктам, чем разуму, на бегу он отломил первый попавшийся сук, усыпанный мелкими шипами.

– Я здесь! Я иду за тобой! – выбегая из кустарника на крохотную светлую полянку, он хотел отвлечь внимание на себя.

Когда из зарослей вслед за Камрит выскочила голодная Вайша, отшельник до хруста в пальцах сжал единственное оружие, глядя прямо в мерцающие глаза зверя, который внезапно остановился и пригнулся к траве.

– Прочь! Спасай себя, не оглядывайся. – Манти Ош оттолкнул Камрит, думая, что она побежит в долину.

Но бывшая куртизанка спряталась за ствол броска и теперь выглядывала оттуда, шепча молитвы Всеблагому. Впервые глядя на обнаженную мужскую спину, Камрит видела не только крепкое тело, способное так или иначе ублажать или мучить женщину, но настоящую мощь духа, готового защищать даже таких никчемных созданий, как она.

Вайша ощетинулась, коротко рыкнула и бросилась на отшельника, и он выставил вперед свой сук наподобие меча, метясь в глаза животному.

– Святые небеса, защитите! – причитала Камрит, в кровь

обдирая ногти, елозившие по шершавой коре, но рев раненого животного заглушил ее слабый голос.

Дергая головой, разъяренная Вайша попыталась ударить отшельника лапой, а тот ускользнул в сторону, отчего острые когти лишь зацепили плечо. Падая на траву, Манти Ош хотел вогнать обломок сука в живот хищнику, но смог пробить лишь толстую шкуру и еще больше разозлить большую кошку.

Нечеловеческим усилием отшельнику удалось провести удачный захват шеи животного и крепко сдавить Вайшу. Еще несколько жутких мгновений зверь хрипел и терзал когтями спину Оша, пока он со сдавленным стоном не согнул мохнатую голову вбок, ломая позвонки.

Годы изнурительных физических нагрузок оказали неоценимую пользу в неравной борьбе. А быть может, сам Дух первого жителя долины, почтенного Манти Хара руководил этой схваткой, оказывая незримую поддержку любимому ученику...

Бывший рыцарь рухнул на землю, чувствуя, что силы полностью покинули уставшее тело. Он сделал все, что мог. Он убил одну из самых опасных и хитрых бессловесных тварей Инсекты, чтобы спасти свою женщину.

«Прости меня, обитатель леса, что не мог иначе остановить тебя».

Словно расслышав его мысленное обращение, Вайша перестала скрести по земле лапами и затихла, окончательно ис-

пустив дух.

И тогда вместе с расслаблением пришла невыносимая боль в плече и разодранной спине Манти Оша, – он привстал на колени, прижимая ладони к боку, чтобы хоть как-то остановить поток крови.

– Милый, хороший мой. Ты жив... Я сейчас тебе помогу, – Камрит бросилась к нему, разрывая на себе одежду.

Она судорожно всхлипывала и болтала при этом, как испуганная манкана:

– Я испугалась, что умру, но еще больше боялась, что погибнешь ты. И все из-за меня. Все твои беды из-за меня.

– Зачем... ты... ушла от меня так далеко? – с трудом прошептал Манти Ош.

– Я думала, так будет лучше. Я не хотела больше мучать тебя. Я тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя.

– За что же... за что ты можешь меня любить... О-о! Теперь я уже не боюсь умереть... только... только бы успеть перевязать тебе руки, ах, и спина. Бедненький мой, это все я виновата. Я дрянная, ничтожная, самое скверное существо. Ты обязан спасти мою душу, раз сберег тело.

Теперь Камрит смеялась вперемешку с рыданиями, и Манти Ош улыбнулся, чувствуя, как увлажнились собственные глаза.

– Ты дала мне радость. Просто видеть тебя и слышать – было радостью. Я подглядывал за тем, как ты купаешься го-

лышом и ласкаешь себя сама у воды, подслушивал твои песенки, когда ты садила цветы, считал тебя испытанием на пути добродетели и все это время отчаянно желал.

– Ах, милый! Ты совершил недостаточно грехов, чтобы так тяжело каяться, – утешала Камрит.

Она неумело обматывала Оша обрывками платья, то и дело целовала его щеки, нос, брови, виски, говорила всякую ерунду и смех мешала со слезами. Нужно было возвращаться в долину и надежнее обработать раны, но Манти Ош медлил, осторожно обнимая маленькое податливое тело, ощущая его тепло и хрупкость.

Зачем он прежде отказывался от такого чуда? Разве не может истинная любовь сотворить больше добра, чем самоотречение и аскеза?

Повинуясь порыву нежности, Ош сильнее прижал Камрит к себе, а когда та застыла в изумлении, склонился к ней, чтобы поцеловать в ответ соленые от слез губы. И она замерла, прикрывая глаза, боясь спугнуть давно вымаливаемое счастье.

Наконец Манти Ош мягко отстранил от себя Камрит, давая знак, что хочет подняться.

– Пора вернуться в безопасное место. Вторую битву здесь я не переживу.

Поддерживая друг друга, они спустился по склону в знакомые лимонные рощи, покрытые ночным мраком. Манти Оша мучила жажда, да и Камрит выбилась из сил. Растянув-

шись на траве у родного ручья, они с наслаждением пили воду, заново удивляясь ее вкусу и свежести, а немного передохнув, снова двинулись к дому.

Уно улыбался во сне, кажется, его посетили хорошие виденья. Услышав шорох рядом с хижинкой, Магрит проснулась первой, взяла со стола плошку с тлеющими углями и осторожно выглянула из-за дверей. Надтреснутый голос Манти Оша ее успокоил:

– Мы вернулись. Я нашел ее и больше никогда не потеряю.

– Вы ранены? Господи, да вы весь в крови!

Магрит помогла отвести отшельника на его половину дома, а Камрит принесла глиняный сосуд с водой и широкую миску, чтобы омыть своего спасителя. Так же ловко незадачливая беглянка растерла целебные травы и приготовила повязки.

Укрытый по плечи лоскутным одеяльцем Манти Ош кротко следил за перемещениями своей послушницы по комнате. Магрит сразу поняла, что между этими людьми установились новые, совершенно особые отношения. Так можно ухаживать только за самым дорогим существом, которому всецело доверяешь и боишься потерять. Понимая, что от нее больше не требуется никакого участия, Магрит тихо удалилась к себе.

Отшельник поправлялся удивительно быстро, но только через два дня смог надолго выходить из хижинки, зато Уно совсем окреп и охотно выполнял всю его прежнюю работу

– ловил рыбу в тихих заводях близ реки, проверял старые ловушки на птиц и лазил на деревья за плодами. Маленькой компании не приходилось голодать, – Мантихара всегда была щедра к своим жителям.

Но как только к бывшему рыцарю полностью вернулись силы, у вечернего костра был собран небольшой совет. Все высказали свои планы на ближайшее будущее, и у каждой пары они оказались сходными. Магрит и Уно возвращаются в Кормаксилон проведать Семью, и, возможно, останутся там навсегда.

Манти Ош с подругой решили добраться до поселка Изгоев, чтобы попробовать себя в роли миссионеров. Магрит восприняла это заявление с большим сомнением.

– Зачем вам покидать долину? Под началом Баруша живут настоящие головорезы, вы очень рискуете.

– Вдвоем мы все одолеем! – на щеках бывшей куртизанки расцвел румянец, глаза блестели решимостью следовать за своим спасителем даже в пекло.

– А ты не думаешь, что прошлые увлечения живо напомнят о себе и разлучат вас? – тихо спросил Манти Ош.

– Теперь все иначе! – пылко шептала Камрит, не сводя взора с лица учителя. – Я знаю свое сердце, и не оступлюсь. Впервые в жизни я видела, как мужчина был готов умереть за меня, а не бросил в беде, спасая свою шкуру. Я никогда этого не забуду, никогда не предам друга и... мою любовь.

Манти Ош с нежностью посмотрел на красавицу, что си-

дела рядом, крепко держа его руку. Он не собирался указывать ей, как поступать, и даже смирился в душе, что Камрит уйдет, найдя более подходящую партию. Сам он тоже стал будто другим, многое понял и принял за годы в долине. И попробует рассказать о своих открытиях людям.

Зачем ему одному столько знаний... Он уже изнемогает под их грузом и жаждет поделиться с целым миром. А еще ему хотелось записать свою историю в назидание другим. Может, кому-то это будет нужно.

И даже, если снова никто не захочет слушать его, он не станет кричать и проклинать «нечестивых» как привыкли делать Храмовники. У каждого свой путь и свои сроки познания. Истина открывается лишь тому, кто готов впустить ее в свой разум и душу.

Манти Ош просто будет жить – ловить рыбу, собирать хворост и рассказывать о своих приключениях в Гиблом лесу. Не все его обитатели – твари, далеко не все. Магрит с интересом наблюдала, как Уно сходится с бывшим рыцарем. Хотя их привычки и кругозор немало отличались, но здесь, в Инсектерре, мужчины были почти равны, как истинные обитатели дикого леса.

Так незаметно в раздумьях и заботах пролетела неделя. Жители долины готовились к долгому пути, собирали свои немудрящие пожитки, укрепляли одежду и обувь. Наконец Манти Ош по звездам рассчитал благополучный день для начала путешествия и однажды на рассвете люди покинули

Мантихару – приют уставших сердец.

Глава 40

Возвращение

Заранее было решено двигаться вдоль реки. Первые дни друзья отлично справлялись со всеми трудностями, будь то непроходимые заросли или внезапная сеть-ловушка, искусно спрятанная на ветвях дерева, под которым путники хотели расположиться на ночлег.

Но чем дольше длилось путешествие, тем чаще Уно замечал, что Магрит быстро устает и ей все сложнее преодолевать расстояния, запланированные на день. Даже большой привал в банановых зарослях не придал ей сил.

– Знаешь, Уно, наверно, я останусь здесь. Ты похоронишь меня и дальше пойдешь один. Пообещай, что вернешься в Кормаксилон и все им расскажешь! Передай Мано мою последнюю волю, пусть примут тебя и дадут любое поручение, если посчитают недостойным возиться с детьми, раз ты содрал метку.

– Ты сама за меня попросишь! Если будет нужно, я принесу тебя домой на руках, осталось потерпеть совсем немного. Наро вылечит тебя, только подумай, как будешь целым днями отдыхать, а дочери станут щебетать вокруг постели, словно маленькие птички. Разве они не заслуживают твоей улыбки? Ты же их мать – они тебя ждут, Магрит! Малышки

огорчатся, когда узнают, что ты сдалась на середине пути. Ты им нужна!

– Я умираю, разве не видишь? Я не могу ничего есть, не чувствую своих ног, мне то жарко, то холодно. Мне жаль, но, кажется, я не смогу идти, а нести меня вместе с припасом будет тяжело даже тебе. Прости... Передай им, что я их очень люблю. Очень-очень...

Уно смотрел на маленькую измученную женщину перед собой и внутренне содрогался. Если ее не станет, что он скажет Семье? Нет, тогда ему незачем возвращаться, даже если его простят, он уже не сможет видеть ее комнату и даже ее детей.

Стены Дома помнят голос Магрит, рисунок в Архиве будет смотреть ему в глаза с укором. «Зачем ты меня не спас...».

Тяжелая рука легла на плечо, и Уно вздрогнул, поднимая голову. Манти Ош указывал в сторону деревьев:

– Мы не одни. Тише... Не делай резких движений. Если я все верно понял, они хотят нам помочь.

Уно медленно выпрямился и вслед за отшельником подошел к двум крылатым Дедулам, стоявшим под деревьями, горделиво сложив руки на груди. Старший из этой пары участвовал в штурме Дармы и хорошо помнил молодого кормиса. Скоро они обменялись краткими поклонами приветствия.

– Мы слышали, ты остался искать свою королеву. Достой-

ное решение для солдата.

– Я не солдат, но мои поиски были успешны. Теперь наша королева больна, ей нужно быстрее попасть в Кормаксилон, иначе...

Уно со стыдом чувствовал, что не может продолжать разговор, горло сдавили спазмы отчаяния. Дедул перевел взгляд с пышущей здоровьем Камрит на другую женщину – исхудавшую, равнодушно смотревшую в небо потухшим взором.

– Я смогу донести ее на себе. Она очень легкая. Тебя тоже придется взять с собой. Думаю, два собрата вполне с этим справятся. Но ваши спутники продолжают путь сами. Мы их не знаем, они чужаки.

Быстро посоветовавшись, путники решили воспользоваться предложением Дедула. Медлить было опасно, Магрит угасала на глазах. Она порывисто обняла Камрит, и еще долго о чем-то шепталась с ней, роняя слезы. Манти Ош просто пожал руку Уно, их взгляды были красноречивее слов.

Наконец патруль Дедулов взмыл в небо с особенным грузом. Пару остановок для отдыха и к вечеру королева кормисов вернется домой. Ждут ли ее возвращения...

* * *

Кормаксилон

Колония смуглокожих обитателей Инсектерры имела все

шансы процветать. Дом был цел и ежедневно разрастался. Угрозы нападения не предвиделось. Дармисы больше никогда не потревожат Семью. Большинство выживших врагов стали рабами дедулов, остальные мелкими группами разбежались по Гиблому лесу или укрылись в пещерах Стонущей горы, защищая Хариму. Сами же кормисы презирали рабство, они жгли Дармаллак не в целях поживы, а чтобы вернуть свое.

Маленькие девочки бегали по дому, наполняя его болтовней и смехом, питая мужчин силой жизни. Никто не засыпал диким сном, а потому не было причины отправляться на поиски новой Владычицы.

Кормисы были многочисленны и сыты, вот только смутное беспокойство порой подтачивало всеобщую радость. Даже празднование победы прошло не столь бурно, как хотелось Советникам. Погибшим воинам был воздвигнут памятный знак у Зеленой стены, а раненые уже восстановились, но тайная горечь потери все еще жила в сердцах лесных колонистов.

Благословенная Магрит и тот, кто ушел за ней, навсегда останутся жить в памяти кормисов, их союз обрстет легендами и кто-то из молодежи несомненно впишет в историю Дома песню великой любви и великой скорби.

Вот и Наро начал расписывать новую стену Архива. По дороге из звезд Магрит уходила в высь, держа за руку молодого Наставника. Они смотрели друг на друга и улыбались, а

лианы Гиблого леса тянулись за ними, но уже не могли прикоснуться к влюбленным.

Кадо, вроде бы, не сделал ничего особенного в честь пропавших, но в своей печали потерял способность шутить. Даже искусный пояс, которым он прежде так гордился, даже военные трофеи, заполнившие оружейные склады, больше не радовали.

– Ты великий воин, Кадо. Ты смог убить самого генерала Закриса, – говорили ему собратья с почтением и восторгом.

– Я отрезал Закрису "толстого червяка" и засунулу ему же в глотку – мрачно подтверждал Кадо. – Но это не спасло нашу Королеву.

Что тут скажешь? Мужчины опускали голову, разделяя печаль воинственного собрата. Должно пройти немало времени, смениться не один сезон, чтобы горечь воспоминаний немного утихла.

Но однажды в сумерках со стены донеслись вопли дозорных:

– Чудо! Они летят!

– Звезды вернули их!

– Кто летит? – растерянно спросил Мано, не понимая, что происходит, но вместе со всеми поспешил к воротам.

– Королева вернулась!

– Магрит? Наша Магрит! Где же она?

По команде Кадо ворота Кормаксилон распахнулись именно в тот миг, когда Магрит и Уно приблизились к ним

на расстояние пары шагов. Бывший наставник и королева держались за руки так, словно только что сошли с рисунка Наро. Их сопровождали патрульные воины и несколько уставших дедулов.

– Кхре-е! – торжествующе рявкнул Кадо и сгреб парочку в свои крепкие объятия. – Хвала Первой Матери, вы живы! Уж больше я вас никуда не отпущу.

– Осторожнее! Баррус неповоротливый, ты ее раздавишь, разве не видишь, что она едва стоит на ногах. Магрит нужен покой... – настаивал Уно.

Кормаксилон ликовал. Все спешили обнять королеву или хотя бы прикоснуться к ее руке. Уно тоже обнимали, хлопали по плечу и радовались возвращению. Станным образом никого не волновало отсутствие метки наставника, потому что он по-прежнему был их братом и просто товарищем.

И пусть теперь они не могут слышать мысли друг друга... Язык дан не только для того, чтобы облизывать любимую женщину или чашки после ячменной каши. Язык помогает произносить слова.

Но когда маленькая женщина вдруг потеряла сознание на руках взволнованного Наро, толпа разом схлынула, давая проход к дому. Королеве получит самый лучший уход и принесет Семье новую удачу. Несколько пар маленьких карих глаз с трепетом следили за дверью в королевские покои.

– Маме плохо? Можно ли нам войти и просто посмотреть на нее? Наро, мы будем сидеть тихо, как маршики. Но мы

так долго ее ждали, мы знали, что она к нам вернется, мы видели ее во сне. И теперь будем всегда помогать.

– Смотри, сколько подарков мы для нее приготовили! Я сплела пояс, а Ваири расшила раковинами платье.

– Мано, пожалуйста, разреши нам хотя бы одним глазком увидеть драгоценную мамочку! Иначе нам не заснуть...

Глава 41

Новая страница Кормаксилона

Магрит

Первый день дома я проспала. Смутно помню всеобщую радость встречи, восторженные глаза Кадо и его сильные руки на моей талии, потом улыбку на добродушном лице старшего Строителя...

Когда же сквозь толпу к мне протиснулся Наро, от счастья, что он жив и здоров, я почти лишилась сил. Уно, конечно, говорил о нем, но порой казалось, нарочно скрывает дурные новости, не желая огорчать. Теперь я точно знаю, что все дорогие мне люди живы и отлично себя чувствуют.

Можно позволить себе и дальше оставаться в постели, надеюсь, никакие спешные королевские обязанности меня не ждут. Почему-то неприятно кольнула мысль о том, что нужно будет снова разделить ложе со всеми Советниками.

За неделю, проведенную с Уно, я отвыкла от других мужчин и больше никого не хочу. Они просто мои друзья, очень близкие, почти что родные люди, но... ложиться в постель с каждым я не хочу. Посмотрим, как дальше пойдут дела.

Легкий шорох у края ложа заставил меня насторожиться, разве здесь кто-то еще? Я приподнялась на локте и увидела

девочку лет восьми – милое большеглазое существо с коротеньким кудрявым пушком на голове. И она была не одна, у дверей тотчас послышался недовольный шепот:

– Ну вот, ты разбудила ее, нас накажут! Мы же обещали не шуршать.

Я чуть не рассмеялась вслух и от волнения сделала серьезное лицо:

– Идите ко мне, мышатки, хватит прятаться!

Их оказалось не две, а четыре, остальные таились за дверью. Девчушки были неуловимо похожи между собой, но все-таки очень разные. Первая напомнила мне сестренку, и я растрогалась до горячих слез.

– Mamочка, мы тебя огорчили?

– Нет, маленькая, я плачу от счастья, ведь даже представить не могла, что у меня будут такие славные дочки... в таком количестве. Умницы и красавицы, совсем уже взрослые. Я всех вас очень люблю. Открой двери, пусть другие тоже заходят, сколько мне можно спать.

Дух захватывало от обилия эмоций, вдруг остро вспомнился мой дом там, – далеко, в стране, что сейчас, наверно, уже засыпана снегом. Вспомнилась мама... Светло и грустно. Пусть у них все наладится. Кажется, я уже не вернусь. Мое место здесь. Я здесь нужна. И сделаю для моей Семьи все, что смогу сделать, на что хватит ума и сил.

Когда в комнату вошли Наро и еще двое парней, мы с девочками уже перезнакомились и подружились. Правда, наго-

вориться не успели. Ничего, впереди у нас все время на свете. Вот только эта странная слабость и тошнота до сих пор со мной. В голову лезут невероятные мысли, а хотя, что же тут странного...

Я немного боюсь поверить в возможность беременности. Подобного у кормисов еще не было. Как они воспримут мое «интересное положение», вдруг это их возмутит или оскорбит. Но ведь я могу ошибаться, может, мне нужно больше отдыхать и стану прежней...

Остаток дня прошел отлично. Я выбралась из комнаты и немного погуляла за стенами Дома. Нет, девчушки не ходили за мной толпой, они, видимо, установили что-то вроде дежурства, рядом находились двое, а остальные были заняты различными делами.

Для своего возраста маленькие женщины были на редкость умелыми хозяйшками. Мано и Наро научили их ткать и шить простую одежду, мастерить ловушки, чистить плоды и коренья на кухне, даже рисовать.

Я сперва немного расстроилась, подумав, что у малышей нет настоящего детства, но потом поняла – к своим простым обязанностям по дому они относились скорей как к увлекательным играм. Никто не заставлял их перетруждаться, скорее наоборот, о дочерях Кормаксилона заботились и всячески опекали. Впрочем, как и меня.

Я же Магрит Благословенная. Живое воплощение Первой Матери – дарительница жизни и любви. Мне приносят еду,

расчесывают и украшают волосы, подают одежды.

Даже во время мытья дочурки старались сами потереть меня волокнистой мочалкой, чтобы их любимая мамочка просто нежилась в ласковой пене из особых «мыльных» корней. Райская жизнь...

Но через пару недель у меня не оставалось сомнений в том, что с телом моим происходят вполне очевидные изменения. Животик округлился, бедра чуть раздались, порой мне даже чудились неясные движения крохи внутри. Все вокруг переживали за странный недуг Королевы, и только Уно и Наро я открыла секрет. Эх, какие же удивленные были у них физиономии!

Малыш... У нас с Уно будет свой собственный малыш. Подумать только! Первый ребенок, рожденный в Кормаксилон обычным человеческим способом. Профессиональной медицинской помощи мне здесь не дожидаться, а значит, придется положиться на свои знания и законы природы.

Но я уже могу сказать, что все очень странно. Во-первых сроки. Моя беременность развивается слишком быстро, наверно, папочкины гены действуют. Кормисы вообще быстро растут, вон – девчонки, по нашим меркам два месяца отроду, а выглядят как семилетки. Очевидно, что мое детище будет таким же шустрым. А во-вторых...

Девочка или мальчик? Человек, как я сама или человек-кормис? А если что-то пойдет не так...

Порой налетала тревога и тогда я спускалась в Архив, где

теперь работал Уно, чтобы поделиться сомнениями. Я велела страже не беспокоить нас, и мы долго беседовали наедине. Никто не оспаривал явное преимущество Уно в королевской милости.

После всех наших злоключений, в глазах прочих корми-сов мы были цельным и неделимым существом – Королева и Тот, кто ее вернул. Мы были парой как муж и жена. Остальные мужчины так и остались близкими друзьями и только. Правда, Кадо несколько раз недвусмысленно пытался привлечь мое внимание к собственной персоне, но я мягко дала понять, что не расположена к любовным играм.

А потом Кадо стал все чаще коситься на мой живот и, видимо, кое-что смекнул. Или Наро ему рассказал. Разве можно желать Богиню, ожидающую потомство? То-то и оно... Меня оставили в покое. Вместе с Уно.

Но уж любимому мужчине я разрешала все. И даже сама начинала его дразнить, шутливо приказывая порадовать свою или уже не совсем свою Королеву. Я желала этого мужчину, я наслаждалась им. Мы лежали на мягкой шкуре луури, устилающей пол Архива, и я просила для начала сыграть для меня на флейте.

А сама во время игры скользила пальцами по его плечам, опускалась по твердой груди к животу и ниже. Мне нравилось баловать любимого всевозможными ласками, наблюдая, как сбивается дыхание музыканта. Нравилось замечать, как темнеют его глаза...

Тогда он медленно выпускал из рук флейту и смотрел на меня, будто видел впервые и не мог скрыть восхищения.

– Уно, я уже не такая как раньше, я отъелась и стала пышненькой. Смотри, здесь и здесь. Неужели, я все еще тебе нравлюсь?

Я нарочно открывала для его взора свою налитую грудь и оголяла ноги.

– Ты прекраснее с каждым днем, твое тело совершенно, – шептал он и целовал мои колени.

Конечно, я верила каждому его слову. Верила его рукам и языку... Уно умел убеждать без слов. Одним прикосновением доказывая, что я самая желанная и любимая. Чудесный дар удивительного мужчины.

Через пару недель мое самочувствие улучшилось, вернулась былая активность и желание двигаться, но вместе с тем стало слишком заметно, что королева, так сказать, «на сносях». И что же? Ко мне стали относиться с еще большей заботой и почтением.

Я порой смущенно улыбалась такому вниманию и думала про себя, что лучшего курорта для такого случая не найти. К моим услугам чистейший воздух, здоровая еда и все вокруг спешат выполнить каждое желание и малейшую прихоть.

Вот только малыш слишком быстро растет и меня немного пугает, что я не могу применить свои медицинские познания в полной мере. Уже очевидно, что маленькие кормисы развиваются иначе, так чего же мне ждать от будущего младен-

ца? Он сразу же начнет говорить или побежит вприпрыжку? Скоро узнаю сама.

А потом начался сезон дождей. Хорошо, что Наро побеспокоился о запасах заранее. В кладовых Кормаксилона хватало пищи, а на складе топлива. Дом наш затих, затаился, как и весь мир вокруг.

В маленькие слюдяные окошечки моей спальни хлестали потоки воды, в комнате был зажжен всего лишь один светильник, а мы всей кучей расположились на постели, – я рассказывала дочкам сказки. Это были самые уютные и душевные вечера.

Постепенно я вспомнила множество занятных историй из книг, пересказала все виденные мною мультфильмы. Конечно, мне задавали вопросы... И я не все могла объяснить так, чтобы девчушки поняли верно. Мой прежний мир казался им чуть ли не страной, где обитают Боги, а сама я в их представлении была мамочкой, сошедшей с Небес.

Иногда мы выходили в коридоры, и я позволяла дочкам разрисовывать стены. Наро был очень удивлен, ведь в Кормаксилоне до сей поры был признан всего один художник – он сам, но, кажется, детское творчество растрогало и впечатлило главного Добытчика.

Из своих личных запасов он принес новые краски и лучшие кисти и сам подолгу находился с нами, поправляя чьи-то неумелые каракули.

А еще мы пели. У некоторых девочек оказались прият-

ные голоса и отменный слух. Я первая задала тон, начав с самых простых детских песенок, а потом припомнила многие эстрадные «шлягеры» моего времени. Дочки быстро все запоминали, легко учились и вносили в мои истории-песни свое оригинальное видение. А как же они любили танцевать и разыгрывать сценки!

Однажды вечером в Кормаксилоне прошел первый большой концерт в истории Семьи. В общем зале я сидела на подушках у импровизированной сцены, опираясь затылком на грудь Уно. И я искренне поражалась тому, что мои вчерашние малышки уже вполне походили на юных девиц. Неужели прошло всего лишь три месяца от их появления на свет?

Словно прочитав мои мысли, Уно коснулся губами моей щеки:

– Мы растем быстро и долго остаемся в поре зрелости, почти не меняясь. Скоро они смогут выбрать себе мужчин. Хотя, думаю, наставники подскажут им, на кого обратить внимание в первую очередь.

Я с неодобрением покосилась на Уно:

– Они еще маленькие! Какое может быть сватовство? Не разрешаю.

Но что я могу запретить по большому счету? Вон, Ваири уже строит глазки Кадо, а наш вояка и «перья распушил», грудь колесом. Вырастил себе жену, что тут скажешь! Так разве ж я против? Надо лишь еще подождать.

Если так дело дальше пойдет, у нас тут скоро возникнут

настоящие семейные ячейки, и коммуна развалится, каждый будет сам за себя. Не хочется думать о плохом, может, я все преувеличиваю и они смогут выстроить идеальные взаимоотношения в своем огромном доме.

– О чем ты задумалась? Не тревожься. Эти перемены принесут лишь добро.

– Конечно, конечно... Добро, прогресс, культура, цивилизация и все такое. А потом кто-то изобретет порох и водородную бомбу...

– О чем ты говоришь? Я тебя не понимаю. Ты хочешь, чтобы все было как раньше? Тебе мало одного мужчины в постели? Это легко исправить, только скажи.

– При чем здесь постель! – вздыхала я. – Меня заботит другое, но если хочешь поднять эту тему... Ты бы смирился, позови я Наро или кого-то еще на ночь в свою комнату? Скажи прямо, я хочу знать правду.

– Я дам тот ответ, что ты хочешь услышать. Я был бы слегка недоволен и чуточку зол. И, возможно, прогнал бы из твоей комнаты другого мужчину... если он тебе не по нраву. Решать только тебе, Магрит. Хм... нет, я бы очень разозлился, начни Кадо целовать тебя между ног.

Уно делает зверскую гримасу, но в глубине его глаз таится усмешка. Хочется тоже смеяться или, напротив, заплакать. У меня сейчас часто меняется настроение. Вдруг резкая боль заставляет согнуться и упасть вперед на подушки. Неужели прямо сейчас?!

Благоразумный Уно отнес меня в Чрево Матери, а не в мою спальню. Я сопротивлялась и кричала, чтобы не оставляли представление. Мои славные дочурки к нему тщательно готовились, мы репетировали целыми днями, а я тут не вовремя устроила личный концерт. А, может, малышу во мне тоже стало любопытно, и он поспешил выбраться, услышав песни и смех сородичей.

Уно уложил меня в нишу и помог избавиться от одежды. Когда в комнату забежал Наро, я даже не удивилась. Пожалуй, этих двоих мужчин я хотела даже сейчас видеть рядом. Немного страшно, но вовсе не за себя. Только бы младенец родился здоровым и крепким, не важно – с волосиками на голове или без них, не важно, с красноватой кожей или молочно-белой.

Это продолжалось довольно долго, но у меня были периоды краткого отдыха, и тогда я просто жалобно стонала на руках Уно. А он, стараясь скрыть растерянность, утешал меня, вытирая влажной тканью лицо.

Только Наро проявлял чудеса сообразительности и выдержки. Добытчик пытался даже шутить и давать советы, доводя меня до приступов нервного смеха, во время очередного из них все и закончилось. Или наоборот началось...

Я без сил повалилась на мягкое ложе и какое-то время наслаждалась чувством освобождения и легкости. Но сбивчивый шепот рядом заставил меня насторожиться и засыпать "повитух" вопросами:

– Уно, что такое? Пожалуйста, не молчи... Наро, покажите мне ребенка. Скорее! Что с ним не так?

Почему они медлят, Господи, я же сойду с ума! Когда Уно передал мне маленький хныкающий комочек, я была измотана до предела.

– Дай его мне!

– Сначала послушай... Ты должна знать, он не похож на нас.

– Что-о?!

– Он – совершенство! Твой сын сможет летать, Магрит!

«Уно, ты настоящее чудовище! Я прошу у тебя свое новорожденное дитя, а ты толкуешь мне о том, что я родила Ангела...»

Наконец малыша положили мне на живот, и я легонько провела дрожащей рукой по его спинке. Ну, крылья... Стоило так переживать. Подумаешь, крылья... Это же наш сын, мы его сделали – сотворили, значит, все в нем от нас и... личной судьбы.

– Крошечка моя, не бойся, все хорошо! Папа немного в шоке и дядя Наро тоже, но это пройдет. Вот так, давай-ка уляжемся получше, хочешь маминого молочка...

Кормисы стояли на коленях у моей постели, и в тусклом свете нескольких свечей я не различала выражений их лиц. Мне все равно, что они думают. Я буду кормить и любить моего сынишку, неважно ангел он или просто ошибка природы. Разве у природы бывают ошибки? может ли ошибаться

Бог? Не знаю, не мое дело об этом рассуждать, есть занятия и поважнее. Например, первый раз поцеловать свою малютку.

Эгей! Если он будет расти так быстро, как рос его папочка, то мы скоро станем бегать взапуски у Зеленой стены. Хотя кое-кто, пожалуй, до нее скорее долетит.

– Уно, Наро, ну что вы притихли? Кто будет меня поздравлять? Наро, куда ты собрался? Я же еще не сказала, как благодарна...

– Наша Благословенная Магрит! – важно прервал меня Наро. – Я скоро вернусь, но Кормаксилон должен скорее узнать о новом чудесном событии.

Я только устало вздохнула и перевела взгляд на Уно:

– А что такого? Просто малыш. Разве их мало рождалось во Чреве Матери?

Он молча ухаживал за мной, а потом прикрыл по пояс тонким покрывалом и тихо сказал, ложась рядом:

– Сегодня великий день, Магрит. Разве ты еще не осознала? Сегодня родился первый Король Кормаксилона. Придумай ему достойное имя, которое навечно будет вписано в историю Дома.

– Первый король, говоришь... Нет, Уно, мой король – это ты. А вот когда наш малыш вырастет славный человеком и принесет благо всей Семье, пусть его сделают королем, я не против. Может, у нас еще родятся маленькие принцессы, как считаешь... Загадывать пока не хочу.

Он молчал и улыбался, целуя мое голое плечо, а потом по-

правил подушку повыше, чтобы мне было еще удобнее кормить нашего ангелочка. Кажется, у него еще появятся золотые кудряшки...

Спасибо тебе за все, Первая Мать!

Верю, сейчас ты счастлива вместе с нами и впредь никогда не оставишь своих детей. Мы постараемся быть достойны твоей любви, а если ненароком совершим ошибки, ты нас простишь и позволишь исправиться.

Ведь как писал Великоумный Чаро, познавший природу разумного:

" Истинный кормис рождается на Земле и трудится в поте лица своего на благо Дому, но судьба его связана с Небом, ибо там ожидают ушедшие.

Каждый из нас вечен в своей изменчивости, пока вечны Солнце и звезды, шепот листвы и плеск ручья, улыбка любимой и смех ребенка".

Теперь я уверена, что мое появление в Инсектерре не было нелепой случайностью, потому что именно мне выпала честь написать новую страницу в удивительной истории Кормаксилона.

Впрочем, история наша все еще пишется. И я еще не раз приложу к этому руку заодно с ладошкой моего Крылатого сына.

Сказания Кормаксилона

Чужие в лесу

Храбрый Баркис и его раненый сородич уже много дней двигались от Поющей горы в сторону ненавистного Кормаксилона. Сначала их отряд состоял из пяти крепких дармисов, но Гиблый лес неумолимо требовал свою дань – одного воина утащила змея, другого сожрал неведомый ночной хищник – рядом с местом ночевки утром нашли лишь обглоданную черную руку, третий провалился в топь, а четвертый напоролся на сук, убегая от разъяренной Вайши.

Баркис убил большого зверя и напоил товарища теплой кровью, чтобы придать сил в пути, однако вряд ли тот долго проживет с дырявым боком. Скоро Баркис останется один, но Харима надеется на него и ждет с добрыми вестями. Значит, надо во что бы то ни стало достичь проклятой Кормы и выполнить поручение повелительницы.

Вспомнив единственную ночь, проведенную в объятиях королевы Дармаллака, молодой воин слабо застонал, прикрыв уставшие от бессонной ночи глаза. Она обещала сделать его генералом в новой колонии, обещала ласкать и выполнять все желания наедине. Но сначала Баркис должен был уничтожить главную причину поражения дармисов – убить женщину по имени Магрит.

Для этой священной цели в помощь Баркису были отправ-

лены лучшие воины, уцелевшие после позорного разгрома. Где же они теперь... Баркис с тоской посмотрел на промокшую от крови повязку соплеменника по имени Дакут и глухо приказал:

– Сожми крепче копье, я пока наберу веток для костра. Не смей умирать до моего возвращения. Верь, что исполним приказ и вернемся с победой. После смерти Магрит у кормисов не останется выбора – они пойдут за нами и сделают Хариму своей госпожой.

Раненый друг с трудом разомкнул покрытые язвами губы, отгоняя надоедливых мух, слетевшихся на запах сукровицы.

– Иди. И если тебе повезет, передай владычице, что я отдал бы жизнь еще раз ради возможности вновь обладать ее прекрасным телом.

Баркис замер, будто прислушиваясь, а потом резко наклонился над спутником.

– Она приглашала тебя на ложе? Когда?

Глаза Дакута подернулись мутной пеленой, как будто сейчас он смотрел в глубины ускользающей памяти.

– За две ночи до круглой луны, после того, как я принес с охоты жирную самку танагра. Помнишь? Наконец-то мы смогли накормить нашу госпожу как подобает...

подавив невольную вспышку ревности, Баркис заставил себя пробормотать слова поддержки, уместные в данный момент:

– Ты всегда был храбр, Дакут, жаль, что новый Дармаллак

потеряет такого славного воина. «Уггр... Надеюсь, будет кому передать твои последние слова Хариме».

Высоко в переплетенных сумеречных ветвях раздался шорох, а потом на поляну, где устроили привал изможденные долгим походом дармисы, опустился крылатый мужчина с овальной торбой на боку.

– Я слышал, вы говорили о новом Дармаллаке? Разве возможно восстановить былое величие сгоревшей колонии? Я бы на это посмотрел.

Баркис вытянул вперед руку с изогнутым мечом, но гость из рода пикаров не проявлял признаков агрессии и выглядел не слишком внушительным соперником. К тому же явно склонялся к диалогу:

– Отпусти меч, я могу быть полезен на вашем пути. Если найдется достойная оплата, конечно. Мой отец когда-то служил доносчиком у генерала Закриси и тот всегда был доволен. Отчего бы вам не поладить со мной?

Дакут презрительно сплюнул и попытался немного приподняться с охапки листьев:

– Многие племена пикаров с начала времен были в услужении у грозной Дармы – это правда. Но откуда нам знать, что сейчас вы так же верно не служите нашим заклятым врагам кормисам и их... гхрм... тьфу... королеве Магрит.

Крылатый мужчина приложил изящные кисти рук к узкой груди и низко поклонился.

– Клянусь, что ненавижу Кормаксилон так же яростно, как

и вы.

– Какова же причина? – спросил любопытный Баркис, немного ослабив бдительность.

Пикар шумно втянул носом воздух и мрачно ответил:

– Они всегда жили замкнуто, и нам не приходилось вступать в стычки из-за территории и еды. В Инсектерре хватит места для каждой твари, хотя бы в желудке более крупной из двух. Но разгромив Дармаллак, кормисы возомнили себя хозяевами леса и заключили союз с другими свободными родами, в первую очередь с нашими вечными соперниками – дедулами.

– Твой гнев понятен! – усмехнулся Дакут и внезапно повалился на бок, захлебываясь кровавой слюной.

Оценив, с каким холодным спокойствием Баркис пытается помочь умирающему сородичу, пикар быстро проговорил:

– Я могу осмотреть рану, у меня есть целебное средство, возвращающее жизнь в тело. Но стоит оно немало...

– Давай сюда! – раздраженно буркнул Баркис. – Ты еще ничего не сделал, а только твердишь об оплате. Когда мы достигнем цели, сполна рассчитаемся с тобой, летун.

Пикар нехотя достал из торбы глиняный пузырек с густым ароматным напитком. Жаль было расставаться с ценным приобретением, но, может, трата хорошо окупится.

– Следует залить рану медовой смолой и силы вернуться к умирающему. Вместо крови по жилам потечет мед, он про-

никнет в кости и печень, тогда дух жизни разгорится снова. Я выменял эту смолу у васков на сведения о лугах амаранты в низине у реки. Здесь недалеко.

– Мед говоришь? – усмехнулся обнадеженный помощью прямо с небес Баркус, – а мой товарищ, случайно, не научится также и летать, а? Нам бы пригодилась разведка с воздуха.

Лежащий на земле темнокожий мужчина оставался без сознания, однако его широкая грудь слабо поднималась и опускалась от разреженного дыхания. Пикар обиженно прогудел что-то насчет того, что и сам может изучить окрестности, за хорошее вознаграждение, разумеется.

– Но куда вы хотите дойти? У вас едва хватает сил ноги передвигать, неужели вдвоем решили побороть самую мощную колонию в Инсекте? На сегодняшний день самую мощную, я хочу сказать.

Баркус немного помедлил, раздумывая, стоит ли посвящать первого встречного пикара в свои сокровенные планы, но рассудив, что крылан и впрямь ненавидит кормисов, решился открыть часть замыслов.

– Мы направляемся в Кормаксилон по приказу королевы Харимы. Это все, что тебе нужно знать. Если подскажешь короткую дорогу, я отдам тебе вкуснейшее лакомство, секрет изготовления которого доступен лишь дармисам.

– И чем же оно так хорошо? – ворчливо заметил пикар.

– Попробуй и согласишься со мной, – осклабился Баркус, развязывая кожаный мешочек, висящий на груди, испещрен-

ной глубокими старыми шрамами.

Через пару мгновений на сухой ладошке пикара лежал крохотный зеленый шарик, остро пахнувший чем-то пряным.

– Подержи немного во рту, а потом раскуси и насладись вкусом. Ну, как? Да, я знал, что тебе понравится, если подержать немного над огнем вкус станет еще крепче. Королевское угощение, правда?

Пикар только кивал, не в силах разжать губ, вкусовые ощущения во рту сменялись со скоростью броска Алафи – самой опасной змеи Гиблого леса – от терпкой горечи к приторной сладости и завершались приятной кислинкой... нет, молочной теплотой... и снова знакомый горьковатый вкус, но уже приправленный ягодной спелостью.

– Ммм-ахх, хочу еще! У тебя остались такие шарики? Я буду служить тебе только за них.

– Отведи нас к Кормаксилону и выступи переговорщиком от нашего имени. Скажешь, что мы пришли с мирными целями и желаем видеть их королеву. Также передай, что один из нас ранен, ему нужна помощь, мы слабы и не представляем угрозы. Ты умеешь убеждать и выглядеть другом, когда тебе это нужно? Эй! Очнись! Ты слышишь, что я тебе говорю?

– Надо было дать ему самый маленький шарик, – выдохнул Дакут, сквозь щелочки воспаленных глаз сердито поглядывая на бессмысленно-блаженную улыбку пикара. – Теперь жди, пока станет способен что-то понимать. Сколько

у нас осталось?

– Ровно три шарика, один из которых сделан специально для Магрит.

– Дай и мне тоже, хочу забыться...

– Нет! Ты разгрызешь его в присутствии их королевы, чтобы не вызвать подозрений.

– А если она откажется попробовать?

– У нас есть ядовитые иглы. К тому же я могу лишить ее дыхания одним ударом. Она должна быть такой же хрупкой, как прекрасная Харима.

– Ложь! Наша королева сильная и крепкая.

Баркус тут же вспомнил, как податливое тело женщины со стонами удовольствия принимало его упругую плоть все глубже и глубже с каждым новым движением, вспомнил как неистово хотелось сжать королеву в объятиях и полностью перелиться в нее, раствориться в ее мягкости.

Может, Харима и вынослива, но уже к утру нежно попросила пощады, когда Баркус пытался в пятый раз погрузить свое напряженное орудие в заветный грот между ее ног. Баркус не смел настаивать и отступил, изнемогая от страсти, тогда королева сжалась и позволила использовать свой рот для благословения воина на подвиг во имя будущего величия Дармаллак.

Когда мягкий язычок Харимы и ее полные губы ласкали его плоть, заставляя обильно истекать мужским соком, Баркус уже понимал, что любой ценой вернется к владычице и

заявит свои права на главенство в доме дармисов. Воинов осталось немного, колонии нужно новое убежище и новые рабы. Главное – уничтожить Магрит и тогда Кормаксилон падет к ногам истинной королевы Гиблого леса. А рядом с ней будет стоять молодой генерал Баркус.

Но вскоре слуха амбициозного воина достигло чудовищное известие, способное срезать планы дармисов словно одним взмахом бронзовой секиры.

Пришедший в себя пикар предложил расположиться на ночлег, чтобы до рассвета набраться сил и выступить в последний переход до Кормаксилона. При свете костра, под незатихающий гомон обезьянок и птиц, пикар начал рассказывать новости, подслушанные на посиделках крылатых сородичах.

Баркус и Дакут недоуменно переглянулись, узнав, что Магрит не единственная женщина в Корме, кроме нее в колонии теперь живут новые особи женского пола – молодые, привлекательные самки.

«В таком случае, смерть королевы кормисов ничего не изменит, грязные бродяги тут же выберут новую владычицу!»

Немного похныкав, пикар выпросил у подавленных воинов еще одно лакомство, заставляющее сознание устремляться в солнечные дали без крыльев, а сам признался, что кроме медовой смолы также имеет в торбе целительный настой, придающий силы больным. Пикар был готов отдать все свои снадобья взамен шарика, дарящего столь сильные ощу-

щения.

Совершив взаимовыгодный обмен, Баркис удовлетворенно заметил, что товарищ спокойно заснул, а к утру, возможно, достаточно окрепнет для новой дороги. Пикара нужно было поблагодарить и расспросить подробнее:

– Ты лекарь своего народа? Откуда у тебя столько полезных вещей?

– Я занимаюсь торговлей, путешествую по разным племенам и узнаю, какие ценные товары они могут предложить. Но теперь мое дело пришло в упадок. Королева кормисов постановила каждый сезон проводить сборище у реки, чтобы всякий род тварей Инсекты приносил свои сокровища: съестное, посуду, оружие и одежду. На эти три дня объявляется перемирие между самыми яростными противниками. И крылатая стража дедулов строго следит за порядком. А чем они лучше нас? Почему выбрали этих надменных убийц?

– Дедулы крупнее и агрессивнее пикаров, – резонно заметил Баркис, – я видел, как храбро они сражались на арене Дармаллака.

– Арены больше нет, – тихо уколол пикар, на всякий случай отсаживаясь подальше. – И скоро Гиблый лес поглотит пепелище, оставшееся от вашего дома. Забудутся даже следы былого величия.

Баркис напряженно вглядывался в сумрачные стволы деревьев вокруг крошечного пятачка, оставленного сваленной пальмой.

– Если мы не в силах поработить кормисов и заставить их принять нашу Хариму королевой, то нам остается лишь месть. Даже ценой своих жизней.

Пикар удовлетворенно хихикнул, но тут же сдавленно кашлянул, радость его могла быть не слишком правильно понята угрюмым воином. Дело в том, что бродяга пикар, едва научившись летать, служил только собственным интересам.

Лиственная подстилка под тощим тельцем летуна вдруг зашевелилась и на поверхности земли показалась плоская морда с корявыми наростами вместо глаз и ушей. Пикар с воплем перекатился в сторону, а меч Баркиса описал дугу и мгновенно отделил голову гигантского червя от остального склизкого туловища.

– Ужин подоспел вовремя! Эй, Дакут, ты спишь? Отдыхай, друг, я оставлю тебе на утро хрящевую перегородку с вкусным белым содержимым в ячейках.

– Подземной твари не повезло, – пробормотал пикар, поправляя смятое крыло и пробуя подняться в воздух.

Когда ему это удалось, летун скрылся в густых ветвях, усеянных кожистыми листьями, и уже оттуда прокричал Баркису, что останется ночевать в кроне брокса.

– Самое безопасное место для таких нежных созданий, как мы. Я буду наблюдать за вашим костром сверху, а с первыми лучами светила вас разбужу.

– До первых лучей еще нужно дожить, – усмехнулся Баркис, поправляя украшенный причудливой вышивкой мешо-

чек на груди.

Воин даже не собирался смыкать век до рассвета, поскольку эту ночь дармисы проводили не в пещере, не в дупле или в норе, как бывало прежде, а на открытой поляне посреди жуткого леса, кишевшего голодными тварями. Нельзя допустить, чтобы погас огонь, нельзя выпустить из мускулистых рук меч. Возможно, на рассвете Дакут проснется и сменит товарища, а пока нечего даже думать об отдыхе.

Но усталость и невзгоды последних дней взяли свое, сильные пальцы разжались, и к рассвету меч повалился на рыхлую подстилку в пятнах бурой подсыхающей крови убитого червя.

* * *

Баркис почувствовал, как по его шее скользит холодное острие ножа и открыл глаза, напрягаясь всем телом для рывка. В то же мгновение мешочек с драгоценными шариками оказался в руках воина из Комаксилона, а сам Баркис даже не смог этому препятствовать, потому что второй могучий кормис навалился на него всем телом, приставив клинок к горлу.

Рядом слабо хрипел Дакут, которого ловко связывал третий разведчик. Еще двое с интересом наблюдали за этой сценой. Бросив взгляд на съежившегося под соседним деревом пикара, Баркис понял весь ужас предательства и вслух засто-

нал от своей доверчивости. Очевидно, пока дармисы спали, летучий гонец добрался до Кормаксилона и указал место, где находились измученные странствием посланники Харимы.

– Я вырву твой грязный язык и скормлю его рыбам, – пригрозил Баркис, оскалившись, но пикар только скорчил насмешливую рожу и с жадностью вцепился в мешочек, который бросил ему старший кормис со словами:

– Получи свою награду!

– Благодарю! Я больше не нужен вам и могу лететь?

– Мы тебя не держим!

Со смешанным чувством злорадства и досады Баркис наблюдал, как вчерашний друг расправляет крылья и вдруг отчаянно выкрикнул:

– Остановите его, пусть нас рассудит королева Магрит. Мы пришли с миром, чтобы передать волю нашей повелительницы и заключить союз. Разве вы не видите, что мы едва живы после опасного перехода? И заставьте вернуть крылана мой мешочек, там прячется великий дар для Магрит. Нельзя его отдавать этому уроду!

Кормис по имени Кадо задумчиво почесал гладкую макушку, а потом решительно махнул рукой.

– Пусть летит! Я обещал ему твой амулет в обмен за сведения и не нарушу свое слово.

Пикар еще раз довольно хихикнул и вскоре длинная, худая фигура его скрылась за широкими листьями пальмы. Дакут согнулся в приступе кашля, который завершился надсад-

ным хохотом, а Баркис был готов выть от горя. Надежда на то, что Магрит отведаёт отравленный шарик с млечным соком каримбы и толчеными железами мелкого арахнида растаяла как сизый дымок от потухшего костра.

Кадо уперся огромными ручищами в бока и отрывисто скомандовал:

– Доставим вас в Кормаксилон, пусть Совет четырех решит, как поступить с лазутчиками.

– Мой товарищ не может идти... – начал объяснять Баркис.

– Значит, поползет, – пренебрежительно сплюнул Кадо, наступив ногой на волокнистый череп земляного червя и вполне удовлетворенный раздавшимся слабым хрустом. – Эй, Гуто, забери мясо, оно еще не успело протухнуть, а этот кусок хорошо обжарился на углях, будет чем угостить строителей.

Небесное светило только начало приседать на вершины вековых деревьев Гиблого леса, небольшой отряд кормисов и их истощенные пленники еще не успели добраться до зеленой стены Кормаксилона, а на тенистом берегу потаенного ручья уже катался по мху одинокий умирающий пикар.

Искусанные до крови губы его были обильно покрыты пузырящейся пеной, глаза вылезали из орбит от невыносимой боли в животе, а руки напрасно скребли по глинистой почве, пытаясь засунуть в рот все, что попало вокруг: камешки, травинки, сухие листья, мелких жуков...

Дармисам удалось отомстить за предательство даже не прикоснувшись к хитроумному летуну. Но сами они не надеялись дожить до нового рассвета. Приближаясь к колонии извечных противников, молодой воин Баркис перебирал в голове все возможные варианты собственной гибели.

Какую пытку придумал бы для врага бывший генерал Дармаллак? А что будет забавным для королевы Магрит: смертельный поединок... избиение камнями... безумие от жажды и голода... острозаточенный кол...

Агграх! До чего же обидно собственное бессилие!

Баркис был смел и силен, его босые ступни уверенно ступали по лесной подстилке, обходя охапку перьев, горстку костей чьей-то недавней трапезы или раздавленный плод аргуньи, брошенный игривой обезьянкой. Баркис хотел бы умереть, выполнив прежде указание Харимы, а теперь его гибель будет бессмысленной. Это плохо.

Пройдя треть дороги, ослабевший Дакут упал под ноги Кадо, словно мешок с землей. Громко бранясь и оправдываясь перед сородичами, кормис приказал изготовить носилки и тащить "падаль" к зеленой стене на своих плечах.

– Магрит желает лично говорить с пронырами Харимы, иначе я бы давно проломил их гнилые черепа и бросил тела в чашу на потеху тварям. Правда, меч у рослого ничего, – хороший сплав, мы мало нашли подобных при разгроме Дармы. Может, тебе ненадолго сохранят жизнь, чтобы ты научил нас ковать такие же... Эй, смотри мне в глаза, дубина!

– Я воин, а не мастер по оружию, – мрачно выдавил из себя Баркис.

Мужчины обменялись ненавидящими взглядами, и Кадо, желавший лишь поскорее вернуться в Кормаксилон, коротко буркнул:

– Будешь тем, кем велит наша королева. Я все сказал!

Заметив, как бережно кормисы укладывают Дакута на переплетенные лианами тонкие стволы акаций Баркис не стал спорить и молча пошел вперед, подгоняемый острием собственного же копья в руках одного из врагов.

Любопытная Тика

Сестры с утра намесили глины и принялись лепить тарелки, чтобы похвастаться новыми изделиями перед строгим учителем Наро, который обещал лично расписать самые удачные посудины традиционными узорами кормисов. Но уже пятый день Тика работала медленно, часто задумывалась и поглядывала в сторону одинокой хижины у зеленой стены – не покажется ли над крышей знакомый дымок.

Хижину построили недавно, Тика даже немного помогала обмазывать стену глиной. Там поселили одного из пленников – молодого высокого дармиса с горящими как угли глазами. Когда Тика первый раз глянула ему в лицо, чуть не обожглась и с тех пор ей чудится, будто в груди что-то болит, но это была удивительно приятная боль, не хотелось просить

у наставника Уно средство для исцеления.

С того дня как двух захваченных врагов с позором провели через обширный двор Кормаксилона, пугливая Тика потеряла покой и сон. Ей всюду мерещился темнокожий мужчина со связанными за спиной руками. Хотелось подкрасться к хижине и еще раз на него посмотреть, может, чары пройдут.

Второго лазутчика мудрый Уно оставил в подземной лечебнице Кормы, ему требовался уход и покой. Королева сама разговаривала с пленником, а тот сначала отвечал резко, а потом попросил лист высушенной корфы и стал рисовать свой прежний дом. Магрит слушала его рассказы с любопытством, хотя Кадо ворчал, что никчемного дармиса лучше закопать живьем за пределами ограждения.

Сестра Ниами ухаживала за раненым врагом и ничуть его не боялась. Напротив, рассказывала о нем с сочувствием:

– Они такие же, как мы, только кожа темнее и руки длиннее. Дакут сначала сердито смотрел, а я все равно улыбалась. Сказала, что будет больно, когда сниму повязку, а он зарычал. Тогда я засмеялась, он вздохнул и сказал, что я похожа на птичку лири, которая шныряет по зарослям шиксы. Так мы стали говорить. Нет, дармисы во всем похожи на нас, только у них все старые сказки про войну, оттого они и вырастают злыми.

Тика стыдливо опустила глаза и нерешительно попросила подругу:

– А ты можешь спросить у раненого дармиса, как зовут того... другого, которого Кадо приковал к каменному столбу в хижине. Я ведь сама не смогу узнать.

И вот сегодня с утра Ниами сообщила, что темнокожего воина зовут Баркис и чужая королева сделала его предводителем отряда в Кормаксилон. Правда, Кадо считает, что дармисы прибыли с дурными намерениями, а Магрит хочет с ними подружиться и даже заключить мир с чужой королевой. Совет против, но пленникам пока сохранили жизнь.

Говорят, Баркис знает секрет прочных топоров и звенящих копий, и Кадо поклялся сделать его работником кузни в Кормаксилоне. Во время последнего сборища у реки кормисы выменяли много орудий труда у других племен Инсектерры. Среди удачных приобретений были красные мотыги и ножи из мягкого металла, который Магрит называет медью, но еще попадались рабочие инструменты серого оттенка, они были куда крепче и обещали дольше служить.

Магрит долго думала и вздыхала, а потом посоветовала Наро выкопать в земле яму, развести в ней большой огонь и свалить все металлические предметы в кучу. Но ведь тогда они растекутся однообразной обжигающей жижей... Как потом собрать из нее новые мечи и наконечники стрел? Тика никогда прежде не видела, как работает кузнец, оттого ее еще больше мучило любопытство.

А что, если незаметно подкрасться к хижине и одним глазочком глянуть на грозного чужака? Тика с волнением под-

няла перед собой высушенный на солнце глиняный сосуд для воды. Его нужно поставить в печь для обжарки. Но в кузне Баркиса тоже есть печь, можно попросить его закалить и ее сосуд.

Тика любовно украсила его волнистыми линиями, изображавшими реку. А на берегу острой палочкой нарисовала высокое дерево с крупными плодами в виде блестящих камешков, которые главный добытчик Наро выменял у людей племени Опринов. Говорят, такие камешки можно найти в разломах у Поющей горы. Недалеко от горного хребта когда-то находился легендарный Дармаллак – вместилище ужасов. Там родился мрачный чужак Баркис и почему-то Тике нестерпимо хочется его повидать.

Для поддержки она позвала с собой храбрую Ваири.

– Пойдем со мной к новой хижине у стены. Если по пути встретится твой Кадо – ты с ним заговоришь, и он не будет браниться.

Сестра довольно улыбнулась, поправляя на голове украшение из когтей жакамары – подарок дорогого мужчины, предводителя воинов Кормаксилона.

Но никто не обращал внимания на двух девушек, которые с глиняными сосудами в руках прошли мимо кучки строителей и добытчиков, обсуждавших ремонт холодной кладовой, мимо растянутых для просушки шкур танагров, мимо подруг, развлекающих воинов танцами.

Из кузницы доносились звуки размеренных ударов моло-

та, значит, дармис все же взялся за работу, иначе Кадо обещал оставить его без Вводы и пищи. Тика попросила Ваири немного посторожить, а сама заглянула внутрь, готовая в любой момент удрать от опасности.

Пленник сосредоточенно бил тяжелым молотом по каменной наковальне, Тика ахнула, увидев как горящие искры веером падали на кожаный передник. И когда Баркис неожиданно повернулся, то его глаза снова напомнили ей горящие угли. Но сейчас они не жгли злобой, а смотрели растерянно-удивленно.

– Кто ты? Зачем пришла?

– Я... я хотела... вот этот кувшин.

Больше она ничего не смогла сказать, и лишь протянула вперед свое глиняное изделие. Баркис поднял большую руку и утер воду с лица, причем капельки влаги струйками стекали по его мускулистому плечу, и Тика словно замороженная следила за ними, а потом перевела взгляд на металлическое кольцо, удерживающее щиколотку дармиса на цепи.

Теперь высокий темнокожий мужчина и тоненькая девушка просто смотрели друг на друга и молчали. За всю свою недолгую жизнь Баркис говорил с женщиной всего два или три раза. Это случилось, когда владычица Харима обратила внимание на удачливого охотника, позволила возлечь с ней на ложе, прежде чем отправить с опасным заданием в сторону восхода светила.

Потом позор плена и посещения королевы Магрит, но

Баркис заставил себя молчать, игнорируя повелительницу врагов. Она была совсем не похожа на Хариму, говорила медленно и словно убаюкивала спокойным голосом. Она даже не угрожала, а больше рассказывала о своих планах создать большой союз племен Инсектерры, где каждый род смог бы приносить пользу соседнему и выручать в случае беды.

Это казалось странно и непривычно сознанию прирожденного захватчика, и ночью Баркис долго не мог заснуть, пораженный тем, что еще жив и никто не собирается пытаться его тело.

Сейчас Баркис молчал, но внимательно слушал и присматривался к движению чуждого ему мира кормисов. Много удивляло и вызывало невольное уважение. Перед ним был сплоченный народ, который и не думал поработать более слабых обитателей Гиблого леса, а напротив старался поучиться чему-то полезному у каждого существа вокруг.

Оказавшись в стенах колонии кормисов, Баркис не мог не заметить стройных фигурок и любопытных глаз дочерей Кормаксилона, но даже не предполагал, что одно из таких чудесных созданий захочет с ним пообщаться. Он не знал, как нужно себя вести в такой ситуации, но сердце вдруг начало невыносимо быстро стучать в груди. Неожиданная гостья была необычайно привлекательной, отчего перехватывало дыхание.

Наконец Тика откашлялась и хрипло произнесла:

– Я хотела узнать, не встречал ли ты подобные камешки в горах. Посмотри, я вдавила их в бурую глину. Ты сможешь обжечь этот сосуд? Я могу принести тебе воду в нем. Тебя хорошо кормят? Я могу принести немного сушеного мяса.

Баркис решил, что спит и видит сон. Женщина не приказывала, не снисходила, а говорила так, будто они равны. Она просила закалить ее посуду в огне. Это было самое простое, что мог сделать Баркис – он шагнул к дверям, скоро цепь натянулась, а девушка отпрыгнула назад.

Заметив испуг на ее нежном личике, Баркис умоляюще вскрикнул: – Не уходи, я не причиню тебе вреда! Постой! Прошу, заговори со мной снова.

За стеной послышался тихий смех второй девушки, отозвавшийся в сердце дармиса неведомым прежде сладким томлением. Тика немного порозовела и уже смелее произнесла:

– Я тебя не боюсь, ты же прикован к столбу. Стой, где стоишь и не подходи ближе. Я раздобуду рогатину и передам тебе свой сосуд, однако внутрь заходить не стану. Кадо сказал, ты опаснее айруса, тебе верить нельзя.

Баркис самодовольно расправил плечи и вскинул подбородок:

– Однажды я убил айруса своим резакон. У меня остались отметины от его когтей, хочешь посмотреть? Во мне теперь живет сила десятерых хищников.

– Откуда же десятерых, если ты убил только одного? Я

умею считать на пальцах и палочках, мама Магрит меня давно научила.

Игривые интонации в ее голосе заставили Баркиса содрогнуться, он вдруг почувствовал, что тело его плавится, словно мягкий красный металл в каменном чане, но где-то в самом центре его существа мужская суть начинает твердеть и гореть от желания прикоснуться к незнакомке, осмелившейся беззлобно его дразнить.

– Как твое имя? – задыхаясь от новых ощущений, спросил он.

– Я – Тика и знаю тебя. Ты – Баркис из рода дармисов.

– Ты придешь ко мне еще, Тика?

– Может быть. А ты расскажешь о Поющей горе?

Судорожно сглотнув слюну, Баркис поспешно кивнул светлому локону и блестящему глазу, показавшемуся у дверей.

Тика вдруг стала серьезной и произнесла холодно:

– Для начала ответь и не смей меня обмануть – ты и твой друг пришли сюда, чтобы убить нашу мать и наполнить Кормаксилон великим горем?

Она встала на пороге хижины, смотрела требовательно и ждала ответа. Баркис опустил голову на грудь, закрыл руками лицо.

– Моя королева страдает в сырой и холодной пещере, я хотел обеспечить ей самые лучшие условия, надежную защиту и хорошую пищу. Из горных нор нам все чаще угрожают

арахниды, ночами вокруг нашей пещеры воют голодные ларпусы. Запасы еды тают, скоро наступит сезон дождей, и мы окажемся отрезаны от леса. Нас осталось мало, все коконы погибли в огне при пожаре Дармы. Мы вымираем, мы обречены. Я не могу допустить, чтобы в Инсектерре не осталось ни одного дармиса. Потому я пришел сюда.

– Вот я и спрашиваю тебя – зачем ты пришел? Просить помощи у нашей Магрит? Или лишить нас матери?

На мгновение Баркис вскинул голову и с тоской посмотрел на Тику.

– Мы думали, что с гибелью вашей королевы сможем все изменить для себя. Но мы ошибались. Зачем вам Харима, если каждая из дочерей Магрит сможет занять ее место. Я сказал тебе правду о том, что было много дней назад, сейчас я вижу и знаю другое. Нет, нет, не уходи... я думаю другое сейчас! Я бы хотел... О проклятые цепи! Я бы попробовал объяснить то, что камнем лежит на сердце и давит грудь, но я не умею говорить быстро.

Баркису показалось, что небо обрушится на него, если девушка сейчас плюнет в его сторону и убежит, чтобы никогда не вернуться.

Прижав свою ношу к животу, Тика стояла прямая и строгая, как молодое деревце литарры – дрожащее не ветру и в то же время негибемое.

– Магрит Благословенная учила, что все живые существа могут ошибаться, но самые разумные из них понимают свои

ошибки и могут их исправлять. Ты разумен, Баркис из рода дармисов? Тех самых дармисов, что веками захватывали народы Гиблого леса в рабство, мучили и унижали.

– Я бы хотел учиться у тебя быть другим. Я готов.

Это все, что он мог ей сейчас ответить, и довольная Тика важно кивнула.

– Сюда идут воины, а мне надо вернуться к сестрам. Если ты станешь другом народу Кормы, я с радостью стану тебя учить. Думаю, Магрит мне позволит, она убедит Кадо, что ты не совсем плохой и нам разрешат видеться. Ты будешь меня ждать?

Тика изо всех сил старалась держаться сурово и важно – как добытчик Наро в момент обучения рисунку или как Уно, когда тот заставлял отличать ядовитые растения от целебных. Но в лице чужого воина было столько надежды и немой мольбы, что Тика снова рассмеялась и убежала прочь с полыхающими от радости щеками.

А Баркис уже думал над тем, что скажет королеве Магрит при новой встрече. Дармаллак много-много лет враждовал с Кормаксилоном, но Дармаллака больше нет. Осталось лишь горстка пепла и обугленный ствол некогда крепчайшего дерева-великана. Осталось лишь с десятков сынов Дармы и несчастная Харима, изводящая преданных слуг своими стопами и капризами.

Может, пришло время смириться со своим поражением и заключить мир... И учиться жить в мире, где все будут

здоровы и сыты.

Когда порог хижины бесшумная пересекла тень Кадо, пленник кивнул в сторону каменной плиты, в углублении которой остывал бронзовый клинок.

– Я научу вас делать такое оружие, если вы заключите союз с моей королевой и дадите защиту остаткам нашего племени. Я понимаю, что сила на вашей стороне и постараюсь убедить Хариму согласиться на ваши условия.

Кадо был искренне поражен и обрадован переменой настроения сильного духом врага, но не показывал вида, сохраняя достоинство победителя.

– Кхрэ! Твое решение может быть выгодно нашим родам. Люди Дармы всегда были известны как отличные воины и оружейники. Я доложу Магрит о твоём предложении. Мы вместе его обсудим. Хм... а что это за сосуд у двери?

– Позволь забрать его для обжига. Он станет прочнее и дольше сохранит воду свежей.

– Это известно всем, – проворчал Кадо, затем поднял изделие Тики с утоптанного земляного пола и поставил на грубую деревянную скамью у ног дармиса.

А Баркис коротко поклонился в знак благодарности и бережно взял сосуд ладонями, поднося к лицу, словно величайшую драгоценность. Огонь не повредит сверкающим плодам, а делает их блеск еще чище. Только одного не мог понять Баркис, откуда юная дочь Кормаксилона могла знать, как выглядело дерево Дарма в прежние времена, пока не ста-

ло убежищем для колонии лесных воинов. Может, когда-то давно народы дармисов и кормисов уже были близки?

Может, в древних свитках, которыми славится Кормаксилон, остались записи о былом союзе нынешних противников и в таком случае возвращение назад – славная дорога. Баркис готов в это верить, ведь тогда можно будет с чистым сердцем смотреть в ясные глаза нежной и храброй Тики.

Подруга Мано

Раздвигая заросли лиан, Мано второй раз за день пробирался к старому броксу. То и дело могучий кормис бросал встревоженный взгляд на затянутое тучами небо, а после шумно вдыхал влажный воздух джунглей. «Успеть бы до грозы...».

Остальные строители, наверное, уже подходят к зеленой стене Кормаксилона, а их вожаку пришлось вернуться на поляну, где он мог выронить маленький нож для резьбы по дереву.

– Дурная примета, – ворчал Мано, смахивая с плеча пару сухих листьев. – Никогда ничего не терял и тут вдруг любимый нож. Его непременно заберут стальфы, если найдут раньше... хрр... скоро начнется ливень.

Чернеющее над головой небо разорвала молния, и Мано припал к стволу ближайшего дерева, сплошь покрытого сизыми подушками мхов. Вслед за громовым раскатом в сторо-

не реки послышался скрежет, а потом слабый вскрик разумного существа. Пару мгновений Мано колебался, а потом, оставив мысли о собственной потере, направился к реке.

Зрелище, вскоре открывшееся перед главным строителем, заставило ускорить шаги. На узкой поляне лежал поваленный ствол ятариса, а под ним слабо шевелился кто-то живой.

Мано бросился на помощь, но вскоре понял, что освободить крылатую плейпи будет совсем не просто. А тут еще небеса разорвались дождем. Сначала крупные листья броксов слегка задрожали от первых тяжелых капель, потом, не в силах удержать груз воды, бессильно поникли веера пальм.

От порывов теплого, сырого ветра с верхушек деревьев слетали мертвые ветки и жухлая листва. По давно знакомым приметам приближалась настоящая буря. Все обитатели Инсектерры заранее попрятались в убежища, но Мано не мог бросить беззащитную девушку одну среди разбушевавшейся стихии.

Кормисы всегда восхищались грацией дружелюбных плейпи, способных целыми днями парить над лесом и тоненькими голосами приветствовать всех, кто с улыбкой следит за их воздушными пируэтами.

Даже прагматик Мано, который ценил надежность и долговечность всякого рода конструкции больше, чем их красоту и тот не раз любовался полетом «живых цветов». И вот теперь предоставился случай помочь одному из них, так

неужели силач Мано отступит? Ни за что!

– Потерпи немного, я найду прочный сук и помогу освободиться.

– Тяжело, – еле слышно пробормотала плейпи, жалобно всхлипывая. – Меня уже не спасти. Убегай сам, скоро поляну затопит.

– Я вытащу тебя и унесу в Кормаксилон.

– Лучше оставь здесь. У меня, наверно, сломаны крылья.

Зачем тогда жить?

Мано только грозно фыркнул в ответ. Хрупких крылышек девушки было, конечно, жаль, но чтобы после их потери прощаться с жизнью... У Мано никогда и в помине не было крыльев, у королевы Магрит тоже – королева и так хороша.

Правда, легенды Дома гласят, что Отец всех кормисов был крылат, и сейчас в Кормаксилоне подрастает будущий король, который вполне сможет подниматься в небо. Но его крылья будут прочны и могучи, они скорее похожи на летательные органы Дедулов и Пикаров, и никогда не сравнятся в яркости рисунка с прекрасным достоянием плейпи.

– Потерпи, малышка, скоро будешь свободна.

Сначала Мано попытался приподнять дерево силой своих плеч, но скоро понял, что ему не обойтись без более крепкого рычага. Новый раскат гром потряс затаившиеся джунгли, а последующая вспышка молнии заставила плейпи испуганно вскрикнуть. Злясь на свою нерасторопность, Мано отломил голый сук ятариса, затем, укрепив его в размокающей

глинистой почве, подпер дерево и снова взялся раскачивать его.

Еще несколько усилий и девушка-плейпи выбралась из-под завала. Пестрые крылья ее безжизненно поникли, она действительно не могла ими владеть.

Сердце Мано сжалось от жалости, он понял, что сделает все, чтобы защитить прекрасное слабое существо, дрожащее от боли.

– Надо найти укрытие от дождя. Идти до зеленой стены сейчас чистое безумие. Мы слишком далеко от Дома.

Мано помог плейпи подняться, прижал ее к себе, пытаясь хоть как-то спрятать от потоков воды и мокрых веток, хлещущих живую плоть словно яростные бичи. Девушка едва могла стоять на ногах. Цеплялась за шею кормиса своими тонкими ручками, она бессвязно шептала слова благодарности или молитвы.

Кормис склонился к бледному личику и расслышал:

– Там... у реки повыше есть пещера... камни... там вода не размывает...

– Я понесу тебя, показывай дорогу!

Малышка казалось строителю совсем невесомой, но путь преграждали нагнувшиеся до земли стволы молодых пальм и кучи древесного мусора. Ветер бросал в лицо пригоршни воды и тогда тоненькие пальчики девушки от страха впивались в кожу кормиса, заставляя его сердце бешено колотиться.

Скорее, скорее спрятать хрупкую ношу от разгула стихии!

О себе Мано не думал, после встречи с плейпи заботы о потерянном ноже вылетели вон из головы. Не было даже краешка времени, чтобы усилием потаенного разума послать весть собратьям в Кормаксилон.

Королева будет волноваться – это жаль, да и Наро расстроится, узнав о пропаже друга, но Мано непременно вернется домой, как только поможет одному из дивных обитателей леса.

Еще несколько тяжелых стволов преградили путь, и Мано велел девушке переместиться на его широкую спину, так им двоим будет удобнее перелезть через преграды. Неужели заветная пещера близка? Плейпи тянет за ухо и пытается перекричать шум дождя.

– Сюда-а... Вход спрятан за зелеными змейками, не бойся – они только кажутся живыми.

Плейпи хрипло рассмеялась, заметив как напряглись мускулы спасителя. Мано хорошо знал окрестности Кормаксилона, но никогда прежде не видел такую искусную маскировку растений.

– Мы называем их ариначи, – пояснила плейпи, – они хорошо прячут норы и гнезда, в которых селятся хлабры. Но здесь уже давно никто не живет, мы нашли только сухую скорлупу старых яиц.

Мано помог девушке взобраться по скользким камням на небольшой холм, заросший полосатыми лианами, свернувшимися в самые замысловатые узлы, наподобие змеиных

клубков. Такая устрашающая картина могла бы отпугнуть любого свирепого хищника.

Кормис чувствовал себя слегка уязвленным, за всю свою долгую жизнь он никогда прежде не видел ни хлабров, ни их жилищ. Говорят, эти крупные звери жили вблизи воды, отлично плавали и ныряли, но не имели чешуи и плавников, их тело было покрыто короткой шерстью, а вместо зубастой морды находился приплюснутый птичий клюв.

Изображение столь удивительных и редких животных пытливый наставник Уно обнаружил в одной из книг Архива и потом весь вечер рассказывал о находке Совету. Уно всегда был любознателен и к тому же умеет говорить разумно и складно, наверно, за это его и полюбила Благословенная Магрит.

Вспомнив о своей королеве, главный строитель печально вздохнул, но тут же отвлекся на миловидное личико и пару голубых глаз, блеснувших в полумраке как драгоценные камешки.

– Ты вымок и устал. Лезь за мной, здесь хватит места для трех таких великанов.

Долго просить Мано не пришлось, куда лучше переждать бурю в норе неведомого зверя, чем подставлять спину дождю и ветру снаружи.

– Жаль, что так темно, – загрустила плейпи, – я даже не могу представить, насколько пострадало мое крыло.

– Огонь я могу разжечь, – глубокомысленно рассудил Ма-

но, – но где взять подходящий хворост?

– Это не трудно – у дальней стены свалена целая куча сухих веток, прежний хозяин был запаслив и аккуратен, его гнездо сохранилось в целости.

Мано наощупь двинулся в сторону, и его большая ладонь скоро наткнулась на круглое девичье колено.

– Ой!

– Маленькая, прости, айрус я неуклюжий... сейчас отодвину в сторону лианы у входа, может, что-то смогу разглядеть.

Колокольчики смеха в ответ смутили кормиса еще больше. Что скрывать, Мано даже не хотел убирать руку от теплой ножки привлекательной девушки. Сами собой в голове пронеслись смутные образы – он ласкает красавицу-плейпи на белой пушистой шкуре луури... Фу-ух! Такому точно никогда не сбыться! Надо заняться огнем, работа всегда отвлекает от мыслей ниже ремня.

Главный строитель всегда носил при себе старенькое, проверенное огниво в непромокаемом мешочке из кожи сильдры. И в этот раз оно снова выручило кормиса, вызвал множество одобрительных возгласов со стороны нечаянной спутницы.

Когда в пещере затеплился огонек, можно было осмотреть раненое крыло и поговорить по душам.

– Как же получилось, что ты оказалась одна, настигнутая бурей? Где твои сестры? Вы всегда летаете вместе. Я видел

вас прежде...

Мано хотел еще добавить, что он очень рад встрече, но решил, что девушка предпочла бы провести эту ночь в Плепиканте вместе с дружной семьей, а не в унылой заброшенной норе хлабра. Заметив его нерешительность, она ободряюще провела ручкой по суровому лицу кормиса.

– Эй, что ты стал грустный? Я тебе расскажу. Но сначала назови свое имя, воин.

Впервые в жизни Мано пожалел, что не носит этого славного звания. Всем женщинам во все времена нравились мужчины, озаренные славой героических предков, надежные защитники и следопыты. Мано был только лишь главный строитель – он, конечно, неплохо владел копьем и дубинкой, но короткий изогнутый меч служил ему чаще для обрубания веток или расправы над канатами лиан. Ни одного врага сразить своим оружием Мано не представилось случая.

Даже когда сердца кормисов пылали жадной мести и десятков строителей, взяв в руки топоры, добровольно вступили в армию Кормаксилона, чтобы освободить из плена свою королеву, – Мано велели не покидать пределов Зеленой стены и следить за Домом.

А ведь он мог бы сражаться не хуже самого Кадо, пусть, не так ловко стричь головы черным уродам, но уж с десятков черепов точно сумел бы проломить огромным молотом в отместку за вероломство. За то, что в глубине джунглей ради забавы устроили смертельные поединки, стравливая между

собой сородичей и добрых соседей, попавших в плен.

Кхар-гара-гах! Дармаллак должен быть разрушен.

Да... тревожное было время, столько сородичей полегло.

Бурный поток воспоминаний прервал серебристый голо-сок плейпи:

– Отчего ты сердишься? Или пока нес меня на руках за-был, как тебя зовут?

Она лукаво рассмеялась, показав белые зубки и мило на-морщила нос. Строителю лучше не смотреть на нее, иначе захочется... захочется... Нет, об этом даже мечтать нельзя. Уж лучше продолжить беседу.

– Я – Мано, и я не воин. Я укрепляю старые стены и воз-вожу новые.

Чтобы еще более показать свое невысокое место в иерар-хии Кормаксилона, он не без ехидства добавил:

– А еще я вывожу мусор и проверяю, не забиты ли нечи-стотами нужники. Моя работа очень важна для семьи.

– Это верно, – неожиданно согласилась девушка. – Ме-ня зовут Лини, и я плейпи, которой поручено убирать за ма-лышами. А я сбежала на реку. Надоели какашки и детский писк.

Теперь пришла очередь Мано потрясти стены пещеры громовым хохотом. Тогда плейпи довольно ощутимо толк-нула его в грудь крепко сжатым кулачком и отодвинулась за новой порцией сухих веток из разворошенного гнезда.

– И что тут смешного? Конечно, за малютками должен

кто-то следить, но почему именно я? Думала, меня отыщут, вернут домой и снова разрешат растирать краску, но заблудилась, а потом поднялся ветер и этот грохот за спиной... Я всего лишь хотела передохнуть под высоким ятарисом, а он на меня упал. Какой невезучий день!

– А я потерял нож, – пожаловался Мано, изо всех сил пытаясь отвести глаза от круглой попки, обтянутой мокрой тканью штанишек, – зато нашел тебя. Не бывает все плохо без крошки хорошего.

Крылатая девушка вдруг порывисто обернулась, подползла к Мано совсем близко, обняла руками за шею и поцеловала прямо в разомкнувшиеся от удивления губы.

– Ты меня спас. Ты смелый и сильный. Я очень тебе благодарна!

– Я-а... просто хотел помочь. Вот и все.

Теперь ее стройное гибкое тело располагалась на его коленях, и Мано почувствовал, как вся кровь горячей волной устремляется к паху, наполняя чресла сладким томлением.

Мано всегда спокойно относился к женщинам. Он не читал о них сказаний, как Мудрый Уно, не приукрашивал свои интимные подвиги, как Грозный Кадо, не рисовал обнаженную королеву, на манер Умелого Наро, вовсе нет...

Главный строитель всегда считал себя кормисом деятельным и приземленным. А женщины – это нечто воздушное, близкое к снам и богам.

Семье нужно достойное убежище и высокие стены вокруг,

в Кормаксилоне есть запасы дров и строительных материалов, подъемный механизм от Чрева до самых высоких этажей жилища работает исправно. Королева ценит Мано и советуется с ним по всем важным вопросам.

Ну что с того, что для спальни Магрит выбрала только Уно? Можно ли осудить решение королевы, если оно не лишает блага Семью... Все члены колонии веселы и здоровы, Дом процветал, так чего еще желать Мано?

Правда, сейчас, когда подросла стайка шустрых девиц, покоя и порядка заметно убавилось, зато многие кормисы присмотрели себе невест. Кадо, например, в свободное от тренировок время не отходит от своей Ваири.

«Просто поразительно, как она запросто обращается с нашим героем. Бесстрашный Кадо, в одиночку сразивший заклятого врага дома – самого генерала Закрися, и тот не может ей ни в чем отказать».

Недавно Ваири попросила сделать ей взаправдешний лук и стрелы, а теперь Кадо учит ее обращаться с такой опасной игрушкой. Разве дело женщины бегать по Инсектерре, выслеживая добычу? Хвала Праматери, в Доме достаточно зорких глаз и крепких мужских рук».

«Не-ет, я бы такое отношение к себе не потерпел, – временами рассуждал Мано, – Я давненько наблюдаю за Королевой и понял одну очень хитрую вещь: в показной женской слабости кроется великая сила».

Хорошо, что наша нынешняя госпожа всех любит одина-

ково и не злоупотребляет своей властью. К тому же она знает, что придет срок и ее сменит Крылатый правитель – подрастающий сынишка Руно. Он уже пытается ползать и хватать за косы своих многочисленных нянюшек».

Маню пытался отвлечься на что угодно, лишь бы не слишком преданно смотреть в большие немного раскосые глаза Лины, удобно устроившейся на его поджатых ногах. Похоже, она совершенно оправилась от недавно пережитого страха и крылья ее, хотя по-прежнему свисали мокрыми тряпочками, были целы.

Маню и представить не мог, насколько общительны и словоохотливы плейпи.

– Ты живешь в Корме? Мне рассказывали о вашей Матери, но я никогда ее не видала. Верно говорят, что она красива и умна?

– Мы называем наш дом Кормаксилонем, – терпеливо пояснил Маню. – Его согревает любовь Благословенной Магрит. Конечно, королева прекрасна, как дневное светило и... все умеет, а как же иначе...

Маню хотел высказаться еще более цветисто в честь своей госпожи, но вычурные фразы вылетели из головы, когда мягкие ладошки Лины снова оказались у него на плечах. Без малейшего стеснения юная плейпи изучала своего спасителя, проводя пальчиками по лицу и груди кормиса. Маню замер как статуя, боясь неловким движением лишиться столь приятных ощущений.

– Ты такой больш-о-ой... Никогда не видела близко крупных мужчин. У тебя твердая кожа и тяжелые руки. А у меня маленькие и легкие, вот потрогай. А волос у тебя нет. Нигде нет волос, это так интересно. Даже здесь...

Когда Лини игриво пощекотала кормиса подмышкой, бедняга Мано шумно сглотнул слюну и мотнул головой, соглашаясь со всем и сразу. Надо было, наверно, что-то говорить, а то девушка сочтет его скучным.

– Мы проведем здесь ночь, а утром я отведу тебя в Кормаксилон, не бойся, я запомнил дорогу, мы не заблудимся.

– С тобой я ничего не боюсь. Я знаю ты меня защитишь.

Лини положила ему голову на плечо и судорожно вздохнула. Тогда Мано обнял ее и переместил поудобнее, взяв на руки как ребенка. Плейпи дремала, опустив на щеки длинные золотистые ресницы. Она выдохлась из сил, ей требовался отдых. И кормис боялся даже шумно дышать, хотя сердце грозило разорвать грудь, до того происходящее казалось невероятным.

Суровый кормис держит на руках «живой цветок» Инсектерры, такое главному строителю не могло в самом соблазнительном сне присниться. А девушка вдруг распахнула бездонные глазищи и пробормотала сонным голосом:

– Спой мне какую-нибудь песню, а я немного посплю. С тобой мне тепло. Дома я всегда сплю с Эльрис, она моя сестра. Мы иногда ссоримся, но она хорошая, – это я ее злю, но зато первая и мирюсь. А потом поспишь ты, и я буду тебя

сторожить, ладно?

Дрожа от нахлынувшей нежности, Мано склонился и робко поцеловал Лини в смуглый лоб, покрытый тонкими, едва заметными волосками.

– Я песен не знаю. Знаю, конечно, но не могу спеть хорошо... Я просто буду гудеть, можно?

– Гудеть как летящая васка? – прошептала Лини, а потом сладко зевнула.

– Нет, немного иначе, – усмехнулся Мано, – вот послушай, примерно так... ммммм... Или так... ннннннн...

– Мне нравится, продолжай гудеть, – засмеялась плейпи и повернулась на бочок, уткнувшись носиком в бурно вздымающуюся грудь кормиса, но уже через минуту встрепенулась и вскочила с его колен так быстро, что Мано не на шутку перепугался, не укусила ли ее подкравшаяся змея.

– Что такое, ты же хотела спать?

– Но ты устанешь меня держать. И так тащил на спине через лес, а теперь я опять на тебя залезла, это неправильно.

– Я мог бы просидеть так всю ночь, – искренне признался Мано, – но чтобы тебе было спокойней, давай просто уляжемся на ветки рядышком и согреем друг друга.

Мано немного хитрил. Он вовсе не замерз, а скорее наоборот, но ему было неловко сказать вслух о том, в какой трепет приводила его невинная близость с плейпи.

Лини понравилась идея, и она с радостью устроилась под боком кормиса, дрожа не то от холода, не то от волнения.

Осторожно, чтобы не задеть крылья, он обнял девушку за талию. Рука сама тянулась спуститься ниже к приятным округлостям, но он знал, что так поступать не стоит. Вдруг ее прохладные ручки уперлись в его грудь, а потом Лини прижала к ним ухо.

– Твое сердце сильно бьется, – радостно сказала она. – Будто ты только что быстро бежал, у вас, кормисов, сердца-торопыги.

Мано вздохнул, задумавшись о лучшем ответе, голова была пустой и звонкой.

– Не всегда, – наконец вымолвил он с трудом, – но я помню, как такое бывает...

Мано хотел рассказать о паре волнительных случаев из своей жизни, но Лини сонно пробормотала:

– Говорят, у вас теперь много красивых женщин и у каждого из мужчин есть невеста.

– Не у каждого, – хмуро угрюмо отозвался Мано, – но лучшие мужчины получают подруг.

– Лучшие, как ты... Расскажи о своей невесте.

– У меня ее нет, – почти не скрывая сожаления, грустно сообщил Мано.

– Как? – удивилась Лини, приподнявшись на локте. – Ты меня обманываешь.

– Нет, спи, довольно разговоров, – буркнул Мано, испытывав острое желание отвернуться от нее, чтобы не чувствовать, как ее округлые колени упрутся в его бедра.

Лини восприняла его ворчание по-своему. Она свела бровки и погладила кормиса по гладкой голове.

– А какую бы невесту ты хотел? – спросила она так, словно собиралась немедленно ее искать.

«Такую же маленькую и мягкую как ты», – подумал Мано, но не осмелился произнести эти слова вслух. Вместо ответа он просто перевернулся на спину, утягивая плейпи за собой.

Так ему было удобней и привычней, а Лини словно ничего и не заметила, просто вытянулась на нем, как на кровати, уперлась локоточками в грудь и внимательно смотрела на его лицо, скользя пальцами правой ножки по его ноге.

Кожа у нее была прохладная и нежная, а еще она искренне улыбалась, не пытаясь дразнить кормиса, баловалась как ребенок, не знающий зла, выросший в любви и заботе близких – открытый и доверчивый всему миру.

И осознав все это, Мано не смог не улыбнуться.

– Хочу невесту с холодными руками и звонким смехом.

– Думаешь, я еще мала и не понимаю ничего? – ответила плейпи, надувая губки и снова укладывая светленькую голову на его широкую грудь.

– Женщину нужно выбирать не по внешности, а по тому, как она управляется с домом. Вот я плохая хозяйка, меня сводит с ума детский писк. А ты от чего убегал?

– Никогда я не убегал, – честно признался Мано, припоминая свою довольно длинную жизнь.

Он с детства не боялся никакой работы, если она была

нужна дому. Будучи мальчишкой делал, что велели, а потом осознал свою принадлежность к строителям и через какое-то время понял, что может «видеть» камни и деревья лучше пожилых и опытных мужчин.

А вырос, так стал учить других. Все шло своим чередом, пока не появилась королева Магрит и не изменила порядки. Теперь в Доме не одна женщина и кормисы могут получить каждый по невесте.

– Ты снова загрустил, – прошептала плейпи, – я бы тебе помогла, но не знаю как.

– Мне не нужна помощь. У меня есть дом и собраты, есть дело, которое приносит пользу семье. О чем еще мечтать? – грубовато спросил Мано, хотя злился скорее сам на себя. Но Лины тоже хороша, зачем задавать столько глупых вопросов.

– Ой! Вот тут морщинка появилась, – она коснулась пальцами уголков его губ, – а вот тут разгладилась.

Мано сердито засопел. Может, она смеется над ним...

– А когда ты хмуришься, твои черные узоры на виске смещаются и на шее появляется змейка. И она делает так...

Изобразив рукой волну, плейпи с тихими смехом пощекотала его чуть повыше соска, и наполовину расправила свои бархатистые крылья.

– Тут слишком близко потолок, я не могу их полностью развернуть. Жаль... Они красивые, правда? Расскажи, почему у тебя нет подруги, я хочу знать.

– Не нравлюсь я никому, вот почему, – сердито ответил

Мано и тут его как будто прорвало. – Им всем война подавай, чтобы он много врагов убил – тогда можно гордиться, или охотника, чтобы шкуру принес, а то и живую белку. Еще вам, девочкам нравятся языкастые мальчишки, которые умеют смотреть на звезды и читать наизусть разные песни, а я что могу сделать для женщины?

Я бы, конечно, обустроил ее жилище, постель теплую соорудил. Да, шкуру танагра бы выменял у воина, но это могут все наши строители. Это просто...

Вдруг осознав, что он почти кричит, а его слушают, внимательно глядя в глаза, Мано затих. Стало неловко от своей горькой откровенности, только извиниться сразу он не мог, потому что залюбовался серьезным личиком случайной знакомой. Раскат грома заглушил тишину между ними, а потом Лини улыбнулась и легонько поцеловала его в краешек губ.

Она думала, что большой и грозный мужчина будет смеяться над ней или опять начнет говорить громко, но он замер, напрягся всем телом, прижал ее сильнее и только смотрел в темноту пещеры, медленно моргая и слушая дождь.

Еще никогда его не бросало в жар от такого невинного прикосновения. Казалось, молния с неба непостижимым образом пронзила его в глубине потаенной пещеры, но не убила, а подарила новую, совершенно особенную жизнь.

– Ты не сердись на меня? – тихо спросила Лини, поглядывая на него одним глазом.

Мано не ответил, только снова погладил ее по спине, осто-

рожно задевая пальцами крылья. От этого касания плейпи залилась краской и закрыла лицо руками.

– Я бы хотел такую невесту, как ты, – выдохнул Мано.

– Странные у тебя шутки, – после небольшого молчания ответила Лини. – Я не могу быть твоей женщиной. Мы совсем разные.

– Это неправда, – быстро ответил Мано, – я слышал, что особи чужих родов могут создавать союзы и даже дарить миру потомство. Расскажи о своем доме и своей семье. Я уверен, наши миры имеют много общего. Я хочу все о тебе знать.

– Тебе, правда, будет интересно?

Услышав его утвердительный ответ, Лини оживилась, забыла о сне и снова защебетала, взмахивала руками. Пару раз за время разговора она пыталась развернуть подсохшие крылья, а потом снова шаловливо касалась губами его губ, видя, что ее едва ли слушают, а только смотрят на немым восхищением. Только однажды Мано не растерялся, притянул ее к себе, не дав сразу отпрянуть и вдруг ожег губы настоящим поцелуем – жадным и требовательным.

– Ах, – только и смогла выдать Лини, когда он, наконец, отпустил ее, не решаясь продолжать. – Это было так сладко. Я пробовала целовать друзей, но мы делали иначе. Быстро и весело, а сейчас... Сейчас мне немного страшно, но хочется быть еще ближе к тебе.

Облизав губы кончиком розового язычка, она уткнулась

носом в его шею, и притихла, тихонечко вздрагивая от его осторожных касаний.

Так они лежали до утра у остывшего маленького костра – болтали, целовались, обнимались, нежно трогали друг друга, но снова и снова вспоминая, что слишком разные и не могут быть вместе дольше одной случайной ночи.

К рассвету небо прояснилось и дождь утих.

«Ну, вот, ты снова печален», – хотела сказать Лини, увидев морщинку на переносице кормиса, но понимала, что ей и самой грустно от того, что пришло время расставания.

Мано пытался рассуждать здраво. Такую малышку он действительно бы с радостью забрал к себе за зеленую стену, построил бы ей домик под раскидистым броксом и постелил в нем самую мягкую постель.

Но ведь Лини – плейпи и ей нужна иная жизнь, полная неба, цветов и вершин деревьев. А также компании веселых, шустрых, крылатых юношей ее рода. А что Мано... Мано – грубый, толстокожий айрус, ей станет с ним скучно.

– Надо идти к знакомой тропе, чтобы вернуться домой до темноты, – проговорил строитель, ласково касаясь ее плеча.

– Да, – тихо отозвалась Лини и снова коротко целовала его в губы, надеясь, что он обнимет ее как прежде, но Мано уже выбирался из их ночного убежища.

Они вместе не прошли и десятка шагов, как слышали над головой зовущие голоса, схожие с трелями птиц в просыпающемся лесу.

– Лини, Лини, мы искали тебя вчера. Какое счастье, что ты нашлась.

На сваленное дерево опустились сразу две яркие плейпи-женщины и один мужчина очень строгий на вид. Пока Лини вздохнула расхваливала своего спасителя, положив руку на грудь, глава рода кивал головой, выражая искреннюю благодарность кормису.

Маню сдержанно поклонился, намереваясь поскорее уйти. Однако девушка постарше на вид подлетела к нему ближе и протянула потерянный вчера нож.

– Мы нашли его на поляне, когда искали сестру.

– Вот и вернулась ко мне пропажа.

На самом деле Маню не был особенно рад возвращению ножа, этой ночью он потерял кое-что поважнее – свое пылкое, доброе сердце теперь принадлежало крылатой проказнице.

Прощаясь, плейпи вытянули стройные тела и сложили перед грудью ладони, пока роскошные крылья трепетали, готовясь к полету. Только Маню уже не замечал их красоты, глядя в лазурно-голубые глаза Лини, которые она то отводила в сторону, то смущенно опускала вниз и при этом невольно облизывала припухшие после бессонной ночи губы.

– Прощай, цветочек...

«Прощай, невероятный сон...»

– Но мы можем увидаться еще? Ты ведь хочешь?

Маню засопел и опустил голову, зачем продлевать боль,

уж лучше отрубить палец одним ударом топора сразу, чем медленно перепиливать по суставу ржавой пилой.

Они все равно не смогут быть вместе. Они слишком разные.

* * *

Мано зверствовал уже третий день. После ночи проведенной в лесу, он стал строже, придирчивей и мучил молодых строителей своими замечаниями.

– Что ты ходишь злой, как голодная вайша? Влюбился, наверно? – пошутил Кадо и получил в ответ такой яростный взгляд, что тут же замолчал, забыв, что хотел бы добавить.

Мано был скорее раздосадован, чем зол. Маленькая игристая плейпи никак не выходила из головы. Она смеялась ему в каждом сне и манила за собой тоненьким пальчиком.

Стоило ему выйти за зеленую стену, как разноцветные крылья недавней знакомой мерещились за каждым широким стволом, заставляя стонать от неутоленных желаний.

Сегодня Мано сидел на куче свежих досок за стеной, вглядываясь в рисунок на своем ноже и думал, как бы снова его потерять и при этом сказать заклинание, чтобы совершить обмен. Одну маленькую Лини на старый добротный нож, но разве ж такое возможно. А что еще придумать, как ее вернуть и сказать, что Мано – старый, глупый айрус, как мог он не согласиться на новую встречу, чего испугался...

Дошло до того, что вчера вечером строитель спросил саму королеву, как узнать, любит ли женщина мужчину. А Магрит ответила, что нужно спросить ее об этом прямо, глядя в глаза. И еще добавила, что завтра как раз самый подходящий случай, потому что там, где жила Магрит прежде, люди будут отмечать День Влюбленных.

Магрит тоже хочет устроить праздник в Кормаксилон, несмотря на вопли Кадо, что ему хватило и Нового года, но все это ерунда. Возлюбленная главного строителя обитает за пределами зеленой стены, в таинственном Плепиканте, на цветущих лугах.

– Лини, – задумчиво прошептал Мано, глядя на нож. – Я хотел бы увидеть тебя хотя бы еще один раз. Я бы тебе все сказал...

– А что именно? – раздавшись откуда-то сверху, спросил у него звонкий девичий голос.

Он чуть не подпрыгнул от радости, поняв, что крылатая вредина бесшумно подлетела к нему сзади, а теперь смеялась в самое ухо.

– Опять молчишь, – притворно надулась она. – Обиделся? А ведь хотел мне что-то сказать. И теперь меня мучает любопытство. Не отстану, пока не признаешься.

– Я люблю тебя, – коротко ответил Мано и, роняя нож, протянул обе руки к ясноглазой мечте.

После долгих поисков настойчивый Уно нашел в записях Высокоумного Чаро текст о том, что в стародавние времена кто-то из обитателей Кормаксилона уже заключал союзы с красавицами из Плепиканты. Авторитет древнего мудреца оказался непререкаем для чувствительных родителей крылатой невесты, так встречи Мано и Лини были официально разрешены.

И только одна королева знала, что Уно немного подправил запись, ведь в истинном документе речь шла всего лишь о совместном сборе смолы литарры. Кормисы любят ее сладкий вкус, а самые сочные застывшие гроздья всегда прячутся наверху...

Там, где любят отдыхать плейпи. И куда часто обращают взгляд могучие кормисы.

Строптивная плясунья

Закончив проверку кладовой, заваленной до потолка всевозможным припасом, главный добытчик Наро похвалил помощников и, оставшись один, начал строить планы по выгодному обмену излишков.

Подходит к концу очередной сезон Сбора плодов. В по-

лудневном переходе от Кормаксилона скоро откроется великий торг, на который слетятся, сбегутся и приплывут сотни жителей Гиблого леса.

Малютки-плейпи украсят поляну у реки фонариками и цветами, разложат на деревянных лотках украшения из коры и ракушек. Надменные васки привезут сосуды с медовым напитком, от которого кружится голова и хочется немедленно возлюбить каждую пригожую девчонку в округе.

Строгие дедулы станут менять оружие: копья, стрелы и дротики на глиняную посуду и прочную одежду. Пикары любят наносить на свои чаши замысловатый орнамент, а еще лучше всех в округе мастерят женские украшения. В прошлый раз главный строитель Мано набрал у них целую сумму безделушек для своей милой, а воин Кадо без сожаления расстался со своим ожерельем из когтей вайши ради подарков невесте.

Наро был искренне рад за сородичей, которым повезло с подругами, от души желал им счастья. Улыбнется ли самому такая удача? Как знать... В Кормаксилоне подрастали славные девушки, но Наро никого из них не выделял. Может, ему суждено до конца дней поклоняться лишь прелестям королевы? Но Магрит Благословенную он любил скорее почтительно, чем с неистовой страстью.

– Наверно, во мне течет меня холодная кровь, а в голове ютятся лишь заботы о том, как прокормить всех обитателей колонии, – рассуждал Наро. – Пара моя еще не родилась на

свет или давно его покинула. Да и чем мне привлечь женщину? Я не молод и не красив, всегда занят бытовыми делами Кормаксилона, у меня нет времени на долгие беседы под звездами, как у наставника Уно. И вообще, мне нравятся зрелые красотки, а не юные веселушки. Кадо не поймет, он без ума от своей легконогой Ваири. Хм... Надо бы проверить яму с копченым мясом и потуже натянуть шкуры.

В этот раз Наро особенно тщательно готовился к ярмарке. Осталось запастись сушеной рыбой и вялеными личинками в листовых рулетах. Нужно предусмотреть каждую мелочь. Все давние приметы кормисов обещали суровый период зимних ливней, когда в лесу не просто найти пищу и укрытие. Хорошо, что строители под руководством Мано укрепили своды большого хранилища и расширили кладовую.

Колонии не грозит голод и затопление. А от скуки всегда можно найти средство – от простых забав до мелкого рукоделия. Магрит опять будет собирать свой народ в большой зале и рассказывать разные истории, а потом девочки покажут забавные сценки из жизни Кормаксилона или скопируют быт других обитателей леса. Хорошо иметь большую, дружную семью, где все довольны и сыты.

* * *

Наконец настал тот день, когда рано на утренней заре во-

рота Кормаксилона широко распахнулись, пропуская колонну добытчиков и строителей в сопровождении отборных солдат.

Каждый кормис с достоинством нес на спине товары для обмена на береговой площади. В этом году удалось собрать большой урожай питайи и мангостанов, наловить множество мелких лесных зверей и разноцветных птиц, которые без умолку верещали в клетках.

Кадо с гордостью осматривал кожаные ремни и колчаны для стрел, сваленные грудой на специальные носилки под балдахин, – долгие месяцы его воины трудились над оружием для продажи. Каждый нож с костяной ручкой, каждая поясная бляха или налобная повязка имели отличительные клейма Кормаксилона. Однако не только мечты об удачном торге заставляли кормисов спешить к реке.

Ярмарка открывалась представлением, в котором участвовали почти все известные кланы и племена Инсектерры. Каждый народ Гиблого леса с гордостью демонстрировал силу и ловкость своих сыновей, изящество и красоту женщин, мастерство танцоров и музыкантов.

Когда Наро со своими друзьями заполнили товаром семь тростниковых циновок, на широком помосте посреди площади зазвучали традиционные песни васков, чуть позже закружились в неистовом танце молодые пикары.

Убедившись, что продукция из Кормаксилона пользуется немалым спросом, Наро позволил себе отхлебнутьпряного

напитка из листьев гармуша и смешался с толпой зрителей у помоста. До полуденного зноя актеры в масках и перьях будут веселить покупателей и подбадривать продавцов.

Но вот загрохотали маленькие барабаны, обтянутые змеиной кожей и следом раздались оглушительные вопли темнокожих опринов. Деревянный настил задрожал под шагами высокой, мускулистой танцовщицы из рода дедулов.

Наро восхищенно присвистнул, уставившись на багряную гриву волос, заплетенных во множество тонких косичек. Кожаная повязка крепко держала грудь, но полоса золотистой кожи у шеи будоражила воображение. А вот зеленый передник почти не скрывал тугие бедра и ягодицы круглые, как плоды спелой питаи.

Рот Наро наполнился слюной, едва он представил, как приятно было бы потереться щекой об эти увесистые гладкие шары. Танцовщица обладала невероятной гибкостью и грацией, каждый жест ее смуглой руки или поворот головы вызывал одобрение в толпе.

– Кто она? – спросил Наро у соседа из племени Опринов.

– Хельта Бескрылая. Хороша, правда? Ты еще голос ее не слышал. Она с охраной путешествует вдоль реки и дает представления за большую плату. Жадная и капризная. Говорят, можно купить ее танец, но не любовные судороги. Она стыдится показывать спину. Сородичи изгнали ее.

Только сейчас Наро заметил, что женщина на помосте действительно не имеет характерной черты крылатого наро-

да. Родилась ли она такой или потеряла крылья в юном возрасте... Если дедулы отвернулись от нее, где она живет, достаточно ли ей пищи?

Практичного Наро в первую очередь волновали вопросы надежного жилья и достатка.

– Такая красивая и умелая танцовщица не должна испытывать нужду, – вслух рассуждал он, и стал решительнее протискиваться в толпе, чтобы встретить Хельту после выступления.

"Я предложу ей сушеные фрукты и свежие яйца... А еще спрошу, есть ли у нее теплая накидка для спасения от наступающих холодов. Может, она согласится показать свое мастерство в Кормаксилоне. Такой танец понравился бы Королеве и прочим сородичам".

Перевязывая волосы черным витым шнуром, танцовщица бросила мимолетный взгляд на склонившего голову Наро, а потом демонстративно зевнула.

– Мне ничего не нужно от вашего племени. Кормисы вечно копаются в земле, а мои предки целовали небеса. Что между нами общего?

– Но сейчас ты не можешь летать, – резонно рассудил Наро. – Я пришел сказать, что твои танцы радуют взор, а если будет нужна помощь...

– Я каждый день вижу восхищенные и преданные взгляды, – нетерпеливо прервала его Хельта. – Что ты мне принес? Твои руки пусты.

– Я хотел сперва узнать твои желания. Мы доставили на торг много оружия, орехов и фруктов. Выбери, что захочешь.

– Намерен впечатлить меня коваными клинками? Напрасно. Моя охрана хорошо вооружена.

– Я могу достать тебе украшений и наряды.

Хельта обидно рассмеялась, махнув рукой в сторону плетеного короба, из которого свешивались до земли алые и голубые связки бус.

– Меня трудно будет удивить землероям. Уходи, не мешай другим пытаться привлечь мой интерес.

От обиды Наро сжал кулаки и круто развернулся, чуть не столкнувшись с пожилым толстым оприном. Тот, задыхаясь, тащил на голове корзину с подарками.

До самой тьмы Наро не мог успокоиться, думая о надменной Хельте из рода дедулов. Его не радовали вести об успешной торговле, не забавляла музыка подвыпивших пикаров. Впервые среди веселых сородичей он ощутил свое одиночество и неутолимую жажду общения с яркой и страстной женщиной.

«Почему Хельта относится к нам с таким открытым презрением? Все крылатые кланы немного свысока смотрят на приземленных обитателей Инсектерры, но это не мешает нам обмениваться опытом и вместе отражать врага, если грозит общая беда».

Младшего из добытчиков Наро отправил наблюдать за

шатром, в котором осталась на ночь строптивая плясунья. Там до рассвета продолжалось пиршество, звенели бубны, разливались веселящие напитки и курились сладкие смолы, но едва занялся закат, бледная Хельта покинула пристанище удовольствий в сопровождение мрачного охранника.

У берега в лодке их ожидали еще несколько наемников-дедулов. Из зарослей тростника бессонный Наро видел, как Хельта передала ткани и драгоценную посуду сородичам, а сама завернулась в невзрачный, поношенный плащ и легла между скамьями.

Когда удары весел стихли вдали, сердце Наро наполнилось темной тоской. Он понял, что красивая женщина имеет раны не только на теле, но и глубоко в душе.

«Соплеменники используют ее мастерство для обогащения, а сама Хельта вынуждена потешать толпу, чтобы прокормиться и заслужить крышу над головой. Я бы ценил ее и берег, но гордая красавица даже не захотела меня слушать...»

* * *

Небо закуталось в дырявое полотнище из туч цвета подгнившей питайи, холодные ветра сорвали с броксов жухлые листья. Совсем скоро начнутся затяжные дожди, и потому кормисы тщательно закрывали щели старого, но очень надежного жилища.

Наро часто покидал стены Кормаксилона вместе с простыми добытчиками, хотя мог бы сидеть в теплой кладовой и считать запасы или растирать краски для новых картин. После встречи с Хельтой он потерял привычный покой и даже попросил Королеву избавить его от звания Советника.

– Пусть мое место займет кто-то расторопнее и моложе. Я теперь мало на что гожусь. Даже рисунки выходят мрачные и не приносят былой радости.

Друзья недоумевали над переменой в характере самого рассудительного из кормисов, а когда потихоньку выяснили причину грусти соплеменника, попытались тайно помочь. Храбрый Кадо лично отправился на встречу с бескрылой танцовщицей, но принес печальные вести. Хельта исчезла.

Одни говорили, что она стала жертвой страсти какого-то местного князька, другие сетовали на бурное течение реки, перевернувшее нагруженную подарками лодку дедулов.

Наро затосковал, почти перестал есть и с приходом Диких ливней все чаще закрывался в своей комнатухе, избегая посиделок в общем зале. Лишь когда большой дом погружался в сон, Наро задумчиво бродил по темным коридорам, вызывая молчаливое неодобрение чутких стражей.

Порой они безмолвно ворчали на Главного добытчика, который тревожил их дремотное оцепенение.

«У нас полно вкусной пищи, женщины и дети здоровы, зачем дразнить богов унылым видом... Еще накличет беду».

В эту ночь Наро равнодушно миновал грозных охранни-

ков и с трудом отворил дверь в холодную кладовую, где хранились корни литаргуса для багряной краски. Вдруг сквозь завывания ветра с наружной стороны дома послышался подозрительный шум, словно какой-то зверь пытался прогрызть окаменелое дерево и добраться до припасов.

На мысленный зов Наро тотчас прибежали воины, дежурившие дальше по коридору. Кормисы решили проверить источник странных звуков и открыли воздуховод. Вместе с шумом разбушевавшейся стихии в уютную кладовую ворвался жалобный женский крик.

Опасаясь ловушки хитрого врага, пожилой охранник предложил разбудить Кормаксилон, но Наро узнал голос, который мерещился ему в самых тяжелых снах.

– Хельта просит о помощи. Мы должны впустить ее без колебаний.

– Сначала убедись, что за дверьми нас не ожидает засада!

После недолгих споров Наро выбрался наружу и поднял на руки обессиленную женщину. Ее мокрые волосы облепили полураздетое изможденное тело словно хищные водоросли.

Хельта едва могла говорить, сотрясаясь от холода. Убедившись, что больше за стеной никого нет, воины отправились на свои места, предоставив Наро самому позаботиться о случайной гостье.

Еще в кладовой он закутал ее в шерстяное покрывало и опустился рядом на колени, согревая ледяные ладони.

– Что с тобой случилось? Почему ты одна?

– Я... я долго была больна и не могла собирать дары для своего клана. Щедрые зрители попрятались в пещеры и норы, сберегая добро на суровую пору. Время моих танцев прошло. И никто не хотел кормить меня просто так. Без крыльев я позорю род славных дедулов.

– Хвала богам, которые привели тебя ко мне! – воскликнул Наро, чувствуя на ресницах жгучую влагу.

Хельта судорожно вздохнула.

– В крайней нужде я вспомнила о твоём предложении. Но если будешь меня унижать, я снова уйду в лес и погибну там от голода. Скажи сразу, что попросишь от меня за приют, я должна решить, по силам ли мне новая ноша.

Эти слова напомнили Наро давнюю отповедь красавицы и собственное отчаяние. Он медленно разжал пальцы и отстранился от Хельты.

– Мне ничего от тебя не нужно. Даже если сородичи будут против лишнего рта, я готов делить с тобой свою долю зерна и сушеного мяса.

– О, как ты щедр, кормис! А ведь я дурно с тобой обошлась. Ты вправе выкинуть меня наружу, как грязный мусор.

Темные глаза Хельты смотрели испытующе, на впалых щеках горел нездоровый румянец. Наро вдруг ощутил, что на смену былой апатии приходит желание оберегать и защищать строптивую плясунью без всяких условий.

Пусть она презирает его, не считая достойной парой, но

хотя бы доживет до тепла. И пусть забудет его хлопоты ради ликующей толпы. Красота должна царить в мире, где каждый день приносит новые жертвы, искусство должно отвлекать народы Гиблого леса от скорбей.

– Я раздобуду тебе целебное питье. Отдыхай.

Устроив Хельту в свободном закутке рядом со своей комнатой, Наро впервые за долгое время уснул счастливым.

А ближе к полудню в большом зале Кормаксилона состоялся совет кормисов. Мнения разделились. Кадо и Мано припомнили, что Хельта отвергла предложение Наро на торге и презрительно отозвалась о сородичах.

– Дать ей запас еды, прочную накидку от дождя и отправить искать свое племя! – грозно требовал старший из воинов.

– Может остаться, если будет работать на благо колонии, – ворчал главный строитель. – Я поручу ей чистить отхожие места. Там ее песенки никого не смутят и не лишат сна.

Уно укоризненно покачал головой и предложил не спешить.

– Эта женщина пришла сюда по приглашению Наро. Запоздало, но все же вспомнила о Кормаксилоне.

– Когда голод начал грызть внутренности, подобно безумной Вайше! – язвительно буркнул Кадо.

Наро с мукой ждал решения королевы. Магрит внимательно выслушала советников и обратилась к Хельте.

– Ты хочешь остаться? Готова помогать мне с детьми и

ухаживать за женскими комнатами? Никто не будет принуждать тебя к танцам, но каждый из нас делает ту часть работы, которая ему по силам. Даже у самых слабых есть легкие поручения.

– На пользу колонии... – тихо произнесла Хельта. – Я слышала похожие слова с детства.

– Ты согласна? – спокойно спросила Магрит.

Хельта вскинула на нее воспаленные глаза и оскалилась.

– А если кого-то сразит недуг или тяжелое увечье сделает бесполезным для семьи? Вы станете и дальше кормить калеку?

– Мы не бросим сородича, с которым случилась беда, в нашем доме никто не будет набивать живот, пока голодает хоть один кормис, – вместо королевы ответил Уно и менее уверенно добавил:

– Знаю, что так поступают не все разумные жители Инсектерры. Но каждый клан несет свои обычаи, мы не станем их обсуждать.

– По законам моего рода самку с изъяном следует сбросить на дно ущелья, ведь она принесет такое же ущербное потомство, – медленно проговорила Хельта, обводя холодным взглядом каждого из советников.

– Так ты родилась бескрылой! – воскликнул Наро в смятенье.

– Мать прятала меня и кормила тайком в пещере между корнями броксов. Скучая в одиночестве я привыкла наблю-

дать за игрой и танцами маленьких плейпи в ветвях, подражала боевым танцам опринов и ужимкам пикаров перед спариванием. Но в каждое движение добавляла что-то свое. Когда родичи все же нашли меня и забрали с поляны, то сохранили жизнь ради забавного представления.

Я научилась приносить пользу семье, но не имела права завести свою.

– Это несправедливо, – прошептал Наро и вдруг схватился за левую сторону груди. – Трудно дышать.

Старшего добытчика бережно перенесли в его комнату, и Уно сам приготовил сбор трав и корней для защиты сердечной плоти.

Внезапный недуг Наро заставил остальных советников поспешить с решением. В итоге королева Магрит позволила Хельте остаться в Кормаксилоне хотя бы до окончания сезона дождей.

– Мы поселим тебя в зале, где собираемся с девочками для рукоделия и гимнастики. В твои обязанности входит сохранять помещение в чистоте и порядке, проветривать и следить, чтобы не забились водостоки.

Хельта низко поклонилась королеве и остаток дня до ужина провела на своей лежанке, закутавшись в теплый плащ Наро. Казалось, бывшую танцовщицу не занимали любопытные взгляды и сочувственный шепоток дочерей Кормы, звуки флейты и постукивание вязальных спиц.

Ломоть зернового хлеба и щепоть вяленых плодов Хель-

те принесли прямо к постели. Смелая Ваири сидела рядом и непринужденно рассказывала последние новости большого дома. Было заметно, что общительная девушка не против подружиться с темноглазой дедушкой.

– Тика наконец выбрала себе жениха, и летом мы отпразднуем ее свадьбу вместе с моей. Мано нашел в кладовой паука и напугал Рею, но не со зла. Кадо поймал змею на крыше. Ее приготовят Наро, чтобы силы скорее вернулись.

Гостья слушала равнодушно и оживилась, лишь когда речь зашла о главном добытчике.

– Могу я его увидеть?

Ваири почесала себе кончик носа в знак сомнения.

– Уно не разрешит. Сейчас Наро нельзя волноваться, а ты острая и сухая, твои глаза ранят, как стрелы.

Немного помолчав, Хельта спрятала лицо в покрывале и глухо произнесла:

– Я хочу сама сварить для него змею. Мне часто приходилось делать подобное. Я не только хорошо танцую, но знаю много секретов приготовления пищи. Думаешь, меня допустят к котлам?

Ваири обещала попросить королеву, но будто забыла о Хельте или не стала огорчать отказом. Два последующих дня прошли в полумраке, за стенами Кормы бушевал ветер и нескончаемый ливень.

Магрит собрала в зале детей и пела им нежные песни, пока девушки старше затевали игры на угадывание лесных птиц и

зверей. Мальчики разглядывали листы с изображением растений Инсектерры, а потом взялись рисовать, перемазались краской и устроили шумную возню.

Хельта смотрела на общее веселье и тосковала о такой же большой и дружной семье. Тряпичный мяч подкатился к лежанке и пришлось нагнуться, чтобы вернуть его ребятам. В благодарность юный кормис принес танцовщице лист с красивой картинкой. Хельта долго рассматривала его, а потом подозвала одну из девочек и спросила:

– Кто нарисовал тростник у реки? Он дрожит на закате, как живой. Я часто играла в детстве на берегу.

– В Кормаксилоне лучше всех мажет красками Наро, – охотно сообщила малышка.

Дождавшись, пока старшие отвлекутся на веселую сценку поимки вредной козы, Хельта выскользнула из общих покоев и по коридору прокралась до комнаты Наро. Память у танцовщицы была отменной, ноги будто сами сами ступали в нужную сторону.

У лежанки Наро тускло горел глиняный светильник, но этого хватило, чтобы рассмотреть узоры и рисунки на стенах. Хельта долго разглядывала изображения высокой крутобедрой женщины с распущенными до пояса волосами. На одной картинке она склонялась вправо, на другой поджимала ногу, на третьей раскинула руки, унизанные браслетами.

– Тебе нравится? – тихо спросил Наро.

– Я хочу, чтобы ты стер ее со стен. Она гораздо красивее

и сильнее меня. Она ничего не боится и смеется над болью. Ее тело не знает холода и усталости, не то, что мое, – срывающимся голосом заявила Хельта.

Наро вздохнул, освободив из-под одеяла исхудавшие руки.

– Зато когда ты уйдешь, я буду говорить с ней, пока язык не превратится в труху. Я скажу ей о своей любви... Ведь ты не захочешь слушать.

Хельта резко обратила к нему побледневшее лицо и скинула с плеч накидку.

– Я останусь с тобой, пока не прогонишь. Буду спать у твоих ног, есть с твоей руки.

– Зачем? – искренне удивился Наро. – Моя постель широка, словно речной разлив – так мне мерещилось в тумане недуга. Здесь и двоим хватит места.

Он улыбнулся, стирая испарину со лба, и тогда Хельта гибким движением прильнула к его боку.

– Не смей умирать, кормис! Я не отпущу тебя в мир теней.

– О тебе и без меня будут заботиться в Корме, так обещал Уно. Не бойся...

– Напрасно ты его об этом просил, – горько попрекнула Хельта. – Я проживу дольше тебя ровно на четыре удара сердца, пока достаю нож. Я пришла в Корму только к тебе, и если умрешь, мне нечего здесь делать.

– Ты зря говоришь... Зачем ты так плохо говоришь... – простонал Наро. – Я еще ничего хорошего для тебя не сделал.

– Ты один услышал и увидел меня. Я не забыла твой взгляд на торговой площади. Ты готов был отдать все и ничего не просил взамен, – всхлипнула Хельта.

– Я и сейчас так думаю...

– Ты меня впустил, а теперь болен. Но я вылечу. Пусть мне разрешат готовить еду и дадут немного припасов. Я подниму тебя на ноги, обещаю.

Она сплела его пальцы со своими и потерлась носом о голое плечо Наро. А потом приложила голову к груди и прислушалась.

Свободной рукой он погладил ее волосы и притянул к себе нечесаную прядь, чтобы коснуться губами.

– Хельта, если я нужен тебе, то буду стараться жить дальше.

– А я стану тебе служить до последнего вздоха, кормис. Я больше ничего не хочу на этой горькой земле, только служить тебе.

– Нет... невозможно... для служанки ты слишком строптива, уж я-то знаю.

– Ты мне отказываешь? – Хельта поднялась на локте и строго посмотрела в смеющиеся глаза Наро. – Я буду танцевать для тебя без одежды и ты согласишься.

Она не успела развязать нагрудную повязку, как у порога раздался сердитый возглас наставника Уно.

– Тебе лучше вернуться в свой угол, Хельта. Я запрещаю входить к Наро, пока он не поправится.

Дедулка послушно встала с постели и отошла к стене за накидкой. Но, взяв ее в руки, села на циновку, даже не думая покидать комнату.

– Позволь Хельте остаться со мной, – попросил Наро. – Вот увидишь, завтра я вернусь к работе.

Уно покачал головой в знак протеста.

– В ближайшие дни мы намерены только есть, спать и слушать сказки Магрит. Оставь заботы стражам и поварам, советник Наро. Ты заслужил долгий отдых.

– Я сама буду ухаживать за ним, и клянусь перьями Синея алуши, он станет крепче вашего священного дерева, – обещала дедулка.

– Посмотрим, – задумчиво проговорил Уно и, окончательно уступая, обратился к Хельте:

– Береги его сердце, потому что оно имеет незримые крылья и может унести вас двоих в цветущие дебри.

– Я верю и знаю...

Спустя семь дней небо расчистилось, и к Наро с избытком вернулись силы. Но очередную змею на крыше Кормы поймала ловкая Хельта.

– Ее мясо даст нам сытный навар, а из кожи я сошью передник для танца. Девочки просили меня обучить их красивым движениям. Мы будем повторять их, пока не настанет время выступить на свадебном торжестве Тики и Ваири.

– И нашем с тобой, – ласково напомнил Наро.

– Может, к тому времени ты передумаешь, – с притворной

робостью заметила Хельта, игриво покусывая его плечо. – Я часто заслуживаю хорошей трепки за свое упрямство.

– Ты тоже можешь передумать, – поддразнил Наро. – Узнав, что пережидаешь зиму у нас, оприны прислали гонца с корзиной сладостей. Твоих представлений Гиблый лес не забыл.

– Но я забыла всех, кто отказался дать приют в самую темную ночь моей жизни. Забыла кто я и откуда. Дай мне любое имя, какое захочешь, выбери новую память взамен прежней. Я принадлежу тебе, кормис. Все во мне – твое... Эй! Подожди-ка немного.

В шуршащей листве броксов мелькнула промокшая зверушка. Хельта кинулась за ней, сверкнув полуобнаженными ягодицами, и Наро снова показалось, что они похожи на спелые плоды. Только теперь Наро мог до мельчайших подробностей изучить их форму и степень упругости.

Правда, свои изображения Хельта велела стереть со стен спальных покоев.

– Хочу, чтобы ты любовался мной из плоти и крови. Я – живая и теплая, трогай меня, люби меня, радуйся мной. Послушай здесь – у меня большое, горячее сердце, и оно стучит для тебя, кормис.

Наро склонял голову на тугую грудь бывшей танцовщицы и со всем соглашался.

Новый год в Кормаксилоне

Повествование от лица воина Кадо

И ведь ничто не предвещало беды. В кладовых Кормаксилона хватало пищи, а на складе топлива. Дом наш затих, затаился, как и весь мир вокруг во время сезона зимних дождей.

Моя тонконогая Ваири училась шить, а я любовался плавными движениями ее рук, ловко вонзавших иглу из рыбьей кости в крашеное полотно.

Не понимаю, почему королева считает, что женщины должны трудиться рядом с мужчинами. Такие нежные ручки должны только ласково гладить крепкую плоть воинов! Правда, Ваири еще мала, чтобы познать всю мою силу, но глядя на ее проворные пальчики, я мечтаю, чтобы они не перебирали суровые нитки, а прикасались к моему телу. Когда-нибудь все задуманное между нами случится...

Ох, разорви меня вайша, до чего же хороша моя Ваири! Так будоражит меня, так горячит кровь, что не могу сосредоточиться на своей истории.

Начнем же сначала...

Как обычно в дождливый вечер мы собрались вместе и развлекали друг друга разными сказаниями о былых подвигах. Магрит гуляла по общему залу, изучая, чем занимаются

остальные. Некоторые из нас пряли или шили одежду, другие под надзором Уно учились выписывать значки символов на расправленных стеблях речной травы, воины мастерили оружие, а потом украшали его искусной резьбой.

Наро, как главный советник шагал рядом с Магрит. Будучи ее близким другом, он стал важной персоной в доме. И хорошо, что ему хватало ума не задирать нос, иначе мне пришлось бы напомнить, что сильнейший здесь я.

После битвы с дармисами ко мне стали относиться с большим почтением. Кхрэ! Но я снова отвлекся.

Королева спросила у Наро:

– А когда у вас Новый Год?

– Что повелительница имеет в виду? – удивился зануда – советник, проходя мимо меня.

Пока я раздумывал, стоит ли его пнуть за то, что длинная набедренная повязка Наро закрывала обзор на мою невесту, сидящую с подругами у противоположной стены, королева продолжала спрашивать:

– Вы ведете счет по летам, верно? Как вы понимаете, что один год заканчивается и начинается другой?

– О, Магрит, самая длинная ночь говорит нам об этом! – здраво рассудил Наро, строя из себя умника.

– И когда же наступит самая длинная ночь? Вы как-то ее отмечаете?

– Через десяток дней, – неуверенно ответил Наро, – а зачем отмечать смену сезонов?

– Как же! – воскликнула Магрит. – Представь, что это подобно началу новой жизни, новой истории. Значит, что можно что-то исправить. Неужели тебе никогда не хотелось начать сначала?

– Вот бы мне сейчас вернуться назад, – робко вмешалась в разговор моя Ваири. – Я задумалась о узоре из листьев хамелы, стежки получились неровными, и шов теперь придется распускать. Жаль, что нельзя просто повернуть время.

Магрит звонко рассмеялась, погладила черные блестящие волосы моей красавицы и поцеловала в макушку.

– Я немного о другом, дорогая, – задумчиво прошептала она.

Наша терпеливая королева постоянно говорит с дочерьми добрым тоном, а на меня смотрит с укором, когда я готов подхватить ее на руки. Приходится сдерживать свои чувства, или беречь их для Ваири. Она сейчас шьет для меня рубашку. Недавно призналась, что подсмотрела в свитках символы, оберегающие воина в бою. Хочет перенести их на ткань.

Как в зале собраний вообще можно точить свой клинок?! То руки Ваири отвлекают. То сама королева – она стала еще более соблазнительной, теперь грудь ее сочится молоком, а бедра раздались. Ох, жаль, что она выбрала не меня... Ради нее я бы тоже надел штаны до колен, как Уно.

– На моей родине, – продолжала Магрит, – люди отмечают Новый год. Это большой и красивый праздник. Мы наряжаем такое дерево как ель или сосна, а потом всю ночь гу-

ляем, дарим друг другу подарки, желаем чудес. Ты вообще понимаешь, что такое праздник, Наро?

– Это когда Королева сына родила? Конечно, я понимаю, – уверенно предположил Добытчик.

Тут он был прав! Сила ее любви помогли нам победить злых дармисов. Милость королевы подарила нам прекрасных девочек с кружевными узорами на коже. Теперь у каждого из нас будет своя возлюбленная, хотя все мы восхищаемся Магрит, ведь ее чрево принесло нам короля. Сейчас он еще совсем мал, но мы верим, что со временем он станет великим правителем и построит новый Кормаксилон. Хотя порой мне хочется придушить хлипкого засранца, чтоб не вопил. Ладно, это шутка такая...

Его отец Уно тоже имеет великое терпение, если может долго находиться в одном помещении с хныкающим существом и баюкать мальчишку на руках после того, как тот не раз его обмочил. Магрит говорит, что Уно – любящий родитель. Вот если я стану отцом, то пойму.

После знакомства с первым младенцем в Доме я порой побаиваюсь смотреть на Ваири. Она скоро вырастет, мы соединимся в танце любви, а потом в животе ее появиться яйцо и наружу вылезет такой же писклявый карапуз... Я-то привык, что дети появляются из коконов.

Но уже мечтаю подержать собственного сынишку на руках, ведь один раз я упросил Уно дать мне на минутку будущего короля. У малышки нежная кожа, и еще он мне улыб-

нулся и пустил струю.

Тогда Магрит засмеялась и отняла у меня Крылатого, а теперь вдруг заговорила о новом торжестве. Удивительная у нас Королева, все ей не сидится на месте.

– Я хочу отметить Новый Год в Кормаксилоне. Вы все любите новую традицию.

Магрит, как всегда, была улыбчива и открыта нам, и кормисы в ответ только кивали, даже если причудливая затея начинала пугать. Но празднество казалось безобидным с самого начала, потому даже я согласился с хозяйкой:

– Пусть будет твой Новый Год. Только скажи, что нам делать?

– У меня грандиозные планы! – обрадовалась Магрит, хлопнув в ладоши, и дажея отвлекся от наблюдений за Ваири, чтобы полюбоваться королевой. Когда еще моя невеста станет такой аппетитной... Надо чаще приносить ей жирных стальфид, пусть скорее растет, я люблю больших женщин с веселыми глазами.

Но как беспощадна и изобретательна может быть наша королева! Во-первых, она заставила нас вымыть каждый коридор, даже стены и потолки. Могучие воины стояли на лестницах и счищали старый мох с потолков подземелий, а она смотрела и говорила:

– Дайте я помогу. Я тоже хочу участвовать в уборке.

Но кто ж пустит ее скрести многовековую копоть! Никто и никогда, Магрит сама это прекрасно знает. Только непре-

менно проверит результат, потрогает там, то здесь... Лучше бы она потрогала меня – то там, то здесь, я буду совершенно счастлив и в ответ могу потрогать ее. Иногда мне кажется жутко несправедливым решение проводить ночи только с одним мужчиной.

Мы мыли и чистили наш дом как могли, все вместе. Даже Уно оставил бумаги, письма и малолетнего короля, сам тер полы королевских покоев и детских комнат. Девочки же все куда-то пропали на время. Я очень скучал по своей невесте. Ее вид и голос, ее маленькие ручонки придавали мне сил, а без улыбки Ваири стало пусто на сердце, а еще надо срезать склизкие грибы на потолке.

Может, мох и грибы тоже часть древней традиции кормисов и не нужно их убирать...

Жаль, высоконудный Чаро не оставил таких заметок, иначе Уно бы их давно раскопал в Архиве.

Верхом королевской жестокости оказалось заявление, что в дом надо принести и зачем-то посадить лесное растение, похожее на сосну. А что такое сосна с иглами вместо листьев мы так и не поняли из рисунков Магрит и долго искали в джунглях вокруг Кормаксилона небольшую пышную пальму. Потом строители выкопали подходящий ствол кафры и сунули в огромный горшок прямо в центре главного зала.

И ничего, что мужчины вымокли и замерзли от холодного ливня, бушевавшего за стенами Кормаксилона... Чего не сделаешь ради Благословенной Магрит? Но и этого ей ока-

залось мало.

Неумная королева заставила нас наряжать зеленую макушку пальмы всякой забавной ерундой, мы вешали на листья раскрашенную ореховую скорлупу и яркие птичьи перья, а также когти грызунов и костяные фигурки.

Я не остался в стороне – выпросил у Наро кусок травяной бумаги и вывел узоры воинов. добавив к ним метку Ваири – кружочек со стрелкой. Переплетение гибких линий привело королеву в восторг.

– Это же настоящая метель, Кадо!

– Что такое метель? – растерялся я.

Должен же я понять, ругается моя Госпожа или можно рассчитывать на похвалу и дружеский поцелуй.

– Там, где я родилась, у нас бывает холодная пора, – пояснила Магрит с некоторой грустью. – Тогда целыми днями с мрачных небес падает белый снег, что-то вроде ледяного песка и ветер превращает его вот в такие замысловатые линии.

Королева вздыхала и жалобно кривила губы, а я с ужасом пытался представить в каком страшном мире она жила до встречи с нами. Там с неба падали белые молнии и при этом было невероятно холодно! И как только меня угораздило нарисовать узор из ледяной крошки!

А еще Магрит вдруг сказала, что хотела бы увидеть настоящий снег и даже скучает по тем местам, где он полгода покрывает землю. Вот уж этого мне не понять никогда!

Госпожа вытерла слезы и стала придумывала нам новые напасти, она еще и белую ткань нарезала и от вершины пальмы растянула тонкими косичками по всему залу. Кажется, ей хотелось превратить наш Кормаксилон в кусочек своего прежнего зимнего мира.

И чтобы порадовать королеву, мы тащили все самой красивое, что можно найти в Гиблом Лесу: речные камни, цветы, веточки, ракушки, а она радовалась и вместе с дочерьми украшала комнаты.

Девочки тоже вернулись из дальних покоев, и теперь их розовые пятки мелькали повсюду, пока красавицы вешали на стены гирлянды из серебристых звездочек (вырезанные из коры брокса и покрашенные растертыми надкрыльями земляных клопов).

А когда моя Ваири узнала, что я отложил оружие и тоже рисовал на коре и орехах, то обвила мягкими ручками за шею и поцеловала в щеку, чем почти вдохновила меня на новогодние подвиги. И все же от этой суматохи у меня кругом шла голова, захотелось объявить войну давним врагам и снова пойти сжигать их гнездо дотла, но я же не мог, потому что вязал узелки на белой ленте, переплетая ее с зеленой, как велела мне королева.

Мы так устали накануне дня праздника, что Магрит отправила всех спать пораньше, но мне все еще хотелось сбегать и повоевать в лесу или же заняться любовью на мешке с сухой листвой. Скорее бы моя Ваири стала зрелой... Она

умеет успокоить, только прижав нежные пальчики к моим губам. Я буду очень – очень ее беречь, если, конечно, с годами она не станет дергать меня по пустякам. Женщины могут такое выделывать, я уже знаю.

В день перед ночью Нового года мы были уверены, что теперь нас ждет заслуженный отдых, но королева придумала новую пытку – едой! Это не ешь, другое не трогай – все пойдет на праздничный стол. Живот мой изнывал от тоски, а девочки только прыскали со смеху. Кажется, я люблю их всех, но Ваири больше, потому что она моя.

Магрит сама занялась приготовлением пищи, хотя, конечно, больше раздавала приказы на кухне. Под ее руководством кормисы резали мясо и молодые стебли арундуса на кусочки, а потом заливали их настоявшимся густым молоком со специями. Новое блюдо Магрит гордо назвала «салат», а нам можно было только издалека на него смотреть и хлебать привычную мешанину из плодов и зерен.

Потом всех кормисов-мужчин королева просто выгнала с кухни и главного зала.

– Но, Благословенная, мы хотим быть рядом с вами, – хотел возразить Наро, только слушать его никто не стал.

– И что это было? Что за новая причуда? – проворчал Мано, недовольно скрестив руки на груди.

Вот теперь я готов согласиться с каждым его словом. Малышки, которым еще расти и расти, у нас перед самым носом заперли нашу же дверь в наш общий зал.

– Все хорошо, – успокаивал Уно. – Женщины должны подготовиться. Они любят готовиться к радости. Своими мечтами о ней они ее увеличивают, понимаешь?

При этом Уно даже не смотрел на нас, а осторожно ловил пальцы своего сынишки, чтобы крылатый безобразник не совал их в рот. Хотя именно в тот миг я поменял свое мнение о малыше. Настоящий король! Раз ему не дали облизать свой собственный палец, он торжественно укусил отца за руку и стал ее грызть двумя первыми зубками.

Такой маленький, а уже боевой! Ух! Наш парень. Я думаю, он будет воином по духу. Не зря же Магрит один раз была ко мне благосклонна... Э-э, да что толку мечтать зря. Напрасно я порой ловил ее в коридоре и шептал о своей тоске, – королева только вздыхала и гладила меня по склонившейся голове, просила дожидаться другую. Сначала я не понимал, о какой другой идет речь, а потом заметил Ваири.

Она расшибла палец на ноге, налетев на стену во время игры, и я присел рядом, чтобы пожалеть. А когда заглянул ей в глаза, то сердце затрепетало. Я взял Ваири на руки и отнес на женскую половину, да еще отругал, чтобы не скакала, как маленький танагр. Утром девчонка подкараулила меня в коридоре и смущенно вручила горсточку сладких ягод.

Потом она выбежала встречать нас с удачной охоты, я подхватил ее на руки и поднял высоко над головой. Ваири попросила, чтобы я посадил ее себе на шею – никто прежде меня о таком не просил, я немного подумал и согласился. И

когда Ваири визжала от радости, крепко держась за мои уши, я понял, что очень ее люблю и готов подождать. И строго запретил остальным мужчинам смотреть на нее.

Приятно думать, что Ваири сама выбрала меня, а не я ее.

С той поры хожу за ней, как привязанный, она стала уже высокой и стройной, но еще не позволяет трогать грудь и живот, а только дает свои губы для поцелуя. Это Магрит ее научила, чтобы я совсем потерял покой.

Но я отвлекся от рассказа – я же хотел поведать о праздничном дне, хотя Уно все очень красиво записал в свои свитки. Я просто вспоминаю...

Очень скоро двери снова распахнулись, и к нам вышла королева. Красивая как никогда прежде! В зеленом платье, щедро расшитом белыми нитями, она улыбнулась и пригласила нас всех войти.

Девочки тоже были нарядными, с искусно заплетенными косами, в просторных платьях, открывающих круглые колени. Я даже не мог понять, что делало их настолько желанными. Одного взгляда на Ваири мне хватило, чтобы лишиться способности складывать звуки в слова.

Моя невеста стояла передо мной, хитро улыбаясь, и смущенно теребила одну из лент, вплетенных в ее волосы. Такая милая! Захотелось прямо сейчас схватить ее на руки, закинуть на плечо и унести к себе, чтобы она сидела на коленях, болтала всякие глупости и никто бы нам не мешал.

Но салаты Магрит оказались не так страшны. Ладно, вру,

вкусными они были! И сидеть за огромным столом всем вместе было хорошо. Все говорили пожелания нашему большому общему дому. Я, конечно, пожелал ему побед! Всегда и во всем.

А что? И без войн тоже можно побеждать. В битве за чистоту или за сохранение припасов. Недавно в одной из кладовок опять завелись острозубые проворные маршики.

Наро говорил о важности взаимопомощи. Уно, как истинный нянька, говорил о детях и будущем. Мано не желал, а строил планы о том, что он будет строить, когда пройдут надоевшие дожди.

Магрит светилась и дарила свою улыбку каждому из нас, а потом принялась рассказывать, как она нас любит. Только зачем при этом лить воду из глаз? Я тоже люблю нашу королеву и готов жизнь за нее отдать, так при чем тут слезы.

Но вскоре я даже расчувствовался, потому что моя Ваири подарила мне штаны!

О Первая Мать Кормаксилона, оказывается, все это время Ваири шила мне эти ужасные мешки на ноги. Ну, как я мог ей отказать, когда она смотрела на меня своими большими как у самки танагра глазами. Пришлось натянуть сдвоенную тряпку под свою «юбку», чего же не сделаешь ради любимой девочки.

Штаны тоже можно вытерпеть, пожалуй, я даже привыкну, да и не мне одному сделали такой подарок. Я огляделся и увидел множество растерянных лиц собратьев.

– Ты будешь моим мужем в следующем году, поэтому сейчас я хочу с тобой танцевать! – объявила Ваири и потянула меня в центр зала.

Няньки играли на флейтах. Уно первый поймал руку Королевы и закружил ее вокруг праздничного стола. Эта была хорошая пара, а я не хотел отставать. Старался, но все время боялся отдавить маленькие ноги своей девчужке, а она смеялась и целовала меня то в одну щеку, то в другую.

– Ты мне нравишься, – шептала она. – Для меня ты самый лучший, Кадо, самый сильный мужчина в Доме и очень милый.

Это я-то милый? Я – грозный воин Кормаксилона! Только разве можно ей возразить, когда она с улыбкой поправляет подаренную мной деревянную заколку в своих волосах, обнимает и шепчет, что я лучше всех. Мне оставалось только ловить ее руки и бормотать в ответ любовную чепуху.

Всю ночь мы пили, ели, танцевали, желали друг другу радостей и я подумал, что Новый Год вовсе не так уж плох. Можно выдержать и утомительную подготовку, и женские секреты и даже штаны (они немного натерли мне пах, потому Ваири обещала их перешить).

К утру я был совершенно счастлив. Моя девочка уснула у меня под боком, ночью я мог осторожно целовать ее голые плечики. Пожалуй, я попрошу Магрит ускорить наш союз, потому что теперь вряд ли смогу спать один без моей драгоценной невесты.

Вот только мы рано расслабились и недооценили нашу хитроумную королеву. Когда для вкушения обеда мы снова собрались в общей зале, Магрит торжественно объявила, что, подкрепившись, мы снова должны будем убирать все по местам.

Но я несколько не огорчен, вчерашние салаты оказались гораздо вкуснее, а блестящие глаза Ваири обещали так много будущих удовольствий...